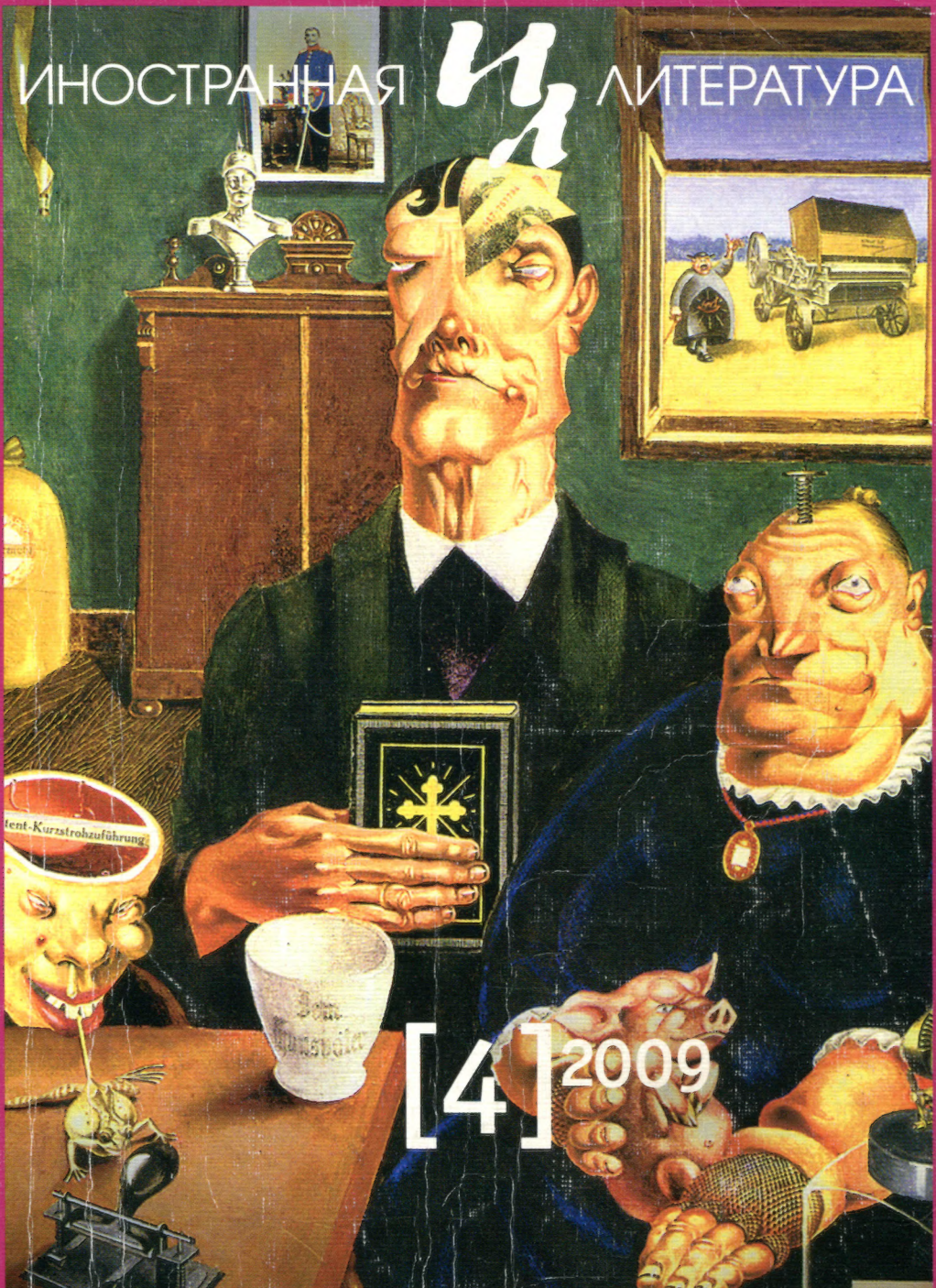
ISSN 0130-6545

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА



[4] 2009

РОМАН БЕНА ЭЛТОНА "СЛЕПАЯ ВЕРА" / СТИХИ ТАДЕУША НОВАКА /СЦЕНКИ ДЛЯ ТЕАТРА МАТЕЯ ВИШНЕКА / "Я НЕ ПОНИМАЮ, ИЗ ЧЕГО СОТВОРЕН ЕГО МИР..." — ВЛАДИМИР НАБОКОВ В ПЕРЕПИСКЕ И ДНЕВНИКАХ СОВРЕМЕННИКОВ / СТАТЬЯ ТОМАСА ВЕНЦЛОВЫ "ПУШКИН КАК НЕИЗБЕЖНЫЙ "ДРУГОЙ" / "МЕТАФИЗИКА ЮГА" ВЛАДИСЛАВА ОТРОШЕНКО В РУБРИКЕ "CARTE BLANCHE"

Основан в 1955 году

[4]
2009

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ежемесячный
литературно-
художественный
журнал

3 Бен Элтон *Слепая вера.* Роман. Перевод с английского В. Бабкова

180 Матей Вишнек *Считай, что ты – Бог.* Сценки для театра. Перевод с румынского и послесловие Анастасии Старостиной

201 Тадеуш Новак *Стихи.* Перевод с польского и вступление Анатолия Гелескула

К 110-летию Владимира Набокова

209 *"Я не понимаю, из чего сотворен его мир..."* Владимир Набоков в переписке и дневниках современников. Составление, перевод, вступление и примечания Н. Мельникова

Статьи, эссе

267 Томас Венцлова *Пушкин как неизбежный "другой"*

Carte blanche

272 Владислав Отрошенко *Метафизика Юга*

Среди книг

280 Вера Калмыкова *"Обратная перспектива" памяти.* Александра Осина *Не в фокусе*

БиблиофИЛ

287 *У книжной витрины* с Михаилом Визелем

290 *Информация к размышлению. Non-fiction* с Алексеем Михеевым

295 *По материалам зарубежной прессы.* Подготовили Е. Захарова, И. Мокин, А. Лешневская, Е. Полетаева

Авторы номера

300

© "Иностранная литература", 2009

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

До 1943 г. журнал выходил под названиями "Вестник иностранной литературы", "Литература мировой революции", "Интернациональная литература". С 1955 года – "Иностранная литература".

Главный редактор

А. Я. Ливергант

Редакционная коллегия:

Л. Н. Васильева
заведующая отделом художественной литературы

О. Д. Дробот
заместитель главного редактора

Т. А. Ильинская
ответственный секретарь

Т. Я. Казавчинская
заведующая отделом критики и публицистики

Редакция :

М. М. Алексеева
О. Г. Басинская
Т. А. Баскакова
С. М. Гандлевский
А. Ю. Лешневская
Е. М. Мамардашвили
И. В. Мокин
К. Я. Старосельская
М. Н. Томашевская
Л. Г. Харлап
А. Ю. Шередега

Общественный редакционный совет:

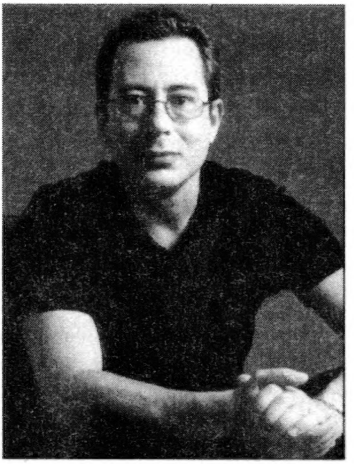
В. П. Аксенов
С. К. Апт
Л. Г. Беспалова
А. Г. Битов
Н. А. Богомолова
Е. А. Бунимович
П. Л. Вайль
Т. Д. Венедиктова
А. М. Гелескул
Е. Ю. Гениева
А. А. Генис
В. П. Голышев
Г. А. Дашевский
Б. В. Дубин
С. Н. Зенкин
Вяч. Вс. Иванов
А. В. Михеев
М. Л. Салганик
И. С. Смирнов
Е. М. Солонович
Н. Л. Трауберг
Б. Н. Хлебников
Г. Ш. Чхартишвили
А. И. Эппель

Международный совет:

Ван Мэн
Криста Вольф
Януш Гловацкий
Гюнтер Грасс
Тонино Гуэрра
Морис Дрюон
Милан Кундера
Зигфрид Ленц
Ананта Мурти
Милорад Павич
Кэндзабуро Оэ
Умберто Эко

Журнал выходит при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации, Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и Фонда Первого Президента России Б. Н. Ельцина

Бен Элтон



Слепая вера

Роман

Перевод с английского В. Бабкова

Моей жене и детям

1

Траффорд попрощался с женой, поцеловал в лобик малышку и стал отпирать многочисленные замки и защелки на входной двери

– И тебе *тоже* очень-очень удачного дня, Траффорд, – раздался голос Куколки.

– Спасибо, удачного дня, Куколка, – нервно ответил Траффорд. – Доброе утро, то есть до свидания... то есть... ну, понимаешь, я опаздываю.

– Я тебя не держу, Траффорд.

– Да. Конечно.

– Ладно, иди. Береги себя, и чтобы день прошел на все сто.

– Спасибо. Спасибо большое. Я постараюсь.

Жена Траффорда сердито взглянула на него. Он знал: Чантория подозревает, что он намеренно не поздоровался с Куколкой как бы в виде протеста, пытаясь таким странным образом отстоять свою независимость. Конечно, так оно и было на самом деле.

© Ben Elton, 2007
© В. Бабков. Перевод, 2009
Отдельным изданием роман выйдет в издательстве "Иностранка".

— Иногда он даже со мной забывает поздороваться, — извиняющимся тоном сказала Чантория, помахав рукой лицу Куколки на большом настенном экране.

Без сомнения, она просто подлизывалась: Траффорд знал, что Чантория ненавидит Куколку не меньше, чем он сам. Но сохранять с ней хорошие отношения было необходимо хотя бы ради безопасности. По крайней мере один член семьи должен понимать, как надо себя вести.

Куколка вынула руку из огромного пакета с сырными шариками, которыми она сегодня завтракала, и помахала в ответ. Модератор чата в их многоквартирном доме, она до того разбухла, что уже не могла покидать свою комнату и почти всегда оставалась на посту. Непрерывно маяча на глазах у жильцов, она словно превратилась в дополнительного члена каждой семьи. Траффорду она внушала глубокое отвращение.

— Давай, давай! Беги, Траффорд! — с наигранной бодростью сказала Куколка. — На дворе чудесный новый день, слава Любви!

Траффорд вышел из квартиры и начал долгий спуск по замусоренным, кишащим крысами лестницам. Лифт работал, но Траффорд им не пользовался. Он говорил, что ходит вниз пешком ради утренней разминки, но на самом деле ему просто хотелось побыть несколько лишних мгновений подальше от развлекранов. Конечно, он бы никогда в этом не признался, иначе его сочли бы опасным чудаком. Какой нормальный человек станет возражать против новостей и развлекательных передач на стенке скучного лифта?

На улице Траффорд направился в сторону метро, аккуратно выбирая дорогу среди целлофановых оберток, грязных розовых ленточек, гниющих букетиков, маленьких фотографий, листков бумаги и позолоченных открыток с надписями:

Призван Господом.

Еще одна звездочка в небесах.

Новое сердечко в раю.

Он прекрасно знал, что грозит тому, кто случайно наступит хотя бы на одну зацелованную карточку или увядший цветок: он видел, как людей избивали до потери сознания и за меньшее. Они ничего не пропускали, эти убитые горем женщины, которые собирались на мостовых под жарким утренним солнцем, чтобы оплакать свои утраты и огласить улицы древними как мир причитаниями.

Моя любовь к тебе не умрет.

Душа должна жить вечно.

Один неверный шаг, один осквернённый лепесток, и эти стенающие друг у дружки в объятиях страдалицы, несомненно, решат, что к ним проявили неуважение. А неуважения они не простят никому, несмотря на всю свою скорбь. Даже слабого намека на неуважение хватало, чтобы мигом обратить коллективную печаль в коллективную ярость. Запал был коротким, трут — сухим; довольно было сущего пустяка, чтобы из соседних домов сбежалась целая толпа и началась оргия народного правосудия, за которую полицейские разве что пожурят, и только. Многие из тех, кто становился жертвой праведного гнева толпы, так и не успевали сообразить, какой их невольный проступок оказался роковым, а многие из тех, кто с азартом присоединялся к разбушевавшимся мстителям, понятия не имели о том, что за преступление

совершил человек, вызвавший к себе столь бурную ненависть. Наверное, как-то задел детей, потому что никому не дозволялось проявлять неуважение к детям. Особенно к умершим.

А ведь их было так много!

Смерть таилась повсюду. В жужжании насекомых, в плеске грязной воды, в шепоте легкого ветерка. Она угрожала всем, и старым, и малым, но дети были самыми уязвимыми, и именно они погибали чаще других.

Либра Дивайн: В раю вспыхнула новая суперзвезда.

Тайсон Армани: Просто лучший.

Малибу: Свеча на ветру.

Столько умерших детей! Миллионы и миллионы. На улице не было ни клочка асфальта без своей трогательной памятки. А в интернете — ни одной персональной веб-страницы без своего ряда крошечных личиков, которые смотрели на мир совсем недолго и теперь продолжали жить лишь на небесах да в виртуальном пространстве.

Моя маленькая сестричка.

Мой двоюродный братик.

Мой мальчик. Моя девочка.

Все они теперь в надежных объятиях Иисуса. И Дианы. Господа и Духа Любви. Мертвы — но в безопасности. Слава богу, педофилы им больше не страшны.

Сагикварий: чист навсегда. Скверна тебя не коснется.

Детская смертность была раскаленным клеймом, жгущим душу нации, мукой, которую люди должны были терпеть, расплачиваясь за грехи своих безбожных предков. Гибель поджидала каждого ребенка: эпидемии, прокатывающиеся по стране, не щадили ни бедняков, ни богачей. Господь в своем величии не принимал в расчет имущественное и социальное положение тех, кого карал, хотя густонаселенные районы, конечно, страдали сильнее прочих. Шишки и язвочки, нарывы и фурункулы, боль в суставах, резь в глазах и хрипы в груди — все это младенцы должны были превозмочь еще до того, как начнут ходить. Мать, которая произвела на свет шестерых детей, робко надеялась, что ей удастся сводить в "Макдоналдс" на праздник пятого дня рождения хотя бы троих. Практически каждый второй ребенок не успевал получить подарки в этот торжественный день.

Недавно Чантория родила их первенца — наступило время радости, омраченное, однако же, зловещими предчувствиями. Подобно всем новоиспеченным родителям, они с Траффордом вот уже несколько недель трепетали, боясь услышать угрожающий кашель, выискивали на тельце малютки сыпь и то и дело проверяли ее реакцию на звук и свет.

Но теперь Траффорду пришла пора вернуться на работу: сегодня у него был физиприс. Физиприсами (это слово было сокращением от "физического присутствия") называли дни, когда каждому человеку в соответствии с его индивидуальным трудовым графиком следовало находиться на своем реальном рабочем месте в противоположность виртуальному аналогу последнего, который он мог посещать, не вставая с постели.

Физиприсы были обязательны для всех: по закону каждому труженику полагалось проводить в обществе своих реальных коллег из плоти

и крови не менее двадцати пяти процентов официального рабочего времени. Ходили слухи, что принято решение поднять эту цифру до пятидесяти процентов и транспортную систему якобы готовят к увеличению числа пассажиров, но Траффорд не верил, что относительное количество физиприсов и впрямь вырастет. По его впечатлениям все амбиции городских властей ограничивались скромным желанием предотвратить хотя бы самые крупные сбои в движении транспорта, и так уже перегруженного донельзя.

Физиприсы были введены сравнительно недавно. Двадцать солнцестояний тому назад, когда Траффорд только приступил к трудовой деятельности, от него вообще не требовали физического присутствия на рабочем месте. По-настоящему на работу ходили немногие, разве что официанты да стриптизерши. В ту пору преимущества виртуального существования казались неоспоримыми. Держать людей подальше друг от друга было полезно как минимум из санитарных соображений, и мало кто сомневался в том, что когда-нибудь на домашний режим перейдут абсолютно все. Однако затем в стране наметились нездоровые тенденции, вызвавшие тревогу и у Храма, и у правительства и заставившие их признать необходимость Личного Общения. Соцработники и духовные наставники обнаружили, что люди, привыкшие иметь дело лишь с виртуальными индивидуумами, теряются, очутившись в реальном мире. Не умея нормально вести себя в обычном человеческом окружении, они становятся неловкими, косноязычными и время от времени совершают попытки перестрелять как можно больше народу, прежде чем обратить свое оружие на себя самих.

Стало ясно и то, что у человека, сидящего перед компьютерным экраном в крошечной квартирке, заваленной коробками из-под пиццы, практически нет шансов найти себе полового партнера. Из-за этого в Храме разгорелись дебаты. При том, что каждый второй ребенок умирал в младенчестве, первейшей духовной обязанностью паствы было производить на свет как можно больше детей, но делать это без участия половых партнеров не представлялось возможным. В результате Верховный Совет Храма постановил, что правительство должно позволить людям общаться более регулярно, и физиприсы стали обязательными.

Таким образом, подлинную причину того, что в это вонючее, обжигающе знойное утро месяца сагиттария Траффорд был вынужден пробираться через завалы эмоционально заряженных отходов хронически травмированного общества, следовало искать в необходимости производить на свет детей и препятствовать их превращению в сумасшедших массовых убийц.

2

Траффорд состоял на государственной службе. Большинство трудоспособных лиц, не занятых в ресторанном и гостиничном бизнесе, были государственными служащими, так что правительство возглавляло список работодателей с большим отрывом от своих фиктивных конкурентов. А поскольку почти все, что требовалось населению, доставляли из-

за рубежа, основной задачей властей было найти людям хоть какое-нибудь дело.

Траффорд работал в Госбанде — Государственном банке данных, который был создан для того, чтобы собирать и хранить информацию обо всех жителях страны. Исторически Госбанд возник в недрах Министерства внутренних дел, но с тех пор вырос до таких гигантских размеров, что уже само Министерство внутренних дел благополучно затерялось в его недрах. В Госбанд попадали любые, даже самые незначительные сведения обо всех, даже самых незначительных гражданах. Каждая финансовая операция, каждое появление в зоне обзора камеры скрытого наблюдения, каждый щелчок мышкой, каждый едва заметный дефект глазной сетчатки, каждая зубная пломба регистрировались компьютерами Госбанда и с течением времени запечатлевались в виде специальных кодов на маленьких черных полосках на обороте членских карточек, выдаваемых прихожанам Храма.

Это не было ни гипертрофией социологических наблюдений, ни зловещим симптомом прихода к власти всеведущего полицейского государства. У полиции был свой банк данных для борьбы с террористами, что отнюдь не сокращало численности последних: ведь уже давным-давно стало понятно, что нельзя помешать человеку взорвать себя в месте большого скопления народа, если он твердо вознамерился это сделать. Мало того — чуть ли не все жители страны, включая потенциальных террористов и убийц-социопатов, сами выносили мельчайшие подробности своей жизни на свои персональные веб-страницы и жили в надежде, что кто-нибудь это прочтет. В мире, где стремление к обособленности считалось извращением и преступлением против веры, правительству не имело смысла тратить деньги на организацию неусыпного надзора за всеми и каждым.

Однако Госбанд продолжал расти и набирал все больше и больше сотрудников исключительно ради того, чтобы записывать и хранить все больше и больше информации. Насколько было известно Траффорду, никто и никогда не интересовался информацией, которую он сохранял. К нему никогда не обращались с просьбой кому-либо ее передать. Он просто обрабатывал ее, как миллионы его коллег, и все эти бесконечные факты переливались из машины в машину, образуя что-то вроде бескрайнего волнующегося моря. Иногда, во сне, Траффорду мерещилось этакое информационное цунами — миг, когда все электронные импульсы, биллионы и триллионы микрокоммуникаций объединятся в одну гигантскую неодолимую волну и потопят всех обитателей страны в виртуальной версии их собственных жизней.

Несмотря на ясность этой картины и на то, что отчеты о снах считались важным элементом как социального общения, так и религиозной практики, Траффорд никому не рассказывал об этом своем видении. Если ему предлагали пересказать какой-нибудь сон на публичной исповеди или за чашечкой шоколада латте на физиприсах, Траффорд никогда не говорил правды. Вместо этого он конструировал сны, заимствуя кусочки из бесконечных саг других людей и сшивая их вместе — испуганный кролик из одного чужого рассказа, чувство падения из второго, внезапная уверенность в том, что "все хорошо", из третьего, — покуда не получалась приемлемая байка, которая позволяла ему дотянуть до момента передачи микрофона следующему оратору.

И никто не замечал фальши. Всем было не до того: ведь у каждого просилась наружу его собственная заветная история. Траффорд держал свои сны в секрете не потому, что считал их хоть сколько-нибудь значительными; он не видел в них смысла сам и, следовательно, полагал их вдвойне бессмысленными для других. Он держал их в секрете по одной простой причине: ему было физически приятно сознавать, что у него *есть* секрет. Что он оставляет свои переживания при себе. У Траффорда вызывал душевное волнение любой секрет, даже самый банальный, — что угодно, лишь бы оно было известно только ему. Лишь бы хоть чем-нибудь ни с кем не делиться.

3

С усталым покорством Траффорд присоединился к толпе желающих попасть на станцию. Как ни старались власти перераспределить живые потоки, сдвигая рабочие часы у разных групп населения, перед входом в метро всегда была толпа. Да и не только в метро — толпа была перед входом куда угодно и внутри чего угодно. Зачастую отдельная толпа собиралась еще и на подступах к чему угодно: люди терпеливо ждали, когда они смогут присоединиться к толпе тех, кто стоит у входа и терпеливо ждет, когда он сможет присоединиться к толпе тех, кто находится внутри. Все проводили так много времени в очередях, ползущих со скоростью улитки, что ожидание вошло у народа в плоть и кровь: люди брели медленно, подволакивая ноги, даже в тех редких случаях, когда никто не загораживал им дорогу впереди и никто не напирал на них сзади. Власти не раз устраивали месячники здоровья в надежде, что люди снова научатся выпрямлять спину и ходить нормальной походкой, а не семенить по-голубиному. Пропагандисты говорили, что это полезно для позвоночника и к тому же позволяет целеустремленно вглядываться в горизонт. Но их никто не слушал — возможно, понимая, что вряд ли стоит идти нормальным шагом, если это всего лишь скорее приведет тебя к очередной уличной пробке.

Траффорд ненавидел давку. От своей матери он слышал истории (возможно, слышанные ею от *своей* матери) о тех временах, когда люди могли уединяться, когда даже в больших городах имелись зеленые уголки, где человек мог посидеть, не ощущая запаха пота, источаемого полудюжиной других человеческих тел. Но все это было в греховную Допотопную эру — раньше, чем разгневанная Любовь обрушила на страну свое возмездие, заставив ее съежиться вдвое, так что людям пришлось довольствоваться половиной пространства, на котором они разгуливали прежде.

Траффорд потихоньку перемещался вместе с толпой — входные двери впереди открывались и закрывались по мере того, как платформы внизу пустели и заполнялись вновь. Он знал, что жаловаться нечего, что ему еще повезло: ведь он живет совсем рядом с действующей линией метро, оборудованной эффективными помпами. Но он не чувствовал себя счастливым, стиснутый со всех сторон в медленно ползущей толпе, которая влекла его к началу абсолютно бессмысленного дня. Измученный ночью, проведенной в крошечной комнатке с еще более из-

мученной женой и плачущим ребенком, он не чувствовал себя счастливым. Он вообще почти ничего не чувствовал.

Вдруг его окликнули по имени.

— Траффорд! Траффорд Сьюэлл! Идите, поделитесь со мной своими заботами!

Траффорд хорошо знал этот голос. А еще он хорошо знал, что должен будет пойти и поделиться. Должен будет оставить свое место в толпе, хотя станция была уже совсем близко — еще раз-другой откроют двери, и он внутри, — и пойти туда, куда его зовут. Конечно, тогда он опоздает на работу, но это не приведет к тому, что ему порекомендуют пересмотреть свое личное расписание и выходить из дому пораньше. Ни один начальник не осудит подчиненного, который задержался, вняв призыву своего исповедника подойти и раскрыть перед ним душу.

Траффорд повернулся и двинулся против течения.

А течение было сильное. Много было не только самих людей, но и каждого человека в отдельности. Обилие плоти, и чуть ли не вся она на виду. Почти обнаженная потеющая плоть. Необъятные женщины в крохотных топиках и узеньких трусиках — костюм, мало чем отличающийся от бикини. У некоторых была оголена даже грудь, и их большие, оттянутые младенцами соски грозно указывали на Траффорда, пока он проталкивался назад, мимо розовых и коричневых знаков, напоминающих ему, что он движется не в том направлении. Мужчины в коротких шортах и кроссовках, в майках или голые по пояс. Как правило, на всеобщее обозрение выставлялись самые толстые животы — животы, похожие на мощные тараны, гордость своих хозяев, укомплектованные сверху отвислыми, дряблыми, волосатыми мужскими грудями.

Пытаясь отыскать лазейку в едва ли не сплошной стене этой прущей на него плоти, Траффорд поднял руки над головой. Он сделал это потому, что боялся ненароком дотронуться до чьей-нибудь груди или, еще того хуже, невольно попасть рукой в чей-нибудь пах. Одно легкое касание такого рода могло стать источником серьезных неприятностей. "Ты чего меня лапаешь? — тут же закричали бы на него. — Ты не уважаешь мои бубики?"

Траффорду всегда казалось, что чем крупнее женщина и чем меньше на ней одежды, тем больше вероятность услышать от нее громкое обвинение в том, что к ее грудям отнеслись с недостаточным почтением. Но в такой толчее и при таком количестве гигантских грудей избежать подобного инцидента было очень и очень трудно. Похожие на пляжные надувные мячи, вываливающиеся из крохотных треугольничков блестящей ткани, эти груди с огромными бурыми полукружьями лезущих наружу сосков маячили в нескольких дюймах от его лица.

И неизбежное случилось.

— Извращенец! — завопил кто-то. — Станция у тебя за спиной, козел!

Траффорд даже не попытался найти взглядом обладательницу голоса. Он знал, что взывать к здравому смыслу обозленной горожанки бесполезно, а потому мигом повернулся на девяносто градусов и стал проталкиваться вбок. Следовало убраться от враждебного голоса подальше: от "извращенца" был один шаг до "педофила", а стоило этому слову прозвучать среди раздраженных, взвинченных людей, как угроза избиения становилась вполне реальной. Удивительно, что в такой плотной массе

народа, где трудно было даже почесать нос, мгновенно находилось место для того, чтобы запинать человека насмерть.

— Прошу прощения. Извините, — бормотал Траффорд, держа руки вверху и прижав подбородок к груди, не трогая ничьих бубиков, ни с кем не встречаясь взглядом. — Меня позвал мой духовник, я должен к нему пройти.

Сердитый голос позади затих, и вдруг, совершенно внезапно, будто прорвавшись сквозь густые лесные заросли, Траффорд вынырнул из сплошной массы тел и чуть не угодил в объятия духовного пастыря своего района отца Бейли.

— Эй-эй-эй! — засмеялся Бейли, веселый и добродушный, как всегда. — Полегче, дружище! Как сказал один мудрый человек, тише едешь — дальше будешь!

— Вы звали меня, отец. Что-нибудь стряслось? — спросил Траффорд, стараясь напустить на себя такую же жизнерадостность, какую привычно излучал его исповедник.

— Стряслось? Именно что стряслось, Траффорд! — воскликнул Бейли, стиснув его в безжалостных медвежьих объятиях. — Примите мои поздравления, брат! Самые горячие, самые сердечные поздравления! Я так понимаю, что Господь, владыка жизни, благословил вас и вашу милую экстрагиперсексуальную женушку чудесной крошечной девчушечкой. Я прав?

Отец Бейли не выпускал Траффорда из своих могучих объятий. Духовник был рослым мужчиной: макушка Траффорда еле доставала ему до подбородка, щека Траффорда прижималась к его груди, и запах дорогих дизайнерских духов и ароматизированного мыла, смешанный с запахом пота, бил Траффорду в нос. Конечно, Бейли не ходил обнаженным. Он был одет вполне прилично, как и подобало человеку, занимающему столь высокое положение в обществе, — в обтягивающие белоснежные атласные шорты, белоснежные гольфы и белоснежную водолазку из лайкры. На водолазке красовался сверкающий золотой крест, усыпанный перемигивающимися огоньками. Над крестом перекинулась радуга, тоже с иллюминацией, а внутри радуги мерцала голограмма — летящая голубка. Голову исповедника венчала высокая митра, отделанная блестками и бижутерией.

— Вы правы, — промямлил Траффорд в грудь исповеднику, стараясь не вдыхать слишком глубоко, — у нас родился ребенок.

— Надеюсь, все хорошо? Как Чантория — в форме? Горда собой? Держится молодцом? Работает над восстановлением фигуры?

— Да-да, конечно.

— Тогда я скажу: вперед, девочка! Возблагодарим Господа. Слава Любви!

— Слава Любви, — покорно откликнулся Траффорд.

— Дочурка в порядке?

— Да, все отлично. Спасибо, отец, — ответил Траффорд. — Она у нас супер.

— А как же еще! Создана по образу и подобию своей замечательной сексуальной мамочки и, соответственно, по образу и подобию нашего Творца. А есть ли у нашей супермалютки имя?

— Ну, мы думали, может быть... Кейтлин?

Исповедник нахмурился. Обычные, традиционные имена были уже не в моде. Само прошлое было не в моде. Все знали, что именно в прошлом человечество совершило свои главные ошибки. Прошлое было царством всеобщего невежества, ереси и темной колдовской магии. Именно в прошлом людям внушали, что обезьяны — их ближайшие родичи, а христианские священники утверждали, что Бог вовсе не реальная личность, а просто-напросто метафорический образ добра.

— Мы еще не решили окончательно, — поспешно сказал Траффорд: мужество изменило ему. — Чантория предлагает назвать ее Мармеладкой.

— Вы должны послушаться своей жены, — заявил отец Бейли. — На ее выносливых женских плечах сидит умная головка. И очень хорошенькая вдобавок. А какие у нее роскошные бубики для натуралов! Ей есть чем гордиться.

— Спасибо, отец Бейли. Я передам ей ваши слова.

Исповедник улыбнулся, но его недовольство еще не испарилось.

— Я заглянул на вашу персональную страничку, Траффорд, — сурово сказал он. — А еще я проверил вашу ячейку на сайте нашего района.

Траффорд опустил глаза, понимая, что последует дальше. Для того чтобы выдернуть его из толпы, у исповедника Бейли не могло быть иной причины.

— Я даже поискал на глобальных видеоресурсах, однако... — с каждым слогом голос отца Бейли становился все суше, — однако так и не нашел вашего родильного ролика.

Траффорд не поднимал головы. Он надеялся сохранить этот секрет хотя бы ненадолго, всего лишь до тех пор, пока они с Чантори не узнают как следует своего ребенка. Он собирался вывесить ролик, о котором шла речь, уже сегодня вечером. И надо же было именно сейчас нарваться на Бейли! Он застыл, не сводя взгляда с раскисшей памятной карточки, лежащей у него под ногами.

Фанта: ушла на небеса, но осталась в наших сердцах.

— У вас проблемы с выходом в сеть, Траффорд? — ледяным тоном спросил исповедник. — Уверен, если вы отключите развлекран на пять минут, а потом снова...

— Я действительно не отослал свой родильный ролик... пока, — признался Траффорд. Откровенность была наилучшей тактикой: ведь от Храма все равно ничего не скроешь. Да и не только от Храма — все знали всё обо всех. — Чантория мне напоминала, но... у меня просто как-то руки не дошли.

Священник улыбнулся, но это была жесткая, безрадостная улыбка.

— Значит, руки не дошли?

— Да.

— Вы не были настолько тронуты и взволнованы, чтобы поделиться с товарищами этим чудесным и самым исключительным на свете событием, этим не имеющим себе равных Божьим подарком, после которого вы уже никогда не станете прежним? Вы не захотели прокричать о нем всему миру?

— Я прокричал, — слабо возразил Траффорд. — Я сообщил о нем в своем блоге.

На сей раз Бейли даже не дал себе труда улыбнуться.

— И это называется *прокричать*? Вы сообщили о рождении ребенка в своем блоге? И это все?

— Я рассказал о нем! Я описал, как чудесно...

— Вы описали его! — Священник уже не скрывал своего гнева. — Господь благословил нас цифровой электронной аппаратурой, с помощью которой мы можем в точности запечатлевать его творение, чтобы потом наслаждаться им в мельчайших драгоценных деталях, но вы, вы в своей непомерной гордыне считаете, что ваше *описание*, плод вашего убогого, жалкого, бессильного воображения, лучше подходит для этой благородной цели! Вы полагаете, что ваше описание, ваша *выдумка* – лучшее средство для передачи сотворенных Богом чудес, чем оцифрованная реальность!

Траффорду стало страшно. Он не ожидал, что отец Бейли истолкует его оправдание таким образом. Слово "выдумка" было не из легковесных. Записывать свои выдумки считалось грехом, кощунством. Каждый знал, что выдумывать, а значит, творить — это прерогатива Любви, и только Любви. Бог создал реальность, а человек поклоняется ей — вот истинный путь. Людям же под силу создавать только пустые фальшивки.

— Нет! — запротестовал Траффорд. — Это не выдумка! Это... просто описание, и все. Описание реальности... реальности в словах.

— Но почему вы не зафиксировали ее в кадре? Почему не обнародовали *реальную* реальность вместо того, чтобы тщиться *описать* ее? Когда вы бреетесь по утрам, вы смотрите в зеркало?

— Да, конечно, я...

— Почему же вы не полагаетесь на *описание* своего лица? Вы ведь не станете водить по щекам бритвой, руководствуясь только печатным словом! Потому что в таком случае вы бы тут же раскромсали себя на мелкие кусочки!

— Да, но...

— Стало быть, вас устраивает реальная реальность, когда речь идет о вашем личном комфорте, но, когда дело доходит до того, чтобы отпраздновать божественное сотворение новой жизни, довольно и *описания* реальности. Я правильно понял?

— Нет!

— Так *почему* вы не выложили в сети свой родильный ролик, Траффорд?

Траффорд знал ответ, но у него никогда не хватило бы духу произнести его. Он ни за что бы не признался, что решение повременить с публикацией родильного ролика было продиктовано какой-то странной жаждой в глубине его души — желанием сохранить *неприкосновенность своей личной жизни*. Желанием оставить что-то *при себе*, пусть хоть ненадолго.

Он не мог сказать об этом. Для Храма, да и для всего общества не существовало ничего более отвратительного, чем стремление к обособленности. Зачем человеку может понадобиться скрыть какую-то подробность своей жизни от чужих любопытных глаз? Разве это не долг каждого — выставлять себя напоказ? Может быть, Траффорд чего-то стыдится? А может, он считает себя каким-то особенным? Думает, что лучше своих собратьев, что он для них слишком хорош?

— Скрытность противна Господу, Траффорд, — произнес Бейли спокойным тоном, в котором, однако, звучала угроза. — Только извращенцы делают что-то тайком.

— Я знаю, отец.

— Если вам нечего стыдиться, значит, вам нечего скрывать.

— Я просто подумал, что это никому не интересно, — запинаясь, вымолвил Траффорд. — Вы же знаете, в нашем доме происходит столько всяких других событий. Вот например, Галактика Звездопад из квартиры 8-А спит с дядей своего мужа, но ее муж по-прежнему от нее в восторге, так что теперь их трое и они транслируют это в живом эфире круглые сутки без выходных. Так зачем кому-то смотреть на...

— Что-нибудь не в порядке? — перебил его исповедник, и на лице его вдруг появилось выражение искреннего участия. — Ребеночек родился калекой?

— Нет-нет!

— Слава Любви!

— Слава Любви.

— Скажем: аллилуйя!

— Аллилуйя!

— Роды были трудные? — продолжал священник. — Чантория порвалась?

— Немножко, но...

— Раз так, вы тем более должны делиться и эмотировать. Горе и боль — тоже Божьи творения и посланы нам, чтобы нас испытать. Гордитесь своей болью! Когда мы делимся своим горем с другими, мы учимся и растем, и наша связь с Господом крепнет.

— Вообще-то все хорошо...

— Скажем: моря любви!

— Моря любви!

— Скажем: нивы радости!

— Нивы радости!

— Я хочу услышать из ваших уст: ниврад!

— Ниврад!

Пока звучали эти ритмичные восклицания, лицо исповедника было обращено к небесам, но затем он снова устремил свой горящий взгляд на Траффорда.

— И все-таки, почему вы не исполнили свой долг перед обществом и не выложили в интернет родильный ролик?

Траффорд совсем растерялся. Сказать правду значило навлечь на себя публичное осуждение на исповеди — дело даже могло кончиться бичеванием. И снова Траффорд уперся глазами в землю. Но тут в голову Бейли пришла новая мысль.

— Может быть, Чантория стесняется своей розочки? — внезапно спросил он.

— Нет-нет, отец! Что вы! Это я виноват... я забыл отправить видео.

— У Евы была розочка! У Девы Марии была розочка! У Дианы была розочка! Дети появляются из розочки. Чантория должна гордиться тем, что она сильная женщина с розочкой, способной производить детей.

— Она гордится! Очень гордится, отец! Чантория страшно горда тем, что она женщина.

— Сильная женщина! Женщина, знающая, что такое истинная вера.

— Да, конечно. Вся наша жизнь стоит на вере. Для нас нет ничего важнее, чем наша прямая, интимная связь с Любовью. От нее у нас нет тайн.

— Так почему же Чантория не показала всему миру розочку, которую дала ей Любовь, — свою розочку в миг ее наивысшей креативности? Разве она не хочет стать образцом для других? Вдохновить их на подвиги? Порадовать их, поделившись с ними своим богоданным опытом? Разве она не считает, что она прекрасна и все должны смотреть на нее, сопереживать ей? Аплодировать ей?

— Ну... конечно, считает. Конечно, она думает именно так.

Отец Бейли отступил на шаг и торжественно возложил ладонь на лоб Траффорду.

— Значит, теперь вы покажете людям свой родильный ролик?

— Да... да, отец, обязательно. Конечно. Простите меня, — ответил Траффорд.

— Вот и хорошо, — сказал исповедник, и на лицо его снова вернулась улыбка. — Передайте Чантории, что я в полном экстазе от нее и от маленькой Мармеладки. И на этот раз не забудьте!

4

Донельзя обрадованный тем, что ему удалось избежать публичного осуждения с кафедры, Траффорд подобострастно распрощался с Бейли и снова приготовился нырнуть в толпу горожан, жаждущих попасть на станцию метро. Перед ним была стена из блестящих, влажных от пота, полуголых, а то и вовсе голых задниц. Задниц, выпирающих из шорт, задниц с застрявшими в них трусиками. Во всей толпе не было задницы, хотя бы часть которой не сверкала на виду, — ни огромной, ни маленькой, ни обвисшей, ни по-юному упругой. Задницы волосатые и натертые специальным кремом, веснушчатые ягодицы, глубокие ложбины. Швы от подтягиваний, хирургические шрамы, оригинальные татуировки и следы любовных укусов. Гордые задницы. Задницы, преисполненные достоинства. Задницы не хуже, чем у других.

Траффорд знал, что никогда в жизни ему не привыкнуть к бездумной демонстрации такого количества плоти. Он не хотел видеть эти задницы, не хотел заниматься бесконечным созерцанием разнообразных особенностей чужих тел. Но как ни старался он отвлечься, эти мелочи лезли ему на глаза и вызывали тошноту. Ему очень хотелось, чтобы на людях вокруг было побольше одежды.

Дело было не в том, что он считал отталкивающей наготу как таковую. Просто внутренний голос подсказывал ему, что тело нужно обнажать с умением, не навязывая его другому, даже оставляя намек на тайну. Примерно так же он относился и к увеличению груди. Он знал общепринятую логику: если бубики привлекательны, значит, чем они больше, тем лучше. Что тут может не нравиться? Это было неопровержимо, и все-таки он подозревал, что иногда бывает и наоборот: чем меньше, тем лучше.

Он не говорил об этом никогда и никому, даже Чантории, отлично понимая, как неуютно и неприятно будет людям, если он вздумает заявить, что его коробит вид их неприкрытых ягодиц. Они осудят его на своих веб-страницах; они скажут, что его нежелание одобрить ту гордость, с которой они предъявляют окружающим свои тела, попросту кощунственно. Разве не все они созданы по Божьему образу и подобию? Значит, если кому-то не нравится, как выглядит другой человек, то ему не нравится, как выглядит Бог. Они рассерженно намекнут, что причины стыдиться каких бы то ни было частей человеческого тела есть лишь у тех, кто считает обезьян кровными родичами людей. Уже его собственный излишне скромный костюм представлял собой немалую опасность. Твердо решив не оголять свое тело ни на дюйм больше, чем требовали того жара и минимальные требования этикета, он всегда носил вместо майки футболку, а его шорты доставали чуть ли не до колен. По сравнению с прочей публикой на нем было так много ткани, что его нередко принимали за мусульманина и советовали убираться обратно в гетто, а еще лучше — туда, откуда он родом, если это место до сих пор над водой.

Траффорд попытался выкинуть эти мысли из головы и, борясь с подступающей к горлу тошнотой, во второй раз за утро начал протискиваться к дверям станции метро. На экранах над этими дверьми крутили блок информационно-развлекательных программ. То же самое показывали на фонарных столбах, окаймляющих улицы, по которым Траффорд пришел из дома сюда, к станции. Те же навязчивые кадры мелькали на его проездном билете, и они же, без сомнения, сменяли друг друга на стенах проигнорированного им лифта. Везде одни и те же программы. Так много экранов — и так мало того, что можно на них увидеть.

В "Новостях шоу-бизнеса" многочисленные звезды вели со своими личными демонами отчаянные битвы, в которых твердо рассчитывали победить — разумеется, с Божьей помощью. В "Мировых новостях" все более смертоносные бомбы взрывались в местах массового скопления народа. Армия трудилась вовсю в очень сложных условиях — как в миротворческих зонах, разбросанных по всему свету, так и на границах христианского мира, защищая их от миллиардов измученных холерой неверных, которые умоляли дать им хоть стакан чистой воды. В более приземленных "Новостях страны" сообщали о новых проявлениях бдительности и примерах торжества народного правосудия (к коему власти относились сочувственно, хотя официально одобрить его не могли), тогда как правительство, казалось, пассивно наблюдало за проникновением в общество прекрасно организованной пятой колонны педофилов. В "Новостях погоды" были привычные прорывы дамб, аварии на насосных станциях и повсеместные наводнения.

Интересно, думал Траффорд, почему бы им просто не прокручивать каждый день одну и ту же пленку? Новости всегда были одинаковыми, а небольшие изменения в географии и наборе действующих лиц каждый успевал выучить наизусть уже к девяти часам утра.

Еще два прогона этого блока, подумал он, и я на станции.

Предположительно, погибли несколько сотен...

Здесь, в гуще толпы, слов диктора было толком не разобрать: мешала какофония звуков, льющихся из бесчисленных коммуникаторов и плееров, которые висели на шее практически у всех горожан.

А смертнику всего семнадцать лет...

Ух-ух! Бух-бух!

И умер он, когда его...

Девчонка, девчонка, ты будешь звездой...

Чтобы избавиться от шума, Траффорд ввинтил поглубже свои собственные молчащие наушники. Его всегда раздражали шум, вид человеческих тел — и запах. Смешанный запах пота, ароматизированных косметических средств и еды. Особенно еды.

Большинство тех, кто двигался к станции, что-то ели: они слушали свою музыку, пялились на развлекраны и одновременно запихивали в рот пищу. Складывалось впечатление, что люди сознательно не дают отдыха ни одному из своих органов чувств. Конечно, в поезде будет еще хуже. Траффорду страшно было даже подумать об этом: тесная раскаленная жестянка, плотно набитая пассажирами, жующими пиццы, бургеры, куриное мясо и полезные для здоровья шоколадки с овсяными хлопьями. Он сунул за щеку мятную подушечку — это был единственный способ справиться с дурнотой по дороге на работу. К несчастью, в городе становилось все труднее найти мятные конфетки без шоколадной оболочки. Когда он спрашивал их в магазине, продавцы не скрывали удивления. Что плохого в шоколаде, скажите на милость?

5

В некоторых отношениях Траффорду нравились физиприсы. Он ненавидел толпу, но совсем неплохо относился к компании, не в последнюю очередь потому, что среди его коллег-госбандовцев были двое-трое симпатичных ему людей — он чувствовал, что у них за душой тоже есть что-то свое, чем они не спешат поделиться с другими. Правда, узнать это наверняка ему, конечно, никогда не удастся. Такая уж штука эти личные секреты: они личные, потому до них и не докопаешься.

Призывы к откровенности и непосредственному выражению эмоций были столь же вездесущими, сколь и утомительными. Под потолком офиса Траффорда висел баннер. "Как самочувствие? — вопрошал он. — Расскажи соседу!" Это был один из двух официальных слоганов Министерства благосостояния. Второй предлагал: "Давайте сопереживать!"

Весь день напролет по радио, телевидению и интернету людей уговаривали эмотировать — смело раскрывать душу перед всеми и каждым.

"Скажи нам, что ты думаешь, — требовали диджеи. — Мы хотим услышать *тебя*! Что тебе не по нраву?"

Все врачи и духовные наставники твердили одно и то же: "Не прячься от своих проблем. Гордись своими чувствами. Победи своих демонов. *Говори о себе!*"

Но главное — таково было веление Храма.

"Человек — Творение Божье! — гремел с церковной кафедры исповедник Бейли. — Все что мы есть, все что мы делаем, все что мы гово-

рим — создано Богом-и-Любовью. А значит, говоря о себе, мы говорим о нашем Творце! Каждая наша мысль, каждое наше слово, каждая часть нашего тела, приносящая нам радость, — все это дары Любви, а потому их следует нести как знамя, видное всем вокруг! Скрытность же есть отвержение Любви, а тот, кто отвергает Любовь, *не имеет веры!*"

Траффорд был склонен к скрытности — а может, ему просто хотелось немного покоя. Каждый день он боролся с желанием заорать: "Послушайте! Давайте все дружно заткнемся хотя бы на пять минут!" Но не иметь веры было серьезным преступлением.

Впрочем, так было не всегда. Раньше это вовсе не считалось преступлением, хотя Храму очень не понравилось бы, если бы кто-то об этом напомнил. Траффорд знал правду, потому что изменения в законе произошли уже при его жизни. Каждый обязан быть верующим — так гласил первый из Законов Уэмбли, которые официально назывались Народным Кодексом.

Поскольку теперь все законы были Законами Уэмбли, становилось все труднее вспоминать времена, когда существовали другие юридические нормы, но те времена не были выдумкой. Траффорд помнил, что в годы его детства законы принимались кучкой испорченных, дезориентированных, далеких от простого населения аристократов, которые называли себя членами парламента.

Перемены стали результатом растущего недовольства в обществе и особенно в Верховном Совете Храма — недовольства тем, что избранные в парламент законодатели "не прислушивались к народу". Какая бы группа политиков ни избиралась в правительство, они немедленно начинали действовать вопреки "воле народа" и, что еще хуже, не желали прислушиваться к мнению масс и исправлять свои ошибки. Складывалось впечатление, что правительство и создано-то исключительно ради того, чтобы оскорблять своим поведением здравый смысл простых верующих, мужчин и женщин.

Удивительно, но эта проблема волновала политиков не меньше, чем сам народ. Конечно, в интересах любого политика было фиксировать в законах то, чего хотели люди. Трудность заключалась в другом: как избранникам народа передать власть обратно в руки своему электорату?

Первым, что решили испробовать, был мгновенный плебисцит. Самые важные вопросы выносились на обсуждение по интернету, и людей просили голосовать, а при желании предлагать свои альтернативы и поправки. Эта тактика с треском провалилась, поскольку выяснилось, что она помогает реализоваться не воле народа, а воле отдельной *личности.* Очень скоро обнаружилось, что, в отличие от масс, которые можно контролировать, отдельные индивидуумы часто ведут себя независимо. При царящей в сети безудержной демократии каждый владеющий компьютером педофил или обезьянопоклонник мог обратиться ко всему миру, поэтому приходилось учитывать огромное количество разнообразных мнений. В итоге получалась полная анархия, и парадоксальным образом становилось все сложнее определить, в чем же состоит эта пресловутая "воля народа".

Наконец решение было найдено, и нашли его исповедники Храма. Законы должны приниматься людьми напрямую — в этом изначальный смысл демократии. Но у Храма есть доступ к людям, Храм регулярно ор-

ганизует огромные сходки этих самых людей. Что может быть естественнее, чем облечь эти сходки законодательной властью? Новый Священный Порядок был провозглашен на очередном еженедельном Фестивале Веры, проходящем на стадионе Уэмбли. Эти празднества устраивались для истинно верующих, которые собирались со всей столицы, чтобы поделиться с другими своей душевной болью, возрадоваться в лоне Любви и публично продемонстрировать свою веру. Стадион вмещал четверть миллиона человек, и было постановлено, что любое сборище такой численности, выражающее свое мнение единогласно, имеет право принимать законы.

Поскольку организация таких мероприятий была подвластна только Храму и поскольку именно в ведении Храма находился заново отстроенный стадион Уэмбли, единственное сооружение, где могла уместиться такая гигантская толпа, оказалось, что законы теперь создает Храм, а правительство превращается в его административный придаток. Это было не только абсолютно логично, но и совершенно *легитимно* даже с позиций старого законодательства. Ведь даже в Допотопную эру всеобщего неведения возбуждение религиозной вражды считалось преступлением, а чем же иным могло считаться отрицание воли верующих, как не возбуждением подобной вражды?

Конечно, первыми из утвержденных Законов Уэмбли стали Законы о вере, а первым из Законов о вере стал Закон, гласящий, что не иметь веры — преступление. Его убедительность подкреплялась и старыми законами Допотопной эры, ибо даже тогда считалось непозволительным проявлять неуважение к чужим религиозным убеждениям. Храм рассудил просто: если человек не верит сам, ясно, что он не согласен с религиозными убеждениями своих верующих сограждан, а если вы во что-то не верите, разве вы можете это уважать? Следовательно, каждый человек обязан быть верующим.

6

Один непременный атрибут физиприсов Траффорд ненавидел всей душой. Это были *гробья*, или групповые объятия, без которых никогда не обходились встречи коллег по работе. По возможности Траффорд старался избегать их, отлучаясь куда-нибудь по мелким надобностям или симулируя расстройство кишечника в туалете, но тут нужна была осторожность: постоянное отсутствие на гробьях могло стать поводом для строгого выговора и даже для публичного осуждения на исповеди. Так что в большинстве случаев гробья приходилось терпеть.

— А ну-ка, все в круг! — воскликнул жизнерадостный голос.

Он принадлежал Принцессе Любомиле. Принцесса Любомила всегда выступала в роли инициатора гробьев, хотя формально не имела на это полномочий, поскольку в непосредственном рабочем окружении Траффорда не было различий ни по званиям, ни по должностям. Официально в правительственных учреждениях служебная иерархия сводилась к минимуму, чтобы никто не страдал от заниженной самооценки и все чувствовали себя комфортно. Личные амбиции, конечно, считались обязательными. Это был Закон Уэмбли.

Каждый, кто стремится к воплощению своей мечты, имеет право быть тем, кем он хочет. Так гласит закон.

Этот закон был одной из многочисленных несуразностей современной жизни, которые Траффорд замечал ежедневно и которые глубоко его тревожили. Точно так же, как запрещалось задевать религиозные убеждения человека, нельзя было и выражать сомнение в практической осуществимости его надежд и стремлений — того, что обычно называли мечтами. Этого Траффорд понять не мог. Все, кого он когда-либо знал, хотели стать сказочно богатыми и знаменитыми, однако никому из них так и не удалось этого добиться. Наоборот, по мере того как в городе становилось все жарче, теснее и неудобнее, жизнь его обитателей ухудшалась на глазах. И тем не менее бетонная уверенность в том, что ты можешь получить все, чего бы тебе ни захотелось, благодаря одному только твоему желанию, официально считалась неотъемлемым правом каждого человека.

Траффорд видел, что реальность постоянно и во всех отношениях опровергает общепринятые догмы. И все-таки люди верили (или притворялись, будто верят), что мечты могут стать явью и станут ею, и закон требовал от Траффорда, чтобы он верил в то, во что верят они. Это было просто нелепо.

С точки зрения Траффорда, нелепым было все, и особенно Бог. Однажды он слышал, как на углу улицы кричала незнакомая женщина. Она громко спрашивала: если Бог, или Любовь, или Творец, или Вседержитель так горячо любит детей, почему столько малышей умирает в мучениях? Она прижимала к своей налитой молоком груди ребенка, а когда полиция наконец сумела оторвать его от нее, обнаружилось, что он мертвый. Эта женщина выразила вслух сомнения, которые давно уже преследовали Траффорда. Ему казалось, что они должны одолевать всех вокруг. Однако ту женщину арестовали за возбуждение религиозной вражды, и Траффорд никогда больше ее не видел.

Еще одним примером несоответствия между законами и повседневной жизнью было то, что, несмотря на отсутствие должностных различий, в любом рабочем коллективе существовала жесткая неофициальная иерархия. Каждый занимал в ней определенную ступень в зависимости от того, насколько активно он демонстрировал на публике свою религиозную одержимость, и в маленьком мирке Траффорда никто не мог соперничать в этом смысле с Принцессой Любомилой. Она была так полна веры, что Траффорд удивлялся, как в ней еще остается место для пончиков, которые она потребляла непрерывно с утра до вечера.

Принцесса Любомила верила во все. Конечно, в первую очередь она верила в Бога-и-Любовь и в законы Храма. Разумеется, верила она и в Младенца Иисуса, а также в то, что Младенец Иисус хочет от нее, чтобы она, Принцесса Любомила, лелеяла свою мечту и могла достичь всего, чего ей только пожелается. Но и этим всепоглощающая вера Принцессы Любомилы не ограничивалась. Она была дипломированным астрологом, гадалкой на картах таро, белой ведьмой и лидером отдела по похудению посредством самовнушения. Она практиковала только тантрический секс и называла себя буддисткой, потому что несокрушимо верила во всемогущество любви и целительную силу умения челове-

ка быть самим собой. Все эти убеждения находились в полнейшем согласии с учением Храма, поскольку считалось, что любая вера есть просто вера в Любовь под другим именем. Очевидными исключениями из этого правила были так называемые ложные верования: ислам, этот непримиримый враг, и, конечно же, измышления грязных евреев.

Чего-чего, а веры у Принцессы Любомилы хватало. Она была крайне одухотворенной личностью и никогда не упускала возможности напомнить об этом окружающим. Если же ей перечили, она становилась опасной, как питбуль, а если бы кто-нибудь осмелился проявить хотя бы тень неуважения к ней самой или ее семье, она бы тут же растерзала его на клочки в офисном блоге — в переносном смысле, конечно.

Траффорд подозревал, что она работает осведомительницей у инквизиторов.

— Гробья! — воскликнула Принцесса Любомила, широко улыбнувшись и разведя руки в стороны, а затем противным тонким голоском, подражая интонациям маленькой девочки, пропела: — Обнимите меня, обнимите скорей, обними-и-и-ите!

Траффорд и его коллеги покорно вышли на середину офиса с открытой планировкой и выстроились в круг, приобняв соседей и торжественно наклонив головы к центру. К своему ужасу, Траффорд обнаружил, что стоит рядом с самой Принцессой Любомилой и обвивает рукой ее талию — точнее, не совсем обвивает, поскольку Принцесса Любомила гордилась тем, что она женщина корпулентная, и рука у Траффорда была не настолько длинной, чтобы обнять ее как следует. Ему пришлось просто положить ладонь на толстый жировой валик, нависающий над ее атласными трусиками-танга. Ситуация была мучительно двусмысленной. Крепко ли надо держать? Прижмешь ладонью слабо — в этом увидят недостаток восторга и энтузиазма по отношению к коллективным мероприятиям, прижмешь посильнее — и тебя могут обвинить в неуважении и домогательстве. Реакцию Принцессы Любомилы всегда было чрезвычайно трудно предсказать, а перспектива получить обвинение от человека, который, по слухам, состоит в тесной связи с инквизицией, была настолько пугающей, что о ней не хотелось и думать.

— О Бог, о Любовь, о Бог-и-Любовь, — громко, нараспев произнесла Принцесса Любомила, не замечая волнения Траффорда, который пытался унять дрожь в руке, — надели нас священным умением быть собой, любить себя и быть такими, какими нам хочется. Дай нам силы мечтать и жить нашими мечтами, как ты повелел нам, о Господи. Каждый день — открытая дверь; дай нам мужество шагнуть за порог и не затворять ее за собой, чтобы и другие тоже могли войти. Ты создал меня по своему образу и подобию, Господи, и мой долг — любить себя так, как ты любишь меня. Я верю, что дети — наше будущее. Аминь.

— Аминь! — откликнулся круг, не жалея голосовых связок.

— Кстати, о детях! — продолжала Принцесса Любомила, точно затейник в летнем лагере, объявляющий выигрыш в лотерею. — Мне кажется, Траффорду есть что нам сообщить!

Все взгляды устремились на Траффорда. Конечно, ему следовало это предвидеть — разумеется, Принцесса Любомила не могла проигнорировать такое потрясающее событие, как рождение ребеночка, позво-

лив его коллегам остаться непотрясенными, — но он все равно растерялся.

— Да, — промямлил он, — действительно... Чантория родила девочку.

— Ты что-то уж *чересчур* счастлив! — воскликнула Принцесса Любомила шутливым тоном, в котором звучала нотка стального сарказма, и добавила: — Девочку! Махонькую — вот такусенькую! Пусть у нее вырастут чудесные огромные бубики, а папочка даст ей денежек, чтобы сделать их еще больше!

Все от души рассмеялись, а потом посыпались поздравления. Траффорду кричали: "Молодчина!" и "Так держать!" Его хлопали по плечу, обнимали и целовали.

После этого на лице Принцессы Любомилы появилось выражение душераздирающего сочувствия, и она пригласила всех матерей, которые хотя бы раз теряли ребенка, погоревать вместе, ибо счастье Траффорда — исключительно удобный для этого повод.

— Я первая, — добавила она и зарыдала.

В течение долгих пяти минут Принцесса Любомила громко и витиевато сетовала на свою неизбывную скорбь и неисцелимую боль. Это не было чистым театром: Траффорд не сомневался, что Принцесса Любомила горюет о своих умерших детях не меньше, чем любая другая осиротевшая мать. Просто она выражала свои страдания гораздо громче любой другой матери. Вообще-то кричать было принято, и даже пары, ведущие интимную беседу, надсаживались изо всех сил. Храм утверждал, что громкость речи — надежное мерило ее искренности и что люди с тихим голосом недостаточно гордятся мыслями, которые они высказывают. По мнению Храма, истинно верующие должны были услаждать слух Любви звонким и радостным гомоном. Так что громко говорили все, но Принцесса Любомила как-то умудрялась перекрикивать остальных, и ее резкие, пронзительные гласные и нарочито искаженные согласные долбили Траффорда по барабанным перепонкам, точно удары молота.

— Я знаю, — заключила Принцесса Любомила, — знаю с абсолютной достоверностью, что мои маленькие детки не умерли: они сейчас с Иисусом, под крылышком Любви и в нежных объятиях Дианы. То, что меня не убивает, закаляет мой характер, каждое путешествие начинается с первого шага, и я стала лучшей, более сильной женщиной благодаря тем мукам, которыми Любовь сочла нужным истерзать мою беззащитную женскую грудь.

Когда Принцесса Любомила наконец перестала эмотировать и громкие сочувственные возгласы, которыми наградили ее слушатели, понемногу утихли, две другие сотрудницы последовали ее примеру, излив свои горести в столь же бурной манере, однако третья, молодая чернокожая женщина, чей ребенок совсем недавно умер от гнойного воспаления, высказалась коротко и, как почудилось Траффорду, неохотно. Такая сдержанность явно не понравилась Принцессе Любомиле.

— Не держи это в себе, Калуа, — грубо заявила она. — Положись на нас. Поделись с нами. Дай нам почувствовать твою боль.

Калуа подняла голову и открыла рот, но не издала ни звука. Она не плакала — глаза у нее были сухие, — но, когда Траффорд глядел на нее, ему казалось, что он смотрит сквозь почти непроницаемую пелену слез.

— Скажи нам, что ты чувствуешь, — потребовала Принцесса Любомила. — Я уверена, что как афроангличанка с прекрасным цветом кожи ты будешь эмотировать по-настоящему и выплеснешь наружу все, чтобы стать сильнее и сделать сильнее нас, и так далее.

Неслышные, невидимые, сухие слезы низвергались потоками; Траффорду чудилось, что вся комната омыта ими, и он словно ощущал на языке соленый вкус тайного горя Калуа.

— Когда Герцог умер, — тихо сказала она, — я тоже умерла.

По лицу Принцессы Любомилы было видно, что признание Калуа не произвело на нее впечатления, но она поняла, что больше ничего не добьется, и решительно зааплодировала, подав пример другим. Затем празднование счастливого события в семействе Траффорда началось всерьез.

Тут Траффорд обнаружил, что ему чрезвычайно не хочется эмотировать так, как положено на подобных торжествах. Причина этого заключалась не только в том, что ему, как и Калуа, было нелегко озвучить на максимальной громкости свои самые сложные и потаенные чувства и таким образом выполнить моральный долг перед обществом, но и в том, что откровения осиротевших матерей заставили его вспомнить о Ласковой Голубке.

Ласковая Голубка была первым ребенком Траффорда, плодом его первого брака. Она умерла от столбняка в возрасте четырех лет, и с тех пор не проходило дня, чтобы Траффорд не тосковал по ней. К счастью, от него не требовали пространных излияний по этому поводу, так как страдания отцов не входили в эмоциональную жизнь социума на правах одного из ее основных компонентов. Храм тоже не уделял им особого внимания. О них мельком упоминалось в заупокойной службе, но в целом скорбь по усопшему ребенку считалась прерогативой матери. Поскольку частые браки обеспечивали высокую эффективность детопроизводства с одновременным воздаянием должного Богу-и-Любви, отцы редко задерживались в семьях надолго — они постоянно меняли своих избранниц, а те оставались жить с детьми. Храм одобрял подобную практику; более того, прочные браки вызывали у него подозрение, ибо противоречили естественному стремлению каждого мужчины со времен Адама сеять Любовь повсюду. Право на полигамию старейшины Храма сохраняли за собой, заключая серийные браки скорее параллельным, нежели последовательным способом (у исповедника Бейли в настоящий момент было восемь жен), но простым людям рекомендовалось почаще разводиться и жениться заново. В конце концов Иисус ведь благословил свадьбу в Кане, а то, что благословил Иисус, следует повторять многократно, вплоть до самой смерти.

И все же Траффорд не мог избавиться от воспоминаний о Ласковой Голубке даже теперь, когда отмечал рождение Мармеладки. По счастью, он находился среди государственных служащих, а это значило, что их празднество окажется не таким шумным и продолжительным, каким оно было бы во многих других трудовых коллективах. Конечно, и здесь покричали вволю. Был выкачен на тележке гигантский торт, посыпанный искристой крошкой; принесли также коробки с глазированными пончиками ассорти. Была продемонстрирована видеозапись, на которой товарищи по очереди желали Траффорду всего самого лучшего, а

потом ему вручили еще один торт для Чантории, который он должен был как-то довезти домой на метро. Однако никто не предложил взять отгул до завтра, чтобы всем вместе напиться до бесчувствия, и, к облегчению Траффорда и шумно выраженному разочарованию Принцессы Любомилы, дело обошлось без караоке.

— Да что вы за люди! — возмущалась она. — У нас же *праздник*!

Но прошло чуть больше сорока пяти минут — и общее веселье улеглось, коллеги Траффорда разобрали оставшиеся пончики и, напоследок прихватив с общего стола еще по стаканчику сладкого пенистого кофе с молоком, разошлись по своим местам. Рабочий день вернулся в свою колею.

7

Должность Траффорда называлась старший администратор-аналитик. На его этаже все были старшими администраторами-аналитиками. Несмотря на то, что служебная иерархия в государственных учреждениях была сведена к минимуму, немногие оставшиеся должности в целях стимулирования позитивности и высокой самооценки имели весьма звучные, солидные названия. Быть старшим администратором-аналитиком считалось очень почетным: человек, занимающий эту должность, находился на целую ступень выше тех своих коллег, которые именовались просто "старшими" и ниже которых не было уже никого. В свободные минуты — а их у Траффорда бывало сколько угодно — он нашел в компьютерном словаре все слова, из которых складывалось название его должности, и потому знал, что на самом деле он не является ни старшим, ни администратором, ни аналитиком. Полистав энциклопедию, Траффорд выяснил, что, по сути, он обыкновенный клерк, и с тех пор мысленно называл себя именно так.

Траффорд работал в Изразе — отделе Госбанда, который занимался изучением различий между социальными группами. Говоря точнее, задача этого отдела состояла в том, чтобы устанавливать и регистрировать соотношения между каждым конкретным человеком, каждым из остальных людей и всем, что происходило на свете, сколь бы малозначительными ни казались эти соотношения на первый взгляд.

Как и многим тысячам его коллег, Траффорду было поручено отыскивать новые показатели, на базе которых можно было бы количественно оценивать параллели между различными группами населения. Например, компьютеры Израза уже давным-давно были запрограммированы на автоматический поиск соответствий между группой тех, кто смотрит определенное телешоу, и группой тех, кто предпочитает определенный ионизирующий энергетический напиток с пониженным содержанием солей, но пока еще отсутствовала специальная программа, которая позволила бы выделить группу тех, кто пьет данный энергетический напиток *во время* просмотра данного телевизионного шоу. Траффорд участвовал в написании таких программ.

Недавно в отделе Траффорда с удивлением обнаружили, что компьютеры Израза не связывают выбор полуфабрикатов с родительскими знаками зодиака, в результате чего то обстоятельство, что индивидуу-

мы, имеющие хотя бы одного родителя-Тельца, в среднем едят лазанью чуть чаще, нежели люди, произведенные на свет двумя Стрельцами, до сих пор оставалось совершенно никому не известным.

Как только удавалось открыть новую связь, возникала необходимость установить ее перекрестные связи со всеми остальными связями. Где, например, любят проводить выходные дети Тельцов, употребляющие в пищу размороженную лазанью? Компьютеры Израза знали ответ и, хотя никому никогда не пришло бы в голову задать этот вопрос, были готовы предоставить нужную информацию по первому требованию.

На последних общенациональных выборах премьер-министр с гордостью заявил, что количество информации, хранящейся в цифровых архивах Госбанда, удваивается почти ежедневно и что количество накопленных фактов, имеющих отношение к каждому отдельному гражданину, давно превысило количество атомов во Вселенной. Оппозиция заметила на это, что приведенная статистика, конечно, обнадеживает, однако делается все равно недостаточно, а то немногое, что все же делается, следовало бы сделать гораздо раньше.

Траффорд трудился в поте лица, сочиняя программу, которая установила бы связь между выбором лака для ногтей и количеством согласных в имени дедушки той, кто его выбирал, когда у него за спиной раздался мужской голос.

— Может, перекусим вместе? Так сказать, спрыснем ребеночка?

Траффорд узнал голос — он принадлежал Кассию, самому старшему из всех служащих на их этаже. Кассию не поручали никакой работы: его наняли только ради того, чтобы ни у кого не нашлось повода упрекнуть правительство в дискриминации по возрастному признаку. От него требовалось лишь сидеть в углу, рядом с женщиной-инвалидом в кресле-каталке, и быть старым. Вообще-то они вовсе не относились к разряду недееспособных. Оба были умными людьми с высокой компьютерной грамотностью, да и вся работа в Госбанде была до примитивности простой и абсолютно бессмысленной, так что скорость ее выполнения не имела никакого значения. Просто ввод данных не входил в круг их обязанностей. У них была только одна обязанность — демонстрировать всеобщее равноправие.

— Перекусим? — отозвался Траффорд без особенного энтузиазма, поскольку раньше никогда не разговаривал с Кассием. — Даже не знаю...

— Или вы не хотите лишний раз отметить это событие, дружище? — спросил Кассий, и Траффорду почудился в его взгляде какой-то скрытый намек. — В конце концов, каждый второй ребенок умирает, не дожив до пяти лет. Так что тут отмечать?

Кассий говорил тихо. Детская смертность была неподходящей темой для досужей болтовни, тем паче в обществе новоиспеченного родителя, и многие другие отцы на месте Траффорда угостили бы Кассия хорошей оплеухой.

— Ладно, — ответил Траффорд, вставая. — Пойдемте.

Он сам не знал, почему согласился пойти — разве что потому, что Кассий высказал вслух его собственные тайные мысли. Каждый второй. Действительно, что тут отмечать? Может, лучше подождать с весельем по крайней мере до тех пор, пока ребенку не исполнится пять лет.

К удивлению Траффорда, Кассий не повел его к ближайшему буфету с гамбургерами, который находился в дальнем конце их офиса. Не оста-

новился он и у другого буфета, рядом с лифтом, и у третьего, в главном вестибюле.

— Надо малость размяться, — громко объяснил Кассий, когда они проходили мимо камер наружного наблюдения у центрального входа. — Старею. Правда, жаловаться грех — как-никак, это моя работа.

В итоге Кассий привел Траффорда в маленькую закусочную на грязной полузатопленной улочке. Если верить вывеске, здесь подавали не гамбургеры, а фалафель.

Траффорд остановился на дощатом настиле перед входом в это сомнительное заведение.

— Вы хотите есть здесь? — спросил он.

— А вы не любите фалафель? — осведомился Кассий.

— Нет... но...

— Вас смущает, что это не "Фалафель-хаус".

Он был совершенно прав. Неприглядная закусочная, перед которой они стояли, явно не входила в могущественную сеть "Фалафель-хаус"; не принадлежала она и чуть менее популярному "конкуренту" этой сети под названием "Фалафель-ланч" (которым на самом деле владел все тот же "Фалафель-хаус"). Это было независимое предприятие, обслуживающее местную бедноту, по преимуществу иммигрантов. Его посещали разве что нелегалы да полицейские. Траффорд знал, чем появление в подобном месте чревато для респектабельного обывателя. Отказываясь демонстрировать солидарность с миллионами своих сограждан, сделавших выбор в пользу "Фалафель-хауса", такой человек проявлял несогласие с мнением народа по поводу того, где лучше есть фалафель. Причина для этого могла быть только одна: он считал себя выше "Фалафель-хауса", брезговал посещать даже "Фалафель-ланч", а всякий, кто имел наглость противопоставлять себя народу, считался высокомерным снобом и должен был понимать, что его могут хорошенько осадить в любой момент.

— Пожалуйста, я угощаю, — сказал Кассий. — Мне очень нравится настоящий фалафель домашнего приготовления.

Удивленный дерзостью своего нового товарища, Траффорд позволил увлечь себя в здание. Первый этаж был залит водой; они поднялись по лестнице на второй и вошли в крохотный зал с тремя столиками, ни за одним из которых не было посетителей. Кассий выбрал место и жестом пригласил Траффорда сесть. Траффорд послушался, предварительно оглядевшись и подвинув свой стул так, чтобы оказаться спиной к камере наблюдения.

— Знаете, — небрежным дружеским тоном произнес Кассий, — я считаю, что, если кто-то хочет быть незаметным, ему не стоит *стараться* быть незаметным.

— Я не... — но Траффорд понимал, что отпираться бесполезно: его маневр был слишком очевиден.

Кассий улыбнулся.

— Уж мы-то в нашем отделе знаем, что практически вся информация, которую собирают власти, так и остается неизученной. Да и как ее можно изучить? Мы все находимся под постоянным наблюдением. Для просмотра всего накопленного материала на каждого отдельного человека понадобился бы свой полицейский, и этому полицейскому некогда было бы даже выкроить часок для сна. Такую информацию подвергают

проверке, только если к ней почему-либо привлечено внимание. Следовательно, лучший способ избежать проверки состоит в том, чтобы не привлекать внимания к своей персоне.

— Мы сидим в независимом кафе, дружище, — кисло откликнулся Траффорд. Он не любил, когда его учили жизни.

— Это не запрещено.

— Да, но в такие места ходят только нелегалы.

— Мы можем быть любопытствующими или репортерами в поисках материала для документального фильма. Да что там, даже полицейскими, которые ищут насильников, приехавших к нам из-за рубежа! Главное — сидеть спокойно и с достоинством. А вот если мы откровенно стремимся спрятать свои лица от камеры, тогда ясно, что у нас дурные намерения.

— Гораздо проще было бы пойти на ланч в "Фалафель-хаус", — сухо заметил Траффорд. Однако он слегка выпрямил спину и постарался выглядеть более непринужденно.

Кассий заказал две порции фалафеля с салатом.

— Вкусно? — поинтересовался он, когда Траффорд отведал принесенного блюда. Тот сморщился.

— Нет. Горько.

— Не горько, а своеобразно.

— А мне кажется, горько.

— Погодите, распробуете.

Траффорд отважился на вторую попытку, и теперь, когда его вкусовые сосочки немного адаптировались, нашел, что есть несладкую снедь непривычно, но вовсе не так уж противно.

— Да, — признал он, — вкус... любопытный.

— Без кукурузного сиропа, — пояснил Кассий. — Привыкаешь не сразу, но дело, по-моему, того стоит. Они готовят его сами — только турецкий горох и приправы. Здесь не считают, что фалафель должен быть сладким.

Траффорд снова тревожно огляделся по сторонам.

— Все должно быть сладким, — сказал он с излишним нажимом, словно рядом с ними находился кто-то третий. — Это же очевидно. Сладкое доставляет удовольствие. Значит, чем еда слаще, тем больше она нам нравится.

— Никто нас не слушает, Траффорд, — сказал Кассий. — Боже мой, вы ведь сами работаете в Государственном банке данных, ваша профессия — совать нос в чужие дела. Наверно, вы загрузили в свой компьютер уже миллиарды часов видеосъемок. Разве вы когда-нибудь просматривали или прослушивали эти материалы?

Траффорд улыбнулся. Тут Кассий был прав.

— Нет.

— Конечно, нет. И никто этого не делает. У нас не тысяча девятьсот восемьдесят четвертый.

— Восемьдесят четвертый? О чем вы говорите?

— Был такой год в Допотопную эру.

— Знаю.

— А еще это название книги.

Траффорд прищурился. Неужели его пытаются заманить в ловушку? О таких провокациях знали все. Новости были переполнены ими: юно-

ши-полицейские, слонявшиеся по берегам канала живой приманкой для содомитов, наркодельцы, которые на поверку оказывались агентами по борьбе с наркотиками, и, разумеется, интернет-сайты обезьянолюдей — на них якобы приводились доказательства того, что жизнь на Земле существует уже много миллионов лет, но на самом деле все это спонсировалось Храмом и служило капканами для легковерных.

— Вы имеете в виду художественную... то есть выдумку? — осторожно спросил он.

— Да, "Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый" — это история про общество, в котором...

— Мне плевать, дружище, — оборвал его Траффорд. — Я и знать не хочу! Писать романы — кощунство, а выдумывать — грех, потому что людей не могут создавать им подобные. Я человек верующий и знаю, что это под силу только Творцу.

— Боже святый, — сказал Кассий, — вы говорите прямо как на проповеди... Я что, паства, которую нужно просвещать? Или вы думаете, что я из полиции?

— Ничего я не думаю, — уклончиво ответил Траффорд.

Он хотел, чтобы его позиция была запечатлена на видео как можно яснее. Все знали, что главной растлительницей умов в Допотопную эру была именно художественная литература. Исповедник Бейли напоминал об этом каждую вторую неделю. Он живописал те ужасные времена, когда общество было порабощено *выдуманными людьми*. Когда телевизионные каналы изобиловали героями, которые лишь притворялись настоящими! Эти люди были творениями других людей, так называемыми вымышленными персонажами. То была эпоха книг, причем отнюдь не таких, какие читались и теперь, в Просвещенную эру, — не полезных книг о вере, об индивидуальном просвещении, о честолюбивых стремлениях и самосовершенствовании, не тех, что объясняли вам, как стать богатым, завести много друзей, получить максимум удовольствия от секса и сделаться лидером в своей социальной группе. Нет — тогда популярностью пользовались романы, *истории*, тысячи которых громоздились на книжных полках. И весь народ был отравлен *неправдой*, заражен иллюзией, что созданное человеком может быть прекраснее и интереснее того, что создал Бог. К счастью, потом — еще в конце Допотопной эры — наступила пора, когда люди стали понемногу отказываться от *историй* в пользу *реальности*. Пора, когда появилось благословенное новое поколение, любящее только *себя*, с восторгом наблюдающее за собой по телевизору, читающее только о себе в книгах и журналах и тем самым превозносящее реальность, созданную Богом.

— Поверьте мне, Траффорд, — сказал Кассий, — я не полицейский. Зачем полицейскому годами сидеть в вашем офисе, пытаясь подловить *вас*? Вы что, более важная персона, чем я полагал?

— Да нет, конечно, — отозвался Траффорд с легким смущением. — Но вы упомянули о тысяча девятьсот восемьдесят четвертом. Сказали, что это...

— История?

— Ради Любви, замолчите!

— Я не считаю, что выдумывать истории грешно, — сказал Кассий.

— Но это так!

— Почему?

— Сами знаете почему. Все знают почему. Потому что, когда человек начал выдумывать истории, его гордыня и самомнение выросли настолько, что он решил, будто может написать историю самой жизни, — так и был совершен самый великий грех, когда человек написал историю Земли, а Бога оставил в стороне!

— Ой-ой-ой, — откликнулся Кассий, презрительно покачав головой. — Наверное, в школе Закон Божий был вашим любимым предметом. Неужто вы и правда верите во всю эту чушь?

Траффорд встал, готовый уйти. Пускай идиоты, желающие сесть в тюрьму за богохульство, отправляются туда без него.

— До свиданья, Кассий, — громко сказал он. — Спасибо за ланч, но вряд ли я соглашусь прийти сюда еще. Если захотите со мной побеседовать, можно сделать это в офисе.

— Каждый второй, — тихо сказал Кассий. — Умирает каждый второй, Траффорд.

Траффорд застыл на месте. В конце концов именно эта зловещая статистика подтолкнула его к тому, чтобы принять предложение Кассия.

— Хватит твердить одно и то же! — огрызнулся он. — Вам что, нравятся эти цифры? Вы случаем не извращенец? Следите за тем, что говорите, не то я расскажу про вас на своем блоге!

— Сядьте и перестаньте кричать, — скомандовал Кассий. — Если вы на меня донесете, вас в первую очередь спросят, зачем вы вообще отправились со мной в кафе. Почему вы позволили отвести себя в такое подозрительное место? Вас обвинят за компанию, а от этого так просто не отмоешься. Вы превратитесь в человека с запятнанной репутацией, и Принцесса Любомила сожрет вас живьем.

Поколебавшись, Траффорд молча опустился на стул.

— И ради бога, перестаньте изображать истинно верующего, — продолжал Кассий. — Это очень скучно.

— Я и есть истинно верующий, — возразил Траффорд. Но он и сам понимал, что его слова звучат неубедительно.

— Как вам будет угодно, — сказал Кассий.

— Зачем вы меня сюда позвали?

— Хотел познакомиться с вами поближе. Мне показалось, что вы немножко... отличаетесь от других, вот и все.

— Мы все отличаемся от других; каждый из нас личность, сильная и прекрасная, уникальная и неповторимая.

— Да-да... но я не об этом, — ответил Кассий, и Траффорду впервые послышалось в его голосе легкое беспокойство. — Я имел в виду, *по-настоящему* отличаетесь. Я подумал, что у вас есть... секреты.

Траффорд сразу понял, что лицо его выдало.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — поспешил добавить Кассий. — Вы не единственный. У меня тоже есть секреты. Причем один из них — очень важный и интересный.

Траффорд пожал плечами, показывая, что готов слушать, но сам ничего не признаёт.

— Вы обвинили меня в том, что мне нравится показатель детской смертности, — продолжал Кассий.

– Да, обвинил.

Вдруг глаза Кассия вспыхнули гневом.

– А вам не кажется, что он нравится не мне, а правительству и Храму? Что они им вполне довольны? Что они *не желают ничего менять?*

– Я стараюсь вовсе об этом не думать.

– Черт побери, Траффорд! Пришла пора немного задуматься! – яростно воскликнул Кассий. – А еще вам пришла пора спросить себя, что можете изменить вы сами!

– О чем вы говорите? Что я могу изменить? Я буду молиться, и мы капнем ей на подушку лавандового масла, а еще...

– Молиться? Он будет молиться!

Траффорд был поражен. Никогда за всю свою жизнь он не слышал, чтобы это слово произносили с презрением.

– А знаете ли вы, – продолжал Кассий, – что болезни, которые убивают детей, можно предотвратить?

Траффорд знал одно: что ему надо немедленно уйти, поскольку разговор становится все более опасным и чреватым самыми печальными последствиями. Но он не ушел.

– Я... я знаю, что когда-то люди в это верили, – сказал он. – Но теперь нам известно, что это неправда.

– Это правда, – ответил Кассий.

– Откуда вы знаете?

Кассий заказал кофе.

– Эспрессо, – громко сказал он. – Без молока, без пенки, без сахара и самое главное – никаких взбитых сливок и сладкого желе.

Им принесли две крошечные чашечки. Траффорд никогда не видел, чтобы в такие наливали кофе – его умещалось там не больше, чем в наперстке, а сами чашечки были фарфоровые. Траффорд привык к тому, что кофе подают в литровых картонных стаканах.

– Ваше здоровье, – сказал Кассий, подняв свою чашечку с напряженной улыбкой, и добавил: – Если бы я был полицейским и по какому-то невероятному совпадению сейчас наблюдал за нами, я никогда бы не поверил, что человек, который собирается рискнуть жизнью, начав беседу на богохульственную тему, способен на такой неординарный поступок – заказать эспрессо, да еще безо всяких сладостей.

Траффорд мысленно признал его правоту и тоже поднял чашку. Затем, попробовав ее горькое содержимое, невольно скривился.

– Привыкнете, – уверил его Кассий.

У Траффорда не было настроения обсуждать кофе.

– Откуда вы знаете, что было время, когда дети умирали не так часто?

– Я знаю это, – ответил Кассий, – потому что я вакцинатор.

8

Конечно, Траффорд слышал о вакцинаторах. Это была зловещая тайная секта, практикующая темные искусства, корни которой уходили глубоко в Допотопную эру. Члены этого нечестивого братства калечили детей во имя древней и давно уже дискредитировавшей себя "науки".

— Вы колете детей отравленными иглами? — в ужасе прошептал Траффорд.

— Я предпочел бы слово "прививать". Да, именно это я и делаю, когда могу. Если возникает такая возможность и если у меня есть вакцина. Много больших здоровых семей, члены которых возносят хвалу Господу, на самом деле обязаны своим счастьем мне и моим товарищам. Мы выискиваем тех, кто, на наш взгляд, способен мыслить самостоятельно и у кого должно хватить решимости помочь своим детям выжить. Вот для чего я обратился к вам.

— Но почему... почему ко мне?

— Я некоторое время наблюдал за вами, — ответил Кассий. — Как я уже говорил, мне показалось, что у вас есть секреты.

Траффорд промолчал.

— Вы ведь потеряли ребенка, верно? — продолжал Кассий. — Ласковую Голубку. Ее сгубил столбняк?

— Да. А кто из нас не терял ребенка?

— Вы очень трогательно об этом писали. Я читал архив вашего блога. Это прекрасно, подумал я, хоть и горько. Полагаю, у вас нет желания вновь пережить такой удар.

— Вы хотите сделать прививку моему ребенку?

— Это мой долг. Я поклялся спасать детей. Эту торжественную клятву приносят все вакцинаторы.

— Я обязан донести на вас в полицию, — сказал Траффорд.

Каждый знал, что вакцинация — не более и не менее чем посягательство человека на исключительное право Бога вершить судьбы. Храм разрешал лечить болезни, поскольку это было всего лишь реакцией на Божье соизволение, но в основе вакцинации лежала идея о том, что можно *предвидеть* Божьи планы и изменить их. Предотвратить то, что предопределено. Конечно, это была самая настоящая черная магия. Только Бог мог знать будущее и только он мог *творить* будущее. Иммунизация же детей, равно как и взрослых, была очевидной попыткой ограничить Бога в его выборе, *обмануть* его, а потому не могла не считаться кощунственной. Для последователей этого культа Храм приберегал свои самые пламенные обвинительные речи.

— Вы будете не первым, — грустно сказал Кассий. — Многие мои братья и сестры навсегда исчезли в подвалах инквизиции, потому что об их деятельности сообщили те самые родители, которым они пытались помочь. Некоторых растерзала или сожгла толпа. С точки зрения общества, вакцинаторы — враги веры, а значит, именно так с ними и следует поступать. Любопытно, не правда ли?

— Любопытно?

— Видите ли, очень похожие научные методы вполне законным образом применяются в том, что осталось от медицинской практики. Особенно в имплантационной хирургии. Что такое лекарства, препятствующие отторжению чужеродной ткани, если не своего рода иммунизация организма? Разве косметическая медицина — не попытка переиначить божественные планы? Однако бьютификация, как вам известно, есть моральный долг каждого существа женского пола.

Траффорд пожал плечами. Он привык к изобилию противоречий в учении Храма.

— Разумеется, все это обычное лицемерие, — продолжал Кассий. — Лично я убежден, что старейшины из Верховного Совета пользуются вакцинацией, чтобы предохранить от болезней членов своих семей. И до них в истории было полно деспотов, которые втихомолку наслаждались вещами, запретными для их подданных.

— Но вакцинация не дает никакого результата, и никогда не давала, — запротестовал Траффорд. — Я знаю это, потому что изучил вопрос достаточно хорошо.

— Так значит, вы ею интересовались?

— Я ее прогуглил. Признаю. Еще в Допотопную эру люди начали сознавать, что вакцинация детей порождает больше проблем, чем призвана решить.

— Согласен, так действительно думали.

— Я читал статьи об этом. Чего она только не вызывала, от аутизма до ожирения. Так что от этой практики отказались еще до Просвещения. До основания Храма.

— Верно. В ту счастливую пору, когда детской смертности почти не существовало, люди и впрямь были настолько развращены, что по своей лени и тупости отвернулись от вакцинации. Накануне Потопа и прихода так называемого Просвещения даже умные люди полагали, что в ней есть нечто подозрительное. Конечно, они были абсолютно неправы.

— Да почем вы знаете?

— Просто чувствую, — с улыбкой ответил Кассий. — Такова моя вера.

Ответить на это было нечего. Чувства всегда признавались законными. Даже во время этой чрезвычайно опасной беседы социальные инстинкты Траффорда не позволяли ему оскорбить Кассия, выразив сомнение в правомочности его чувств.

— Я спасаю детей, Траффорд, — сказал Кассий твердым, ясным голосом. — И почти наверняка могу спасти вашего ребенка. В то время, когда вакцинация была принята повсеместно, в период ее расцвета в третьей четверти двадцатого столетия Допотопной эры, все общество признавало ее необходимость, и в младенчестве умирало не больше одного ребенка из тысячи.

— Это ложь!

— Теперь их умирает пятьсот.

— Это ложь. Я *видел* цифры, статистику. Я отыскал их в сети. Они записаны, эта информация дошла до нас, и она говорит, что в эпоху обезьянолюдей детская смертность была не меньше нынешней.

— Я тоже видел статистику.

— Вы хотите сказать, что она неверна?

— Нет.

— Я сам никогда в жизни не заносил в компьютер неверных цифр. И ни один руководитель отдела не просил меня это делать.

— Когда имеешь дело с цифрами, не обязательно лгать, чтобы заставить их говорить то, что тебе хочется услышать. Надо только интерпретировать их нужным образом. Пойдемте, — сказал Кассий, поднимаясь из-за стола. — Мы уже долго пропадаем, пора возвращаться на работу. Даже тому, чья профессия — быть стариком, иногда приходится изображать служебное рвение.

Когда Траффорд с Кассием тихонько проскользнули обратно в офис, там уже полным ходом шло другое празднество. В Израз приняли новую служащую, только что окончившую колледж, и эту девушку по имени Фиеста Целеста встречали буквально с распростертыми объятиями.

Каждый считал своим долгом обнять новенькую, со всех сторон раздавались восторженные выкрики, повсюду были сияющие лица. Фиеста Целеста пролепетала, что она в полном экстазе от того, что встретила здесь такой потрясающий коллектив, и все заверили ее, что они в не меньшем экстазе от того, что она попала именно к ним. Затем было выражено общее убеждение, что сегодняшняя волнующая и счастливейшая встреча станет началом крепкой многолетней дружбы всех присутствующих.

Этой ритуальной церемонией неизменно сопровождалось появление каждого нового сотрудника, и не присоединиться к ней со всем возможным энтузиазмом было бы роковой ошибкой. Жесткие социальные условности требовали выражения буйного, почти истерического восторга в предвидении пылкого эмотирования и бесконечных улыбок, которые сулило новое знакомство, а равнодушие со стороны любого отдельно взятого работника расценивалось как подрыв позитивной установки всего коллектива и решительно осуждалось. Поэтому все столпились вокруг новоприбывшей, загодя распахнув объятия и дожидаясь удобного момента, чтобы доказать свою душевную открытость и готовность расширить свой тесный дружеский круг во имя Любви.

Траффорд подозревал, что многие его коллеги с удовольствием вернулись бы к работе после того, как каждый получил шанс обнять новенькую, расцеловать ее и выплеснуть наружу безудержную радость, вызванную ее появлением, однако Принцесса Любомила не собиралась на этом останавливаться.

— Ты такая *молоденькая*! Еще совсем *ребеночек*! — воскликнула она своим громким, трубным голосом, который звучал еще противнее из-за ее излюбленной манеры по-детски присюсюкивать. — Подойди сюда, крошка. Сейчас же подойдите сюда, мисс Фиеста Целеста, и обнимите меня еще раз! Обнимите меня, обнимите скорей, обними-и-и-ите!

Фиеста Целеста сделала, как ей было велено, то есть шагнула вперед, позволив тесно прижать себя к пышной груди Принцессы Любомилы. Последовали новые ликующие восклицания, выкрики и аплодисменты.

— У нас славная команда, — продолжала Принцесса Любомила, не выпуская Фиесту Целесту из своих сокрушительных объятий. — Счастливая команда и сильная, гордая команда. Мы все счастливые, сильные, одухотворенные люди. Но мы не любим снобов и мизантропов, верно? А еще мы не любим фальшивых сучек и говорим им это прямо в лицо. Если в тебе много фальши, гуляй куда подальше. Правда, девочки? Да, мы такие — хотите принимайте нас, хотите нет, но мы уже не изменимся. Согласны? Не слышу ответа!

И все окружающие, включая Траффорда и Кассия, покорно изобразили очередной приступ всеобщего ликования.

— А теперь позвольте сказать вам, мисс Фиеста Целеста, что я знаю о вас гораздо больше, чем вы думаете, — заявила Принцесса Любомила. — Кстати, какое чудесное имя!

Последовала новая серия выкликов, под которые Принцесса Любомила и Фиеста Целеста продолжали тискаться и обниматься, точно любовницы, хотя с момента их первого знакомства прошло меньше пяти минут.

— Да-да. Знаю я вас, девчонок! — крикнула Принцесса Любомила в макушку Фиесте Целесте. — Потому что я прогуглила тебя, подружка! Да-да, я просмотрела твои фотки и ролики, и скажу тебе прямо, детка, *мне понравилось то, что я увидела*!

— Ой, нет! — взвизгнула новенькая сквозь гигантское кольцо-сережку, свисающее с уха Принцессы Любомилы. — Вы правда прогуглили меня, девочки? Ой, нет! Я щас умру!

— Да, я тебя прогуглила! Во всех подробностях, детка! Мало того, я еще взяла и скачала кое-что из того, что увидела, ясно? Так что смотри и слушай, Фиеста Целеста, девочка, потому что это *твоя жизнь*!

— Ой, не надо! — завизжала Фиеста Целеста. — Па-жа-лу-СТА!

— Помнишь свой пятый день рожденья, когда ты измазала тортом носик? Как это забавно! Какая *миленькая* ты была малышка!

Принцесса Любомила тронула клавишу своего лаптопа, и на видеостене стала отображаться запись пятого дня рождения новоприбывшей. Раздались одобрительные возгласы, и Фиеста Целеста опять завизжала в притворном ужасе.

— Стоп, стоп, стоп! — скомандовала Принцесса Любомила. — Это еще только начало. Ага, вот!

Маленькая девчушка на экране ткнулась носом в кусок торта, и весь офис задрожал от ликующих возгласов. Затем пошли разные эпизоды из жизни подрастающей Фиесты Целесты: детские праздники в закусочных с бургерами, катание на велосипеде, неизбежное пение под караоке — и наконец на экране появилась девица в розовом бикини на школьном выпускном балу.

— Да-да, маленькие девочки становятся большими, не так ли, Фиеста Целеста? — поддразнила ее Принцесса Любомила. — А ведь та ночь после выпускного стала для тебя особенной, правда?

— Нет! — завопила Фиеста Целеста. — Ты этого не сделаешь!

— Еще как сделаю, — сказала Принцесса Любомила и снова дотронулась до клавиатуры, включив запись любовной сцены в исполнении двух голых подростков. Фиеста Целеста визжала и стонала, спрятав лицо на обширной груди Принцессы Любомилы, а все вокруг хлопали в ладоши, поощрительно кричали и уверяли ее, что им тоже очень неловко смотреть записи, на которых они теряют невинность.

— Ты классно выглядишь! Так сексуально, детка! — подбодрила ее Принцесса Любомила. — Когда меня оприходовали, я еще даже не успела сделать себе бикини-эпиляцию! Посмотрите на моем персональном сайте, девочки, я смонтировала такой ролик, вы умрете!

В следующем эпизоде Фиесте Целесте увеличивали грудь.

— Мне было всего шестнадцать, — объяснила Фиеста Целеста серьезным тоном, — но я так просила, так умоляла, что мама разрешила мне сделать это пораньше.

— Твоя мамочка супер! — пронзительно воскликнула Принцесса Любомила. — Это чудесное событие, когда мамочка ведет свою девочку выбирать ее первые бубики!

— Я просто знала, что мне это нужно, и *ужасно* этого хотела! Понимаете? Быть настолько красивой, насколько я могу. Во имя Бога-и-Любви. Ведь Любовь требовала от меня, чтобы я была красивой!

Снова аплодисменты, снова одобрительные крики — и все стали внимательно смотреть домашнее видео, на котором шестнадцатилетней Фиесте Целесте, лежащей под наркозом на операционном столе, разрезали грудь, вынимали оттуда куски плоти и вставляли на их место имплантаты.

— В *шестнадцать* лет, друзья! — воскликнула Принцесса Любомила, торжественно воздев кулак. — Какое уважение к Господу! Так что давай, девочка, показывай!

Все закричали и захлопали, и покрасневшая новая сотрудница закатала свой крошечный топ, расстегнула атласный кружевной лифчик и гордо продемонстрировала коллегам нагие груди размером с хорошие арбузы.

— Они очень помогли мне как женщине, — призналась Фиеста Целеста, — и научили меня любить себя, расти над собой и еще больше верить в себя и моего Создателя и уважать его по полной программе.

— Молодец, девочка! Умница! — закричала Принцесса Любомила. — Потому что помните все — мы суть лик и тело Господа, и, когда люди смотрят на нас, они смотрят на Бога!

Снова раздались возгласы, на сей раз благоговейные; головы присутствующих склонились долу, и кто-то произнес "аминь".

— Разве я не права, Сандра Ди? — добавила Принцесса Любомила.

В этих словах отчетливо прозвучала ядовитая нотка, и все взоры обратились на Сандру Ди.

На вид Сандре Ди можно было дать лет двадцать пять. Она появилась в их рабочей группе недавно и тут же стала главным объектом издевательских нападок Принцессы Любомилы. Отчасти причина этого состояла в том, что грудь Сандры Ди не подверглась увеличению. Бог-и-Любовь благословил ее грудью всего лишь среднего размера, и, однако же, она позволила ей остаться такой. Формально у нее было на это право: закон не обязывал всех лиц женского пола увеличивать грудь, данную им от природы. Тем не менее Храм безусловно ожидал этого от неполногрудых женщин, и нежелание оправдывать эти ожидания воспринималось как грубый вызов общественному мнению. В некоторых наиболее консервативных семьях девушек, отказывающихся от увеличения груди, принуждали к этому силой. Их братья, отцы, дяди или кузены подмешивали им в еду снотворное, а потом везли их в больницу, где они вскоре просыпались с гигантскими грудями, какие полагалось иметь порядочным женщинам. Эти операции назывались "почетным увеличением".

Сандра Ди ответила Принцессе Любомиле сердитым взглядом, но ничего не сказала. Траффорд был восхищен ее мужеством. Мало у кого хватало духу на то, чтобы не спасовать перед Принцессой Любомилой, когда она принималась за свою "критику". Принцесса Любомила была свирепа и неумолима, она гордилась тем, что не даст спуску никому на свете и что все об этом знают. Тут уж ничего не попишешь, говорила

она: такой у нее характер, а если он кому-то не нравится, это его проблемы.

— Интересно, что думает Создатель, когда смотрит на тебя, Сандра Ди, — продолжала Принцесса Любомила самым язвительным тоном, на какой только была способна.

— Мы не можем знать мыслей Любви, — спокойно ответила Сандра Ди.

— Аллилуйя! — воскликнул Траффорд, выбросив вверх кулак.

Все воззрились на него. Было ясно, что он пытается поддержать Сандру Ди, но, с другой стороны, Принцесса Любомила с ее прихвостнями не могла к нему придраться, поскольку подобные возгласы всегда считались уместными.

— Аллилуйя! — повторили все. Как ни крути, а этого требовали правила проведения общественных ритуалов.

— Слава Любви! — завопил Траффорд, снова подняв кулак над головой.

— Слава Любви! — эхом откликнулись остальные, и Траффорд заметил, что Калуа, Кассий и двое-трое других его коллег, обычно старающихся быть как можно незаметнее, на сей раз присоединились к общему хору с повышенным энтузиазмом. Однако Сандра Ди повторила его восклицание спокойным голосом, словно соблюдая необходимую формальность и при этом не сводя упорного взгляда со своей мучительницы.

Принцесса Любомила так и кипела; она не привыкла, чтобы ее останавливали в атаке на полном скаку.

— А по-моему, в этом случае мысли Любви вполне очевидны! — рявкнула она.

— Да ну? — отозвалась Сандра Ди, саркастически подняв бровь.

Траффорд ощутил прилив восторга: на его памяти никто никогда не перечил Принцессе Любомиле. Сам он осмелился вмешаться, лишь прикинувшись, что охвачен религиозным пылом. Он хотел снова воспользоваться тем же приемом, но понял, что на второе "аллилуйя" у него не хватит смелости. Сейчас большинство коллег смотрели на Сандру Ди осуждающе, а действовать вопреки общему эмоциональному настрою всегда бывало опасно. Одна такая выходка сошла ему с рук, но повторить ее значило проявить неуважение к мнению разгневанной толпы, а те, кто на это отваживался, неизменно становились ее очередной жертвой. Все, что он мог сделать, — это просто смотреть на Сандру Ди, надеясь, что она прочтет в его взгляде осторожное сочувствие.

— Послушай-ка меня, Сандра Ди! — прогремела Принцесса Любомила. — Мне кажется, что ты не оправдываешь надежд своего Создателя! Он дал тебе утробу и розочку, сотворив тебя женщиной, дочерью Евы и сестрой Дианы, которая любит всех деток, но он не был особенно щедр по части бубиков, не так ли, моя дорогая?

— Думаю, мне придется жить с тем, что у меня есть, — ответила Сандра Ди.

— Ах вот как? И мы, все остальные, тоже должны жить с тем, что у нас есть? Да только тебя никто не заставляет жить с тем, что у тебя есть, верно, Сандра Ди? Ты *сама* решила так жить, и мне сдается, что пора тебе изменить свой взгляд на мир, Сандра Ди! Пора стать настоящей женщиной — такой, какой тебя хочет видеть Господь!

— По-моему, Господь хочет, чтобы я была собой, — спокойно ответила Сандра Ди. — Именно поэтому он создал меня такой, какая я сейчас.

Услышав эти слова, кто-то из присутствующих едва слышно ахнул — Траффорду показалось, что Калуа, но кто бы это ни был, он выразил общее настроение. Неужели Сандра Ди не понимает, что с этого момента ее жизнь превратится в кромешный ад?

— А может быть, ты лесбиянка, Сандра Ди? — зловеще осведомилась Принцесса Любомила. — Ты случаем не практикуешь однополую любовь?

Принцесса Любомила прибегла к своему стандартному пыточному методу — обвинять наобум. Очевидно, у нее не было ни малейших оснований обвинять Сандру Ди в гомосексуализме, который считался тяжким преступлением.

— Нет, — ответила Сандра Ди.

— В таком случае сделай себе приличные бубсы и перестань оскорблять Господа и бросать тень на весь наш коллектив!

На этот раз Сандра Ди промолчала, избрав тактику пассивной обороны. Праздничная атмосфера в помещении сменилась напряженной и крайне дискомфортной. Как виновница торжества, Фиеста Целеста почувствовала себя обязанной что-нибудь сказать.

— У тебя классная прическа, Сандра Ди. Правда, у нее классная прическа, друзья?

— Как это *мило* с твоей стороны, Фиеста Целеста, и как *благородно*, — провозгласила Принцесса Любомила. — А теперь... давайте есть торт!

Траффорда поразило то, что она решила замять дело. Стойкость Сандры Ди, не сломившейся под ее натиском, явно выбила Принцессу Любомилу из колеи. Мать Траффорда всегда повторяла, что забиякам нужно давать достойный отпор, но поскольку попытка дать отпор Принцессе Любомиле легко могла привести к клеветнической кампании и гибели смельчака в застенках инквизиции, он никогда не видел, чтобы эту теорию применяли на практике.

Тем временем праздник перешел в следующую фазу. В офис внесли огромный торт и коробки с разноцветными глазированными пончиками и начиненными шоколадом булочками. Однако Сандра Ди просто вернулась за свой стол и возобновила работу. Принцесса Любомила и ее приспешники бросали на нее взгляды, полные возмущения и ярости, так как отказ от поедания торта в обществе коллег расценивался как снобизм и зазнайство наихудшего сорта, но Сандра Ди словно не замечала вызванного ею негодования. Когда она проходила мимо, Траффорд снова попытался тайком выразить ей свою солидарность, но она никак не отреагировала на его потуги — возможно, потому, что в этот момент рот у него был набит пончиком с карамельной начинкой.

10

Когда празднество по случаю приема на работу новой сотрудницы наконец завершилось и Траффорд вернулся на свое место, Кассий подошел к нему, пододвинул стул и присел рядом.

— Мне очень хочется немножко посмотреть, что вы делаете весь день за этими огромными экранами, — жизнерадостно сказал он. — В конце концов, пускай я старик, но я еще способен учиться, расти над собой и делать все, чтобы стать хоть чуточку лучше!

— Молодец! — крикнула Принцесса Любомила из угла комнаты, где она посвящала Фиесту Целесту в таинства местной пейнтбольной лиги. — Слава Любви!

— Слава Любви! — откликнулся Кассий, молитвенно сложив руки, а затем выбросив вверх кулак.

Траффорд покосился туда, где тихо сидела за своим компьютером Сандра Ди, и понял, что демонстрация Кассием своей набожности не ускользнула от ее внимания. Ему даже почудилось, что на ее обычно бесстрастном лице промелькнула едва заметная усмешка.

Спустя минуту-другую, когда Кассий убедился, что о них с Траффордом все забыли, он подался вперед и стал набирать что-то на клавиатуре.

— Значит, вот как вы это делаете? — невинно спросил он, ловко отыскивая путь в самые потаенные архивы Госбанда. — Так это здесь хранится вся наша жизнь до последней секундочки?

Кассий адресовал поисковую программу к 15-му году Допотопной эры.

— Тогда он назывался 2014-й. Я выбрал навскидку, — пробормотал он. — Годится?

Траффорд кивнул, и Кассий нажал клавишу ввода.

В один миг экран заполонили цифры почти вековой давности. Числа, места, даты — все они представляли десятки тысяч детей, умерших прежде, чем начать жить по-настоящему и прежде, чем родились сами Кассий с Траффордом.

— Видите? — сказал Траффорд. — Два месяца... неделя... день. Выходит, что до Потопа дети умирали еще быстрее, чем теперь. Большинство из тех, что умерли, не дотянули даже до своего первого дня рождения. Старая наука не спасла их, — шепотом добавил он.

— На первый взгляд — нет, — громко и уверенно ответил Кассий. Затем он снова наклонился к клавиатуре и забегал по ней пальцами. — А если я сделаю так?

Траффорд нажал ввод, и все цифры на экране мгновенно изменились.

— Что вы сделали? — спросил Траффорд.

— Передвинул точку отсчета, — невнятно сказал Кассий, жуя сладкую булочку. — Я вычел из возраста всех детей по девять месяцев. Обратите внимание на то, что большинство цифр стали отрицательными.

— Ну и что?

— Как видите, дети, которые раньше были отмечены как умершие в возрасте четырех с половиной лет, теперь отмечены как умершие в возрасте трех лет и девяти месяцев. Ребенок, который в прежней таблице значился как погибший в три месяца, теперь умер как бы в возрасте *минус* шесть месяцев.

— Ну конечно, вы ведь уменьшили все цифры на девять месяцев, — подтвердил Траффорд.

— Именно. Детям, которые в первой таблице были обозначены как умершие через несколько месяцев после рождения, теперь соответству-

ют *отрицательные* цифры. Смотрите: четыре месяца превратились в минус пять месяцев. Один — в минус восемь. Тысячи и тысячи отрицательных величин, представляющих детей, которые *умерли, не успев родиться.*

– Но это же явная чепуха. Нельзя умереть, не успев родиться. Что вы хотите этим сказать? — спросил Траффорд. Он почувствовал прилив раздражения. Кассий говорил с ним менторским тоном, что было бы обидно даже в том случае, если бы его слова имели хоть какой-то смысл.

— Я хочу сказать, что эти дети *действительно* умерли, не успев родиться, — ответил Кассий.

— Не понимаю. Вы просто взяли и вычли одну и ту же цифру...

— Не просто цифру. Девять месяцев — это срок, за который женщина вынашивает ребенка. При определении уровня смертности в годы Допотопной эры за точку отсчета брали не дату рождения, а приблизительную дату *зачатия* каждого умершего.

– И все-таки я не...

— Поймите, что в этих показателях учтены и аборты, и посткоитальная контрацепция.

— Что такое посткоитальная контрацепция?

— Лекарство, которое женщина могла принять сразу после секса. В результате ее матка отторгала чужеродные клетки.

— Вы имеете в виду химический аборт?

— Можно сказать и так.

— Но это противозаконно.

Траффорд был достаточно хорошо образован и знал, что в Допотопную эру раннее прерывание беременности химическим способом считалось более гуманным, чем удаление плода. Однако Храм не делал различия между этими процедурами. Всякое прерывание беременности называлось абортом и приравнивалось к убийству. Пресловутые "утренние таблетки" занимали не последнее место в числе факторов, вызвавших гнев Любви и таким образом ставших причиной Потопа.

— Какая разница, Траффорд? — ответил Кассий все с той же вежливой улыбкой. — Я всего лишь подчеркиваю: тот, кто составлял эти таблицы детской смертности, исходил из предположения, что жизнь ребенка начинается в момент его зачатия.

— И это совершенно справедливо! — нервно озираясь, воскликнул Траффорд.

— Пожалуй, — откликнулся Кассий. — Но в наши дни Храм запрещает и аборты, и даже посткоитальную контрацепцию, вследствие чего смертность подсчитывается исходя из даты *рождения.* Чтобы сравнить тогдашний уровень смертности с нынешним, вы должны выбрать в этой таблице, составленной до Потопа, только *положительные* цифры, так как только они относятся к детям, умершим *после* рождения.

Пальцы Кассия снова запорхали над клавиатурой. Последний щелчок — и все отрицательные цифры исчезли с экрана. Он вдруг почти опустел.

— Как видите, — продолжал Кассий, — было время, когда лишь ничтожному проценту от общего числа детей не удавалось достичь зрелости. В Британии умирал примерно один ребенок из двухсот, а не один из двух, как теперь. Остальных спасала вакцинация. Именно поэтому я и стал вакцинатором. Спасать детям жизнь — мое призвание и моральный

долг. Если хотите, моя вера. Я не сомневаюсь, что когда-нибудь мне придется заплатить за свои убеждения собственной жизнью, но это меня не останавливает.

Кассий собрал их бумажные тарелки и стаканы.

— Знаете, Траффорд, — тихо сказал он, — когда-то прививку от столбняка делали всем поголовно. Если бы ваша первая дочь родилась в те дикие, первобытные времена, она имела бы все шансы стать взрослой.

11

Когда Траффорд вернулся домой, Чантория кормила грудью их новорожденного ребенка. Она устроилась на кушетке нагая, если не считать шлепанцев и полотенца, прикрывающего двухдневную щетину на лобке.

— Привет, дорогая. Привет, малышка, — поздоровался с семьей Траффорд. — Привет, Куколка, — добавил он, кивнув в сторону экрана. — Как там у нас в чате — все нормально?

— Все отлично. Спасибо, Траффорд, — ответило ему цифровое изображение Куколки, хрустя засахаренным миндалем.

Траффорд перегнулся через столик для видеоигр, чтобы поцеловать жену. В крохотной, загроможденной мебелью комнатке ему было нелегко привести свои губы в соприкосновение с подставленной щекой Чантории. Она сидела, подобрав под себя ноги, и Траффорду пришлось опереться на них обеими руками.

— Ай! Мои вены!

— Извини.

На их кушетке могли сесть рядом только двое — она была лишь немного больше плоской коробки, в которой ее привезли, и тем не менее целиком занимала собой одну из стен. И все же Траффорд с Чантонией понимали, как повезло им с жильем. Ведь в этой квартире с раздельными гостиной и спальней их было всего трое, хотя по закону здесь могли бы разместиться шестеро. А в действительности почти все соседние здания были заселены еще плотнее. Многие разросшиеся семьи из десяти или даже двенадцати человек теснились в квартирах с площадью меньшей, чем у них. Гнев Любви превратил Лондон в очень маленький город, который к тому же неуклонно продолжал сжиматься.

— Кто-нибудь делит с тобой удовольствие? — поинтересовался Траффорд.

— Трое, — без особенного энтузиазма ответила Чантория, кивнув на веб-камеру, которую она кое-как пристроила на подлокотнике кушетки, чтобы желающие могли наблюдать за процессом кормления.

Траффорд тронул кнопку на своем коммуникаторе, и на стене появились лица трех человек, которые делили с Чантонией удовольствие. Два из них были тоже матерями из их жилого комплекса — обе, конечно, сидели обнаженные, причем одна кормила младенца грудью, как Чантория, а другая, только что потерявшая годовалого ребенка из-за коклюша, просто эмотировала за компанию. Нажав другую кнопку, Траффорд добавил громкости.

— Я уже привыкла к мысли, что все на свете делается с какой-то целью, — говорила та, у которой умер ребенок. — Сейчас мой малыш там, где ему хорошо. Сейчас ему тепло и уютно в объятиях Любви...

— Привет, Незабудка, — сказал Траффорд, вложив в голос как можно больше сочувствия. — Как ты?

— Потихоньку. Спасибо, Траффорд. Стараюсь быть сильной, — откликнулась Незабудка, промокая глаза розовым кухонным полотенцем. — Я как раз говорила, что это испытание должно сделать меня лучше — я знаю, что так запланировала Любовь. Я часто обращаюсь к ней после того, как умер мой Сникерс, и она явно хочет, чтобы я была си... силь...

Но тут силы, которые Любовь стремилась вдохнуть в Незабудку, оставили ее. Она не выдержала и расплакалась. Траффорду был слышен хор сочувственных голосов, на все лады утешающих несчастную:

— Ну-ну... не надо...

— Будь сильной, женщина. Господь позаботится о твоем Сникерсе.

— Время лечит. Рано или поздно боль пройдет.

Траффорд включил счетчик онлайнеров, и в углу экрана появились цифры, сообщающие, что в данную минуту вместе с ним и Чанторией горе Незабудки разделяют сорок семь человек.

— Сорок семь друзей и подруг, — бодрым голосом сказала Чантория. — Да это же чудесно, Незабудка! Мы все за тебя переживаем.

Чантория не стала добавлять, как резко это число контрастирует с жалкой тройкой, обозначающей количество тех, кто делит с ней удовольствие кормить Мармеладку, но Траффорд понял, что она об этом подумала. Он знал, как огорчает Чанторию недостаток внимания со стороны соседей. Их не то чтобы презирали — их просто не замечали, и, когда Чантория видела, что на них с дочерью смотрят всего три человека, ее начинала грызть тревога. Люди, которые не пользовались известностью ни в хорошем, ни в дурном смысле, легко становились мишенью для травли. Пока с семьей Траффорда этого не случилось — по крайней мере, в сколько-нибудь заметной степени, — но, если бы кто-то из местных авторитетов и впрямь захотел доставить им неприятности, они оказались бы беззащитны. В таком тесном сообществе, как у них, изоляция была чревата печальными последствиями.

Именно по этой причине Чантория без устали пилила Траффорда за то, что он недостаточно любезен с Куколкой. Куколка была глазами и ушами всего здания, огромным, разбухшим, прикованным к креслу часовым, который одновременно присутствовал во всех квартирах, не покидая при этом своей. Куколка могла быть могучим союзником, но и опасным врагом, а ее выбор в этом отношении зависел от того, сколько лести и экранного времени достается на ее долю. Траффорд же, несмотря на все свои искренние старания, был попросту не в силах выказывать ей уважение в той мере, какую она полагала для себя достойной.

— А у меня всего трое, — сказала Чантория с натянутым смешком и добавила театральным шепотом: — Да и то один из них извращенец.

Третий наблюдатель на экране, мужчина средних лет, сделал вид, что не слышит. Как и у Чантории, его пах был прикрыт полотенцем.

Пока Чантория докармливала Мармеладку, Траффорд разморозил две порции лазаньи и остудил трехлитровую бутыль пепси. Они поели

за столиком для видеоигр. Траффорд хотел постелить на него скатерть, чтобы не видеть бесконечной рекламы новых игровых программ, которые вскоре должны были появиться в интернете. Ему было трудно сосредоточиться на ужине среди всех этих прыгающих, кувыркающихся, стреляющих и дерущихся уродцев, но Чантория настояла на том, чтобы поверхность стола осталась открытой.

— Мы в онлайне, Траффорд, — предупредила она. — Тебе надо, чтобы нас считали ненормальными?

Траффорд покорился, признав ее правоту. Если видеоигры и скачущие уродцы считаются хорошим развлечением, значит, чем больше их у тебя перед глазами, тем тебе должно быть веселее. Что тут может не нравиться?

Они ужинали в тишине — во всяком случае, не разговаривая друг с другом. Разумеется, до настоящей тишины в комнате было далеко. По обоим ноутбукам шло караоке-реалити-шоу, а смартфоны и прочие электронные устройства, разбросанные по квартире, ловили и отображали новостной поток. На коробке с рисовыми хлопьями мельтешила реклама последнего блокбастера, а стенной экран, конечно же, был занят эмотирующими соседями. Кроме того, сквозь пластиковые перегородки просачивался шум, издаваемый всеми остальными ноутбуками, коммуникационными устройствами и коробками с сухим завтраком, которые находились в их многоквартирном доме.

Как всегда, было утомительно жарко. Траффорд видел на верхней губе Чантории блестящие капельки. Пот ручейками сбегал и по ее обнаженной груди. Малышка раскричалась: в жару все дети непрерывно капризничали.

— А вы двое чего молчите? — рявкнул голос Куколки. — Почему не участвуете?

Чантория встрепенулась, как испуганная птица, и сразу же увеличила громкость, чтобы расслышать Незабудку, которая снова появилась на большом экране.

— Я чувствую себя одинокой и совсем разбитой, — раздался ее голос на фоне приглушенного гомона вокруг. — Внутри точно все онемело. — Юное лицо Незабудки исказила страдальческая гримаса — муки несчастной матери были так сильны, что даже толстый слой ботокса не помешал им прочертить складки на каменно-гладкой поверхности ее лба. — Как будто оттуда вырезали кусок. Страшно подумать, что бы я сделала, если б не знала, что Господь всегда со мной.

— Я тоже с тобой! — выпалила Чантория, и Траффорд вздрогнул: так явно прозвучала натянутость в ее возгласе. Неужто она не понимает, что слабых чаще всего превращают в козлов отпущения? Если Чантория не хочет, чтобы над ней издевались, нельзя показывать, что она в любой момент готова стать жертвой чужих нападок.

На мгновение мысли Траффорда вернулись к Сандре Ди, которую пыталась смешать с грязью Принцесса Любомила. Эта женщина с натуральной грудью не была жертвой. Она смело встретила злобный взгляд Принцессы Любомилы, и этот отважный поступок помог ей защитить себя. Траффорд и прежде замечал подобное. Жаждущую расправы толпу нередко сбивали с толку проявления личного мужества. Только вот демонстрировать такое мужество было очень трудно.

— Спасибо, Чантория, это ужасно мило с твоей стороны, — сказала Незабудка сквозь слезы. Чантория улыбнулась, но Незабудка тут же ядовито прибавила: — Хоть я и не уверена, что мне сейчас так уж приятно общество молодой мамочки, которая в любой момент может дать бубик своему здоровому ребенку.

Чантория отпрянула, словно ее ударили. На ее щеках выступил пунцовый румянец. Траффорд смотрел, как не только ее лицо, но и плечи, руки и вся грудь покрываются красными пятнами унижения. Ее соски почти исчезли, потому что кожа вокруг них побагровела от смущения и стыда.

— Я не хотела... — пробормотала Чантория.

Но Незабудка уже забыла о ней и двинулась дальше: ее переполняли чувства. В конце концов она имела право излить свою скорбь.

— Спасибо моему медиуму, — продолжала она. — Знаете Медовушку? Она беседует с моим мальчиком с тех пор, как он меня покинул, и он сказал ей, что счастлив там, куда его взяли. Медовушка в этом уверена: он счастлив и ждет меня вместе со своей старшей сестричкой, которая ушла раньше.

— Значит, в раю Сникерс научился говорить? — спросил Траффорд.

Это вырвалось у него невольно. Незабудка разозлила его бесцеремонной отповедью, которой она наградила Чанторию в ответ на попытку ее утешить. Вдобавок, его бесила идиотская вера в сверхъестественные способности Медовушки. Для Траффорда было очевидно, что Медовушка, их самозваный экстрасенс, — глупая толстуха, сплетница и завистница да к тому же врунья. Одна мысль о том, что это слабоумное существо может разговаривать с младенцами, которые умерли, даже не успев обрести дар членораздельной речи, выводила его из себя своей нелепостью.

Конечно, Траффорд понимал, чем вызвана его реплика, и тем не менее он предпочел бы сдержаться. Лицо Чантории из ярко-алого стало мертвенно-бледным. Она смертельно испугалась. Траффорд оскорбил безутешную мать, позволив себе ехидное замечание об ее погибшем ребенке! Нельзя было и представить себе более наглого выпада в адрес всего общества.

Куколка, которая, похоже, умела следить за полусотней разговоров одновременно, среагировала на это в мгновение ока.

— Что ты сказал? — прогремела она.

— Я... — Траффорд запнулся.

— По-твоему, Медовушка *не беседует* с маленьким Сникерсом? — негодующе спросила Куколка.

— Он не то имел в виду! — проблеяла Чантория.

— Медовушка... чувствует мысли моего сыночка, — вмешалась Незабудка.

Она была в растерянности. Неужели человек, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, осмелился проявить неуважение к эмотирующей матери, которая недавно похоронила свое дитя? Это казалось просто невероятным, и она сомневалась, что правильно расслышала слова Траффорда.

— Конечно, чувствует! — яростно воскликнула Куколка. — Медовушка — прекрасный медиум! Тут и спорить нечего. Благодаря Медовушке мы все...

— Да-да, ты права, — поспешно перебил ее Траффорд, понимая, что надо исправлять свою ошибку, прежде чем к разговору подключатся остальные сорок с лишним соседей, делящих с Незабудкой ее боль. Иначе последствия его промаха могли стать роковыми. — Именно это я и хотел сказать!

— Чего? Что ты хотел сказать? — подозрительно спросила Куколка.

— Как... как это чудесно, что благодаря Медовушке Незабудка знает о чувствах своего ребенка.

— Тогда зачем ты спросил, научился ли Сникерс говорить? — поинтересовалась Куколка с явным сомнением в голосе.

— Я подумал, что раз Сникерс не умел говорить, когда был живым, то теперь его душа чувствует еще сильнее. Она почти говорит... даже лучше! Невинное дитя может сказать своими чувствами гораздо больше, чем мы способны передать словами, и спасибо Любви за то, что у нас есть Медовушка, которая... которая умеет это улавливать. Как будто Сникерс и правда научился говорить.

Траффорд улыбнулся в объектив. Его лицо было воплощением благочестивой искренности, и Куколка немедленно попалась на удочку.

— Ах, вот оно что, — протянула она. Весь ее гнев испарился, сменившись приторным восхищением. — Разве это не прекрасная мысль, Незабудка?

Незабудка на экране широко улыбнулась: теперь она поняла, что никто ее не обижал, и ей было очень приятно, что все так ее любят.

— Да, Траффорд, спасибо, — сказала она. — Как это мило! Спасибо, что ты со мной.

— Можешь на меня рассчитывать, — весело ответил Траффорд, с облегчением глядя на то, как щеки Чантории снова приобретают свой обычный цвет. — Я всегда рядом!

12

— Не знаю, что со мной будет, если я потеряю Мармеладку Кейтлин, — сказала Чантория.

Их трапеза подошла к концу. Остаток ужина Чантория провела в оживленной виртуальной атмосфере домового чата, без умолку болтая и отчаянно эмотируя в робкой попытке продемонстрировать свой компанейский характер и подлизаться к Куколке после выходки Траффорда, едва не завершившейся для них катастрофой. С полчаса Траффорд слушал, как соседи соревнуются в пустопорожних излияниях и напыщенной религиозной риторике, но потом его терпение иссякло, и он нажал одну из кнопок на коммуникаторе.

Теперь их с Чанторией по-прежнему можно было видеть, можно было и обратиться к ним, но их собственный разговор стал неслышным для остальных. Храм считал такой уровень приватности социально и морально допустимым, даже весьма желательным в этот вечерний час. Когда день близился к концу, людям полагалось возобновлять более тесное общение с теми, на ком они были женаты в настоящий период, и условно уединяться друг с другом во имя Любви.

— Я бы скорей умерла сама, — продолжала Чантория.

— Да, — отозвался Траффорд, не сводя взгляда с застывших остатков своего ужина. — Когда мы с Небесной Клубникой потеряли Ласковую Голубку, у нас тоже было такое чувство. Оно и сейчас иногда ко мне возвращается, стоит только о ней подумать. Насколько лучше было бы умереть вместо нее! Хотя тогда я, конечно, не встретил бы тебя и у нас не появилась бы Кейтлин...

В этот момент Мармеладка Кейтлин хихикнула. Она вообще часто смеялась — намного чаще, чем плакала. Казалось, ее забавляет почти все, что она видит, а веревочка с разноцветными шариками и погремушками, натянутая над ее кроваткой, и вовсе служила ей неиссякаемым источником удовольствия. Она била по ним своими пухлыми ручками и ножками, так что они бешено крутились, и чем больше они крутились, тем больше она смеялась, пока Траффорд с Чанторией тоже не выдерживали и не начинали хохотать — и, наверное, с минуту-другую они втроем заливались смехом, причиной которого были всего-навсего несколько вертящихся кусочков яркой пластмассы.

— Думаю, я пошел бы на все, чтобы защитить Кейтлин, — сказал Траффорд, глядя на свою крошечную дочку.

— Да, конечно. Мы оба пошли бы на все, — подтвердила Чантория.

Как раз на такое начало и рассчитывал Траффорд, чтобы заговорить о вакцинации, но сейчас он замешкался. Он не сомневался в безграничной любви Чантории к малышке, но знал, что жизнь в их многоквартирном доме сделала ее робкой и пугливой. Не так-то просто будет подбить ее на богопротивный поступок.

Он упустил свой шанс. Внимание Чантории вновь перекинулось на экран, где продолжала беззвучно эмотировать Незабудка. В этом и заключалось коварство вездесущих экранов: даже если убавить громкость до нуля, взгляд человека почти неизбежно возвращался к изображению.

— Обоих детей потеряла, — сказала Чантория. — Придется бедной Незабудке начать все сначала. Только не с этим подонком Кавалеристом — надеюсь, Любовь сосватает ей кого-нибудь получше.

Как и прочие обитатели дома, Траффорд с Чанторией были осведомлены обо всех подробностях бурной семейной жизни Незабудки и Кавалериста, поскольку и она сама, и ее агрессивный, неуравновешенный муж постоянно эмотировали в сети. Оба гордились своими бесчисленными комплексами. Их яростные ссоры и сексуально насыщенные примирения непрерывно транслировались в онлайне и, конечно, широко освещались на публичных исповедях. Вдобавок, тонкие межквартирные перегородки давали возможность отслеживать все перемены в их отношениях — удар за ударом и оргазм за оргазмом — и в реальном режиме.

Кавалерист изменял жене направо и налево.

Незабудка давно и прочно сидела на таблетках.

Кавалерист не пропускал мимо ни одной ее подружки.

С Незабудкой ему все равно ловить было нечего.

Разумеется, были и многократные публичные примирения, когда отец Бейли напоминал поссорившимся супругам, что только Бог-и-Любовь может показать им дорогу к знаниям и самосовершенствованию. После этого под восторженные крики паствы Незабудка позволяла Ка-

валеристу заключить себя в объятия и оприходовать прямо на полу исповедальни, и некоторое время все снова шло хорошо.

— Его все равно в тюрьму посадят, — сказал Траффорд, хотя у него и не было ни малейшего желания обсуждать судьбу Кавалериста.

— Думаешь?

Недавно Кавалериста арестовали и вскоре должны были судить за то, что он вломился в мусульманское гетто на машине с целой шайкой головорезов. Они похитили оттуда двоих парней и насмерть забили их бейсбольными битами.

— Год точно получит.

— После того как они подложили бомбу в наш торговый центр? Да нет, вряд ли.

— Бомбу подкладывали не те мальчишки, которых убил Кавалерист.

— Ты почем знаешь?

— Знаю. Те взорвались вместе с бомбой — разлетелись на миллион клочков.

— В общем, я желаю Незабудке в следующий раз выйти за нормального парня, — сказала Чантория. — Теперь, когда она потеряла Сникерса, ей нужно на кого-то по-настоящему опереться.

И вновь Чантория предоставила Траффорду шанс, которого он ждал. На этот раз он осторожно завел беседу о том, что было у него на уме.

— Я сегодня познакомился с одним человеком, — сказал он. — Ну, не то чтобы познакомился: мы и раньше встречались, на работе, за чаем, ели вместе всякие там торты и пончики... А сегодня разговорились. Вернее, это он со мной заговорил. Пригласил на ланч. Мы ели фалафель.

— Просто в голове не укладывается, что это ты вдруг ляпнул Незабудке! — неожиданно воскликнула Чантория. — Какая муха тебя укусила? Будешь выдавать такие комменты — тебе в сети все косточки перемоют!

— Мне не понравилось, как она тебя отшила, когда ты выразила ей сочувствие.

— У нее же ребенок умер!

— Ладно, не хочу я говорить о Незабудке. Я рассказываю тебе про того человека.

— Про какого еще человека?

— Про того, который пригласил меня на ланч. Его зовут Кассий. Он уже довольно старый.

— Ну и что?

— Он как будто... как будто бы знал меня.

— О чем это ты?

— Ну, то есть он догадался, что... что иногда... я люблю оставлять свои мысли при себе.

Во второй раз за этот вечер краска отхлынула с лица Чантории.

— Я тебе говорила, что рано или поздно люди заметят! — прошипела она. — Всё твои дурацкие секреты! Тебе обязательно быть таким психом? Почему надо держать что-то при себе? Какой в этом смысл? Ох, доиграешься ты!

— Ни до чего я не доиграюсь, солнышко, — терпеливо сказал Траффорд. — Это просто помогает мне жить. Ты и сама иногда так делаешь.

Траффорд покосился в другой конец комнаты, где лежал на кухонной банкетке их старый карманный компьютер. Они составляли на нем списки продуктов и вели с его помощью домашний бюджет, но Траффорд знал, что Чантория иногда пользуется им как блокнотом, записывая случайные мысли и наблюдения, которые потом не переносит в ноутбук и не выкладывает на своем блоге, — мелочи, которые никто не узнает и не прочтет, кроме нее самой. Иногда она даже придавала своим тайным мыслям рифмованную форму. Было время, когда Чантория показывала эти наброски Траффорду. Когда они вместе смеялись и плакали над странными, бессвязными заметками, которые ей почему-то хотелось внести в компьютер и которые он считал прекрасными, а она — чепухой. Но эти дни давно прошли. Только могущество молодой любви на краткий период наделило Чанторию силами, необходимыми для того, чтобы делиться своими секретами с близким человеком.

— Я этого уже почти не делаю, — возразила она.

— Знаю, — грустно ответил Траффорд.

— А кроме того, в этом нет ни капельки неуважения к Создателю, — продолжала Чантория. — Какой может быть вред от стишков?

— Если от них нет вреда, зачем ты держишь их в тайне?

— Я ничего не держу в тайне! Я просто не... Просто я забываю их выложить, вот и все. Я не псих. Я не считаю себя какой-то особенной. А вот ты — тебя уже поймали, и теперь нам придется плохо. Они знают, что у тебя есть секреты.

— Кассий — не они, — уверил ее Траффорд. — Он — это он, и его нам бояться нечего.

— Откуда ты знаешь, что он не из полиции?

— Чтобы полицейский годами сидел в углу моего офиса, дожидаясь удобного случая подловить *меня?* — откликнулся Траффорд. — Выходит, я гораздо более важная персона, чем полагал.

Он слегка смутился, почти дословно повторив язвительные слова Кассия, которыми тот ответил на его собственные параноидальные опасения. Но это был хороший ответ, продиктованный логикой и фактами. Чантории *казалось*, что Траффорд может угодить в лапы инквизиторов; он же *вывел путем умозаключений*, что это крайне маловероятно.

— Вдобавок ко всему прочему, — продолжал Траффорд, — у Кассия и у самого есть секрет, да побольше, чем любой из наших. Если кому и стоит опасаться полиции, так это ему.

— Тогда все еще хуже. Зачем ты вообще с ним связался? Он что, мусульманский террорист? Или содомит? Какие у него проблемы?

И Траффорд рассказал Чантории, что ему предложили прибегнуть к услугам вакцинатора. Чантория слушала молча, но на ее лице был ясно написан страх. Когда Траффорд закончил, она сердито потребовала, чтобы он сейчас же донес на Кассия служителям Храма.

— Думаешь, стоит? — спросил Траффорд.

— Я думаю, — с нажимом прошептала Чантория, — что если он вак... один из этих ужасных людей и его поймают — а его точно поймают, никуда не денется, — то первым делом проверят все видеозаписи, на которые он попал, и найдут ту, где вы с ним едите фалафель, и тогда тебе придется здорово постараться, чтобы объяснить, почему ты на него не донес.

— По-моему, надо рассуждать логически.

— Я и рассуждаю логически, и не говори со мной как с идиоткой. Это твоя вечная манера, а на самом деле идиот-то ты. *Логически* любому дураку очевидно, что когда они поймают этого малого, то захотят поговорить с теми, с кем говорил он. А он говорил с тобой, Траффорд, — и что, по-твоему, тогда будет? Если рассуждать логически?

— Я не о себе говорю, да и не о тебе, коли уж на то пошло. Я говорю о Кейтлин. А если этот человек и вправду может спасти ее от болезней?

— Ничего он не может.

— Ну хорошо, допустим, что шансы — один к ста. И ты даже не попробуешь?

— Я не понимаю, о чем ты. И обсуждать это не хочу.

— Да задумайся ты хоть на минутку, ради всего святого. Чантория! Допустим, есть один шанс из ста, что он поможет. Разве мы не должны попробовать? Разве имеем мы право упустить хоть маленькую, хоть самую крошечную возможность дать дочке вырасти здоровой? Даже один шанс из тысячи лучше, чем ничего! Когда умерла моя Ласковая Голубка, я прошел через такое, что второй раз мне этого не вынести. Честное слово, Чантория!

— Траффорд, вакцинаторов сжигают на костре.

— Только тех, кого им удается поймать. А он считает, что ему это не грозит, — ответил Траффорд. — По его мнению, они мало что замечают.

— Они замечают всё.

— Так мы думали раньше. Но, возможно, мы ошибались.

— Ты должен его сдать, Траффорд.

— Я его не сдам.

— Он враг веры. Оберегать его — значит подставлять нас всех.

— Я считаю, что мы должны поставить здоровье Кейтлин выше своих собственных интересов.

— Еще бы! Кто спорит!

— Тогда нам нужно сделать ей прививку.

— Это что, какая-то подлая изуверская шутка? — негодующе спросила Чантория.

— Нет, конечно.

— Тогда какого черта ты скалишься?! — завопила Чантория прямо ему в лицо.

Траффорд действительно улыбался, следуя совету Кассия не привлекать к себе внимания заговорщицким видом. Он расслабил лицевые мышцы, сообразив, что если сейчас по сети и рыщут какие-нибудь соглядатаи, то именно разъяренная Чантория и покажется им наименее подозрительной. Обитатели их огромного муравейника гораздо чаще орали друга на друга, чем улыбались.

— Я считаю, что нам нужно позволить Кассию сделать Кейтлин прививку, — повторил Траффорд.

— Ушам своим не верю. Пожалуйста, скажи, что ты пошутил.

— Я считаю... я считаю, мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы обезопасить нашу дочь.

— Ты хочешь позволить абсолютно чужому человеку втыкать в нее грязные иглы? И это, по-твоему, называется обезопасить?

Чантория подошла к Мармеладке Кейтлин, взяла ее на руки и прижала к себе, точно боялась, что Траффорд, не откладывая дела в долгий

ящик, вынет из-за пазухи здоровенную иглу и проткнет ею несчастного младенца прямо на столике для видеоигр. Наверное, страх матери както передался и Кейтлин, потому что теперь обе они, казалось, смотрели на Траффорда с укором. Внешне Кейтлин гораздо больше походила на Чанторию, чем на своего отца: у нее была такая же кожа чудесного оливкового оттенка и такие же огромные темные глаза. Сейчас обе эти пары глаз были устремлены на Траффорда, и на мгновение он почувствовал себя чужаком в собственной семье.

— Вряд ли они пользуются грязными иглами, — спокойно ответил он.

— Ты сам говорил, что их наполняют тем самым ядом, от которого якобы хотят защитить детей! Траффорд, у них в иглах смертельная болезнь!

— Послушай, ты же неглупая женщина и не хуже моего знаешь теорию, — ответил Траффорд, раздраженный тем, что его заставляют обороняться.

— Это не теория, а гнусное колдовство.

— Небольшая доза бактерий активизирует иммунную систему ребенка.

— Ты серьезно? — с недоверием спросила Чантория. — Да это же вуду, Траффорд. Черная магия. Это...

— Между прочим, я просмотрел цифры за целое десятилетие в конце Допотопной эры...

— Эпохи обезьян.

— Называй ее как угодно, но факт остается фактом: в то время дети практически не умирали.

— Я в это не верю. Этого просто не может быть. Любовь призывает малышей к себе, вот и все. Так уж устроена жизнь, и ее не изменишь.

— Но тогда ее изменили, Чантория! И не Бог, а люди. До Потопа почти никто из детей не погибал.

— Ах, так? Значит, до Потопа? А почему Любовь обрушила на обезьянолюдей этот самый Потоп? Из-за их тщеславия! Из-за их гордыни! Из-за того, что они сочиняли истории и думали, будто могут помешать исполнению Божьей воли, втыкая в своих детей наполненные ядом иглы, как поганые колдуны! Да они ими и были!

— Ты не знаешь наверное, что Потоп стал результатом Божьего гнева, вызванного человеком. Тебе только так сказали.

— Мы знаем, что Потоп был. Знаем, что полмира утонуло. Знаем, что мусульманам досталось больше, чем нам. Кто, по-твоему, послал его, если не Бог? И зачем, если не для того, чтобы наказать людей за их наглость и своеволие?

— В мире произошло потепление — вот все, что мы знаем. Оно продолжается и сейчас. Лед растаял, уровень моря поднялся. *Это все, что мы знаем.*

— Мы знаем, что заслужили наказание.

Траффорд не верил в ее искренность. Он знал, что она умна и пытлива. Он был убежден, что Чантория, как и он сам, не могла принять без доказательств ортодоксальное учение Храма. И, однако же, угроза обвинения в ереси сделала ее не менее благочестивой, чем Куколка или Принцесса Любомила.

В конце концов именно так людям и прививали веру. С помощью страха.

— Подумай, пожалуйста, не о себе, а о Кейтлин, — сказал он. — Если мы хотим помочь ей, то нам нельзя пренебрегать ни единым шансом. *Ни единым.*

— Я не желаю это обсуждать. И не буду!

Чантория отказалась продолжать разговор. Они закончили ужин в полном молчании, после чего Чантория сменила Мармеладке Кейтлин памперс, а Траффорд убрал со стола. Потом они легли в постель. Оба были измотаны. Мармеладка Кейтлин почти не давала им спать по ночам, и у них выработалась привычка ложиться пораньше, чтобы урвать для сна хотя бы один лишний часок.

Конечно, сразу заснуть им не удалось. Как и все остальные дети в их доме, Кейтлин плохо переносила жару и непрерывно хныкала. Кроме того, многие соседские дети были больны — они чихали и кашляли, и Траффорду чудилось, что все это происходит в их с Чантонией спальне.

Промаявшись с полчаса, Чантория включила звук на видеостене.

— Это обязательно? — сердито спросил Траффорд.

— Не могу больше слушать этих несчастных детишек. По крайней мере сегодня.

Вокруг кричали и плакали не только дети. Казалось, будто весь город не спит и эмотирует на пределе своих возможностей. Никто и не думал ложиться; люди орали и визжали, ссорясь друг с другом, орали и визжали во время секса. А те, кто не визжал и не орал, — такие, как Чантория, — увеличили громкость своих видеостен, чтобы заглушить шум. Но по всем каналам, на всех сайтах не было ничего, кроме ора и визга. Так и катилась ночь под оглушающий аккомпанемент секса, насилия, полицейских реалити-шоу, попсовых телеконкурсов и бесконечного, вездесущего караоке — под какофонию громадного, перегруженного людьми лондонского архипелага, протянувшегося от трущоб Рединга на западе до Кенсингтонского побережья на востоке.

13

На следующий день Траффорд работал дома, а у Чантории было запланировано посещение фитнес-центра.

— Я уже месяц туда не ходила. Люди удивятся, — сказала она погромче, чтобы веб-камера поймала звук ее голоса. Она сидела на краю унитаза, упираясь коленями в противоположную стену, и натирала кожу в паху кремом для депиляции.

— Вперед, девочка, сгоняй жирок, — промычала Куколка. Сегодня утром ее рот был набит кукурузными чипсами. — С радостью сходила бы с тобой за компанию, но ты же знаешь: я женщина в теле.

— Я сделаю за тебя пару лишних приседаний, Куколка, — крикнула Чантория, соскабливая крем с внутренней поверхности бедер и морщась от боли.

— Повеселись как следует, девочка.

— Обязательно, Куколка. Мне это нравится!

Траффорд слушал их разговор из кухни. Он знал, что Чантория лжет. Ей это никогда не нравилось – не понравится и сейчас. Чантория ненавидела фитнес-центры; это было одним из ее секретов, а то, что Траффорд знал об этой ненависти, было одним из *его* секретов.

Подавляющее большинство женщин ожидало очередного визита в фитнес-центр с нетерпением, поскольку почти никаких физических упражнений там делать не требовалось. Множество спонсируемых Храмом заведений, которые женщинам полагалось посещать для восстановления после родов, предлагали своим клиенткам сеансы массажа, паровые ванны, семинары по аутотренингу, коллективные холистические процедуры и экстравагантные религиозные ритуалы. В основном же клиентки просто болтали друг с дружкой, завернувшись в простыни, и по ходу дела в огромных количествах потребляли разнообразные "целебные батончики" и "укрепляющие напитки". Таким образом, фитнес-центры активно поощряли лень, безволие и чревоугодие, не отягощенное чувством вины. В результате посетительницы чаще набирали чем сбрасывали вес. Да и вообще, многие женщины успевали снова забеременеть, так и не успев восстановить фигуру. Тем не менее было очень важно *продемонстрировать* свою неукротимую тягу к самосовершенствованию. Если ты занимаешься спортом себе в угоду, значит, ты себя любишь, а любовь к себе считалась одной из форм любви к Богу.

Но для Чантории походы в фитнес-центр были сущим мучением. Ей не хватало самоуверенности для того, чтобы чувствовать себя в обществе свободно. Траффорд знал, что она пристроится где-нибудь на отшибе, закутавшись в простыню, и вскоре волей-неволей отправится делать упражнения. В итоге она проведет день с командой "качков" – убежденных холостяков и старых дев, потея на тренажерах и даже не останавливаясь по примеру многих из них, чтобы вколоть себе стероиды.

– Траффорд! – позвала Чантория из туалета. – Помоги мне побриться. У меня живот дряблый, ничего из-за него не вижу.

Траффорд не стал возражать. В фитнес-центре Чантории придется зайти в общую душевую, а показаться на людях с волосами на интимном месте было немыслимо. Женщинам не запрещалось иметь на теле волосы, однако все знали, что это – клеймо Любви, которым она наградила дочерей Дианы ради того, чтобы подвергнуть их женственность подлинному испытанию. Появление волос на теле девочек-подростков считалось доказательством нечистоты, а кем может быть женщина, если она нечиста? Только проституткой или, хуже того, лесбиянкой. Всякая женщина, которая была настолько нескромна и настолько не уважала себя, что выставляла напоказ свою богоданную розочку, не удалив с нее волосяной покров, заслуживала самого сурового порицания со стороны общественности, и можно было не сомневаться, что она свое получит.

Где-то в глубине души, там, где он хранил свои секреты, Траффорд задавал себе вопрос: а зачем Любовь вообще наделила женщин волосами на теле, если эти волосы так ее раздражают? Неужто нельзя было придумать более простой способ проверки женской чистоты и добронравия, чем заставлять бедняжек тратить столько времени и сил на депиляцию? И второе: если самым гнусным преступлением на свете считается педофилия, зачем общество настаивает на возвращении

женских половых органов к тому состоянию, в каком они находились прежде достижения половой зрелости? Траффорд видел женщин с невыбритым пахом только однажды — во время школьной экскурсии в Музей естественной истории. Женщины, которых умелый художник изобразил танцующими среди динозавров на заре творения, были невинными дикарками, первыми людьми, еще не успевшими уразуметь, чего ждет от них Бог-и-Любовь. Траффорд был очарован их внешностью, и это очарование не развеялось до сих пор. Значит, вот как в действительности выглядит обнаженная женщина! Если ее и впрямь создал Бог, то именно такой — и тем не менее он покорялся настояниям жены и упорно соскребал щетину с ее розочки, покуда она не становилась похожей на розочку десятилетней девчонки. Втайне Траффорд мечтал видеть свою жену не полуребенком, а истинной женщиной, но об этом не могло быть и речи: ведь только язычница способна позволить своей розочке зарасти, как физиономия у бородатого мужика. Поэтому Траффорд всунулся в крошечный туалет, кое-как пролез между унитазом и стеной, присел на корточки между раздвинутыми ногами Чантории и послушно принялся орудовать мылом и бритвой.

Чантория стиснула зубы и крепко вцепилась обеими руками в сиденье унитаза. Швы, оставшиеся после родов Мармеладки Кейтлин, были еще свежими и только что не кровоточили.

— Уж здесь-то, может, не надо? — спросил Траффорд. — Просто держи ноги вместе.

— Не дури, — с трудом выговорила Чантория. — Мне рисковать нельзя. Сам знаешь, что бывает с нескромными женщинами, особенно если их ловят на нескромности другие женщины. Делай свое дело и не рассуждай.

Траффорд старался как мог, и вскоре Чантория решила, что ее внешний вид уже достаточно скромен. Тогда она надела трусики, спортивный бюстгальтер и тапочки, прицепила к складке кожи над пупком большую пластмассовую копию драгоценного камня, соответствующего месяцу ее рождения, взяла Мармеладку Кейтлин — ребенка надо было кормить даже в фитнес-центре — и покинула квартиру.

Некоторое время Траффорд бесцельно слонялся по комнате. Он убрал со стола остатки завтрака, выпил стакан фанты и только потом уселся за ноутбук. На экран немедленно выпрыгнуло сообщение от Куколки.

Приятной работы, Траффорд.

Спасибо, и тебе приятного дня, в свою очередь написал Траффорд. Затем обернулся и помахал видеостене.

Куколка помахала в ответ и набрала на клавиатуре: *Слава Любви!*

Аминь, отозвался Траффорд, надеясь, что на этом их утренняя беседа завершится. Но его надежды не оправдались.

В 14-В Лунная Карамелька ублажает Полярного Медведя оральным сексом, написала Куколка, сопроводив эту фразу цепочкой смайликов. Интересно, подумал Траффорд, известила ли Куколка Полярного Медведя и Лунную Карамельку о том, что у них с Чанторией вот уже несколько месяцев не было ни орального секса, ни какого-либо другого. Наверное, не преминула. Траффорд покорно включил прямую веб-трансляцию из квартиры 14-В и стал смотреть, как голова Лунной Карамельки прыгает на уровне талии Полярного Медведя.

— Классная девчонка, да? — раздался из динамиков голос Куколки. — А парень-то счастливчик!

— Да, — ответил Траффорд. — Молодцы. Но мне, к сожалению, пора за работу.

Конечно, он допустил ошибку и сразу же это понял.

— Ну извини, — сердито сказала Куколка. — Я как-то не подумала, что я тебя задерживаю. Действительно, ты ведь у нас такой занятой!

— Да нет, просто... я не...

— Знаешь ли, Траффорд, некоторые из нас любят поболтать с утра. Между прочим, мы живем одной дружной семьей. У нас отличный *коллектив*, и кое-кому не мешало бы побольше общаться с соседями, а не считать, что они лучше своих товарищей, — Куколка взяла тоном выше. — Как будто другие им и в подметки не годятся!

— Да нет же, Куколка, я вовсе не хотел...

— Ладно, проехали. Грустно, что тебе не хватает хороших манер, Траффорд, но это твои проблемы. Все равно, я желаю тебе удачного дня.

— Спасибо, Куколка. Заглядывай в любое время.

Траффорд снова повернулся к видеостене и изобразил улыбку, но Куколка уже отвлеклась от разговора с ним.

— Давай, подружка, жми! — кричала огромная голая женщина на экране.

Траффорд услышал задыхающийся голос Лунной Карамельки: та сообщала, что она в экстазе от начинки Полярного Медведя и, глотая ее, чувствует себя настоящей женщиной.

— Слава Любви, девочка! — сказала Куколка.

— Слава Любви, — откликнулась Лунная Карамелька, и Траффорд нажал кнопку отключения звука.

Он вошел на сайт Израза и постарался сконцентрироваться на работе. Вместе с огромным количеством своих коллег он трудился над составлением программы, названной "Далеко или близко", — она должна была определять *физическое* расстояние между людьми. Конечно, спутниковая навигация родилась не позднее, чем появился на свет Госбанд. Все люди носили с собой специальные датчики, и их местоположение на Земле постоянно отслеживалось и записывалось, причем этой практике было уже добрых полвека. Если бы правительство, полиция или телерепортеры захотели узнать, где находился тот или иной человек в тот или иной момент прошлого, отделенный от сегодняшнего дня не более чем пятьюдесятью годами, им достаточно было бы отправить в Госбанд соответствующий запрос. Однако никто раньше не определял, где находятся разные люди *по отношению друг к другу*. Госбанду было известно, где находится мистер А, а также мистер Б, а также где они находились в любой момент, начиная с самого их рождения. Но ему не было известно, *каково расстояние между ними*. Пока эту информацию можно было получить лишь посредством нанесения на карту двух точек и измерения отрезка между ними с помощью линейки.

Израз заметил этот вопиющий информационный пробел и принялся за его ликвидацию. Задача перед ним стояла архисложная: требовалось сочинить программу, которая бы вычисляла и записывала местоположение каждого гражданина страны по отношению к каждому из всех остальных граждан страны, причем эти данные должны были постоянно обнов-

ляться, а кроме того, следовало использовать архивы Госбанда для определения относительных положений всех граждан на протяжении всего периода после ввода в действие глобальных систем спутниковой навигации. А когда эту информацию соберут, можно будет перейти к поиску закономерностей в относительном движении людей, абсолютно не знакомых друг с другом. Суждено ли человеку находиться ближе к некоторым из тех, с кем он не знаком, чем к прочим незнакомцам? Если, к примеру, рассмотреть перемещения двух граждан, В и Г, в некий момент времени очутившихся на одинаковом расстоянии от третьего гражданина, Д, можно ли извлечь что-либо из последующих расстояний между гражданами В и Д, с одной стороны, и Г и Д – с другой? Не менее важно и то, как будет эволюционировать расстояние между В и Г. Повлияет ли прежняя одинаковая удаленность от Д на их относительное расположение в грядущем?

Разработчики программы надеялись, что данные подобного рода продвинут человечество гораздо дальше в понимании того, что такое судьба, рок и случай, а также внесут крупный вклад в развитие астрологии и нумерологии. Траффорду эти надежды казались, мягко говоря, эфемерными: он был практически уверен, что собранной информацией никто никогда не воспользуется.

Его концентрации хватило ненадолго. Через несколько минут его мысли разбрелись в полном согласии с Законом о здравоохранении, безопасности и уважении, призванным защищать права всех служащих.

Автоматически, совершенно неожиданно для самого себя Траффорд набрал в поисковике имя Сандры Ди. Он не собирался гуглить ее, но поддался внезапному импульсу – и открыл ее блог.

Первые же абзацы удивили его. После той впечатляющей демонстрации силы духа, которую Сандра Ди устроила в офисе, он ожидал увидеть что-нибудь необычное, что-нибудь любопытное, но это оказалась полная чушь. Бессвязная, бессмысленная ахинея самой отталкивающей разновидности.

Вот и еще одно чудесное утро, слава Любви... Я вся такая расслабленная, но таааааак уверена в себе... На работе все было супер, у нас такой классный коллектив, просто финиш... Мне так повезло! Полный экстаз... Посмотрела свой гороскоп – там все супер, столько всего обалденного впереди, но я должна быть осторожна и типа не отдавать чересчур много, может я слишком доверчивая, но Близнецы всегда такие... Попробовала новый элитный барбекю-бургер в Макдоналдсе, это умереть можно! Круче не бывает... Я вся такая одухотворенная, иногда мне кажется, что в прошлой жизни я была служанкой царицы Савской... Не знаю, но мне типа так кажется...

Сначала Траффорда охватило глубокое разочарование, но он продолжал читать и вскоре начал догадываться, что у них с Сандрой Ди есть кое-что общее.

Как и у него, у нее были свои секреты.

Блог Сандры Ди, как и ее лицо, ровным счетом ничего не выдавал: он состоял из стандартных записей, сделанных явно лишь ради соблюдения приличий. Траффорд понял, что девушка, смело встретившая злобный взгляд Принцессы Любомилы, не может быть пустоголовой идиоткой, образ которой встает за этим дневником. Он щелкнул на панельку "просмотреть все", а затем по наитию перетащил несколько строчек в поисковое окошко и нажал "поиск". Компьютер мгновенно уведомил его

о том, что найдены сотни соответствий. По спине Траффорда пробежал холодок восторга. Он понял, что Сандра Ди решила вопрос заполнения своего блога путем наименьших затрат труда: она повторяла небольшой набор первых записей ad nauseam[1], меняя только даты.

Потом Траффорд перетащил те же строчки в окно главного поисковика и с растущим волнением обнаружил, что даже их Сандра Ди сочинила не сама. Она просто скопировала эти записи из блога молодой женщины по имени Марципанка.

Это потрясло Траффорда до глубины души. Какая отвага! Какое хладнокровие! Все были обязаны по крайней мере раз в день отчитываться на блоге о своих мыслях и чувствах. Таким образом каждый истинно верующий человек показывал, что гордится собой и высоко ценит себя как личность (а значит, столь же высоко ценит и Творца, чьим подобием он является). Только стопроцентная откровенность и готовность поделиться с другими своими переживаниями давала ему возможность выполнять свой священный долг — быть достойным представителем Бога на земле.

Но Сандру Ди все это, похоже, ни капельки не беспокоило. Она не пыталась даже притвориться, что горда собой и высоко ценит себя как личность. Она не хотела сообщать людям, что делала в тот или иной день и тем более что она в это время *думала*.

У Траффорда аж дух захватило от восхищения. С помощью элементарной уловки Сандра Ди одним махом избавилась от ненавистного бремени ежедневной исповеди, а главное, сохранила свои секреты. Врать в блоге мог каждый — Траффорд сам делал это постоянно, — однако, придумывая очередную ложь, человек волей-неволей чуточку приоткрывал себя. Как бы вы ни старались замести следы, лживая запись должна была попасть в блог, но для этого ее следовало выдумать, а значит, хотя бы отчасти показать другим, как работает ваша фантазия. Решение, найденное Сандрой Ди, было настолько элегантным, настолько надежным, что Траффорд искренне не понимал, как оно не пришло в голову ему самому. Впрочем, эта женщина явно была гораздо храбрее его. Она прекрасно понимала, что никто не читает чужих блогов, исключая разве что блоги знаменитостей — поп-звезд, местных шишек и религиозных лидеров, да, может быть, еще близких соседей. Если же не высовываться, то тебя и не заметят — а искусством не высовываться Сандра Ди, похоже, владела в совершенстве.

Сделав первое открытие, Траффорд переключился на выложенные Сандрой Ди видеофайлы. Здесь от нее требовалась бóльшая осторожность: Траффорд знал по своему собственному недавнему опыту, что священники просматривают видеоматериалы своей паствы и ни один прихожанин, каким бы нелюдимом он ни был, не имеет права перекрыть обществу доступ к подробным цифровым архивам, в которых запечатлены важные события его жизни. Сандре Ди тоже не оставалось ничего, кроме как опубликовать достаточно обширную подборку своих личных и весьма интимных видеодневников.

Среди них были обязательные детские дни рождения и подростковые вечеринки. Кровавая документальная лента об удалении аппендик-

1. До отвращения (*лат.*).

са. И, разумеется, кадры, увековечившие потерю невинности. Траффорд ожидал, что Сандра Ди найдет способ уклониться хотя бы от этого, но нет: ни одна девушка не могла позволить себе нарушить общепринятые нормы, сохранив в тайне этот священный и прекрасный, жизнеутверждающий и богоугодный момент своего превращения в полноценную женщину.

Было здесь и множество других секс-видео, подтверждающих, что Сандра Ди свято соблюдает обычай регулярной смены половых партнеров. И действие на экране, как всегда, происходило под бесконечное караоке.

Перебирая ролик за роликом, Траффорд немного приуныл. Раньше, читая блог Сандры Ди, он начал подозревать, что ему посчастливилось отыскать носительницу истинно свободного духа, подпольную революционерку, которая считает свою жизнь личным делом и всеми силами борется против ее экспроприации обществом. Однако теперь ее блог казался ничтожной потугой на протест по сравнению с видеодневниками, где ее вынудили спасовать по всем статьям. В действительности она была не свободней его самого.

Потом Траффорд заметил шрамы. И отсутствие таковых.

Он смотрел один из любовных роликов Сандры Ди — плохие, зернистые кадры с изображением обычной шумной и грязной возни. Все подобные записи были примерно одинаковы. Такой секс именовался "фантастическим". Его участники "ничего не стеснялись" и "брали от жизни все". Сандра Ди оседлала какого-то сопящего жеребца одноразового употребления — она наклонила голову, так что лица было не видно, а ее туловище прыгало над любовником вверх-вниз, точно поршень. И с каждым из этих бешеных рывков ее груди прыгали в обратном направлении. Конечно, это были небольшие груди, поскольку Сандра Ди не стала их накачивать, но, глядя на них, Траффорд подумал, что для натуральных они имеют что-то уж чересчур правильную форму. Кроме того, по своему личному опыту он знал, что натуральные груди двигаются не так, как прооперированные. Те, на которые он смотрел сейчас, вели себя отнюдь не естественно: они дергались, как плотные, увесистые мешочки, что позволяло заподозрить наличие имплантатов.

Он нажал на "паузу". Переходя от кадра к кадру с интервалом в полсекунды, он отыскал момент, когда обе синхронно подскакивающие груди очутились в наивысшей точке своей вертикальной траектории. Потом увеличил изображение. Запись была плохого качества, освещение слабое, и все же Траффорду показалось, что он различает у основания грудей Сандры Ди два маленьких шрама — верное доказательство того, что туда вставлены имплантаты. Может быть, Сандра Ди все-таки согласилась на операцию? Может быть, это один из ее секретов? Если так, подумал Траффорд, то это жалкий секрет; по своей подрывной мощи он не идет ни в какое сравнение с отказом калечить собственное тело в угоду Храму. Но потом его осенила внезапная догадка, и он уменьшил картинку так, чтобы в кадр вернулась талия Сандры Ди.

Чего-то здесь не хватало. На животе у Сандры Ди не было шрама! Только что он наблюдал, как ей удаляют аппендикс, но у этой Сандры Ди, столь увлеченно занимающейся сексом, никогда не было аппендицита. Траффорд уменьшил картинку еще сильнее, чтобы взглянуть на

лицо женщины. Но не увидел: оно мелькало в поле зрения, но мотающиеся перед ним волосы мешали рассмотреть его как следует. Траффорд снова принялся изучать те записи, которые уже просмотрел. Все они были низкого качества, с темным нечетким изображением, и везде лицо главной героини частично закрывали волосы — исключение составляли только те ролики, на которых девушка была снята со спины. Но теперь, когда его внимание обострилось, Траффорд понял, что на всех записях сняты *разные девушки*. У них были даже разные татуировки. Более того, Траффорд почти не сомневался, что среди них нет настоящей Сандры Ди. Он перезагрузил ролик с потерей невинности. Там тоже оказалась не она: молоденькая девица, которая визжала от боли, возносся хвалу Богу-и-Любви, имела примерно такие же черты лица, как и у Сандры Ди (насколько ему удалось их рассмотреть), и такую же светлую кожу, как у нее, но определенно не была Сандрой Ди. Что касается детских видео, то при их выборе Сандра Ди почти не старалась найти своих двойников, и малютки, которые разворачивали пакеты с подарками и делали книксен, получив яблоко, не так уж сильно походили друг на дружку.

Это было невероятно, чудесно. Девушка, которую он едва замечал в офисе (теперь-то ему стало ясно, что это тоже часть ее гениальной стратегии), не публиковала о себе ничего, кроме лжи. По крайней мере, она сумела утаить всю правду о себе до последней капли — и это особенно восхищало Траффорда. Вместо того чтобы разместить в интернете свои ролики, она поступила так же, как и со своим блогом: попросту украла у других несколько свидетельств их самоупоения, постаравшись избежать слишком явных физических различий между ними и собой, и тем ограничилась.

Траффорду было совершенно ясно, что эта удивительная девушка пришла к тому же выводу, что и Кассий. Она тоже решила, что смелость — лучшая защита. Она понимала, что никто ею не интересуется. Все вокруг интересовались только собой — в конце концов именно зацикленность на себе считалась верхом благочестия. Если бы кому-нибудь — например, ее исповеднику — вздумалось прогуглить или протыбить ее, он с первого взгляда убедился бы в том, что она выполняет все, чего ждет от нее общество, хотя ее видеозаписи и грешат неважным качеством.

Когда Траффорд закрыл веб-страницы, посвященные Сандре Ди (а на самом деле переполненные незнакомками, за которыми она спряталась), он был твердо уверен в одном: ему еще никогда не доводилось встречать такую потрясающую женщину. Конечно, он ничего не скажет — во всяком случае ей. Она спрятала свою жизнь за семью замками, и он не имел права их взламывать. Да и не хотел, потому что это разрушило бы все очарование.

Он сохранит ее секрет в секрете.

И это будет его секрет.

Траффорд напечатал в окне поисковика слово "роды" и нажал "поиск". Секунда — и компьютер предложил ему миллионы ссылок. Он добавил "девочка", и количество ссылок уменьшилось вдвое. Тогда он выбрал страницу с порядковым номером десять тысяч и принялся щелкать на строчки. Через три попытки он нашел то, что искал: напряг-

шееся, искаженное мукой лицо роженицы, похожей на Чанторию. Траффорд скачал ролик и скопировал его на свою собственную персональную страницу. Он назвал новый файл "Привет, Мармеладка Кейтлин! Добро пожаловать в наш мир! Родильное видео Траффорда и Чантории Сьюэлл".

14

Когда Чантория вернулась из фитнес-центра, он рассказал ей о своем поступке. Торопясь выложить все начистоту, он рискнул и обеззвучил их квартиру в сети задолго до наступления сумерек, то есть гораздо раньше, чем было принято.

Он ждал, что она перепугается до полусмерти, и его ожидания оправдались.

— Ты поместил на наш блог чужое родильное видео? Взял его *у абсолютно незнакомых людей*? Но зачем?

— Затем, что не хотел показывать наше всем подряд.

— Но такие вещи нельзя прятать, Траффорд! Из-за тебя мы попадем в беду. Нас могут даже обвинить в жестоком обращении с ребенком и забрать Кейтлин!

— При чем тут жестокое обращение?

— При том. Кейтлин заслуживает уважения не меньше, чем остальные дети. Ее должны любить, ею должны восхищаться. А ты отнимаешь у нее это право!

— Все равно никто не стал бы его смотреть.

— Боже, ну почему надо быть таким психом! — взвыла Чантория. — Немедленно загрузи настоящее видео. Сейчас же!

— Вряд ли это хорошая идея, — ответил Траффорд. — Одно дело подсунуть чужую пленку и совсем другое — сразу ее заменить. Это как вернуться на место преступления. Именно из-за таких оплошностей и хватают преступников.

— Значит, все будут смотреть на нашего ребенка, а он вовсе не наш! И на чужую розочку, между прочим, тоже. Я не хочу, чтобы люди смотрели на розочку какой-то другой женщины и думали, что она моя. Это противоестественно!

— Я же тебе говорил, смотреть все равно никто не станет. Разве ты не понимаешь? В этом вся соль. Мы можем зарядить туда любую запись с любым ребенком — это ровным счетом ни на что не повлияет, потому что ее никто не увидит. Исповедник Бейли проверит, что она есть, просто ради порядка, но после этого она больше никого не заинтересует. Кому мы нужны? Да никому. У кого может возникнуть желание посмотреть, как ты рожала Кейтлин, кроме тебя и меня? Ни у кого. Мы сами *никто*. Разве это не прекрасно? Неужели это не помогает тебе чувствовать себя чуточку более свободной? Более раскрепощенной?

Чанторию явно не порадовала оценка, данная Траффордом их социальному положению.

— Никто? — сказала она, и в голосе ее вдруг послышался уже не гнев, а печаль.

— Ну да!

— Ну уж нет! Никто не может считать, что он никто. Каждый человек — особенный.

— Раз так, значит, в том, чтобы быть особенным, нет ничего особенного.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь! Я знаю только, что ты затеял какую-то дурацкую, бессмысленную игру, а с отцом Бейли дурацкие игры не проходят. Скрытность — это извращение, Траффорд, а ты сам знаешь, что инквизиция делает с извращенцами.

— Никто не...

— А как же Куколка?

— Куколка не хочет делить с тобой радость, Чантория. Ей нравится делить с людьми не радости, а горести. Возможно, она и заглянет мельком на наш сайт, но я в этом сомневаюсь. Пожалуйста, Чантория, ну подумай сама. Половина людей в нашем доме загружает в интернет *всю свою жизнь*: скандалы, любовь, роды, похороны. Разве кому-нибудь под силу все это просмотреть?

— Моя мать смотрит про нас.

— Ты отправила ей запись, она ее видела. Зачем лезть за ней на сайт?

— Мало ли! Вдруг захочется!

— Не захочется.

— Может, ее подругам захочется.

— Чантория, никого не интересует никто, кроме себя. А потом, даже если подруги твоей матери посмотрят вместо нашего видео чужое, кого это волнует?

— Меня!

— А меня не волнует.

— Это не твоя вагина!

— Хватит, прошу тебя.

— Почему надо быть таким психом?

— Перестань называть меня психом. В последние дни ты только это и твердишь.

— Потому что ты псих!

Траффорд пожал плечами и отвернулся. Все равно у них больше не оставалось времени на ругань, поскольку вечером они шли на концерт. Вчера им прислали билеты по электронной почте, и несмотря на то, что сегодня оба страшно устали, деваться было некуда: надо было надевать праздничные повязки и готовить баннер. Не пойти на мегагала-представление в рамках Фестиваля Веры, если тебе выпала удача получить билет, не осмелился бы даже самый заядлый домосед: подобный демарш, несомненно, привел бы к громогласному осуждению смельчака на очередной публичной исповеди.

Сегодняшний концерт, одно из многих аналогичных мероприятий, назывался "Торжество Любви" и был непревзойденным по своему размаху, пышности и количеству звезд среди участников. Он устраивался не только для лондонцев: ожидалось, что его эхо достигнет самых отдаленных уголков земного шара и заставит всех заново задуматься о себе, о бедности, о проблемах окружающей среды и об отношениях людей с Богом и со своими ближними. После этого концерта (естественно, с широким освещением в СМИ) возврат к прежней жизни будет уже немыслим.

В воздухе витало счастливое предвкушение. Как чудесно было жить в мире, где человеку подвластно буквально все, где один-единственный концерт способен кардинально преобразить вселенную, где люди могут изменить мир к лучшему, просто захотев этого — просто собравшись вместе, покричав, послушав музыку и поглотив несколько тонн фастфуда. Все знали, что тогда жизнь и вправду станет совершенно безоблачной.

Откуда-то уже просочились слухи, что этот концерт будет еще грандиознее и преобразит мир еще радикальней, чем тот, который отгремел на прошлой неделе. Это было поразительно, невероятно — особенно если учесть, что предыдущий концерт до сего момента считался самым грандиозным и самым эпохальным Фестивалем Веры всех времен и народов, значительно превзошедшим тот, что состоялся за неделю до него.

Стиснутый потными человеческими телами, Траффорд держал Чанторию за руку и размышлял про себя, не окажется ли следующий Фестиваль Веры еще более пышным и судьбоносным, чем этот. Но вслух он, естественно, ничего не сказал. Эта мысль была еще одним маленьким секретом, предназначенным для его личного пользования. А внешне он присоединил свой голос к четверти миллиона голосов других людей, которые высыпали из катеров, переправивших их через Лондонское озеро, и двинулись вверх по склону Уэмбли-хилла.

Призыв, сверкающий на всех уличных развлекранах, не мог быть яснее.

Все зависит от тебя!

Только захоти – и мечты сбудутся!

После изнурительной толкотни и давки, взмокшие и задыхающиеся во влажном, зловонном, насыщенном малярией воздухе, Траффорд с Чанторией наконец очутились на стадионе. Концерт, разумеется, уже начался; так оно всегда и бывало. Траффорд, наверное, ни разу в жизни не попадал вовремя ни на одно крупное увеселительное мероприятие. Мало кто мог похвастаться обратным. Начало праздников видели только те, чья истовая вера помогала им пробиться в первые ряды, а поскольку эти люди чаще всего оказывались самыми могучими и агрессивными, за ними, как правило, ничего не было видно, даже если вам удавалось найти более или менее сносное место в толпе.

— Это в наших силах! — кричал со сцены известный поп-музыкант. — Так будет, потому что мы этого хотим! Все зависит от нас!

Публика отвечала ему оглушительным ревом.

— Здесь и сейчас, — продолжал оратор, — сию минуту и на этом самом месте! Мы говорим НЕТ голоду! Мы говорим НЕТ бедности! Мы говорим нашим вождям, что им наконец пора прислушаться к своему *народу*!

— Да! Да! Да! — откликнулись зрители, и в воздух разом взметнулись тысячи кулаков с зажатыми в них гамбургерами, хот-догами и пончиками. — Ура! Ура! Ура! — кричали они, дружно топая ногами в кроссовках, сделанных далеко-далеко от Уэмбли людьми, жившими в той самой бедности, которую толпа так решительно вознамерилась искоренить.

Между призывами к улучшению мира была музыка. Самые знаменитые группы исполняли самые знаменитые хиты, и публика бушевала,

как расходившееся море. Потом наступил этап, который внушал Траффорду наибольший ужас, — этап, во время которого ему полагалось держать Чанторию у себя на плечах. Это было важной частью фестивального ритуала: в какой-то момент девушки должны были сесть на плечи к своим парням, высоко подняв баннеры и гордо выставив груди на всеобщее обозрение. Однако большинство женщин были слишком увесистыми, а большинство мужчин — слишком хилыми для успешного выполнения этого трюка, и организаторы из Храма заранее привозили на стадион похожие на стремянки алюминиевые рамы, чтобы женщины могли усесться на них, а мужчины — стоять под ними. Но их, конечно же, оказалось мало, а Траффорду не хватило расторопности, чтобы добыть себе такую раму, поэтому он, как и многие другие, вынужден был рассчитывать только на свои скудные силы. Чантория была не особенно тяжелой, но и Траффорд был не особенно силен, и ему пришлось как следует напрячься, чтобы продержать Чанторию хотя бы до конца одной песни — это был тот минимум, которого требовало элементарное благочестие.

Песни чередовались со все новыми речами. На сцену выбегали ведущие телешоу и звезды реального телевидения, о которых никто никогда не слышал, и подогревали толпу своими выкриками.

— Судьба мира в руках каждого из нас! Бедность, войну, преступления, наркотики и нетерпимость можно победить! И мы победим их — стоит только захотеть! Каждый из нас незаменим и уникален! Любая дальняя дорога начинается с первого шага!

Были документальные фильмы о том, как люди умирают на затопленных равнинах Другого Мира, и небольшие, но душераздирающие выступления суперзвезд, победивших наркотическую зависимость: они рассказывали, через какой ад им пришлось пройти, прежде чем они научились любить себя по-настоящему.

Потом устроители преподнесли публике сюрприз. Это был чудесный сюрприз, вызвавший у толпы такой пароксизм восторга, какого она до сих пор еще не испытывала. Сегодня, если будет на то воля народа, вступит в свои права новый Закон Уэмбли.

Публика притихла, когда неведомые знаменитости, кишевшие на сцене до этого, уступили место старейшинам Храма. Каждый приход, жители которого получили билеты на концерт, был представлен здесь своим исповедником, и Траффорд узнал большое красное лицо отца Бейли, появившееся среди прочих больших красных лиц на огромных подвесных экранах.

Сцена постепенно наполнялась все новыми уважаемыми личностями — евангелистами, целителями, священниками и грешниками, на днях пережившими второе рождение, — пока наконец под экстатические крики зрителей, под фанфары и фейерверки к ним не присоединился сам епископ Соломон Кентукки, член Верховного Религиозного Совета и глава Лондонского диоцеза.

Закона, который Соломон Кентукки собирался представить народу (если будет на то его воля), ждали уже давно; этот закон был сейчас нужен как никогда; из этого закона люди могли черпать силы, нужные им для того, чтобы двигаться вперед и с честью исполнять на земле заветы Бога-и-Любви; благодаря этому закону они могли наконец стать достой-

ными тех жертв, которые принесли ради них Диана и Младенец Иисус; этот закон давно уже существовал среди духовных постановлений в Путеводном Краю по ту сторону Атлантики и наконец-то дошел сюда, в Великую Англию, Великую Шотландию, Великий Уэльс и даже в Изумрудную Страну за проливом, дабы стать местным жителям незаменимой подмогой и опорой.

Итак, стоя на этом самом месте и в эту самую минуту, Соломон Кентукки взял на себя смелость провозгласить, что (если будет на то воля народа) каждый человек без всякого исключения официально и бесповоротно объявляется знаменитым.

— Слушайте! — воскликнул Соломон Кентукки, и капельки слюны, изрыгнутые из его глотки, заплясали в лучах мощных прожекторов. — С этого дня, если будет на то ваша воля, каждый из вас становится знаменитым! По закону! По праву! Согласно Священному Писанию и Божественному соизволению — отныне вы знамениты! И баста! Никаких проволочек! Никаких экивоков и сатанинских палок в колеса! Знамениты — коротко и ясно! Знамениты — просто и в самую точку! Знамениты — не более и не менее! Хотите ли вы этого?

Ответ был таким громоподобным, что у Траффорда заложило уши.

— Я спрашиваю, ХОТИТЕ ЛИ ВЫ БЫТЬ ЗНАМЕНИТЫМИ? — снова взревел епископ Кентукки.

— Да! Да! Да! — ударили с трибун плотные звуковые волны.

— Я задаю вам прямой и честный вопрос, люди! И хочу получить на него прямой и честный ответ. Не надо юлить. Не надо вилять. Только дьявол кривит душой. Только сатана действует исподтишка. А истинно Божьи дети ВЕРЯТ! Крепка ли ваша вера? Верите ли вы, что в вас хватит любви, хватит красоты, хватит подлинного *духовного величия* на то, чтобы стать знаменитыми?

И вновь двести пятьдесят тысяч голосов (включая голос Траффорда) ответили ему утвердительно.

— В таком случае, ВЫ ЗНАМЕНИТЫ! — объявил Соломон Кентукки. — Это закон, а с законом нельзя спорить. Даже не пробуйте! Теперь каждый из вас знаменит. Каждый верующий в этом городе, по всей этой стране — настоящая знаменитость! Разве вам не приятно это сознавать?

Сознавать это было приятно, о чем публика и сообщила епископу с явным воодушевлением.

— Я хочу услышать от вас "да"! — выкрикнул Кентукки.

— Да! — отозвалась толпа.

— Я хочу услышать от вас "да-да"! — потребовал Кентукки.

— Да-да! — проревела толпа.

— А теперь я хочу услышать от вас "да-да-да"! — гнул свою линию Кентукки.

— Да-да-да! — раздался еще более громкий ответ.

— И я вас хорошо понимаю! — заверил зрителей Соломон Кентукки. — Мне тоже очень приятно. А теперь скажем: да здравствует Любовь!

— Да здравствует Любовь! — прогремел стадион.

— Скажем: моря любви!

— Моря любви!

— Скажем: нивы радости!

– Нивы радости!
– Ниврад!
– Ниврад!
– Нив-нив-ниврад!
– Нив-нив-ниврад!
– Отлично! – подвел итог Соломон Кентукки.

Затем на сцену вынесли огромный Свод законов, где и было с должной тщательностью запечатлено сие последнее гражданское установление.

Каждый человек знаменит. Согласно закону.

После этой эффектной и крайне волнительной интерлюдии концерт достиг максимума своего эмоционального накала и одновременно подошел к концу. Завершить столь многолюдное мероприятие можно было лишь одним способом: воздать дань почившим детям, сообща излить свою скорбь по заново родившимся младенцам – тем, что умерли здесь, на земле, но без всякого сомнения жили теперь в раю.

Был плач, и было пение, и люди рвали на себе скудную одежду, пока не остались совсем голыми. Они дергали себя за волосы, били себя в грудь и падали ниц. Они обнимались, целовались и скатывались в огромные потные кучи; многие любили друг друга, а некоторые стали говорить на неведомых языках.

Они кричали, что изменят мир к лучшему. Они обещали, что посвятят всю свою жизнь любви, Иисусу, деткам и самим себе, дабы стать достойными той огромной ответственности, которую возложила на них судьба.

Концерт закончился так же, как и все прошлые концерты: все звезды вышли на сцену заодно с политическими и духовными лидерами и запели "Мы – это мир". В это время на экранах появились лица умерших детей, а десятки тысяч их родителей корчились на ковре из оберток и упаковок от фастфуда.

Траффорд с Чанторией не участвовали в оргии. Они потихоньку отодвинулись в сторонку вместе с теми, кто всемерно одобрял происходящее, но сам не сумел довести себя до такого экстаза, чтобы ради торжества высших ценностей совокупляться с незнакомцами.

После того как отзвучали последние музыкальные аккорды и голос со сцены велел всем идти по домам и начинать новую жизнь, Траффорд услышал неподалеку другой голос.

– Покайтесь! – кричал кто-то. – Вы, поклоняющиеся наслаждению во имя Господа, покайтесь в своих грехах!

Лица людей стали оборачиваться туда, откуда неслись обвинения. Там стоял какой-то худощавый человек в набедренной повязке: он залез на ящик и обращался ко всем с пламенной речью.

– Иисус очистил храм! – вещал незнакомец, подняв над собой книгу в простой обложке, совсем не похожую на обычные руководства по самосовершенствованию. – Он изгнал оттуда алчных, ненасытных, похотливых и тех, кто искал лишь телесных удовольствий! Он верил в умеренность и чистоту...

Это был хрисламит – человек, который почитал Младенца Иисуса, но в постыдной, извращенной, жизнеотрицающей форме, как и все прочие поклонники антибожества ислама. Траффорд слышал о таких

людях, но его поразило то, что этот осмелился проповедовать свои антиобщественные взгляды среди толпы, когда ее чувства разогреты до точки кипения.

— Эй! — взвизгнул кто-то прямо над ухом Траффорда. — Ты, чертов педофил! У тебя вредные идеи! Мне не нравится тебя слушать!

В один миг отдельные раздраженные выкрики сменились жутким многоголосым воем. Хрисламита стащили с ящика, и, если бы не вмешалась полиция, его бы как минимум жестоко избили. А так он был просто арестован за возбуждение религиозной вражды и неуважение к воле большинства, и полицейские увели его прочь.

15

В тот же вечер, когда они забрали Мармеладку Кейтлин у няньки, которая присматривала за всеми малышами в их доме, Траффорд снова поднял тему прививок.

— Ты видела тех детей на экранах? — спросил он у Чантории, укладывающей Кейтлин в кроватку.

— Конечно, видела, — ответила Чантория.

— Хочешь, чтобы и Мармеладка Кейтлин стала одной из них?

Чантория сердито взглянула на него.

— Прекрати немедленно! Я ее родила — она часть меня!

— Тогда ты должна хотеть ее спасти.

— Спасти ее может только Бог. Разве в наших силах изменить судьбу?

— Ну хорошо, если все и так предопределено, тогда какая разница, что мы сделаем?

— Не умничай, Траффорд. Вот почему ты многим не нравишься. Люди знают, что ты считаешь себя умником.

Чантория перепеленала ребенка и принялась готовиться ко сну сама. Их маленькая складная душевая кабинка давно сломалась и теперь использовалась как дополнительный шкаф, поэтому Чантория просто залезла в тазик и стала обтираться губкой, окуная ее в крошечную раковину, привинченную к стене в уголке спальни. Обычно в это время она включала на большом экране видовой фильм с красивыми водопадами, но сегодня решила обойтись без них.

— Я вообще не понимаю, с чего ты взял, что эта ужасная штука сработает, — сказала она, смывая с себя грязь.

— Я в этом не уверен. Вовсе нет. Откуда мне быть уверенным? — кисло ответил Траффорд. Было уже четыре утра, и голова у него разламывалась. — Но, если подумать, это кажется возможным... вполне возможным. По крайней мере, я понимаю соображения, которые за этим стоят. И по-моему, все это очень привлекательно.

— Привлекательно?

— Ну да. С точки зрения логики.

— Траффорд, — прошипела Чантория, — мы говорим о нашей дочери. А еще мы говорим о ереси! При чем тут твоя идиотская логика?

Траффорд взял коммуникатор и стал переключать каналы локальной сети. На стене по очереди появлялись соседские квартиры. Большинство жителей дома уже спали. Некоторые скандалили, две-три па-

ры занимались сексом, кто-то наблюдал, как они занимаются сексом, а еще кто-то смотрел порнушку или реальное телевидение. Куколка, конечно, была на посту, но громко храпела в обнимку с ведром жареных куриных ножек, которые не успела доесть.

— Скажи мне, пожалуйста, Чантория, — попросил Траффорд, посыпая сахаром ободки двух стаканов и наполняя их пивом из кукурузного сиропа. — Тебе не надоело ничего не знать?

— О чем это ты? Я знаю не меньше других.

— То есть ничего.

— Траффорд, прошу тебя, не начинай. Нам нужно поспать. Кейтлин скоро придется кормить: она весь вечер провела на молочной смеси.

— Хорошо, я скажу по-другому. Тебе никогда не хотелось хоть что-нибудь *понять*?

— Я ложусь спать.

— Бог сотворил небо и землю. Бог сотворил нас. Бог хочет того, Бог хочет сего. Мы не знаем, как и зачем он все это сделал, нам не положено знать — так оно есть, и точка. Нам ничего не объясняют, вокруг одни чудеса. Дети рождаются, кто-то из них умирает — на то Божья воля, от нас ничего не зависит. Тебе не кажется, что все это выглядит как-то... ну, как-то...

— Как?

— Жалко?

Похоже, этого Чантория никак не ожидала от него услышать.

— Почему жалко?

— Я имею в виду, что мы... опускаем руки. Всё оставляем на милость Божью. Зачем, например, он нас создавал, если единственная наша задача — жить, веря в него, а потом умереть? Ты не считаешь, что это немножко... бессмысленно?

— Мне не нравится, когда ты так говоришь, Траффорд. Так говорят только психи. Наша обязанность здесь, на земле — хранить веру. А верить значит признавать, что на свете есть кое-что побольше и поважнее нас, и я очень надеюсь, что это правда. Что тут жалкого?

— А может быть, я хочу в жизни чего-то другого, чего-то *кроме* веры?

— Кроме веры? И что же это?

Траффорд замялся в поисках нужного слова. Он знал, что такое слово есть, он слышал его в разных ситуациях, но придумано оно было именно для той ситуации, какая сложилась сейчас.

— Разум, — ответил он.

— И что он тебе даст, твой разум?

— Понимаешь, я хочу дойти до чего-нибудь своим умом. Хочу прийти к какому-нибудь выводу путем своих собственных рассуждений, а не потому, что мне кто-то его подсказал. Хочу отнять у Бога кусочек своей жизни.

— Траффорд, — с ужасом прошептала Чантория, — нельзя отрицать Бога! Тебя сожгут!

— Я вовсе не отрицаю Бога, — поспешно возразил Траффорд. Несмотря на все свои смелые речи, он был далек от желания выглядеть в глазах людей еретиком. — Разве нельзя совершать независимые поступки и при этом не отрицать Бога? По-моему, любой Бог, если у него

есть хоть капля ума, должен был бы ожидать такого поведения от своих детей!

– Траффорд!

– Скажи, разве сама вера не ценилась бы гораздо больше, если бы к ней приходили через вопросы и сомнения? Какой прок в слепой вере? Честное слово, нетрудно утверждать, что ты веришь, если в противном случае тебя сожгут живьем. Но разве это значит, что ты веришь *по-настоящему*? Помнишь того хрисламита, которого мы сегодня видели? Вот у него была вера.

– Его чуть не забили насмерть. Ты хочешь, чтобы это случилось с нами обоими? Так, что ли? Тот человек был сумасшедший.

– Конечно, сумасшедший, раз на такое решился. Рисковать жизнью ради своей веры! Ты бы на это не пошла. И я тоже. Для нас вера – это то, во что нам приказано верить. Если бы отец Бейли заявил, что вишневая газировка – это кровь Дианы, мы бы стали молиться на нее без всяких возражений. Но тот человек...

– Которого чуть не убили...

– ...тот человек пришел к своей вере *вопреки* тому, что ему говорили. Его вера была его собственной. Он *обдумал* что-то и стал действовать в согласии со своими выводами. Вот и я так хочу.

– Хочешь, чтобы тебя забили до смерти?

– Ты меня не слушаешь! Я говорю только, как было бы здорово поступать независимо! Обдумывать что-то самостоятельно! Решать, как себя вести, а потом выполнять свое решение. Разве это не было бы очень приятно?

– Вот уж не знаю! Никто никогда так не делает!

– То же и с прививками. Неужели не понимаешь? Я изучил факты, которые имелись в моем распоряжении, и пришел к определенному выводу.

– Какие еще факты?

– Раньше была такая наука – она защищала детей от детских болезней...

– Ты не можешь этого знать!

– О том и речь! Конечно, точно я этого не знаю. Это же не вера! Это не то, во что можно верить без оговорок. Это вывод, вот и все, – предположение, основанное на фактах, а именно на статистике смертности за пятнадцатый год Допотопной эры. Я пришел к нему *независимо*, путем собственных размышлений! Неужели это не кажется тебе хотя бы достойным внимания?

– Я не стану травить своего ребенка только из-за того, что у тебя появились собственные мысли.

– Чантория, – мягко сказал Траффорд не громче, чем было нужно для того, чтобы его голос не тонул в общем ночном шуме. – Ты умная женщина. Я знаю это, потому что мы прожили вместе почти два года, а брак может продержаться так долго, только если люди по-настоящему понимают и уважают друг друга.

– Траффорд, нам давно пора спать.

– Если Мармеладка Кейтлин умрет, а по статистике вероятность этого пятьдесят процентов...

– Замолчи!

— Если она умрет, — повторил Траффорд, — ты действительно веришь, что она сразу воскреснет в каком-то лучшем и более счастливом мире?

Чантория оперлась на локоть и посмотрела Траффорду прямо в глаза.

— Да, — твердо сказала она, — я верю в это всем сердцем.

— Тогда почему ты не хочешь, чтобы она умерла сию же минуту?

— Это абсолютно дурацкий вопрос. Спи.

— Нет, Чантория. Совсем не дурацкий. Он напрашивается. Что наша жизнь? Шелуха. Что у тебя сегодня было хорошего? Одна дрянь. Ты провела день в фитнес-клубе, притворяясь кем-то другим из страха, что люди обнаружат, какая ты на самом деле. Мы живем поганой жизнью в поганом городе, задыхаясь среди миллионов поганых людей. Зачем тебе желать такой жизни для Мармеладки Кейтлин, если она может оказаться в раю?

Сердитое лицо Чантории погрустнело. Она не стала отрицать справедливость слов Траффорда.

— Потому что я буду по ней скучать, — ответила она, и на ее глаза навернулись слезы.

Траффорд покачал головой.

— Конечно, ты будешь по ней скучать, но ты не эгоистка. Ты бы на все пошла, чтобы ей было хорошо, даже отпустила бы ее от себя. Истина в другом: тайно, в глубине души, ты сомневаешься в том, что, если Кейтлин умрет, она и впрямь окажется в объятиях Дианы. Ты понимаешь, что все эти картины и фрески на стенах Дворца Веры просто лгут. Дети умирают постоянно, они не могут все быть в объятиях Дианы, она же не осьминог. Ты знаешь, что рай не может быть полон прекрасных ангелоподобных людей, потому что умирают по большей части дети и старики. Значит, на самом деле рай должен быть забит орущими младенцами и жирными старыми маразматиками.

— Это не буквально! Наш исповедник всегда об этом говорит.

— Но почему? Все остальное, чему нас учат, требуется понимать буквально. Сотворение мира, судный день, астрология, говорение на иных языках, чудеса, карты таро, преисподняя, ангелы — если верить отцу Бейли, все это реально. А что же рай? Если он не реален, тогда что он такое?

— Любовь.

— И куда же попадет Мармеладка Кейтлин, если она умрет, что по статис...

— Прекрати! Прекрати немедленно!

— Ты просто не знаешь! Поэтому и боишься ее смерти! *Разум* заставляет тебя бояться, что Кейтлин умрет! Если бы тобой двигала только вера, ты ожидала бы ее возможной гибели с радостью, потому что в раю приятнее, чем на земле. Но *разум* заставляет тебя подозревать, что после смерти она может вовсе никуда не попасть, а тогда пускай уж лучше останется в живых. И мы можем ее спасти! Черт возьми, все ведь логично! Каждый знает, что у тела есть иммунная система. Против этого не возражает даже Храм. Помнишь, нам говорили, что, когда Бог разгневался на содомитов, он отменил ее действие и наслал на них чуму? А на прививках эта система как бы учится. Это же чистая логика!

— Но втыкать отравленные иглы в беспомощных младенцев... Мне просто не верится, что это правильно.

— Согласен. Не верится. Но тебе нужно сделать выбор, Чантория. Выбрать между тем, во что тебе *верится*, и тем, что подсказывает разум.

И тут Мармеладка Кейтлин проснулась и заплакала.

— Я больше не хочу это обсуждать, — решительно заключила Чантория и отправилась кормить дочь.

16

В течение следующих дней Траффорд неоднократно пытался убедить Чанторию в том, что их долг — сделать Мармеладке Кейтлин прививки. Это приводило к ужасным ссорам, но ему так и не удалось заставить жену изменить свое мнение, и, когда наступил день очередного физиприса, он решил действовать без ее согласия.

Несмотря на огромную толпу перед дверями метро, к которым ему предстояло пробиться, Траффорд находился в приподнятом расположении духа и чувствовал, что может горы свернуть. Ему не испортила настроения даже новость о том, что на местной насосной станции подорвался террорист-смертник, хотя это означало многочасовую задержку. Его не раздражали ни гигантское волосатое брюхо, упирающееся ему в спину, ни огромная волосатая задница, к которой он был притиснут. Ни жареная курица, с чавканьем поглощаемая в нескольких дюймах от его правого уха, ни гамбургер, разделяющий ее судьбу рядом с левым. Ни безостановочное "тум-тум, тум-тум" из бесчисленных наушников вокруг, ни новостной цикл на всех пластиковых стаканах с кофе. Ни один из тысячи человек, ни одна из миллиона вещей, которые прежде вызывали у Траффорда такое интенсивное отвращение, что по коже у него ползли мурашки, на лбу выступал пот, а сердце стучало вдвое сильнее обычного, сегодня нисколько его не огорчали, потому что нынче утром, несмотря ни на какой риск, он собирался начать борьбу за будущее здоровье и благополучие своей дочери Мармеладки Кейтлин.

Впрочем, у охватившего Траффорда радостного возбуждения была и вторая причина, вовсе не связанная со спасением дочери. Он влюбился.

Конечно, это случалось с ним и раньше. Он любил свою первую девушку, любил первую жену и, безусловно, любил Чанторию. Он безоговорочно любил ее в те дни, когда она умела смеяться, когда она была хозяйкой своей собственной души и когда в ее темных глазах блестели тайная страсть и подспудное веселье. Он и теперь любил ее скучной, послушной любовью, как мать своей дочери и ту женщину, какой она была до тех пор, пока ее не изгрыз страх. Но эта новая любовь совсем не походила на все остальные. Она была странной, волнующей и экзотической. Она не превышала по силе его любовь к Чантории, но отличалась от нее в принципе, потому что о женщине, к которой его тянуло, Траффорд не знал *ровным счетом ничего.*

Траффорд не знал, сколько лет Сандре Ди, есть ли у нее дети и была ли она когда-нибудь замужем. Он не знал, под каким знаком Зодиака она родилась и какой камень считает своим талисманом, какая вечерин-

ка запомнилась ей лучше всего и что она скажет Господу Богу на Страшном суде. Не знал, какое воспоминание вызывает у нее наибольший стыд, что ей нравится, а что нет. Не знал, как она отдыхает по выходным, какие передачи смотрит по вечерам и какие позы предпочитает в постели. Не знал, какой у нее любимый цвет и за какую футбольную команду она болеет. Не знал ни причин, побуждающих ее любить и уважать себя самое, ни того, за что она ежедневно благодарит Любовь в своих молитвах. Конечно, вся эта информация имелась в свободном доступе на ее персональном сайте — заходи и читай. Но Траффорд знал, что там одна ложь, скроенная из обрывков тех бездарных типовых излияний, которыми забиты бесчисленные сайты других людей. И это, пожалуй, было единственным, что он *знал* о Сандре Ди. У нее были секреты. Он знал, *что ничего не знает.* Что практически все, относящееся к ее жизни, вплоть до самых незначительных мелочей, Сандра Ди держит при себе. И при этой мысли Траффорда охватывал ликующий трепет, ибо не было на свете ничего более важного, более смелого, более оригинального и более эротичного — истинно, глубоко, пугающе эротичного, — чем секреты.

Траффорд даже не знал, как выглядит тело Сандры Ди. Трудно было поверить, что в мире, где властвует почти полная нагота, может существовать женщина, которой удается все время прятать от посторонних глаз бóльшую часть своей кожи. О теле Принцессы Любомилы, или Калуа, или любой другой из его знакомых Траффорду было известно гораздо больше. То же самое он мог бы сказать и о телах незнакомцев и незнакомок, устраивающих ежедневную давку перед входом в метро. Там его окружали чужие груди, животы и ягодицы. Согласно этикету, в общественных местах люди должны были прикрывать только гениталии, каковые из тех же соображений приличия им полагалось честно и откровенно демонстрировать на своих персональных сайтах. Но Сандра Ди ни разу не обнажила на работе свою грудь. Даже ее живот и тот редко бывал доступен взору коллег. Внезапно Траффорд сообразил, что он *никогда не видел ее пупка*! С огромной вероятностью она была единственным известным ему существом женского пола, чьего пупка он не видел. Напоказ выставлялись даже тела маленьких девочек — одной из давно замеченных Траффордом несообразностей нынешней жизни, о которых он на всякий случай помалкивал, было то, что в обществе, испытывающем хронический ужас перед педофилами, матери одевали своих дочек, включая самых младших, в такую же подчеркнуто сексуальную одежду, какую носили сами.

Но даже в самую изнурительную жару рабочий костюм Сандры Ди не ограничивался только узеньким топом и трусиками. Как правило, она предпочитала легкие юбки, порой закрывающие ноги чуть ли не до середины бедра. Конечно, ее неблагочестивое поведение вызывало недоуменный шепоток: разве можно так не уважать себя, чтобы не гордиться своим телом! Но Сандре Ди было наплевать — она презирала условности. А когда Принцесса Любомила принималась отчитывать ее за недостаток женственности и плохой вкус, она заставляла ее умолкнуть одним пристальным взглядом. Как-то раз Сандра Ди сказала, что ей, светлокожей и склонной к появлению веснушек, извинительно носить на себе несколько больше ткани, чем принято: в конце концов солнце

ведь есть не что иное, как машина по производству рака. Для Принцессы Любомилы это было дополнительным оскорблением. Густой темно-коричневый загар считался у белых женщин исключительно модным, а рак — ну что ж, это, конечно, риск, но на него стоит пойти ради того, чтобы порадовать Господа своей эффектной внешностью.

И все-таки, несмотря на давление со стороны окружающих, Сандра Ди умудрилась сделать из своего тела тайну, и Траффорду казалось, что ничего более эротичного нельзя себе и представить. Он воспылал тайной любовью к тайне. Что может быть более соблазнительным? Более противозаконным? Более совершенным?

Когда Траффорд пришел на работу, там царило праздничное возбуждение. По комнате были развешены разноцветные вымпелы, а в стаканчиках для карандашей рядом с каждым компьютером торчали бенгальские огни и хлопушки. Принцесса Любомила прикрепляла к осветительной арматуре транспарант "Слава Любви" из мигающих лампочек и флаги всех Стран Истинной Веры.

— Что у нас за торжество? — простодушно поинтересовался Траффорд.

— Что за торжество? — ошеломленно повторила Принцесса Любомила. — Что у нас за *торжество*? Боже! А как ты сам думаешь?

— Гм... не знаю.

— Мы все *знамениты*, вот что у нас за торжество! Всю жизнь мы мечтали стать знаменитыми, и вот наша мечта сбылась! Мы знамениты, и мы собрались вместе в первый раз после того, как это случилось. Ты считаешь, что это не повод для торжества?

После Фестиваля Веры, на котором был принят новый Закон Уэмбли, прошла уже целая неделя, и Траффорд почти забыл о нем. Тогда это стало крупным событием: на улицах спонтанно возникали шумные кутежи, да и городские пабы были битком набиты людьми, отмечающими свою нежданную удачу. Народные гулянья не прекращались всю ночь, и банды новоиспеченных знаменитостей рыскали по подворотням в поисках извращенцев, время от времени затевая драки с полицией.

Но с тех пор минула неделя, и в течение этого времени мир не стоял на месте. Были новые взрывы, новые беспорядки и новые кошмарные задания для миротворцев за океаном. Для многих людей их новообретенная слава уже утратила прелесть новизны, но Принцесса Любомила явно не собиралась принимать это в расчет. Нельзя же было и вправду упускать такой уникальный случай! Как она объяснила коллегам, даже если бы один-единственный член их коллектива прославился в мгновение ока, это послужило бы поводом для всеобщего ликования — так что же они должны чувствовать, когда это произошло со всеми сразу?!

Заиграла музыка, и Принцесса Любомила взяла на себя ведущую роль в караоке, а потом в танцах. Поначалу она не трогала самых робких, которые жались по углам или сидели на своих рабочих местах, старательно изображая энтузиазм, покуда она и ее прихвостни топали, вопили и дергались на расчищенной от столов площадке в центре комнаты. Однако потом Принцессу Любомилу, естественно, разозлил такой недостаток корпоративного духа, и она накинулась на тех, кто держался в сторонке.

— Эй вы! Хватит киснуть! — свирепо выкрикнула она, мотая своими огромными, почти обнаженными силиконовыми грудями в такт очередной песне. — Праздник у нас или нет?

Один за другим сотрудники отдела стали присоединяться к танцующим, застенчиво пытаясь воспроизвести нелепые псевдоэротические па Принцессы Любомилы и ее приспешников. Траффорд заметил, что Кассий включился в процесс довольно рано — не настолько рано, чтобы возбудить подозрение Принцессы Любомилы, но и не настолько поздно, чтобы навлечь на себя ее гнев. Он делал вид, что происходящее доставляет ему немалое удовольствие, и для человека с таким большим секретом за пазухой это получалось у него вполне убедительно — по крайней мере на взгляд Траффорда. Последними на танцплощадку вышли Траффорд с Сандрой Ди. Сандра Ди даже не пыталась снискать одобрение Принцессы Любомилы, и в каком-то смысле это служило ей средством защиты, поскольку явно внушало Принцессе Любомиле невольное уважение. В обычной ситуации Траффорд пошел бы танцевать раньше, но мужество Сандры Ди вдохновило и его. Вместе, но по отдельности они сопротивлялись могучему социальному давлению до тех пор, пока Принцесса не велела всем встать в одну цепочку. После этого сопротивляться было уже невозможно.

Итак, двадцать пять или около того старших администраторов-аналитиков Отдела изучения различий, занимающего северо-западный угол семьдесят второго этажа Государственного банка данных, выстроились в затылок друг другу и, ведомые Принцессой Любомилой, принялись скакать и дрыгать ногами среди рабочих столов, празднуя свою официально закрепленную славу. Одни танцевали отчаянно, словно махнув на все рукой. Другие улыбались, сжав зубы. А некоторые, в особенности Сандра Ди, даже не старались выдавить из себя улыбку.

И только Траффорд танцевал, опьяненный настоящим восторгом, ибо он сумел занять место позади Сандры Ди. Ее густые волосы, светлые с земляничным оттенком, прыгали перед его лицом, а сквозь тонкую ткань хлопкового платья он осязал ее талию. Ему казалось, что он никогда в жизни не испытывал ничего более волнующего. Вот это тело, которое она прячет от целого мира — и все же он почти что прикасается к нему. То, что принадлежит только ей, отделено от него лишь тоненькой преградой из горячей влажной материи. Он держал в своих руках живой, дышащий секрет; он касался ее интимных частей, потому что все ее части были интимными. Это было потрясающе — ровно тот самый уровень близости, который порождал глубочайшее эротическое наслаждение. Чуть ближе — и аромат тайны развеется, но ведь именно тайна и делала эту девушку такой непобедимо прекрасной.

Когда танец кончился, Сандра Ди отправилась на свое место, даже не обернувшись, чтобы заговорить с ним или хотя бы просто улыбнуться. Но Траффорд не обиделся: он обожал ее тайну. Он любил в ней все, о чем не знал. Ища взглядом свободный стул, он искренне верил в то, что, если бы она сейчас подошла к нему и предложила вместе отлучиться в кладовку или в уборную, как порой делали их коллеги, он бы ее отверг. Реальный половой акт не мог соперничать с секретом, который он был волен лелеять в своей душе и о котором она ничего не знала. По

эротичности живая плоть не шла ни в какое сравнение с той, которая существовала только в его воображении, нетронутая и неведомая.

17

– Как насчет перекусить? – спросил Траффорд.

Кассий поднял глаза, и Траффорд улыбнулся. Целое утро он ждал этой минуты с алчным нетерпением, несмотря на опасность, которой был чреват предстоящий разговор. Их привычный офис вдруг превратился для Траффорда в хранилище секретов, захватывающе интересное место, где находились только три человека: он сам, Кассий и Сандра Ди. Все прочие, с точки зрения Траффорда, были не более реальными, чем мечущиеся на экранах перед ними герои компьютерных игр, которые помогали им скоротать долгие и бессмысленные рабочие часы.

– С удовольствием, – ответил Кассий.

– Слава Любви, – сказал Траффорд.

– Аллилуйя, – с готовностью подтвердил Кассий.

Теперь пришел черед Траффорда выбирать ресторан, и он пригласил Кассия в "Макдоналдс".

– Мы что-нибудь отмечаем? – осведомился Кассий.

"Макдоналдс" была самой старой и почтенной из многочисленных сетей общественного питания с отделениями во всех торговых пассажах и крупных универмагах. Основанная еще до Потопа, она функционировала и сейчас, в эпоху Истинной Веры, чем могли похвастаться очень немногие компании. Поэтому она обладала в глазах публики особым благородным шармом и стояла на голову выше конкурентов. Здесь не разрешалось обнажаться полностью, и лучшего, более аристократического места для того, чтобы отпраздновать крестины, солнцестояние или свадьбу, было не найти во всем городе.

– Да. Да, мы кое-что отмечаем, – ответил Траффорд, когда они везли свои маленькие тележки с едой к только что освободившемуся столику. – Сегодня я начинаю сопротивляться Храму.

– Чудесно, – обронил Кассий, принимаясь за очистку столика от стандартного мусора: объедков, пустых картонок и сопливых салфеток. – И как же вы собираетесь осуществить это благородное намерение? – спросил он в своей обычной манере, словно наставник бойцов кун-фу из популярной видеоигры, хотя Траффорд и сомневался, что он перенял этот стиль поведения именно оттуда.

– Я хочу последовать вашему совету, – сказал Траффорд.

Он произнес это внятно и громко, с чувством внутреннего облегчения. Еще один секрет, еще один акт неповиновения, на сей раз такой, который может отнять у Храма очередную плененную им душу.

Выражение лица Кассия не изменилось. По-прежнему улыбаясь, он раскрыл принесенные картонки с едой и откусил от гамбургера. Это на мгновение согнало улыбку с его губ, но он тут же приклеил ее обратно и стер с подбородка липкий сладкий майонез.

– А ваша жена согласна? – спросил он, прежде чем пробормотать себе под нос: – Идиоты, они даже в майонез напихали сахару.

— Нет, Чантория мне запретила, — с вызовом ответил Траффорд. — Но я все равно на это пойду.

— Если нас поймают, вас закидают камнями или сожгут, — сказал Кассий. — Впрочем, вы и сами знаете.

— Я потерял ребенка. Больнее этого уже ничего быть не может.

— Легко сказать, но представьте себе, как языки пламени лижут вам ноги. Если под пыткой вы получите шанс спастись, принеся в жертву то, что любите, разве вы от него откажетесь?

— Наверное, не откажусь... но, к счастью, мне предлагают выбирать в другом порядке. Во всяком случае, пока я готов рискнуть.

Некоторое время они оба жевали в молчании, под гул сотен голосов, обсуждающих еду, животрепещущие новости из жизни звезд и последние декреты Храма.

— Так вы не против? — спросил Траффорд. — Вы сделаете прививку моей дочери?

— Конечно.

— Несмотря на несогласие моей жены?

— Если бы я мог, я делал бы детям прививки даже против воли обоих родителей, точно так же, как попытался бы спасти ребенка, если бы ему приставил нож к горлу его собственный отец. Тут не о родителях надо думать, а о детях. Спасать их — мой долг. Я же вам говорил, это моя вера.

— Вакцинаторы верят в Бога?

— Некоторые верят. Многие — нет. Это не требуется. И уж во всяком случае, среди нас нет почитателей того Бога, каким его изображает Храм: злобного, мстительного, безнадежно оторванного от реальности и непоследовательного существа, у которого хватает времени и охоты лезть в душу каждому человеку и выслушивать его молитвы и который тем не менее убивает и калечит всех без разбору.

Его последние слова утонули в оглушительной музыке. За соседним столиком собралась шумная компания, празднующая чьи-то именины, и несколько ее членов решили порадовать своими любимыми песнями весь ресторан. Перед каждым из гостей уже стояло по огромному стакану со взбитыми сливками, посыпанными леденцовой крошкой, а кто-то под восторженные крики и восклицания открывал большие сумки, чтобы извлечь оттуда дополнительные килограммы сластей. Интерактивные воздушные шары, когда по ним хлопали ладонью, пели "Ура, Звездочет, тебе уже пятьдесят!", а на большом плоском экране воспроизводились громкие пространные видеопоздравления тех, кто не смог явиться на торжество лично. Все это вкупе с той какофонией, которая и раньше наполняла зал, сделало шум в ресторане почти невыносимым.

— Как мы это устроим? — прокричал Траффорд Кассию, хотя тот находился не больше чем в полуметре от него.

— Мне надо разобраться, какие вакцины я смогу достать и когда, — ответил Кассий, тоже напрягая голос до предела. Странно было вести такой опасный разговор на уровне крика, но Траффорд понимал, что их едва ли подслушают, а если даже и запишут через микрофон, то все равно потом ничего не разберут. — Малыши чем только не болеют, — продолжал Кассий. — Одним уколом от всего не спасти. Но что сможем, то сделаем.

— А где вы берете вакцины?

Как раз в это мгновение шум неожиданно стих. Траффорду повезло. Если бы он заговорил хоть на долю секунды позже, страшное слово "вакцины" прозвучало бы в относительной тишине — и кто знает, к чему бы это привело!

Минутная пауза в общем гаме объяснялась тем, что дежурный администратор попросил компанию, отмечающую именины, слегка сбавить обороты, поскольку в непосредственной близости от нее справлялись поминки. Сначала гости категорически отказались, заявив, что они заплатили за свою еду и что они не хуже всех остальных и имеют столько же прав делать все что им угодно и где им угодно, как и другие свободные граждане. Однако, когда администратор сообщил, что их соседи поминают умершего ребенка, друзья Звездочета, поворчав, согласились вести себя потише.

Разумеется, постепенно шум снова начал усиливаться, но на некоторое время Траффорд с Кассием получили возможность говорить не надсаживаясь.

— Существует целая сеть, — сказал Кассий, отвечая на вопрос Траффорда. — Одни лекарства синтезируются на кухнях, превращенных в лаборатории, или здесь, в Лондоне, или за городом. Другие тайно привозят из-за границы. Североевропейские страны, входящие в Блок Истинной Веры, смотрят на эти вещи чуть либеральнее, чем принято у нас. В Скандинавии вакцинация вообще не была запрещена законом, но пятнадцать лет назад давление со стороны Большого Союзника положило этому конец. Тут вот какая логика: нет веры — нет и ядерного прикрытия, так называемого военного зонтика, а при том что больше половины мира затоплено и все тамошние жители очень хотят перебраться к нам, без военного зонтика не обойдешься, ведь так? Точнее было бы сказать, без военных сапог.

В этом месте разговор снова прервался, потому что на их столик навалился задом какой-то здоровенный кутила из соседней компании, весь в татуировках. Столик был привинчен к полу, но содрогнулся под тяжестью двух гигантских, практически голых волосатых ягодиц, которые, рухнув на него, расползлись по пластиковой поверхности и даже слегка раздвинули в стороны картонные стаканы Траффорда и Кассия с молочным коктейлем. Все друзья именинника снимали происходящее на мобильные телефоны, и этот гость пытался отойти подальше, чтобы увеличить обзор своей видеокамеры. Казалось, видеосъемка — основное занятие этих весельчаков, если не считать еды. Можно было подумать, что они и собрались-то лишь ради того, чтобы запечатлеть свое сборище на электронных носителях.

Траффорд с Кассием сидели тихо. Они не стали упрекать человека, который вторгся в их личное пространство и буквально уселся на их обед. С каждым днем в Лондоне становилось все теснее, нервы у горожан были взвинчены, и они разделились на две вполне определенные группы: тех, кто постоянно искал возможность затеять свару, и тех, кто старался замять любой конфликт в зародыше. Как и прочие любители спокойной жизни, Траффорд давно уже понял, что люди, которые наиболее рьяно отстаивают свое право делать все, что им вздумается, никогда не упустят шанса обвинить в неуважении людей, которые пытают-

ся отстоять свое право на то, чтобы им не мешали люди, делающие все, что им вздумается. Было ясно как дважды два, что любое замечание в адрес человека, сидящего на их столике, не вызовет ничего, кроме праведного гнева, обвинений в неуважении и, возможно, вспышки насилия. Поэтому Траффорд и Кассий не сговариваясь решили подождать, пока он уберется сам.

Но тех, кто ищет скандала, трудно остановить пассивной обороной, и незваный гость, похоже, заподозрил в их молчании намек на пресловутое неуважение.

— Вам чего, не нравится, что я тут сижу? — раздраженно спросил он, пытаясь развернуть верхнюю часть своего могучего торса так, чтобы очутиться с ними лицом к лицу.

— Нет-нет, что вы, — быстро ответил Кассий.

— Потому что, если у вас какие-то проблемы, можем разобраться с ними прямо здесь. Понятно, о чем я?

— Абсолютно никаких проблем. У вас праздник, чувствуйте себя как дома.

— Потому что мне надо отойти с этой долбаной камерой, — пояснил человек, уже понимая, что желанная драка вряд ли завяжется, но еще не потеряв последней надежды.

— Конечно. Пожалуйста, не стесняйтесь. Вы нам вовсе не мешаете, — заверил его Кассий. — Мы можем перейти за другой столик, если вам так удобней.

— Ладно. Рад, что все утряслось, — сказал человек и отвернулся, чтобы продолжить съемку.

Кассий с Траффордом мирно сидели, дожидаясь, пока он уйдет. Имея перед глазами огромную полуголую задницу, они просто не могли вести беседу на какую бы то ни было тему. Все, что им оставалось, — это сидеть и смотреть, как пот ручейком сбегает в ложбину пониже спины незнакомца и, просочившись сквозь его коротенькие атласные шорты, снова появляется на столе, образуя там лужицу, в которой потихоньку намокают их картонки с едой.

Наконец, едва не сломав отчаянно заскрипевший столик, человек поднялся, чтобы вернуться к друзьям. Напоследок он громко пукнул, несказанно позабавив этим всю свою компанию.

— Приятного аппетита, — пошутил он.

Траффорд и Кассий через силу улыбнулись. Если бы они покинули ресторан или сменили столик, это наверняка повлекло бы за собой обвинение в неуважении. В конце концов, незнакомец имел полное право страдать метеоризмом, а кроме того, ни один закон не запрещал пускать ветры в общественных местах.

Вскоре неприятное впечатление рассеялось, и Кассий с Траффордом возобновили свой диалог о жизни и смерти — диалог, который мог означать жизнь для дочери Траффорда и смерть для них с Кассием.

— Кто готовит сыворотку? — спросил Траффорд.

— Химики. Люди, которые тайно изучают запрещенную науку.

— Разве не любая наука запрещена?

— Не смешите. Конечно, нет. То, что осталось от нашей страны, функционирует благодаря науке. Она откачивает из метро воду, она

приводит в движение поезда и автобусы. Она консервирует продукты, она снабжает нас микроволновками и холодильниками.

– Понимаю. Вы имеете в виду мудрость.

– Нет, я имею в виду не мудрость, – кисло ответил Кассий. – Мудрость всегда отражает чье-то мнение, чью-то точку зрения на вещи. А наука занимается фактами. Храм называет мудростью те обрывки науки, которым учит ради своих собственных целей. Но это всего лишь очередной обман.

– Наука, мудрость – какая разница? – спросил Траффорд. – Это же просто слова.

– Да, слова с абсолютно разным значением. Мудрость субъективна. Наука объективна. Неужели вы не понимаете, насколько это важно? Наука не имеет никакого отношения ни к *вере*, ни к *чувствам*. Науку интересует то, что можно выяснить путем наблюдений и умозаключений, то, что можно *доказать*.

– Да-да, конечно. Я понимаю, – с азартом подтвердил Траффорд.

Он был увлечен, даже взволнован. Все, что говорил Кассий, впрямую перекликалось с его тайными мыслями, которые ему еще никогда и ни с кем не приходилось обсуждать.

– Беда Храма и его прислужников из правительства в том, что наука им нужна, – продолжал Кассий. – Хоть они и заявляют, что все, открытое в Допотопную эру, заслуживает презрения, на самом деле они целиком зависят от этих знаний. Тут и операции, которые навязываются женщинам, и техника, которая позволяет удерживать в воздухе уцелевшие самолеты и обрушивать на головы иноверцев ракеты со взрывчаткой, и химикалии, с помощью которых выращивается и хранится эта дрянь, наша еда, а в первую очередь – микротехнологии, обеспечивающие круглосуточный поток бессмысленной информации, в которой нас топят. И все это плоды трудов того самого интеллектуального сообщества, которое они презирают и осуждают, того, которое когда-то разработало вакцины и помогло человеку попасть на Луну...

На этом месте Траффорд прервал его монолог.

– Вы правда верите, что люди когда-то побывали на Луне? – с изумлением спросил он.

Так называемые полеты на Луну были для Храма излюбленным примером тех лживых мифов, которыми изобиловала Допотопная эра. По его словам, их сфальсифицировали в съемочном павильоне с единственной целью: показать, что человек умнее Бога.

– Полеты на Луну – реальность, – твердо сказал Кассий.

– В это трудно поверить, – возразил Траффорд, которого вдруг одолели сомнения. – Разве это возможно – ходить по Луне? Летать в космосе?

– А почему же нет? Что вас смущает? В руках у того идиота, который испортил нам воздух, было устройство, способное с идеальным качеством записывать звук и изображение и мгновенно передавать их через интернет в самые отдаленные уголки планеты. В это вам поверить не трудно? Мне трудно. Самый дешевенький детский мобильник – продукт технологий во много раз более сложных, чем те, что перенесли человека на Луну. Для этого требовалось только использовать гравитацию и провести элементарные баллистические расчеты.

Глаза Траффорда были широко раскрыты. То, что говорил Кассий, противоречило всему, что он знал.

– Но гравитация – это же сила, которая притягивает все предметы к земле, – нерешительно возразил он. – Разве можно использовать ее для того, чтобы попасть на Луну?

– Гравитация, – ответил Кассий с плохо скрытым нетерпением, – это сила, которая притягивает все ко всему. У Земли нет монополии на гравитацию, потому что она отнюдь не находится в центре вселенной.

– Вы правда так считаете?

– Разумеется. У вселенной вообще нет центра. Подобно всему прочему, что существует на свете, Земля висит посреди времени и пространства, а гравитация окружающих небесных тел как раз и удерживает ее на своем месте.

Потрясенный той легкостью и уверенностью, с какой Кассий сделал это святотатственное утверждение, Траффорд тихо сказал:

– Я хочу знать то, что знаете вы. Хочу понять. Не могли бы вы...

– Тут все зависит скорее от вас самого, чем от меня. Заставить человека что-то понять нельзя, точно так же как нельзя заставить его по-настоящему верить. В отличие от Храма, который предпочитает не убеждать, а принуждать, люди моей профессии только убеждают, но ни в коем случае не принуждают. Если я не смогу убедить вас в том, что знаю, с помощью рациональных доводов, тогда мои знания не будут иметь никакой цены.

– Это закон вакцинаторов?

– Я принадлежу к более широкому кругу. Мы все – сторонники разума.

Несмотря на сильную жару, по спине у Траффорда пробежал холодок. Ведь именно к разуму апеллировал он сам, пытаясь убедить Чанторию в необходимости сделать прививку Мармеладке Кейтлин.

– Я... я тоже хочу быть сторонником разума, – сказал он.

– Минуту назад вы не могли поверить в то, что люди когда-то высадились на Луне.

– Нет-нет. Я могу поверить. Теперь я верю!

– Нам, гуманистам, все равно, во что вы верите. Нам важно то, что вы *понимаете*.

– Так помогите мне понять. Я хочу понять. Я тоже хочу стать этим, как его...

– Гуманистом.

– Да. Гуманистом. Не знаю, что это такое, но я хочу им стать.

– Зачем?

– Затем, что в жизни должно существовать что-то большее, и я знаю, что этого не найти снаружи, по крайней мере в этом ужасном, перегретом, полузатопленном муравейнике, который мы называем городом, а значит, надо искать внутри. Я хочу исследовать новые миры и знаю, что они могут быть только у меня в голове.

– Что ж, тогда нам, пожалуй, стоит как-нибудь побеседовать снова. А пока надо позаботиться о безопасности Мармеладки Кейтлин.

– К каким лекарствам у вас сейчас есть доступ? – спросил Траффорд.

— Лекарствами я не занимаюсь. Моя задача — не лечение, а профилактика. Я занимаюсь вакцинами. Понимаете разницу?

— Да, конечно. Конечно, понимаю.

— Это хорошо, потому что слова имеют значение, Траффорд. Без них не может быть ясности мысли. Логики. Точности. И главное — понимания. Вы ничего не поймете, если слова для вас ничего не значат.

— Да-да, понятно. Все правильно. Так какие у вас есть вакцины?

— Вам повезло. Наш брат нынче неплохо обеспечен. Я могу защитить вашу дочь от того, что называется сыпучкой, мертвым кашлем, чертовой тряской, мокроязвенницей и окостенением, а раньше называлось корью, коклюшем, менингитом, оспой и столбняком.

— И когда это можно будет сделать?

— Как только вы доставите мне ребенка.

18

Чантория с благодарностью приняла предложение Траффорда забрать у нее ребенка на несколько часов. Она совсем сбилась с ног. В субботу Незабудка выходила замуж, и весь дом бурлил, готовясь к этому празднику.

Свадьбы считались важнейшими событиями, безусловно центральными для жизни всего общества. Храм неустанно подчеркивал огромное значение и святость брака.

— Это торжественное провозглашение союза между мужчиной и женщиной, — громко вещал исповедник Бейли на каждой церковной сходке, — союза, заключаемого ради того, чтобы появлялись на свет детишки и продолжалась семейная жизнь, лежит в основе бытия всякого мирного богобоязненного общества.

Браки были глубоко положительным явлением. Из этого сам собой следовал вывод, что люди, которые постоянно меняют супругов, заслуживают одобрения и подражания, ибо они более благочестивы и любвеобильны, нежели их сограждане.

Конечно, в прежние времена духовные лидеры населения, погрязшие в слабостях и невежестве, не понимали истинного смысла, вложенного Богом-и-Любовью в великий институт брака. Тогда полагали, что добрые слова Иисуса, произнесенные им на свадьбе в Кане Галилейской, означают, будто наилучший духовный путь — это *оставаться* в браке. Теперь-то люди наконец поняли, что на самом деле Иисус говорил о необходимости *вступать* в брак.

— Иисус праздновал в Кане не брак, а свадьбу, — разъяснял пастве исповедник Бейли. — И не надо их путать!

Значение имела только свадьба — тот чудесный миг, когда мужчина и женщина полностью предаются друг другу телом и душой во имя Любви и Господа Бога. С точки зрения общественного блага такие события попросту не могли происходить *слишком* часто.

— Будничность и рутина губительны для истинной веры, — утверждал отец Бейли. — Зачем Господу любовь, которая настолько износилась, что ее приходится беречь из последних сил? Это уже не любовь! Это привычка! Нельзя брести по жизни, довольствуясь чувствами второ-

го сорта. Жизнь — не репетиция. Второго шанса у вас не будет. Так смелей же! Ловите момент! Хватайте то, что вам нравится. Вы заслуживаете большего! Чем больше всего, тем лучше! Больше пыла! Больше страсти! Больше экстаза! Больше еды и напитков! Больше хороших товаров! Больше секса! Берите — все это ваше! Хватайте все подряд во имя Господне. Что может быть приятнее свадьбы? Что может быть приятней еды, питья и плотских утех? Ведь это дары Божьи! А на свадьбе все три этих дара представлены в изобилии, и все потребляются в строгом соответствии с нашими духовными обетами. Что здесь может не нравиться?

Для Траффорда в одержимости общества свадьбами крылось еще одно вопиющее противоречие, о котором он должен был помалкивать. С его точки зрения, весь эмоциональный заряд свадьбы порождался только абсолютной уверенностью в нерушимости заключаемого брака. Этот день мог стать поистине счастливым лишь при молчаливой убежденности всех заинтересованных лиц в том, что событие, которое они отмечают, уникально и неповторимо, что новый союз двух любящих сердец и вправду навеки скрепляется небесной печатью. Каждая песня, каждый тост, каждая слезинка и каждое обещание были напрямую связаны с *единственностью* торжества и теми недвусмысленными обязательствами, которые брали на себя жених и невеста по отношению друг к другу, — но при этом все присутствующие, и в первую очередь сами жених и невеста, отлично знали, что их совместная жизнь продлится максимум два-три года. Повторные браки поощрялись и законами общества, и его моралью, однако начало каждого из них полагалось отмечать так, словно другого уже не будет.

— Я никогда по-настоящему не любила Кавалериста, — признавалась Незабудка своим многочисленным подружкам. — И Супермена, и Героя-Любовника. Лексус — это первая настоящая любовь в моей жизни.

Все обитатели дома искренне радовались за Незабудку и восхищались той решимостью, с какой она круто изменила свою судьбу. Разрыв с Кавалеристом не сломил ее морально и физически, да и утрата маленького Сникерса в конечном счете помогла ей стать удивительно сильной и цельной личностью.

— Я часто беседовала с Богом, — уверяла она гостей, которые толпами приходили ее поздравлять, и еще более широкую аудиторию, состоящую из посетителей ее блога. — Он говорил мне, что я прекрасна, и я ему верю.

Наблюдая за ней на большом экране, Траффорд невольно задавался вопросом об истинных масштабах ее нынешнего счастья. Она потеряла ребенка всего несколько месяцев назад, и ему просто не верилось, что от этого потрясения можно оправиться так быстро. Потягивая алкопоп, Незабудка смотрела в веб-камеру ошалевшими глазами и твердила, что она счастлива, но Траффорд почему-то не чувствовал ничего, кроме грусти. Возможно, он фантазировал, приписывая Незабудке ту же душевную опустошенность, с которой сам ежедневно вспоминал Ласковую Голубку, но это казалось ему сомнительным. Траффорд был почти уверен: она ведет себя так потому, что считает подобное поведение единственно правильным.

— А самое главное, — заявила со стены Незабудка, — самое главное, что я знаю, я *точно* знаю, что мой малыш, Сникерс, смотрит на меня от-

туда и ему ужасно нравится его новый папочка. Честно говоря, я просто убеждена, что это Сникерс нашел Лексуса и привел его ко мне.

Неужели она и вправду в это верит? На каких фактах основано это ошеломляющее предположение? Наверное, именно такой вопрос задал бы Кассий. Да и ему, Траффорду, следовало бы задать такой вопрос, но он, конечно, не рискнул. Как и все остальные, он согласился с Незабудкой в том, что возвращение ее мертвого ребеночка на землю с целью отвести свою мать в паб, где сидел местный специалист по уничтожению вредных животных Лексус, является наиболее вероятным объяснением их счастливой встречи.

— А секс у нас просто волшебный, — в тысячный раз повторила Незабудка всем, кто ее слушал. — Мой Лекс лучше всех. Он знает, что нужно женщине. Чего мы только не делаем! Надеюсь, многие из вас сами увидят. Ого! Я такая везучая!

Чантория помогала ей с платьем. Она взялась вручную прикрепить к шлейфу тысячи разноцветных лампочек-мигалок. Как и любая другая невеста, Незабудка хотела, чтобы ее платье было самым эффектным на свете, и на его пошив ушло не меньше десяти квадратных метров белого пластикового полотна.

— Когда я выходила за Кавалериста, я была в кремовом, — объяснила она, — но теперь могу надеть белое благодаря Лексусу, который оплачивает восстановление моего гимена, так что я опять стану девственницей. Это значит, что до свадьбы нам придется обходиться без интима целых сорок восемь часов. Правда, романтично?

Как и все жительницы их дома моложе пятидесяти, Чантория была подружкой невесты. Траффорд не сомневался, что ее пригласили только для массовости: популярность Незабудки в их небольшом сообществе требовала, чтобы ее свадьба праздновалась с размахом. Конечно, будут и карета, и двойной трон, эти непременные атрибуты любого бракосочетания, но истинный статус свадьбы зависел от того, каким количеством женщин в одинаковых платьях невеста сумеет себя окружить. Именно по этой причине Чантория временно попала в число ближайших подруг Незабудки и была очень этому рада. По ее мнению, такой уровень социального признания гарантировал ей защиту от травли. Траффорд не мог с ней согласиться: он знал, что дружеские связи тонки, как паутинки, и что жертвой разошедшейся толпы может стать кто угодно. В конце концов, линчевать у них в городе любили не меньше, чем гулять на свадьбах.

19

Оставив Чантерию дома наедине со степлером и тысячами лампочек, Траффорд взял Мармеладку Кейтлин, после нескольких неудачных попыток забрался с ней в переполненный автобус и поехал на центральный терминал Хитроу. В аэропорту уже давно работал только один терминал: когда-то их насчитывалось семь, но потом запасы нефти потихоньку иссякли, и почти все терминалы были переоборудованы в жилые комплексы. Зато здесь открыли музей авиации — в нем-то Кассий и попросил Траффорда его ждать.

Они договорились, что заметят друг друга как бы случайно – незапланированная встреча коллег, с кем не бывает! Траффорд продемонстрирует Кассию своего ребенка, а потом завяжется непринужденный разговор, после чего они решат сходить в кино и займут очередь за билетами.

Так все и произошло. После двухчасового стояния перед кассой, во время которого Траффорд прижимал Мармеладку Кейтлин к себе, а она, по своему обыкновению, то и дело улыбалась и гулила, они наконец протиснулись в затемненный кинозал. Перед этим, как и велел Кассий, Траффорд дал Кейтлин бутылочку с питательной смесью, куда был подмешан антигистамин. Когда они заняли свои места, Кейтлин уже спала и пропустила предваряющие сеанс рекламные ролики.

Потом начался фильм под названием "Глобальное потепление – большая ложь". "Планету затопило не от избытка CO_2, – начал повествователь. – Такова была воля Господня". В фильме рассказывалось о том, как человечество, обуянное гордыней, пыталось объяснить роковой Потоп, положивший конец его относительному благополучию, не праведным гневом Бога на своих погрязших в пороке детей, а загадочными "парниковыми газами".

"Нас не устраивало самое простое объяснение, – продолжал суровый голос за кадром. – Казалось бы, что может быть очевиднее? Люди закоснели в грехе, а Бог их покарал. Неужто не ясно? Но нет: в ту безбожную эпоху небо коптили так называемые ученые, и у них по каждому поводу было свое мнение. Они заявили, будто землю затопило полярным льдом, растаявшим от избытка солнечного тепла, задержанного в атмосфере выхлопами работающих на бензине двигателей. Ну да, как же! Видать, они долго думали, прежде чем сочинить такую чушь!"

По просьбе Кассия Траффорд смотрел кино, положив Мармеладку Кейтлин на колени, и в какой-то момент почувствовал, что вакцинатор нащупывает ее ножку. Траффорд чуть сменил позу, чтобы Кассию было удобнее. Косясь вниз уголком глаза, он видел, как старший коллега обнажил мягкую часть бедра девочки и воткнул туда иглу. "Держите крепче!" – прошептал Кассий, когда боль разбудила малышку и та громко захныкала.

Траффорд крепко держал Кейтлин, чтобы она не дернулась, пока поршень шприца не будет вдавлен до самого конца. Кассий сделал это очень бережно.

– У нее, наверно, зубки режутся? – спросил он, убирая свое орудие.

– Наверно, – ответил Траффорд. – Пожалуй, вынесу ее на свежий воздух.

Он встал, и Кассий протянул ему руку.

– Рад был повидаться, – сказал вакцинатор.

Они обменялись рукопожатием, и Траффорд почувствовал, как что-то легло ему в ладонь.

– Как-нибудь еще встретимся, – добавил Кассий.

Позже, в вагоне метро, Траффорд дождался удобной минуты и разжал кулак. Там оказался комочек бумаги. Траффорд развернул его: внутри, вместе с адресом, датой и временем, стояли слова: "Присоединяйтесь к нам. Это будет разумно".

Придя домой, Траффорд обнаружил, что Чантория по-прежнему сидит в груде белого пластика.

— Другие девушки собирались помочь, — объяснила она, — но Незабудке нужна поддержка. Она сейчас вся на нервах. Так что я тут одна, а остальные поддерживают Незабудку.

Траффорд взглянул на стену, включенную в мультистримном режиме. Квартира Незабудки была набита битком: там сидело не меньше дюжины молодых женщин из их дома. Все они пили алкопоп, закусывая его чипсами и шоколадками.

— Ей сейчас очень-очень нужны подружки, — подала голос Куколка из своего угла экрана. — Подружки и шоколад — что еще нужно девушке в трудную минуту!

— Ты права, Куколка. Ей сейчас было бы ужасно тяжело без друзей, — сказала Чантория. Ее пальцы распухли и покраснели от возни со скрепками и толстым пластиком. — Мы все стараемся помочь Незабудке по мере сил.

— Да, вы все замечательные девушки, каждая по-своему, — согласилась Куколка. — Незабудке повезло, что у нее такая классная команда.

— Она всегда была отличной подругой для меня... для всех нас, — отозвалась Чантория. Траффорду больно было видеть, с какой готовностью и подобострастием она поддакивает Куколке. Он понимал, что его жена мирится со своим низким положением в обществе из страха, что ее могут подвергнуть остракизму. Он перегнулся через столик и поцеловал ее.

Видимо, оценив его сочувствие, Чантория вернулась к работе над свадебным платьем с удвоенной энергией. За весь остаток вечера она почти ничего не сказала — только с мрачной сосредоточенностью прикалывала к пластиковому полотну разноцветные лампочки.

Время от времени будущая невеста скрепя сердце отвлекалась от дружеского общения и заглядывала к ним через интернет, чтобы узнать, как продвигается подготовка наряда.

— Ты у меня такая лапочка, — заплетающимся языком говорила Незабудка. — Что бы я без тебя делала! Ты просто прелесть. Ясно? Прелесть. Ты ветер в моих парусах.

Траффорд видел, как другие женщины за спиной у Незабудки визжат и смеются. Вскоре появилась неизбежная пицца, и кто-то включил караоке.

— Мне пора, лапочка, — промямлила Незабудка. — Сейчас моя песня. Целую, лапочка.

Благодаря дружеской поддержке Незабудка определенно воспряла духом. Ее волнение волшебным образом улетучилось без следа, и к тому часу, когда Чантория наконец прекратила работу и стала готовиться ко сну, вечеринка, на которую ее не пригласили, похоже, только начала набирать обороты.

Часть вечера Траффорд провел за тем занятием, к которому возвращался регулярно уже несколько недель подряд, а именно сидел за компьютером и проверял, какую ложь Сандра Ди решила разместить на

своем сайте сегодня. Мысли об этой девушке не давали ему покоя. Он понимал, что все ее посты краденые, но его не оставляла надежда, что он сумеет отыскать в них крупицу-другую истины и разгадать хотя бы самый маленький из ее секретов.

Например, Сандра Ди часто заимствовала из чужих блогов заметки, написанные бездетными женщинами — женщинами, которые признавались в своем страстном желании обзавестись ребенком. Очевидно, у самой Сандры Ди тоже не было детей: она внимательно следила за тем, чтобы не копировать тексты, которые чересчур явно противоречили ее реальным жизненным обстоятельствам. Но как она относилась к своей бездетности? Интересно, думал Траффорд, что означает ее выбор: вправду ли она хочет ребенка или просто притворяется такой же, как все? А может, на самом деле она рада, что у нее нет детей?

Он пришел к выводу, что верно последнее. Не опираясь на факты за полным отсутствием таковых, он решил, что Сандра Ди не хочет иметь детей. Стало быть, она прибегает к контрацепции? Закон запрещал пользоваться колпачками и презервативами, но достать их ничего не стоило, как и противозачаточные таблетки, — были бы деньги. На подобные нарушения Храм смотрел сквозь пальцы, особенно когда их совершали матери больших семейств. Однако, если зачатия упорно избегала бездетная женщина, это означало для нее немалый риск: узнай об этом широкая общественность, и преступницу наверняка сначала высекли бы, а потом заковали в колодки. А после всего этого, уже понеся официальное наказание, она вполне могла стать еще и жертвой изнасилования.

Но если Сандра Ди предохраняется от беременности, то ее партнер должен быть соучастником этого преступления. Партнер... или партнерша? Конечно, Храм утверждал, что лесбийской любви предаются лишь похотливые дьяволицы (она разрешалась только в секс-играх для мужчин), и, если Сандра Ди действительно развлекала себя такими забавами, нечего было и удивляться тому, что она прячет свое истинное "я" под покровом электронной лжи. Траффорд знал, что и в видеодневниках, наглядно демонстрирующих "классный" и "потрясающий" секс, которому она якобы предается, ее роль играют разные незнакомки из сети. Можно ли по этим записям судить о том, чего она по-настоящему хочет в постели? Того же — или, наоборот, противоположного? Вправду ли она мечтает о грубом сексе с двумя-тремя мужчинами зараз — сюжет, который часто повторялся на ее блоге? Или это двойной обман, призванный еще больше засекретить ее личную жизнь? Может, на самом деле ей не хватает ласки, чуткости или даже прикосновения другой женщины?

Впрочем, всегда оставалась вероятность того, что Сандра Ди и вовсе хранит целомудрие. Половое воздержание было приемлемо и для Храма, если только его соблюдали искренне и последовательно. Храм одобрял подобное самоотречение во имя веры, хотя и предпочитал, чтобы его сторонницы следовали зову своего сердца не поодиночке, а в составе зарегистрированных групп.

— Что ты там смотришь? — прервал размышления Траффорда голос Чантории.

— Да так, брожу там и сям, — поспешно ответил он. — Читаю всякие блоги и дневники, стараюсь жить в коллективе и с коллективом. Разве не этого ты хотела? Помнишь, что советовал нам исповедник?

— Сандра Ди, — сказала Чантория, взглянув на заголовок открытой веб-страницы через плечо Траффорда. — Похоже, та еще шлюха.

На экране воспроизводилась видеозапись: голова девушки с волосами примерно такого же цвета, как у настоящей Сандры Ди, неистово прыгала вверх и вниз.

— Да. Мы вместе работаем. Она попросила меня зайти на ее сайт. Все хотят, чтобы их сайты посещало как можно больше народу. До чего некоторые ими гордятся — это просто удивительно.

— Значит, ты изучаешь сайт по ее просьбе, — сказала Чантория.

— Ну да.

— Каждый день.

Наступила пауза, во время которой Траффорд закрыл ролик, вывешенный Сандрой Ди.

— Ты посмотрела список последних вызванных страниц? — небрежно спросил он.

— А что, нельзя?

— Да нет, пожалуйста.

— Так почему ты все время смотришь на эту твою Сандру Ди? Задница ее нравится, что ли? Похоже, она умеет ею пользоваться. А я и не знала, что ты любишь таких, стандартных. И с фигурой у нее порядок. Конечно, у бездетных-то сучек всегда с фигурой порядок, да?

Очевидно, Чантория тоже читала кое-какие посты из блога Сандры Ди.

— Я просто хочу нагнать побольше трафика, Чантория, — Траффорд старался говорить не слишком виноватым тоном. — Чтобы меня не считали психом. Ты же сама велела мне вести себя нормально, то есть почаще лазить на порносайты и вообще...

— Да, но не пялиться же все время на одну девку! Ты должен пялиться на разных.

— По-твоему, это было бы лучше?

— Естественно!

— Ладно, запомним! В следующий раз буду пялиться на другую! — воскликнул Траффорд, пытаясь изобразить праведный гнев, и захлопнул крышку ноутбука.

Наступило недолгое молчание; он по-прежнему сидел перед закрытым компьютером, она стояла позади.

— Ну? Давай, посмотри на меня! — вдруг потребовала Чантория. — Чего ж ты не смотришь?

Обернувшись, Траффорд увидел, что Чантория облачилась в так называемую "полную бель-форму". "Бель" в этом выражении осталось от слова "белье", а означало оно женскую нижнюю одежду, предназначенную специально для полового возбуждения партнера. Мужского эквивалента для полной бель-формы не существовало, поскольку мужчинам не вменялось в обязанность стремление возбудить партнершу, хотя они были в значительной степени обязаны приходить в возбуждение, увидев бель-форму на женщине. Любая женщина, надевшая ради своего партнера полную бель-форму, особенно если их брак уже трещал по

всем швам, получала очень весомое моральное преимущество. Целители и консультанты признавали это отважной попыткой оживить угасающие чувства и вернуть в семейные отношения утраченную изюминку, и мужчине полагалось реагировать на такие действия с неподдельным энтузиазмом.

Чантория надела классический, одобренный Храмом полный белькостюм для истинно верующих женщин: черные туфли на пятидюймовых шпильках, съедобные стринги с ароматом шоколада и кожаный лифчик без чашечек.

— Я ходила в "Потаскушку Долли", — сказала она.

"Потаскушка Долли", одна из вездесущих магазинных сетей, специализировалась на нижнем белье и секс-игрушках — единственных товарах, составляющих серьезную конкуренцию фастфуду в крупных торговых пассажах.

— У нас не было мегакрутого суперсекса с тех пор, как родилась Мармеладка Кейтлин, — сказала она.

— Я знаю, — ответил Траффорд.

— Что скажут люди?

— Они всегда что-нибудь говорят. Как ни старайся, обязательно что-нибудь да скажут.

— Так ты меня оприходуешь или нет? — тихо спросила Чантория.

Траффорд посмотрел на жену. Она ему все еще нравилась. В том, что она напугана и унижена, не было ее вины. Он сам почти постоянно ходил напуганный и униженный. С другой стороны, вещи, которые она на себя надела, казались Траффорду нелепыми. Если ему не хочется заниматься с ней оральным сексом, почему он должен захотеть этого, увидев, что ее вагина покрыта шоколадом? У них в холодильнике лежит целый килограмм шоколада, причем без аромата вагины. А еще более огорчительно было то, что он знал: Чантория и сама кажется себе нелепой. Даже в раннюю, счастливую пору их совместной жизни она никогда не проявляла интереса к эротическим игрушкам и костюмам. Конечно, тогда это не имело значения: их сексуальная жизнь была достаточно богатой и насыщенной, и никто из соседей попросту не заметил, что Чантория, в общем-то, довольно застенчива в постели. Они любили друг друга обнаженные, но под простыней, а медицинский халатик и пушистые розовые наручники, ее свадебные подарки, так и остались лежать невостребованными в ящике стола. Теперь Чантория явно почувствовала необходимость принять меры, и Траффорд отлично понимал, что ей это глубоко противно. На лице у нее было не столько зовущее, сколько вызывающее выражение. Траффорд видел, что она дрожит, но знал, что эта дрожь объясняется скорее смущением, нежели страстью. Его сердце потянулось к ней, но в то же время он рассердился, что она так неприкрыто демонстрирует свои намерения.

— Я должен тебя оприходовать, потому что ты хочешь мегакрутого суперсекса или потому что беспокоишься, что скажут люди? — спросил он.

— И то и другое, — ответила она.

Но Траффорд был убежден, что знает, какая причина важнее. Считалось, что добропорядочной, истинно верующей женщине подобает проявлять сильное и здоровое половое влечение и быть "готовой на

все". Каждой женщине полагалось хотеть "этого" и хотеть, чтобы это было "мегакруто". Кроме того, ей полагалось пробуждать ненасытную похоть в своем партнере – все понимали, что иначе он, будучи мужчиной, найдет "это" где-нибудь еще. У женщины, получившей клеймо "фригидной", могли возникнуть трудности с поисками очередного мужа после неизбежного (по мнению общества) разрыва с нынешним. Молодые женщины испытывали огромное давление, заставляющее их быть сексуально привлекательными в любое время дня и ночи, и Траффорд знал: если люди заметят, что Чантории больше не удается его соблазнить, то позором, скорее всего, заклеймят именно ее. Поэтому она и решила надеть полную бель-форму – прием, с помощью которого можно было переложить бремя вины за кризис в их отношениях на него, Траффорда.

Словно затем, чтобы подтвердить эту догадку, течение его мыслей внезапно прервал голос Куколки.

– Ух ты! Посмотрите, как *потрясно* она выглядит! Ну ты даешь, девочка, – сегодня ты круче всех!

Траффорд повернулся к стене. Зажав в каждой руке по куриной ножке и растянув сальные губы в улыбке от уха до уха, Куколка энергично кивала в знак одобрения.

– Эй, девочки! – закричала Куколка. – Взгляните-ка на Чанторию. Какая конфетка!

Молодые женщины на участке экрана, отображающем квартиру Незабудки, прервали свое хмельное веселье и стали оборачиваться, чтобы посмотреть туда, куда им велели.

– Круто! – завопили они. – Ты классно выглядишь, подружка! Чего ты ждешь, Траффорд? Она тебя хочет! Да это мечта любого парня! *Оприходуй ее сейчас же!*

Чантория робко улыбнулась в ответ на общее внимание, хотя ей было прекрасно известно, что это всего лишь простая вежливость: элементарные правила хорошего тона требовали от женщин громких похвал в адрес любой другой женщины, надевшей полную бель-форму.

Вдруг Траффорда охватила ярость. Ему захотелось с криком броситься на экран, сорвать с него эти лица и растоптать их. Да как они смеют к ним лезть! Какое у них право подбадривать его жену, когда она старается пробудить в нем чувственность!

Конечно, он сдержался. Разве может нормальный человек возражать против того, чтобы весь мир увидел его жену в самом сексуальном из нарядов? Разве это не повод гордиться ею? Разве это не повод для него гордиться тем, что она гордится собой? Разве она не прекрасна? Да что с ним такое? Разве кому-нибудь из них есть что скрывать?

Траффорд сжал кулаки и постарался подавить гнев.

– Вау! – наконец воскликнул он. – Да, моя девочка сегодня хочет горяченького!

– Если ты не оприходуешь ее сейчас, Тигр, – невнятно сказала Куколка, набив рот жареной курицей, – то после уже не получится.

– Еще как оприходую! – сказал Траффорд. – И только попробуйте меня остановить!

Подруги Незабудки разразились поощрительными криками.

– Ну ладно, тогда оставляю вас вдвоем, – сказала Куколка.

Но, отключая звук на пульте, управляющем каналами локальной сети, Траффорд понимал, что Куколка не оставит их вдвоем. Куколка будет наблюдать. Ей, безусловно, не терпится рассказать всему дому, что Траффорд не сумел оприходовать Чанторию даже после того, как она оделась в бель-форму. Что "у них проблемы". Что она фригидна. Что он импотент. Что их союз — жалкий обман, в котором нет места сексу, не только мегакрутому, но и вообще какому бы то ни было.

— Придется притвориться, — шепнул он Чантории, когда они шли в спальню. — Слишком уж пристально за нами следят.

— Мне все равно. Главное — постарайся, чтобы они поверили, — прошептала в ответ его жена. Она очень боялась, что ее публично высмеют как женщину, которая не сумела возбудить мужа, даже надев туфли на высоком каблуке, стринги и бюстгальтер без чашечек.

Итак, к вящему удовольствию соседей, Траффорд с Чанторией разыграли пантомиму любовного акта: кое-как сжевав шоколадные трусы жены, Траффорд лег на нее и стал возить между ее ног своим вялым пенисом, покуда она стонала в поддельном экстазе.

Закончив этот спектакль, они пожелали Куколке спокойной ночи.

— Шикарно, ребятки, — ответила Куколка, открывая банку с шипучкой. — До чего же я вам завидую! Видели бы вы меня раньше — ух, и задавала я жару своим жеребцам!

Как женщина, вынужденная бороться с проблемой лишнего веса, Куколка была свободна от необходимости иметь фантастическую половую жизнь. Втайне Траффорд не мог не спрашивать себя, существовал ли когда-нибудь хоть один жеребец, которому она хоть однажды задала жару. А все остальные обитатели этого душного кроличьего садка — вправду ли они задают жару друг другу? Может быть, их соседи тоже прикидываются перед камерой? Сколько липового секса транслируется по локальной сети — не все ли сто процентов? Каждый человек помешан на сексе — таков был непреложный закон общества. Каждая реклама, каждая песня, каждое реалити-шоу были посвящены почти исключительно сексу. Вся маркетинговая политика, все публичные комментарии, все дискуссии словно исходили из убеждения, что человек может пребывать лишь в одном из двух состояний: либо он "хочет", либо "уже получает" — а если он не находится ни в одном из них, значит, с ним что-то неладно. Траффорд знал, что это чушь. Секс нравился ему, как и большинству людей, но есть ведь еще дети, которых надо воспитывать, деньги, которые надо зарабатывать, вредители, которых надо уничтожать, проблемы, которые надо решать; не может же секс быть приоритетом номер один все двадцать четыре часа в сутки! В конце концов когда-то надо и постирать!

Неужели все вокруг лгут? Неужели каждый живет своей тайной жизнью? Если так, значит, все они еретики: и Незабудка, и Куколка, и Лексус, и Кавалерист — все. Враги Храма. Траффорду пришло в голову, что если бы всех этих людей можно было разом привести на исповедь и заставить сказать правду, случилась бы революция. На мгновение его увлекла заманчивая идея — воззвать перед камерой к их здравому смыслу. "ДА ЛАДНО ВАМ! — мысленно воскликнул он. — Неужто вы и вправду так непрерывно, по-идиотски довольны жизнью? Неужто вам никогда не хочется передохнуть? Поразмыслить? Посидеть спокойно, чтобы *никто вас не трогал*?!"

Но говорить было нельзя, и Траффорд вышел на кухню. Некоторое время он простоял над кроваткой Мармеладки Кейтлин, глядя на свою спящую дочь. Ресницы у нее были длинные и темные, в точности как у матери. Траффорд задумался над тем, что ждет эту крошечную счастливую девочку в будущем: наступит ли когда-нибудь день, когда у нее, как у Чантории, пропадет всякая способность радоваться жизни, или она найдет в себе силы, чтобы сохранить свои секреты и сделать из них броню? Спустя минуту-другую он уселся за столик и открыл компьютер. С тех пор как он в последний раз заходил на блог Сандры Ди, она успела пополнить его очередной порцией лжи: Сандра Ди очень внимательно относилась к своему прикрытию. Там были несколько свеженьких секс-видео, размытые фотографии женщины, поющей под караоке в пабе, и заметка с обсуждением новой участницы популярного реалити-шоу. "По-моему, она большая стерва, — говорилось там, — но надо отдать ей должное: она сильная личность, и я от нее в экстазе". Траффорд скопировал эту фразу в поисковик и скоро обнаружил, что на самом деле ее написала у себя в блоге женщина по имени Шампунчик, живущая на одном из островов Южного Даунса.

Мармеладка Кейтлин проснулась и заплакала. Чантория встала ее покормить.

— Как твоя новая зазноба? — язвительно спросила она, появившись из-за расшитой бисером шторки, которая заменяла им дверь между столовой и спальней.

— Она не моя зазноба, — ответил Траффорд. — Она со мной работает, и над ней издеваются. Мне ее жаль, только и всего.

— Ну-ну, — откликнулась Чантория, взяла Кейтлин на руки и вернулась с ней в постель.

Думая о своем ребенке, Траффорд ощутил прилив гордости. С его согласия ей все-таки сделали прививку! Он совершил независимый поступок, бросил вызов Храму. Это можно считать началом его собственной, личной революции.

21

Адрес, который дал Траффорду Кассий, принадлежал маленькому книжному магазинчику в Финчли. Добраться туда оказалось нелегко: пришлось пересечь с велосипедом Лондонское озеро, выйти на Паддингтонском причале, а потом несколько миль пробираться по шатким настилам и грязным, вонючим, полузатопленным улицам Килберна и Кенсал-грин. Половину пути Траффорд крутил педали, а половину брел пешком, и восторг в его душе то и дело сменялся не менее интенсивным страхом.

Если он правильно понял намерения Кассия, ему предстояло вступить в тайный союз гуманистов и пережить с их помощью интеллектуальное освобождение, которое еще несколько недель назад показалось бы ему немыслимым. С другой стороны, эти люди были еретиками, и связь с ними могла навлечь на него гнев инквизиции. Вдобавок, он уже угодил в самые опасные городские кварталы. Это был мрачный и страшный район, где питьевая вода считалась валютой, а подростковые бан-

ды брали незаконную мзду на каждом мосту, где перевозчики гребли, держа между коленями винтовки, и даже полиция и инквизиторы перемещались только группами, редко покидая свои лодки. Опустившееся и озлобившееся местное население жило в состоянии непрерывной войны с иммигрантской беднотой, которой упорно прибывало, и все жители пытались отыскать скудные средства к существованию в мусоре, плавающем в каналах.

По дороге мрачное окружение и сознание того, на какой отчаянный шаг он решился, начали действовать Траффорду на нервы. Каждый прохожий вдруг стал казаться ему шпионом Храма, а каждый дырявый плот — полицейской базой. Нищие требовали денег угрожающим тоном, словно хотели сказать: "Я знаю, куда ты направляешься, парень. Плати, или я тебя сдам".

Траффорд мысленно обругал себя за слабость и трусость. Если бы с ним была Сандра Ди, подумал он, уж она-то не шарахалась бы от каждой тени и не пугалась жалких немощных попрошаек. Она смотрела бы им в глаза с той же спокойной уверенностью, с какой встречала взгляд этой наглой идиотки, Принцессы Любомилы. Эта мысль подбодрила Траффорда. Сандра Ди не испугалась бы — значит, не испугается и он. Надо быть достойным своей тайной любви к девушке, которая так любит тайны.

Наконец, после долгого шлепанья по бесконечной череде почти безлюдных переулков к югу от рынка Нэгс-хед, Траффорд нашел то, что искал. Здание с вывеской "Книги и брошюры — покупка и продажа" стояло на грязноватой улочке со сплошными рядами домов, на вид чуть более приличной, чем те, которые он миновал по пути сюда. Он поднялся по мосткам к окну второго этажа и вошел в небольшой, тускло освещенный зал.

В последние годы магазинчики вроде этого начали возрождаться к жизни. Раньше руководства и брошюры, которыми они торговали, в основном заказывались по интернету, но из-за подорожания курьерских услуг и неуклонного подъема уровня воды так называемая прямая торговля снова вернулась в моду. Маленькие лавки опять стали окупаться. Эта была под завязку набита обычными религиозными проспектами и пособиями по самосовершенствованию, которые люди почему-то все еще предпочитали потреблять в традиционном бумажно-картонном, а не компьютерном исполнении. Траффорда со всех сторон окружали труды знаменитых гипнотизеров, целителей, эстрадных певцов, астрологов и спиритуалистов, предлагающих свои развернутые программы действий с гарантией уверенного духовного роста. Тысячи и тысячи книг обещали сделать читателя сильным, богатым, влиятельным и преуспевающим человеком. Траффорд и прежде видел множество таких книг: они были в большом ходу у населения. Очевидно, многим хотелось стать сильными, богатыми, влиятельными и преуспевающими. Удивительно, что при таком количестве подобных книг и их широчайшей аудитории Траффорд никогда в жизни не встречал людей, которые действительно *были* сильными, богатыми, влиятельными и преуспевающими, — конечно, если не считать представителей церковной иерархии. Это было еще одним из многих противоречий, *которые* Траффорд заметил, но ни с кем не обсуждал.

Он наугад выбрал книгу — тонкую брошюрку, посвященную тому, как найти Бога в себе и использовать эту находку для привлечения более продвинутых сексуальных партнеров. Когда он просматривал оглавление, к нему подошел продавец — маленький человечек в очках с толстенными стеклами, слегка напоминающий филина.

— Вы ищете что-то конкретное? — осведомился продавец.

— Вообще-то я надеялся здесь кое-кого встретить, — ответил Траффорд.

— А почему вы решили поискать этого человека именно здесь? — спросил человечек.

Траффорд понял намек.

— Я подумал, что *это будет разумно*, — сказал он.

— В таком случае давайте попробуем найти вашего друга. Пожалуйста, идите за мной.

Траффорд последовал за продавцом в заднюю комнату, а оттуда, по двум лестничным маршам, в подвал дома, где вопреки всякой логике не оказалось воды. Здесь стоял полумрак, и не успели глаза Траффорда привыкнуть к темноте, как он услышал знакомый голос Кассия.

— Траффорд.

— Это вы, Кассий? Вы где?

Кассий вынырнул из тени.

— Приветствую, — сказал он. — Готовы пересечь Рубикон?

— Что такое Рубикон?

— Река.

— Что за река?

— В древнеримскую эпоху Цезарь бросил вызов закону, условностям и предрассудкам, перейдя эту реку вместе со своей армией. Переступив этот рубеж, он отрезал себе дорогу назад. Вы тоже подошли к такому рубежу. Ну что, пересечете свой Рубикон?

Траффорд слышал о Цезаре и знал, что он был императором из далекого прошлого.

— Я плохо разбираюсь в реках, — ответил он, — но, если речь о том, чтобы бросить вызов закону, условностям и предрассудкам, я готов пересечь любую реку, какую скажете.

— Будем надеяться, — отозвался Кассий. — Мы вынуждены быть очень осторожными, когда привлекаем новых людей.

— За меня не беспокойтесь. Я верю в то же, во что и вы.

Кассий нахмурился.

— Люди получают право приходить сюда не потому, что *верят*, а потому, что *понимают*.

— Что понимают?

— Что со временем можно понять все. Вы, без сомнения, слышали разглагольствования вашего исповедника о Любви, которая превосходит всякое понимание?

— Конечно.

— Ну так вот, я против этого тезиса. На мой взгляд, в мире не существует ничего такого, что превосходило бы всякое понимание. Зато в нем достаточно такого, чего мы *пока* не понимаем. Некоторые — даже многие — заполняют эти белые пятна Господом Богом. Но я и мои друзья стараемся заполнить их знаниями.

— Друзья... они тоже вакцинаторы?

— Не каждый, кто приходит сюда, вакцинатор, хотя вакцинаторы в большинстве своем гуманисты. Вы сказали, что хотите присоединиться к нам.

— Да-да, очень.

— Вы сознаете, что если вас поймают, то убьют, а если вы нас предадите, то вас убьем мы? Рубикон есть Рубикон.

Траффорда трудно было отпугнуть: он ждал такого момента, как этот, всю свою жизнь.

— Я понимаю, что рискую, но я никогда вас не предам.

— Вы знаете, кто такие гуманисты?

— Не совсем. Скорее догадываюсь.

— Так почему же вы уверены, что хотите стать одним из них?

— Потому что вы говорили о знании и понимании, а к этим двум вещам я стремлюсь сильнее всего на свете.

— *Знаете* ли вы, что такое знание? *Понимаете* ли, что такое понимание?

— Я знаю и понимаю только одно: все, чему учил меня Храм, — ложь, хоть я и притворяюсь, что верю в это. Во всем остальном я абсолютный невежда. Кем бы вы ни были, я хочу к вам присоединиться. Я растерян. Я одинок. Каждую свою мысль я вынужден хранить в секрете. Мне внушают глубокое отвращение все догмы, веру в которые я симулирую. Лучше бы мне быть собакой, чем человеком: животные тоже ничего не знают, но они хоть *не знают*, что ничего не знают. А я знаю. Я отдаю себе отчет в своем невежестве. Я понимаю, что моя жизнь банальна и бессмысленна. Иметь разум — проклятие, если его запрещено пускать в ход. Иметь интеллект — проклятие, если вам приходится прятать его под маской торжествующей глупости. Если вы и ваши друзья можете пролить свет в жалкий мрак моего существования, то я стану гуманистом и умру гуманистом.

— Что ж, последнее очень вероятно, — ответил Кассий. — Пойдемте.

Он повернулся к стене; оказалось, что в ней есть потайная дверь. Как только она открылась, Траффорд почувствовал странный запах — вернее, не столько запах, сколько необычность воздуха, который проник оттуда в подвал. Он был *сухим*. Траффорду еще никогда не приходилось дышать абсолютно сухим воздухом. В городе постоянно держалась высокая влажность, и с каждым вдохом в легкие попадала приличная порция воды. Но этот воздух был другим... нет, не свежим, совсем нет, — он отдавал пылью и вообще производил впечатление какого-то *старого*, но при этом был совершенно сух.

Само помещение за порогом потайной двери тоже оказалось уникальным, под стать воздуху в нем. Очевидно, оно было хорошо изолировано, потому что, когда стена за ними опять сомкнулась, Траффорд заметил, что уличный шум исчез. Он очутился в большом помещении, объединяющем собой подвалы трех соседних домов. Поскольку даже первые этажи почти у всех городских зданий были залиты водой по щиколотку и давно превратились в приют для крыс и комаров, обжитой подвал выглядел и вовсе уж непривычно. Каким-то образом люди сумели не пустить сюда воду, а качество атмосферы, как сообразил теперь

Траффорд, было результатом работы большого воздухоосушителя, подвешенного к потолку.

Кроме Траффорда и Кассия, в комнате находилось с полдюжины мужчин и женщин. Все они сидели за маленьким круглым столом, на котором стояли чайник, бутылка вина и тарелка с простым печеньем неизвестного Траффорду сорта. Все остальное пространство вокруг было заполнено книгами — старыми книгами в потертых обложках. Когда вошел Кассий, никто из сидящих за столом даже не поднял взгляда — так они были поглощены своим занятием. Перед каждым из них лежало по книге, и каждый сгорбился над нею, время от времени прихлебывая чай или вино.

— Это одна из наших читален, — шепотом объяснил Кассий.

Сначала Траффорд не понял, зачем он шепчет. Было очень странно слышать, как кто-то говорит не надсаживаясь, а эта комната к тому же была изолирована от внешнего мира. Потом он сообразил, что Кассий не хочет мешать людям за столом — не хочет нарушать их *сосредоточенность*.

Траффорд ощутил прилив восторга. На его памяти никто никогда ни на чем не сосредотачивался.

Ни один видеоэкран не показывал одну и ту же картинку дольше нескольких секунд, а в любом разговоре собеседники перескакивали с темы на тему еще быстрее. В конце концов важным отличительным признаком истинно верующего человека была манера всегда говорить первое, что пришло в голову, причем как можно громче. Нужды сосредотачиваться не возникало никогда: Бог знал все, а вы действовали по указке Храма. Так чего же тут сосредотачиваться?

Но в этом необычном помещении сосредоточенности было в избытке. Спокойной, целенаправленной сосредоточенности. Больше всего на свете Траффорду хотелось сейчас присоединиться к этим незнакомцам вокруг стола. Между прочим, там даже был один свободный стул!

— Это книги, которые мы собрали и продолжаем собирать, — пояснил Кассий. — После потопа, когда землю начала затягивать тьма невежества, за это дело взялись первые из новых гуманистов. Конечно, многие книги утеряны. Часть их сгнила от сырости, а потом, когда вера заменила разум, книги стали перерабатываться на сырье для религиозных брошюр и использоваться в качестве топлива или туалетной бумаги. Но кое-что мы спасли и продолжаем спасать. Даже сегодня еще можно найти старые книги где-нибудь в стенных щелях или в канализационной системе. Я сам однажды нашел Платона, Эсхила и Аристотеля в курятнике — он был выложен ими изнутри.

Траффорд никогда не слыхал ни о Платоне, ни об Эсхиле с Аристотелем.

— Мы хватаем их, где только найдем, — продолжал Кассий, — чистим, сушим, восстанавливаем — а главное, читаем. Мы взяли на себя обязательство переварить и усвоить все знания и всю литературу прошлого.

— Вы их сканируете? Переводите в цифру?

— Нет. Безопасна только бумага. Власти пристально следят за тем, чтобы в сети не появлялось ничего крамольного. Мы выяснили — и до-

рого за это заплатили, — что они постоянно ищут там ключевые слова и фразы. Да, рассказ или стихотворение могут некоторое время оставаться незамеченными; не думаю, что обычный полицейский или старейшина Храма способны распознать сонет Шекспира, хоть бей их резиновой дубинкой. Но есть ключевые имена и области знаний, которые преследуются беспощадно. Как вы можете догадаться, это те самые имена и области знаний, которые представляют основной интерес для каждого гуманиста. В первую очередь, это Дарвин и эволюция, потому что теория эволюции — кредо, лежащее в самой основе движения сопротивления, но есть еще и тысячи других: Галилей, Коперник, парниковый газ, Том Пейн и его "Права человека", Большой Взрыв, Джордж Бернард Шоу, Исаак Ньютон...

На этом месте Кассия прервали: кто-то громко откашлялся. Траффорд обернулся и увидел, что один из читателей за столом поднял глаза и сердито смотрит на них. Увлекшись перечислением своих любимых тем и имен, служащих ему источником вдохновения (Траффорд не знал ни одного из них, кроме Дарвина), Кассий невольно слегка повысил голос и помешал присутствующим.

— Виноват, — прошептал он. — Почти все, что нам хотелось бы прочесть, может быть мгновенно выловлено в сети, а поймать тех, кто его разместил, — это уже дело техники. Создатели интернета думали, что он освободит знания, но по сути он их похоронил — сначала под гигантской клоакой невежества, лени, фанатизма, предрассудков и грязи, а потом под саваном полицейского надзора. Теперь, как вам известно, это виртуальное пространство существует исключительно ради распространения рекламы, сплетен и порнографии. Ну и ради того, конечно, чтобы выслеживать крамольников. Безопасна только бумага. Книги — ключ ко всему. В книгу нельзя влезть на расстоянии, ее надо держать в руках, ее надо *читать*.

— Значит, именно этим вы и занимаетесь? Читаете книги?

— Мы учимся. Кроме того, мы организуем тайные семинары и лекции. Каждый из нас — интеллектуальный революционер. Самим своим существованием мы бросаем вызов силам невежества и слепой веры. Мы упорно собираем воедино науку прошлого, историю прошлого, воображение прошлого.

— Воображение?

— Плоды фантазии людей прошлого. Те самые пресловутые выдумки — литературу, прекрасные сочинения, написанные тогда, когда еще можно было дать волю своему воображению...

Траффорд старался сдержать растущее волнение. Он попал к настоящим еретикам, к борцам за свободу мысли. Ему казалось, что вся его жизнь до этого момента стояла на "паузе" и только теперь он получил возможность нажать кнопку "старт".

— А мне можно что-нибудь почитать? — спросил он.

Пустой стул манил его. Огромные груды книг притягивали к себе.

— Конечно. За этим мы сюда и явились, — весело ответил Кассий. — Можете начать со знакомства с азами человеческих знаний. А потом, когда придет время, вы как истинный гуманист должны будете отправиться в народ и распространять знание даже ценой риска для собственной жизни.

Кассий протянул Траффорду какую-то старую, потрепанную книгу.

— С нее начинали все мы, — объяснил он. — Видите название? "Детский путеводитель по чудесному миру науки и природы". Ее выпустили сто с лишним лет тому назад, и она предназначалась для довольно маленьких детей. Все в ней будет для вас сложным и совершенно новым. Конечно, большая часть природного мира, который здесь описан, давно исчезла под водой, однако сведения о том, как устроена наша планета и какое место она занимает внутри галактики, и сейчас полностью соответствуют действительности. Когда вы усвоите содержимое этой книги и сумеете удовлетворительно пересказать его мне, мы перейдем к более взрослым сочинениям.

Траффорд сел за стол и начал читать. Поначалу ему было ужасно трудно. Текст был очень вязким, и Траффорд невольно поражался тому, что автор может так долго рассуждать об одном и том же предмете. Видимо, догадавшись о его затруднениях, подошел Кассий и налил ему бокал вина.

— Терпите, — прошептал он. — Скоро привыкнете.

И правда, к вящему удивлению Траффорда, вскоре это случилось: он привык. Его взгляд заскользил по строчкам, жадно поглощая слово за словом, а мозг нежился в лучах разума, понемногу разгоняющих тьму его невежества.

Через два часа, на протяжении которых Траффорд практически не отрывал глаз от страниц книги, Кассий напомнил ему, что до дома путь неблизкий, и посоветовал собираться. Не успел Траффорд выказать свое разочарование, как его ментор извлек откуда-то пустую суперобложку брошюры с заглавием "Ваше новое 'я' — двенадцать шагов к самореализации и материальному успеху". Взяв из рук Траффорда книгу, которую тот читал, Кассий сунул ее в суперобложку.

— Уловка простая, но эффективная, — сказал он. — Будьте дерзким. Я уже говорил вам, что самый быстрый способ привлечь чужое внимание — это выглядеть так, будто вы стараетесь его избежать.

Потом Кассий снял с полки другую книгу. На ней был изображен человек с трубкой, а называлась она "Приключения Шерлока Холмса".

— Это для развлечения, — сообщил он, вкладывая ее в руководство по развитию позитивного мышления с целью подтянуть мышцы живота и улучшить качество секса. — Принесете их обратно через неделю и скажете, как идут дела.

22

Неделя оказалась чересчур долгим сроком. Траффорд проглотил обе книги, которые дал ему Кассий, — и научную, и рассказы, — уже к следующему вечеру. Он пытался читать, даже когда ехал на велосипеде от библиотеки к переправе через Лондонское озеро и в результате чуть не окунулся в мутные воды Килберн-хай-роуд. Траффорду страшно понравился "Шерлок Холмс": он еще никогда не читал нормальных рассказов, историй, которые развивались бы от начала к концу, а не просто повторяли сами себя, как компьютерные игры фэнтези с их бесконечным циклическим уничтожением виртуальных врагов. Его образование дви-

галось вперед семимильными шагами, и после нескольких посещений библиотеки Кассий объявил, что настала пора взяться за дарвиновское "Происхождение видов".

— Это основной гуманистический труд, — пояснил Кассий. — Для нас нет ничего важнее, а для Храма — ничего ненавистнее.

— Потому что он отрицает Бога? — спросил Траффорд.

— Вовсе нет, хотя он определенно отрицает то странное божество под именем Бог-и-Любовь, которое якобы представляет здесь, на земле, ваш исповедник. Эта книга не опровергает идею существования Творца: Дарвин не ставил перед собой такой цели. Но она весьма убедительно доказывает, что человек, как бы он ни был создан, не появился готовеньким в одно прекрасное утро несколько тысяч лет назад, и то же самое относится ко всем остальным обитателям нашей планеты.

Затем Кассий дал Траффорду еще одну книгу под названием "Гордость и предубеждение".

— Ее автор, женщина, когда-то была очень известной писательницей, — объяснил он. — Прочтите ее и задайте себе вопрос, как завораживающе сложные ритуалы человеческого ухаживания могли быть низведены до краткой преамбулы к сексу, которая сейчас считается достаточной для установления тесных отношений между представителями разных полов.

Кассий вложил обе книги в обложку светского журнала, обещающего выставить напоказ прыщи и целлюлит, которые знаменитости пытаются утаить от глаз публики.

— Помните, Дарвин — это очень важно, — сказал Кассий, когда Траффорд садился на велосипед перед магазином. — Эволюция — наша единственная надежда.

Так пролетали неделя за неделей, и поскольку Траффорд посвящал чтению все больше времени, не было ничего удивительного в том, что они с Чанторией неуклонно отдалялись друг от друга. Они мало разговаривали, и, если не считать постельных пантомим, которые им изредка приходилось разыгрывать ради соседей, между ними уже не было близости.

Натянутость в их отношениях была вызвана не только тем, что Траффорд читал запоем и его мысли постоянно витали где-то далеко. Траффорд знал, что с того самого дня, как Чантория обвинила его в ежедневных посещениях сайта Сандры Ди, она подозревает, что у него на стороне завязался роман. В каком-то фигуральном смысле так оно и было, потому что, несмотря на быстро расширяющиеся познания Траффорда в области истории, науки и литературы, стойкая одержимость секретами Сандры Ди по-прежнему занимала в его душе и голове весьма важное место.

Потихоньку Траффорд и Чантория свыклись с мыслью, что их семейная жизнь подходит к естественному концу. Стыдиться им было нечего. Они прожили друг с другом немало — два года считались сроком не слишком долгим, но и не слишком коротким для одного брака, — и Храм дал бы им развод без возражений. Но этому должны были предшествовать открытое эмотирование и дача показаний, ибо ни один супружеский союз не дозволялось расторгать втихомолку. Каждую подробность совместной жизни, каждый повод для расставания следовало

огласить на публичной исповеди — и быть поддержанным или освистанным прихожанами. Все эти разбирательства также транслировались по сети, что было продиктовано заботой о Куколке и прочих достойных гражданах, не способных присутствовать на исповеди лично. Затем желающих приглашали вывесить свои комментарии по поводу распавшегося брака и в зависимости от степени его удачности присвоить ему рейтинг от одной до пяти звездочек.

Наконец настал день, когда Траффорд с Чанторией по взаимному согласию отправились к отцу Бейли, дабы попросить его разместить в интернете баннеры с объявлением об их разрыве и выделить им на следующей исповеди время, чтобы они могли предъявить публике доказательства изменившегося характера их отношений. Затем они собирались смиренно подать прошение о разводе, который, разумеется, мог быть официально закреплен лишь после того, как исповедник сочтет исчерпанными все возможности по части их духовного исцеления, внутреннего роста и расширения самопознания.

Отец Бейли встретил их в просторном зале своей Духовной Обители — большого переоборудованного паба, где жил только он со своими женами и слугами. Как требовали приличия, исповедник изобразил глубочайшее сожаление, узнав о распаде столь прекрасного союза. Он дал посетителям понять, что принимает в этом деле сторону Чантории. Потрепав ее по щеке, он выразил свое изумление тем, что Траффорду наскучил секс с такой очаровательной женщиной, которую Господь благословил такой впечатляющей натуральной грудью.

— Наверно, у вас ниже пояса все отсохло, Траффорд, — пошутил священник. — Разумеется, модератор вашего чата Куколка поставила меня в известность о том, что у вас начались проблемы, а заодно и прислала мне отредактированную версию записи с Чанторией в полной бель-форме.

Исповедник нажал клавишу, и на его развлекране появилась Чантория, стоящая перед Траффордом в туфлях на шпильках, бюстгальтере без чашечек и шоколадных стрингах.

— Чудесно. Очень невинно и мило, — сказал отец Бейли, облизывая большие блестящие губы. — Вы делаете честь своему полу, Чантория. Готов побиться об заклад, что вы недолго просидите на скамейке для запасных.

— Благодарю вас, отец Бейли, — покраснев, ответила Чантория. — Вы очень любезны.

— Я действительно так думаю. Помяните мои слова. Найдется сколько угодно славных благочестивых парней, крепких ребят хорошего происхождения, которые будут соперничать за обладание вашим аппетитным непорочным задом. Честно сказать, я хотел бы во имя Любви увидеть вашу грудь прямо сейчас.

Без единого слова Чантория расстегнула бикини-топик и обнажила грудь перед своим исповедником.

— Вы сумасшедший, Траффорд, — сказал отец Бейли, насмотревшись вдоволь. — Впрочем, мы всегда подозревали, что с головой у вас не все в порядке.

Затем исповедник отметил у себя в блокноте, на какой час назначено слушание, записав и причину предполагаемого развода, которую Траффорд с Чанторией сформулировали общими стараниями:

Вместо того чтобы оприходовать меня, он получает удовольствие от просмотра видеодневников других девушек.

Траффорд не возражал против того, чтобы в роли обиженной стороны выступила Чантория. Собственно говоря, ему самому не в чем было ее упрекнуть – она не подавала никакого повода к расторжению брака. Не мог он и признаться в любви к другой женщине, так как его любовь была тайной, а потому греховной. Но это не имело значения: для развода было достаточно обиды одного из супругов, и к тому же разлад в такой неприметной семье все равно не мог привлечь внимание широкой публики. Закончив писать, отец Бейли отпустил их с миром.

В следующее воскресенье Траффорд с Чантorией, как обычно, отправились в местный молодежный центр, где проводились публичные исповеди. Обоим было немного грустно: оба понимали, что это одна из последних исповедей, на которые они идут вместе как супружеская пара.

Усевшись на свое место рядом с женой, Траффорд проглядел программу сегодняшнего вечера и обнаружил, что она весьма насыщенна. Если исповедник и впрямь собирался выполнить ее целиком, ему предстояло как следует потрудиться. Траффорд с облегчением подумал, что недостатка в развлечениях нынче нет, а значит, никто не будет возражать, если они с Чантorией ограничатся лишь самыми простыми формальностями.

Их очередь должна была наступить после разбирательства еще трех аналогичных дел. Пока никто из супругов не стремился к разводу – все только просили у ближних доброго совета в надежде на то, что, пройдя через тяжелые испытания, они станут сильнее и с течением времени исцелятся. Траффорд знал все три пары: они были местными знаменитостями и обожали выступать на людях с драматическими признаниями, греясь в лучах своей скандальной славы. Указанные в программе причины семейных кризисов были таковы:

Он ненавидит мою мамулю, чего я не могу простить, но потом оприходовал ее и заодно мою сестру, хотя тут она сама виновата, сука.

Моя гадалка по картам таро говорит, что он не мой мужчина, но я его люблю. Надо ли мне уйти? Кому я должна верить – своему мужу или своей целительнице?

Она не дает мне сзади, и я вынужден лгать, когда мои приятели рассказывают, сколько анала они получают. Может, она фригидная?

Прихожане засвистели и затопали ногами, когда перед ними появился исповедник Бейли: прежде чем пригласить на сцену первую рассорившуюся семью, он должен был обратиться к пастве со вступительной речью.

– Приветствую вас, друзья! – заговорил он. – Сегодня нам придется хорошенько поработать. Но для начала скажите-ка мне вот что. Каково было бы вам, девушки, если бы ваш муж занялся сексом с вашей мамочкой, а заодно и с сестрой? Да-да, вы не ослышались! Кого бы вы в этом обвинили – его? А может быть, их? А может, себя? Стали бы вы бороться за то, чтобы удержать любимого человека в теплом семейном кругу,

или выгнали бы подлеца с позором? Сейчас мы узнаем, как поступили в этом случае члены одной семьи. Мадоннателла, Услада Ангелов, Райская Мелодия и Ниндзя, прошу вас выйти на сцену и рассказать обо всем вашим согражданам и товарищам!

Под громкие выкрики и аплодисменты четверо участников первого слушания гордо поднялись на эстраду, ухмыляясь и строя друг другу рожи, и заняли свои места.

— Прекрасно! — воскликнул отец Бейли, перекрикивая шум. — Итак, вам слово, Мадоннателла! Что у вас вообще стряслось? Давайте посмотрим, удастся ли нам разобраться во всем прямо здесь и прямо сейчас.

Мадоннателла встала и повернулась к мужчине, сидящему на самом дальнем от нее стуле. Ее широкое лицо, бугристое и странноватое с виду из-за большого количества перенесенных пластических операций, было искажено свирепым негодованием.

— Квартирка у нас маленькая, так? — начала она голосом, исполненным праведного гнева. — И с тех пор, как мою мамулю бросил мой последний отчим, она живет с нами, так? И я типа не против, потому что я дико ее люблю и по вечерам она мне лучшая подруга, хотя она, конечно, сука хорошая. Значит, прихожу я как-то домой из магазина, так? А он... да-да, он! Ты, ты, Ниндзя! Ты знаешь, о ком я говорю!

Ниндзя и две остальные женщины, находящиеся на сцене, уже давно энергично мотали головами, словно протестуя и не веря своим ушам, хотя Мадоннателла пока еще ни в чем их не обвиняла.

— Да, ты, Ниндзя, и нечего мотать башкой, потому что у тебя рыло в пуху. Он обрабатывал мою сестру на кушетке, так? А когда я сказала, что он неправ и что его антисоциальное поведение заставляет меня чувствовать себя дискомфортно, он заявил, что уже оприходовал и мою мамашу!

Свист и улюлюканье, с которыми были встречены эти показания, едва не оглушили Траффорда. Пока продолжался общий гомон, Ниндзя, Услада Ангелов — та самая сестра, о которой шла речь, — и Райская Мелодия, их мать, по-прежнему качали головами и делали возмущенные жесты.

Отец Бейли обернулся к Ниндзе.

— Итак, Ниндзя? — спросил он. — Это правда? Пока ваша жена ходила в магазин, вы занимались сексом с ее матерью и сестрой на вашей семейной кушетке?

— Она из этих магазинов не вылазит, — заявил Ниндзя, тыча в Мадоннателлу огромной татуированной ручищей.

— Вылазию! — закричала Мадоннателла, тряся в ответ кулаком.

— Отвечайте на мой вопрос, Ниндзя, — сурово повторил отец Бейли. — Действительно ли вы оприходовали вашу тещу и свояченицу на семейной кушетке?

— Ну, может, и да. Я не идеален и признаю это, — сказал Ниндзя. — Ну и чего? Подумаешь, большое дело! Жизнь продолжается. Мадоннателле надо преодолеть себя и выкинуть все из головы.

При этих словах Услада Ангелов и Райская Мелодия отчаянно закивали.

— Услада Ангелов, — сказал отец Бейли, поворачиваясь к сестре и снова до предела напрягая голос, чтобы его было слышно на фоне кри-

ков и свиста, которыми зрители отреагировали на объяснение Ниндзи. – Вы ничтоже сумняшеся легли под мужа вашей сестры. Ну и кто вы после этого – разве не подлая, хитрая, безнравственная шлюха?

Услада Ангелов встала на ноги и устремила взгляд на беснующихся зрителей. Ее татуированная грудь вздымалась и опускалась.

– Да, я шлюха! Пускай я шлюха, так? Сама знаю... но я *первосортная* шлюха!

Послышались поощрительные выклики: зрители приветствовали это дерзкое заявление, и Услада Ангелов отблагодарила их, развернувшись на сто восемьдесят градусов и повиляв задом.

– А если моя сестра не может как следует ублажить мужа, – продолжала она, – так я считаю, что у меня есть полное право его оприходовать. Он потрясающий, и я его люблю, и у нас фантастический секс, и он хорошо понимает, что нужно женщине, и он очень нежный и заботливый и так далее, и мы с ним делаем все на свете, и он говорит, что я лучшая из всех, кто у него был, и он еще никогда не получал ничего подобного.

Этой энергичной защитой Услада Ангелов завоевала симпатии львиной доли зрителей, и общее настроение в зале ощутимо изменилось не в пользу Мадоннателлы.

– Ладно. Вы нашли друг друга, и людям это нравится, – прокричал отец Бейли. – Людям нравится ваше достоинство, Услада Ангелов, им нравится ваш сексапильный стиль. Но что же насчет мамочки? Пока мы ее не слышали. Прошу вас, Райская Мелодия, подведите черту. Согласны ли вы с тем, что лечь под собственного зятя – величайшее предательство, какое только может совершить женщина-мать по отношению к дочери, выношенной ею в своем чреве?

– Я пыталась сохранить семью, – возразила Райская Мелодия. – Если бы мы с Усладой не дали Ниндзе того, что ему нужно, он пошел бы искать это где-нибудь еще. А благодаря нам он остался в семье. По-моему, Мадоннателла должна сказать нам спасибо.

Этот довод вызвал бурю аплодисментов, в которую внес заметную лепту и сам Ниндзя. Он сидел, хлопая в ладоши и серьезно кивая, – складывалось впечатление, будто он искренне считает себя обиженной стороной.

– Я понимаю вас, Райская Мелодия. Да, прекрасно понимаю! – крикнул отец Бейли. – Семья значит многое! Семейные ценности превыше всего! Нет ничего более святого в очах Господа. И хотя Храму трудно *оправдать* человека, вкусившего плотских утех в обществе тещи и свояченицы, я утверждаю, что перед Богом-и-Любовью можно согрешить и похуже. А посему я говорю вам, Мадоннателла: поищите бревно у себя в глазу, ибо, если бы Ниндзя был удовлетворен единением с вашими чреслами, он не стал бы искать удовлетворения в единении с чреслами вашей матери и сестры. Посему говорю вам: обнимитесь, поставьте точку, не поминайте старое и двигайтесь вперед. Преодолейте себя и наведите в своем доме порядок!

Мадоннателла откликнулась на этот призыв заверением, что она и впрямь наведет в своем доме порядок, причем немедленно. Стянув с себя бюстгальтер, она подошла к Ниндзе и тряхнула у него перед носом своей огромной грудью.

— Ну что, нравится? — взвизгнула она. — Уж я тебя загоняю так загоняю. По сравнению со мной Услада Ангелов покажется фригидной! Ты сам поймешь, что эта дура не лучше резиновой девки!

Настроение аудитории вновь переменилось, и в результате самоуверенная атака Мадоннателлы принесла ей победу. Зрители завопили и затопали ногами, а Ниндзя несколько раз восторженно взметнул кулак над головой и пал на жену, провозгласив во всеуслышание, что любит ее больше всех на свете и никогда больше не посмотрит ни на одну ее родственницу.

Слушание двух очередных дел проходило в том же истерическом ключе. Паства проявила чрезвычайный интерес к конфликту между личными устремлениями растерянной женщины и мнением ее гадалки по картам таро, настаивающей, чтобы она бросила любимого человека. После глубоких раздумий отец Бейли решил, что женщина должна последовать совету своей духовной водительницы. В конце концов, нельзя игнорировать веления судьбы, а планеты и звезды (каковые суть творения Любви) с очевидностью манят женщину к новым горизонтам, где фигура ее нынешнего возлюбленного, похоже, отсутствует. Отец Бейли выразил уверенность в том, что новая любовь не за горами.

Далее исповедник пригласил на сцену супружескую пару, разлад в которой наступил из-за несогласия жены на анальный секс. Это не только порождало у мужа фрустрацию, но и неблагоприятно влияло на его социальный статус в пабе, где он постоянно подвергался насмешкам товарищей, утверждающих, что их партнерши готовы на все. Здесь показания главных действующих лиц неоднократно прерывались репликами из зала, как в защиту мужа, так и наоборот. Ряд женщин и часть мужчин считали, что если у жены есть возражения против оприходования сзади, то принуждать ее к этому не следует. Многие указывали, что поскольку риск зачатия в данном случае сводится к нулю, то каждый волен решать, заниматься этим или нет, исходя из своих личных предпочтений. Муж был дружно освистан за предположение, что отсутствие интереса к содомии может указывать на фригидность. С другой стороны, многие из присутствующих склонялись к тому, что жена должна просто стиснуть зубы и потерпеть. В конце концов было общеизвестно, что мужчина, не получающий чего-то дома, обязательно найдет это где-нибудь еще: ведь вокруг столько подлых сучек, которые только и дожидаются шанса умыкнуть чужого мужа. В итоге, приняв во внимание все услышанные аргументы, исповедник вынес решение в пользу жены.

— Большая задница женщины — это дар, который она может преподнести мужчине, но может и не преподносить, — торжественно объявил он. — И не в нашей власти склонять ее к тому или иному выбору.

Голова у Траффорда раскалывалась. В зале было невыносимо жарко и нестерпимо воняло потом, а от истошных воплей прихожан его перепонки едва не лопались, словно от грохота пушечной канонады. Он уже спрашивал себя, сколько еще ему удастся продержаться, но тут отец Бейли наконец вызвал их с Чанторией на подиум.

— Траффорд больше не дает Чантории того, чего вправе требовать от мужа всякая добропорядочная женщина, — громко объявил отец Бейли под свист и улюлюканье. — Похоже, он находит все, что ему надо, в блогах и видеодневниках других девушек!

Отец Бейли старался, чтобы это прозвучало заманчиво, но аудитория была не лыком шита и умела отличить настоящую сенсацию от дешевой отмазки. Траффорд и Чантория не были звездной парой. Их никто не знал за пределами дома, в котором они жили, да и в самом этом доме ими мало кто интересовался. Их консервативная одежда и заметная скованность тоже не добавляли им блеска в глазах зрителей. Людям нравилось, когда участники слушания держатся гордо и с достоинством, когда они умеют себя подать и разыгрывают для публики настоящий спектакль, так что Траффорд с Чанторией сразу же их разочаровали.

— Ну-ка, смелее! — подбодрил их отец Бейли, когда они робко поднимались на эстраду. — Неужели вам не хочется раскрыть душу перед своими ближними?

— Да-да, конечно, хочется, — сказал Траффорд, опустившись на стул.

— Тогда приступим! Чантория, — обратился к ней отец Бейли, — расскажите нам, почему ваш брак дал трещину.

— Мы отдалились друг от друга, — ответила Чантория. — У нас такое чувство, что нашему браку конец, вот и все.

Подобное свидетельство вряд ли могло вызвать у аудитории большое воодушевление.

— А что там насчет его увлечения чужими блогами и видеодневниками? — осведомился отец Бейли с явной надеждой добавить в происходящее хоть немножечко перцу. — У вас не возникает дискомфорта из-за того, что он считает других девушек более соблазнительными? Это не становится для вас источником психологических проблем? Вы не чувствуете в связи с этим своей ущербности?

— Не девушек, исповедник, — поправила Чантория. — Он всегда смотрит только на одну девушку, которую зовут...

И как только Чантория произнесла эти слова, Траффорд увидел ее — Сандру Ди.

Оказывается, она живет в его приходе! Он мгновенно сообразил, почему никогда не замечал ее раньше. Он давал показания впервые за многие годы, и ему впервые на его памяти представилась возможность окинуть взглядом весь зал. Обычно он видел не лица своих товарищей-прихожан, а только их затылки. Но теперь их лица были перед ним — и среди них лицо Сандры Ди, стиснутой соседями на одном из дальних, приподнятых рядов. Стиснутой, но при этом явно одинокой. Вот почему он сразу выделил ее в толпе: слишком уж сильно она отличалась от всех прочих. Она не кричала, не трясла кулаками. Она не вскочила на ноги, и ее черты не были искажены яростью; она просто сидела на своем месте, одна. Неподвижная фигура в обезумевшей толпе, со спокойным, даже равнодушным лицом. Лицом, на котором ничего нельзя прочесть.

— ...Сандра Ди, — закончила свою фразу Чантория.

И тут выражение лица Сандры Ди изменилось: она осознала, что ее коллега следил за ней через интернет. Конечно, это потрясло ее, но Траффорду почудилось, что к потрясению примешался еще и испуг.

— Кто такая эта Сандра Ди, Траффорд? — громко спросил отец Бейли. — Значит, это из-за нее вы перестали интересоваться женой?

Сандра Ди покраснела от гнева. Их взгляды встретились, но вместо того чтобы отвести свой, как ожидал Траффорд, она продолжала смотреть на него в упор. Ее взгляд жег его точно огнем — свирепое, молчаливое обвинение. Эта женщина пошла на самые крайние меры ради того, чтобы сохранить в тайне свою личную жизнь, а теперь из-за него, Траффорда, ее имя прозвучало со сцены на публичной исповеди — да не просто так, а в качестве единственной причины бракоразводного процесса. В конце концов отвернулся Траффорд, не в силах больше выносить то чувство вины и раскаяние, которое она в нем пробудила.

— Нет! — воскликнул Траффорд. — Вовсе нет. Я ее совсем не знаю! Я наткнулся на ее блог случайно, и меня при... привлек один ролик.

Возможно, для Чантории и Сандры Ди происходящее было полно смысла, но зрители определенно скучали. Им хотелось страсти, секса, а еще лучше — крови. Их не интересовал какой-то жалкий заика, подглядывающий за девушкой, с которой он даже ни разу не переспал. Отец Бейли заметил, что паства начинает проявлять нетерпение, и решил, что пора закругляться. Он сказал, что готов удовлетворить просьбу супругов о разводе, и отпустил их со сцены.

Возвращаясь на свое место в зале, Траффорд не смотрел туда, где сидела Сандра Ди, но был уверен, что она по-прежнему не спускает с него глаз. У него было такое ощущение, будто они прожигают в нем дырки.

— Ну вот, похоже, с этим покончено, — сказала Чантория, когда они сели. Но Траффорд знал, что она ошибается.

23

Эпидемия кори-плюс оказалась ошеломительной по своей внезапности и жестокости. Впрочем, такими бывали все эпидемии. Господу Богу, говорил отец Бейли, некогда размениваться на мелочи.

— У Бога крутой нрав, — уверял исповедник свою паству, — и если уж он карает, то карает сурово. Некоторые называют это возмездием, и они правы, однако я предпочел бы назвать это строгой, но справедливой любовью.

Кое-кто считал, что у неуклонно растущей свирепости эпидемий есть и другие причины. По их мнению, здесь сыграли свою роль и бездумное увлечение антибиотиками, и сомнительное питание, и снижённые нормы общественной гигиены, и понемногу ухудшающееся качество питьевой воды при климате, который давно уже стал субтропическим. Эти проблемы обсуждались на более или менее серьезных чатах и веб-сайтах, посвященных здравоохранению. Конечно, никто не усматривал в перечисленных факторах ничего, кроме Божьего произволения; авторы только намекали, что погрязший в грехе человек, пожалуй, мог бы задуматься над тем, чтобы есть побольше овощей и фруктов и доводить до конца курс лечения антибиотиками, который порой еще назначался врачами.

Как бы то ни было, гибельная мощь всех основных болезней росла с каждой новой эпидемией, и корь — или, как она теперь именовалась, корь-плюс — не составляла исключения. Вызывающий ее вирус менялся

и при каждом очередном возвращении оказывался все более стойким и беспощадным.

То же самое можно было сказать и о свинке-плюс, и о коклюше-плюс, и о менингите-плюс, и обо всех прочих детских заболеваниях — ибо самой тревожной была статистика смертей среди тех, кто еще не начал постигать азы веры в духовной школе. Недуги, которые малыши раньше переносили вполне спокойно, теперь медленно, но верно становились неизлечимыми. Зато те, кто не умирал в первые несколько лет жизни, и дальше неплохо справлялись с болезнями. Как говорил отец Бейли, Бог позволял выжить лишь воистину праведным и сильным, снискавшим его благоволение. А может быть, как утверждали иные вебсайты, у этих людей развивался иммунитет к вирусам благодаря тому, что в детстве они болели самыми опасными болезнями в легкой форме (за что им, разумеется, тоже следовало сказать спасибо многомудрому Создателю). Но младенцы в своей невинности не успевали ни приобрести иммунитет, ни достичь высот праведности, так что мор косил их буквально через одного.

Траффорд с Чанторией узнали о появлении кори-плюс в их жилом комплексе — Башнях Вдохновения — однажды утром, сев завтракать. Едва об этом сообщили по локальной сети, как до их слуха донесся с легкостью проникший сквозь тонкие межквартирные перегородки плач первой несчастной матери. Был идентифицирован новый штамм кориплюс, и она пронеслась по их небольшому сообществу точно смерч, перекидываясь от человека к человеку с каждым приступом кашля, каждым чихом и каждым выдохом. Власти уже объявили карантин в полудюжине зданий башенного типа, из которых состоял их район.

Чантория взглянула на Траффорда — ее лицо было живым воплощением тревоги и страдания. Все родители с ужасом ждали мига, когда они со своими детьми очутятся внутри карантинного ограждения, запертые в самом очаге инфекции. И вот этот миг наступил. Власти не снимут барьеров, пока болезнь не натешится вдоволь.

— Кейтлин прекрасно себя чувствует! — застонала она. — Нас должны выпустить, пока она не заразилась!

— Ты же знаешь, что не выпустят, — отозвался Траффорд. — Такого еще не бывало.

Он говорил правду: все слышали истории об отчаявшихся родителях, которые бросались на ограду карантинной зоны, держа своих детей на руках. Из этого никогда ничего не выходило. Полицейские готовы были стрелять, лишь бы не дать инфекции вырваться наружу.

— Но она ведь хорошо выглядит! — продолжала причитать его жена.

— Согласен.

— Значит, нас должны выпустить!

— Чантория, — спокойно сказал Траффорд. — Нас не выпустят. Мы в карантине. Но я думаю, что с ней все будет нормально.

Чантория его почти не слушала. Она уже успела надеть на личико Мармеладки Кейтлин маску, спрыснутую освежителем воздуха, а теперь затыкала щель под входной дверью мокрыми тряпками, чтобы преградить путь болезнетворным миазмам.

— Чантория, — повторил Траффорд. — Ты меня слышишь? Я думаю, что с ней все будет в порядке.

Жена сердито посмотрела на него.

— Ты думаешь! *Думаешь*! — крикнула она. — На кой черт нам сейчас думать! Молиться надо!

— А все остальные, по-твоему, не молятся? — спросил Траффорд. — В каждой комнате этого дома люди возносят молитвы Богу — между прочим, тому самому, который, по их убеждению, и обрушил на них эту напасть.

Чантория расплакалась в бессильной панике.

— Надо что-то делать! — твердила она. — Помоги мне законопатить окна... или пойди купи лаванды... или хотя бы просто заткнись и почитай какое-нибудь свое идиотское руководство! Не знаю что... но не сидеть же сложа руки! Нельзя позволить ей умереть.

— Я думаю, она не умрет, — ответил Траффорд. — Понимаешь, Чантория, я уже кое-что сделал.

Чантория взглянула на него, и в ее глазах промелькнула надежда.

— Ты что, все-таки...

— Да. Я сделал Кейтлин прививки.

Через считаные часы рыданиями наполнился весь дом: недуг скашивал одного ребенка за другим, и одна мать за другой предавались отчаянию. Малыши, которые уже умели ходить, и дети постарше еще кое-как сопротивлялись, но всем самым маленьким скоро стало очень худо. Всем — за исключением Мармеладки Кейтлин.

По всему району, в сотнях квартир каждого дома матери беспомощно смотрели, как глазки у их детей все сильнее краснеют, а дышать им становится все труднее. Пока симптомы были похожи на симптомы обычной простуды или гриппа, какая-то надежда у взрослых еще теплилась — пусть и слабая, но все же. Каждый родитель старался убедить себя, что его ребенок всего лишь простудился и чудесным образом избежит участи многочисленных жертв страшной бойни, учиненной высшими силами в их уголке города. Но, когда появлялась сыпь, люди уже понимали в глубине души, что надежды нет и все, что им остается, — это молитва. Сыпь начиналась около ушек и расползалась по всему телу — пятнышки росли и множились, покуда не сливались в один сплошной покров, высасывающий жизнь из зараженных младенцев по мере того, как температура у них поднималась все выше и выше. Увидев сыпь, матери переставали плакать, и в квартирах воцарялось глубокое, скорбное молчание. Родители сидели около кроваток и обреченно ждали неминуемого конца. Эпидемия была настолько внезапной и свирепой, что почти все дети захворали одновременно, а потому и боль утраты у матерей тоже оказалась синхронизированной. В День Смерти, как назывались подобные дни, весь район погрузился в тяжкую, жуткую тишину: его обитатели скорбели по едва народившемуся поколению, стертому с лица земли буквально в течение суток.

Когда чиновники из отдела здравоохранения наконец сняли карантин — это произошло через месяц после начала эпидемии, — в Башнях Вдохновения не осталось в живых ни одного ребенка младше года.

Ни одного — за исключением Мармеладки Кейтлин.

Бич Божий не тронул Кейтлин, и она пребывала в счастливом неведении о разразившейся рядом трагедии, беззаботно играя своими погремушками, покуда из здания то и дело выносили маленькие гробики.

Чудесное спасение Кейтлин заметно повлияло на Чанторию. Месяц, проведенный ими в заточении, когда самый воздух вокруг них словно звенел от невысказанных жалоб страдающих младенцев, произвел в ней глубокую перемену. Долгие бессонные ночи у кроватки Кейтлин, когда она едва смела надеяться, что еретический поступок Траффорда спасет ее дочь, тоже оставили в душе Чантории свой след. Она стала довольно рассеянной и — к удивлению Траффорда, хорошо помнящего, благодаря чему уцелела их дочь, — гораздо более религиозной.

Когда разразилась эпидемия, до окончательного оформления их развода оставались считаные дни. Но процесс был заморожен на весь срок карантина, а потом выяснилось, что Чантория передумала. Теперь она хотела помириться.

— Ты совершил чудо, и я тебя люблю, — сказала она в тот вечер, когда власти официально объявили, что угроза со стороны кори-плюс миновала.

— Никакого чуда я не совершал, — ответил Траффорд. — Чудеса не поддаются объяснению. Ты прекрасно знаешь, почему Кейтлин не умерла. Ее иммунная система была подготовлена к тому, чтобы противостоять инфекции.

— Мне все равно, почему это случилось, — сказала Чантория. — Чудо остается чудом, и я думаю, что это знак.

— Знак?

— Спасение Кейтлин означает, что она хочет сохранить нашу семью.

Траффорд был потрясен.

— Скажи, что ты шутишь, — только и смог вымолвить он.

— Я говорю совершенно серьезно. Она еще здесь, потому что хочет спасти наш брак.

— Чантория, Кейтлин еще и годика нет. Она не может хотеть ничего, кроме очередной порции еды.

Траффорда ужаснуло то, какое направление приняли мысли его жены. Событие, которое, казалось бы, должно было навсегда излечить ее от фальшивой своекорыстной "духовности", только усилило ее тягу к ней. Как такое могло случиться?

— Наша дочь сегодня жива лишь благодаря вмешательству науки, созданной человеком, — твердо произнес он. — Ее спасение не может означать, что она хочет сохранить нашу семью.

— И все-таки я против развода. Только не теперь. Только не после того, что мы пережили вместе.

Но Траффорд по-прежнему хотел развестись. Ему нужна была свобода, чтобы читать и учиться — сейчас это стало его страстью. Каждая минута реальной жизни, посвященная унылым будничным хлопотам, была потеряна для поисков знания и плодотворной работы воображения, которым он предавался с негаснущим пылом.

Он хотел уединения и времени для сосредоточенных занятий. Если они с Чанторией разведутся, он все это получит. Из-за ребенка квартира достанется ей, а ему придется искать крышу где-нибудь в другом месте. Большинству мужчин такая перспектива внушала ужас: проблема нехватки жилплощади стояла остро, и мужчины-одиночки чаще всего находили себе приют в общежитии или, если повезет, в дешевой гос-

тинице. В смысле бытового комфорта это было бы для Траффорда серьезной переменой к худшему: хотя в квартирках для семейных вечно царили теснота и сырость, а в грязных подъездах кишели крысы, по сравнению с крошечными пластмассовыми клетушками, которые предлагались в дешевых гостиницах, и набитыми до отказа спальнями общежитий они казались настоящими дворцами. Но Траффорд не искал комфорта для тела — ему нужен был комфорт для ума и души. Он просто хотел, чтобы его оставили в покое. Пусть ему дадут узкую койку в переполненной спальне, где хозяйничают тараканы, лишь бы он мог отгородиться там от всего мира, настроив свой интернет-приемник на какую-нибудь безликую музыку в стиле нью-эйдж, и отправиться в путешествие по огромной неисследованной вселенной истории, науки и литературы.

Кроме того, он был влюблен в Сандру Ди.

После той публичной исповеди, когда Чантория назвала со сцены ее имя, Траффорд воздерживался от посещения персонального сайта Сандры Ди. И все-таки она продолжала занимать его мысли, а то, что во время последнего физиприса она выглядела очень сердитой и упорно избегала его взгляда, только усилило его одержимость. Все героини романов, которые он брал у Кассия, казались ему похожими на нее. Элизабет Беннет была Сандрой Ди, возлюбленная Хитклифа Кэти была Сандрой Ди, Анна Каренина, Джульетта и Офелия — все они были Сандрой Ди. Ее облик принимали даже исторические фигуры, о которых он читал: и у первооткрывательницы радия Марии Кюри, и у борца за права женщин Эмили Панкхерст, и у Елизаветы Первой были те же черты лица, что и у Сандры Ди.

— А я считаю, что надо действовать по плану, — сказал Траффорд Чантории. — В конце концов мы уже объявили о разводе, и вообще...

— Подумаешь, — ответила Чантория. — Многие пары сходятся и расходятся по два раза в месяц.

— Мы не они. Раз начали, надо закончить.

— Ты меня больше не любишь? — спросила Чантория, и глаза ее наполнились слезами.

— Чантория, мы оба согласились на развод. Ты тоже меня разлюбила.

— Но эти последние недели снова нас сблизили!

— Только потому, что мы боялись за дочь.

— А я... я думала, что не только...

И полились слезы. Чантория плакала так горько, что вскоре Траффорд не выдержал и принялся ее утешать.

— Не плачь, — сказал он, обнимая ее. — Давай подождем денек-другой, а там посмотрим.

— Мы нужны Кейтлин, — всхлипнула Чантория. — Она хочет, чтобы мы были вместе.

24

Вся жизнь Траффорда и Чантории в Башнях Вдохновения изменилась до неузнаваемости. Когда корь пощадила Мармеладку Кейтлин, Траф-

форд стал бояться, что другие родители возненавидят их за такое везение, и у него камень с души упал, когда эти страхи не оправдались. Наоборот, их с Чанторией вдруг принялись превозносить как людей, особо отмеченных Господом.

Все началось с того, что на первой же после снятия карантина публичной исповеди отец Бейли торжественно объявил о чудесном спасении Мармеладки Кейтлин с церковной кафедры.

— Как известно всем вам, — сказал он, — на наш район только что обрушилась жесточайшая небесная кара. Но Господь в своей безграничной мудрости сохранил жизнь одному ребенку. Я хочу уверить вас в том, что все ушедшие дети теперь живут в ней. И я говорю всем осиротевшим матерям и отцам из Башен Вдохновения: когда вы видите Мармеладку Кейтлин, постарайтесь разглядеть в ней частичку того или той, кого вы потеряли, но кого непременно обретете снова. Нам неведома цель Господа, спасшего Мармеладку Кейтлин, но мне думается, что он спас ее ради какого-то высшего назначения, пока еще сокрытого от нас.

Бейли простер руку туда, где сидели Траффорд с Чанторией.

— Лелейте ее, Чантория, защищайте ее, Траффорд, ибо она воистину благословенна, а с нею вместе, как ее родители, благословенны и вы оба. Так что не будем больше вспоминать о разводе! — добавил он. — Бог-Любовь спас вашу девочку. И спас не просто так. Он возлюбил вашу семью. Он поверил в вашу семью. Идите домой с миром! Танцуйте так, словно никто вас не видит, пойте так, словно никто вас не слышит, а ночью займитесь любовью так, словно это у вас впервые.

Нежданно-негаданно Траффорд и Чантория стали местными знаменитостями. Теперь вся женская компания, в которой Чантория раньше была сбоку припека, набивалась к ним в гости. Каждый, о ком отец Бейли считал нужным упомянуть во время проповеди, автоматически становился важной персоной, которую следовало всячески ублажать. Та же Незабудка навещала их ежедневно, объявив в своем видеоблоге, что Чантория — ее новая лучшая подруга.

— Может, попросить Лексуса заскочить к вам и посмотреть, что у вас с душем? Я знаю, твой Траффорд не слишком большой умелец по этой части, благослови его Бог, а Лексус наверняка смог бы все починить.

Незабудка всегда норовила взять Мармеладку Кейтлин на руки и потискать ее, повторяя снова и снова, что возня с этой малышкой помогает ей переживать утрату Сникерса.

— Я просто *знаю*, что мой Сникерс и ваша Мармеладка Кейтлин стали бы самыми-самыми лучшими друзьями, — сказала она однажды, вытирая слезы. А потом многозначительно добавила: — У Кейтлин есть крестная мать?

— Только Куколка, — призналась Чантория с некоторым смущением, потому что Куколка была крестной матерью всех детей в доме. Наверное, если бы Чантория приложила к этому больше стараний, она могла бы подыскать для дочки и еще кого-нибудь: ведь от приглашенной на эту роль не требовалось ничего особенного, разве что напиться на крестинах. Но когда родилась Кейтлин, Чантория не стала обращаться к соседкам с этой просьбой из боязни, что ей откажут. Да и теперь у нее не хватало духу задать прямой вопрос.

— А может... может быть, ты... — запинаясь, начала она.

— Боже мой! — завопила Незабудка. — Боже мой, какая честь! Мы обязательно ее окрестим!

— Вообще-то ее, конечно, уже крестили, но...

— Мы сделаем это еще раз, но теперь уж как следует! Устроим классную вечеринку! Позовем всех девчонок и оторвемся по полной!

Незабудка сдержала слово, и вскоре состоялось роскошное празднество, на котором все обитательницы дома выстроились в очередь, дабы предложить свои услуги в качестве крестных матерей и обнять последнего уцелевшего ребеночка в округе — без сомнения, в надежде на то, что выпавшая на долю Кейтлин удача или Божье благоволение передадутся им и помогут выжить их следующим деткам.

Чантория как могла старалась сдержать свое бурное ликование — в конце концов эпидемия сошла на нет лишь неделю-другую тому назад и весь дом был еще в трауре, — но при таком количестве визитов и подношений в виде тортов с шоколадками ей было нелегко скрыть восторг. Куколка взялась за организацию ее распорядка дня, точно снисходительная мать, надзирающая за бестолковой жизнерадостной дочерью.

— В одиннадцать у тебя кофе с Бархатной Тайной, но к двенадцати ты должна ее выпроводить, потому что Незабудка и Розовая Жемчужина ведут тебя на ланч не куда-нибудь, а в "Макдоналдс", где Кейтлин получит свой первый в жизни "макфларри".

Дни Чантории пролетали в суматохе визитов. У них в квартире не переводились торты с шоколадом, рекой лилось шипучее вино, и все без устали обнимали ее чудную малышку, счастливую избранницу Бога-Любви.

Все это как нельзя более устраивало Траффорда. Раньше жить с Чанторией было довольно утомительно, поскольку она то и дело приставала к Траффорду, требуя внимания. Теперь же Куколка расписывала все ее время по минутам, и Траффорд мог ежедневно проводить за чтением долгие часы. Конечно, его внезапная страсть к самосовершенствованию была отмечена многими гостями, но общество сочло это положительным явлением, свидетельствующим об особых планах, которые Бог связывает с самим Траффордом и его семьей.

— Траффорд у нас молодец, — говорила Куколка. — Он хочет быть достойным того задания, которое Господь намерен ему поручить.

25

Наступило утро очередного физиприса. Как обычно, Траффорд явился на работу, поглощенный мыслями о Сандре Ди, но, выйдя из лифта, обнаружил, что сегодня ею интересуется не только он. Перед столом Сандры Ди стояла Принцесса Любомила. Тлеющая антипатия, которую офисная тиранка испытывала к непокорной девушке, в любой момент могла вспыхнуть ярким пламенем, и теперь было похоже, что Принцесса Любомила наконец нашла повод для лобовой атаки.

— Сандра Ди, — сказала Принцесса Любомила, приблизившись к намеченной жертве чуть ли не вплотную. — Я вижу, ты перестала платить взносы за общественные торты и пончики.

— Да, перестала, — откликнулась Сандра Ди, не отрывая глаз от компьютера.

— Эй! — рявкнула Принцесса Любомила. — Я с тобой разговариваю!

— Слышу. Я тебе ответила. Но мне надо работать. Нам платят за обработку информации, а не за болтовню о пончиках.

— Ты что, меня не уважаешь?

— Я просто пытаюсь выполнять свою работу.

Траффорд обвел комнату взглядом. Как всегда, его коллеги разделились на два лагеря: тех, кто навострил уши, предвкушая скандал, и тех, кто стушевался, изо всех сил стараясь казаться незаметным, внутренне возмущаясь происходящим, но радуясь, что негодование Принцессы Любомилы на сей раз вызвано не им.

— И почему же ты отказываешься платить за торты и пончики?

— Потому что я не ем ни тортов, ни пончиков. Я и раньше их не ела, но довольно долго отдавала свои деньги из вежливости. Я оплатила множество съеденных тобой тортов и пончиков, но теперь наконец решила больше этого не делать.

— Ты не хочешь питаться вместе с товарищами? Не хочешь быть членом коллектива?

— Я не считаю, что быть членом коллектива значит платить за лакомства, которые нравятся тебе и твоим приятелям, Принцесса Любомила.

Траффорд был поражен. Раньше никто никогда не оспаривал права Принцессы Любомилы командовать у них в офисе. Творилось нечто беспрецедентное, и от неожиданности у первой крикуньи отдела просто отнялся язык. Она явно не знала, что сказать. Наступила недолгая пауза, во время которой Сандра Ди продолжала печатать на компьютере. Затем Принцесса Любомила оправилась от потрясения.

— Думаешь, ты лучше меня? — гаркнула она.

— Нет, не думаю.

— Нет, думаешь. По-твоему, ты лучше меня.

— Если честно, я вообще о тебе не думаю.

— Ты что, расистка?

Траффорд удивился. Это было очень тяжелое обвинение, сразу переводящее разговор на совершенно другой уровень.

— Конечно, нет.

— Потому что, как тебе известно, я человек смешанной крови.

— Это не имеет абсолютно никакого значения, поскольку тема нашей дискуссии — не твоя расовая принадлежность, а организованный тобой сбор денег на покупку тортов и пончиков, за которые я не желаю платить.

— Так значит, моя расовая принадлежность не имеет значения?

— Да, в данном случае.

— Но ведь именно данный случай мы и обсуждаем! — торжествующе воскликнула Принцесса Любомила, точно это был решающий аргумент.

Траффорд знал, что взывать к здравому смыслу в разговоре с Принцессой Любомилой — занятие безнадежное. Скандал начал жить своей жизнью, и теперь Принцесса Любомила будет намеренно переиначивать все слова Сандры Ди на нужный ей лад.

— Стало быть, тебе не нравится, что во мне четверть ирландской крови, четверть хорватской, немного корнуолльской и одна шестнадцатая афро-карибско-британской? — продолжала Принцесса Любомила. — А я горжусь тем, что я такая, какая есть!

— Честно говоря, мне наплевать, какая ты есть.

Услышав этот ответ, все прихвостни Принцессы Любомилы ахнули от изумления. Если кто-либо сообщал вам, какой национальности были его предки, вы попросту не имели права отреагировать на это иначе, нежели разразившись потоком восторженных восклицаний и как можно громче объявив, что вы без ума от всех перечисленных наций и народностей. Сандра Ди была обязана уверить Принцессу Любомилу в том, что она обожает и ирландцев, и хорватов, и уроженцев Корнуолла, и британцев афро-карибского происхождения. Ее безразличие к смешанной крови Принцессы Любомилы, которой последняя так гордилась, было поистине шокирующим.

— Это самый настоящий РАСИЗМ! — взвизгнула Принцесса Любомила. — Я не верю своим ушам! Я просто НЕ МОГУ ПОВЕРИТЬ в то, что услышала!

— Что ты услышала?

— Ты сказала, что тебе наплевать на ирландцев и хорватов, на жителей Корнуолла и британцев афро-карибского происхождения! Да-да! Прямо так и сказала! Тебе необходимо обратиться к консультанту, тебя надо срочно перевоспитать! Ты должна расти над собой, женщина, потому что у тебя явно не все в порядке.

— Я сказала, что мне наплевать *на тебя*.

— Да, но в моих жилах течет их кровь, а если тебе на кого-то наплевать, значит, ты его не уважаешь, а это значит проявлять неуважение, а если кого-то не уважают из-за его расовой принадлежности, это называется расизм, и я обязательно напишу об этом в своем блоге! Я пожалуюсь в трибунал!

Это была крайне серьезная угроза. Формально трибуналы по месту работы выполняли роль медико-консультативных советов, куда обращались сотрудники, если поведение кого-либо из коллег заставляло их чувствовать себя дискомфортно. В действительности же это были марионеточные суды, послушно помогающие офисным заправилам продвигаться по службе и сводить счеты с непокорными. Чтобы погубить непокорного, агенту Храма достаточно было заклеймить его как носителя социально чуждых идей. Любой человек в любой момент мог получить повестку с требованием предстать перед одним из таких трибуналов — людей обвиняли то в расизме, то в сексизме, хотя сами они обычно даже не знали, какой именно проступок навлек на них эту кару. Опровергнуть выдвинутые обвинения было невозможно, поскольку с течением лет понятия вроде расизма и сексизма стали толковаться так широко, что сделались почти бессмысленными. Фактически же расовая дискриминация и сексуальные домогательства существовали параллельно с деятельностью трибуналов и независимо от нее, причем в первую очередь благодаря тем самым людям, которые объявляли себя их жертвами.

Траффорд решил, что должен вмешаться. Если Принцесса Любомила и впрямь подаст жалобу в трибунал, у Сандры Ди будут крупные не-

приятности. Найдется сколько угодно свидетелей, которые подтвердят, что слышали от Сандры Ди расистский выпад, и, если ей повезет, ее всего лишь отправят на курсы перевоспитания. А нынешнюю работу она наверняка потеряет.

– Принцесса Любомила, – сказал Траффорд, поднимаясь на ноги, – ты знаешь, как глубоко я тебя уважаю, а то, что ты гордишься своими предками, достойно всяческого восхищения. Как сильная женщина с ирландскими, хорватскими, корнуолльскими и афро-карибско-британскими корнями, ты невыразимо прекрасна. Однако я беру на себя смелость утверждать, что в словах Сандры Ди нет ничего расистского, а у тебя определенно не все в порядке, так что давай-ка бери себя в руки и расти над собой.

Полная ярости, Принцесса Любомила развернулась на сто восемьдесят градусов. Она уже открыла было рот, но словоизвержение не состоялось. Всего несколько недель тому назад она стерла бы Траффорда в порошок. Тогда ее авторитет в офисе был непререкаем, и никто не смел сказать ей, что у нее не все в порядке и что она должна расти над собой. Тогда она обрушила бы на Траффорда такой поток злобных обвинений, что он превратился бы в настоящего изгоя – возможно, его даже затащили бы в какой-нибудь темный чулан и отметелили хорошенько. Но теперь все изменилось. Траффорд уже не был бельмом на глазу у порядочных людей, жалким ничтожеством и придурком, которого можно было шпынять сколько душе угодно. Теперь он стал избранником Храма. Его исповедник провозгласил с кафедры, что он отмечен Богоми-Любовью в каких-то особых целях. Его дочь была единственным ребенком в районе, пережившим священный мор. Если Принцесса Любомила проявит к нему неуважение, это будет означать, что она не уважает волю Храма и даже волю самого Господа – и тогда вся ее власть испарится в мгновение ока. Тогда она сама обратится в жертву, нагую и беззащитную перед всеми теми, кто прежде ее боялся. А таких наберется много!

– А, ну... ну да, – сказала Принцесса Любомила. – Если ничего расистского не было, тогда все отлично, правда? Я хотела только выяснить насчет взносов.

– Это ведь добровольные взносы, так? – спросил Траффорд.

– Конечно, добровольные. Нет же такого закона, чтоб их собирать!

– Значит, если кто хочет, тот может платить их и есть торты с пончиками, которые ты покупаешь, а кто не хочет, тот может и не платить?

– Ну да.

– Тогда и я, наверное, не буду их платить, – сказал Траффорд. – Если, конечно, ты не возражаешь.

– Пожалуйста, – ответила Принцесса Любомила. Захватив с собой банку, в которую сотрудники складывали деньги, она вернулась к общему столу и с демонстративным равнодушием съела пончик. Больше никто не воспользовался шансом отказаться от уплаты взносов: если баланс сил в офисе и изменился, то лишь для Траффорда. У большинства его коллег по-прежнему не хватало духу перечить Принцессе Любомиле даже в мелочах.

Постепенно жизнь в отделе вернулась в свою колею. В течение дня Траффорд то и дело косился на Сандру Ди в надежде поймать ее взгляд,

но она так ни разу и не посмотрела в его сторону. Зато ему улыбнулся Кассий, и Траффорду снова почудилось, что, кроме них троих, в отделе больше нет настоящих, нормально развитых личностей. Только он сам, Кассий и Сандра Ди. Конечно, должны быть и другие — он это понимал. Калуа наверняка настоящая, да и еще один-двое, кажется, скрывали от прочих какие-то черты индивидуальности, хотя он и не был в этом полностью уверен. Для Траффорда признаком истинной человечности было наличие секретов, а секретов этих людей он не знал.

И тут его осенила потрясающая, великолепная мысль. Он улыбнулся, вспомнив пророчество Куколки об особом задании, которое приберегла для него Любовь. Неожиданно для себя Траффорд понял, что он должен сделать.

26

— Это абсолютно исключено, — сердито сказал Кассий. — Мы не можем менять программу привлечения добровольцев. У нас так не делается.

— Вы же говорили, что долг каждого гуманиста — быть миссионером, распространять знания.

— А еще наш долг — не даваться в лапы инквизиции и не подставлять под удар всю нашу подпольную сеть!

— Сеть? Да какая там сеть! У вас просто уютный маленький клуб. Вы сами сказали, что во всей этой паршивой правоверной стране вас наберется не больше нескольких сотен. Вы хотите, чтобы дети, которых вы спасли своими прививками, выросли в том же поганом мире, что и мы? А как насчет детей их детей? А тех детей, что будут потом?

— Траффорд, мы не можем устроить революцию.

— Да почему? Почему мы не можем устроить революцию? Нам нужна революция!

Они вдвоем стояли лицом друг к другу в передней библиотеки Финчли.

— Нет, Траффорд, нам нужна *эволюция*! Нам нужны трезвые мыслители, а не отчаянные сорвиголовы. И вообще, что за спешка? — спросил Кассий. — Вы вызвали меня якобы из-за неотложного дела. По-вашему, стоило тащить меня через озеро ради этих сомнительных разговоров?

— Но это и есть неотложное дело, — возразил Траффорд. — Дорога каждая секунда. Черт возьми, да прежде чем найти вас и эту библиотеку, я потерял зря тридцать лет! Это почти целая жизнь! Жизнь, проведенная в невежестве и, что еще страшнее, в безысходной отупляющей скуке. Я прозябал в мире, где есть только одна идея — вера, и только два развлечения — секс и сплетни. Вы отлично знаете, что до нашей с вами встречи я сохранял какое-то подобие индивидуальности лишь благодаря тому, что прятал от окружающих несколько жалких секретов. Ну разве это не бессмыслица? Копить чувства, как крыса копит мусор! Все время таращиться внутрь себя, когда я мог бы расширять свои горизонты. День, когда я стал гуманистом, был днем моего второго рождения. До тех пор мой разум пребывал in utero — в эмбриональном состоянии. Если я заслужил этот шанс, то чем хуже миллионы других людей?

— Пожалуй, и они заслужили свой шанс, — ответил Кассий. Несмотря на свое раздражение, он не сумел сдержать улыбки, выслушав пылкую речь Траффорда. — Но поймите, у нас есть правила. Жесткие правила. Прежде чем вносить свои предложения, каждый новичок должен провести с нами как минимум год...

— Год! — вырвалось у Траффорда.

— ...и даже потом эти предложения будут подвергнуты тщательной проверке. Если вы выдадите нашу тайну не тому человеку, на вас почти наверняка донесут, а потом и вы сами под пытками донесете на нас.

— Тщательной проверке! — насмешливо повторил Траффорд. — Да если так себя вести, то люди не увидят света знаний еще тысячу лет!

— Это лучше, чем погасить его навсегда.

— Вы приняли меня. Почему вы были так уверены, что я на вас не донесу?

— Вы позволили мне сделать прививку вашему ребенку, Траффорд. Это полностью вас скомпрометировало, и теперь вы не можете ни на кого донести.

— Неужели это единственный способ распространения знаний — ждать, когда вам подвернется кто-нибудь с ребенком и позволит сделать ему прививку?

— Ну ладно, вы говорите, что придумали способ получше. Я внимательно слушаю.

— Он лежит на поверхности. Просто не понимаю, как я не додумался до него раньше. Вот почему это нельзя откладывать: слишком много времени потеряно зря!

— Но в чем же он состоит? Что это за гениальный способ?

— *Мы должны найти тех, у кого есть свои секреты!* – воскликнул Траффорд с горящими от возбуждения глазами. — Именно так вы нашли меня. Вы догадались, что у меня есть секреты.

— Мы работаем в одном офисе. У меня была возможность наблюдать за вами.

— Но разве вы не понимаете? У себя в Изразе мы можем наблюдать за всеми! У нас имеется доступ к таким мощным инструментам социологического анализа, что остается только правильно подобрать вопросы, и мы найдем *таких же, как мы сами*!

Кассий с любопытством прищурился.

— Продолжайте, — сказал он.

— Нам нужно изучить себя и наших товарищей-гуманистов, — пояснил Траффорд. — Определить наши общие особенности, черты характера и предпочтения. Принадлежим ли мы к типу людей, которые действуют таким-то образом в таком-то месте и в такое-то время? Когда мы составим нечто вроде своего коллективного психологического портрета, пусть даже очень приблизительного, я прочешу базы данных Израза в поисках соответствий. Нам надо всего лишь выяснить, кто мы, и это позволит нам отыскать тех, кто на нас похож.

Кассий помолчал, обдумывая услышанное.

— Готов признать, это и вправду очень остроумно, — наконец сказал он. — И вы полагаете, что сможете использовать программы и базы данных Израза, не привлекая к себе внимания?

— Почему бы и нет, если я буду соблюдать правила и действовать практически в открытую? Моя работа состоит в том, чтобы придумывать, о какой бы еще чепухе спросить компьютер, и это будет просто очередная чепуха. Я даже не стану ничего скрывать.

— Ну что ж, хорошо, — согласился Кассий. Несмотря на его усилия казаться равнодушным, было ясно, что он взволнован. — Я подумаю об этом и поговорю кое к с кем. Возможно, вы и впрямь напали на золотую жилу, Траффорд.

— Я в этом не сомневаюсь. Но я выполню свою часть задачи только при одном условии.

Лицо Кассия посуровело.

— Если вы настоящий гуманист, — твердо сказал он, — то вы не должны ставить никаких условий!

— Я настоящий гуманист, но это дела не меняет. Я хочу, чтобы вы приняли одну девушку. Я знаю, что мне положено ждать год, но хочу, чтобы ее приняли сейчас.

Кассий устремил на Траффорда долгий испытующий взгляд.

— Из нашего офиса, что ли? Сандру Ди?

Траффорд попытался скрыть удивление.

— Почему... почему вы так думаете?

— Я наблюдаю за людьми. Вы это знаете, Траффорд, и я сильно сомневаюсь, что вы готовы схлестнуться с нашей очаровательной Принцессой Любомилой ради *любой* девушки. Ну что, я угадал?

— Да. Я хочу, чтобы вы ее приняли.

— Почему вы решили, что ей можно доверять?

— Потому что у нее, как и у меня, есть секреты.

— Если вы ее раскусили, значит, она не слишком хорошо умеет их хранить, так?

— Нет, это несправедливо. Я узнал о них, потому что начал... В общем, я ее прогуглил.

— Зачем?

— Затем, что... мне стало интересно. Она меня заинтриговала. Но когда я почитал ее блог и посмотрел видео, то оказалось, что все это чужое. Она просто скопировала материал по кусочкам с других персональных сайтов. На самом деле она умеет хранить секреты гораздо лучше меня, гораздо лучше нас всех. Мы маскируем свои действия и свою настоящую сущность, а она изобрела способ, который позволяет ей абсолютно ничего о себе не сообщать, так что и маскировать-то нечего.

Кассий немного поразмыслил.

— Хорошо, — сказал он. — Можете поговорить с этой девушкой.

— Спасибо.

— Для начала хватит одной-двух книжек, — добавил Кассий, — причем вы должны сказать, что нашли их сами, случайно, где-нибудь на свалке или в канаве. Даже не намекайте на нас и наши библиотеки. Если ее реакция окажется положительной, тогда "найдите" еще одну книгу, а потом еще одну — и так до тех пор, пока не будете уверены, что ее воображение уже достаточно простимулировано и обратного пути для нее нет. После этого сообщите нам, и, если мы дадим согласие, тогда и только тогда вы сможете рассказать ей о нас и привести ее в библиотеку, чтобы она выбирала книги сама. Вам все ясно?

Траффорд кивнул.

— Обещаете соблюдать эти условия?

— Да. Обещаю.

— Хорошо. Я посоветовал бы вам очень придирчиво выбрать те книги, с которых она начнет свое образование. Как вы знаете по собственному опыту, в первый раз читать что-то осмысленное бывает очень трудно. Мы отвыкли как следует концентрироваться, поэтому надо, чтобы текст сразу же привлекал внимание читателя. Поверьте мне, второго шанса у вас не будет. Чтение любого из старых текстов — неимоверный риск, и книга должна быть настолько увлекательной, чтобы, принявшись за нее однажды, человек уже не смог противиться соблазну читать дальше.

— Ладно. Я над этим подумаю.

27

Беседуя с Кассием, Траффорд не сомневался, что Сандра Ди будет счастлива присоединиться к гуманистам. Однако по мере приближения следующего физиприса его волнение росло. В конце концов, раньше он почти не общался с Сандрой Ди, а теперь собирался с бухты-барахты предложить ей стать еретичкой. Хотя на предыдущем физиприсе он и принял ее сторону во время конфликта по поводу взносов в общественную кассу, она ни словом, ни жестом не показала, что благодарна ему за заступничество. Вдобавок она наверняка все еще сердилась на него за то, что ее имя прозвучало с кафедры на публичной исповеди.

Весь день Траффорд искал удобного момента, чтобы поймать взгляд Сандры Ди, момента, чтобы завязать разговор, но ему ни разу не представилось такой возможности. Он надеялся перехватить ее у лифтов в конце рабочего дня, но, уходя, она опередила его, и этот шанс тоже оказался упущенным. Дело кончилось тем, что Сандра Ди подошла к нему сама. Он шел из банка к метро, лавируя по запруженной народом улице, и вдруг услышал позади ее голос.

— Видимо, я должна вас поблагодарить? — сказала Сандра Ди. — Как по-вашему?

Она говорила громко, поскольку вокруг них бухали и хрипели тысячи плееров и прочих звуковоспроизводящих устройств. Некоторые люди пользовались наушниками, другие нет, очевидно рассчитывая порадовать своим музыкальным выбором как можно большее количество окружающих. Все это вместе с обрывками болтовни по мобильным телефонам создавало невыносимый шум, так что даже разговоры, не предназначенные для посторонних ушей, приходилось вести на грани крика.

— За то, что защитили меня от Принцессы Любомилы? Новый любимчик Храма приходит на помощь офисной замухрышке? Так, что ли? — продолжала Сандра Ди. — Между прочим, я и сама могу о себе позаботиться. — Она нагнала его и пошла рядом, но, когда он покосился на нее, даже не повернула головы, будто разговаривала не с ним, а с кем-то, идущим впереди.

— Да-да, конечно. Я знаю, что вы сами можете о себе позаботиться, — сказал Траффорд извиняющимся тоном, хотя понимал, что ее уверенность — чистый блеф. Она не могла позаботиться о себе сама. Этого не мог никто — во всяком случае, когда становился мишенью охоты на ведьм, когда толпа уже была готова напасть на жертву и растерзать ее. Такие ситуации развивались по своим законам и практически не поддавались разумному контролю. Каким бы пустячным и натянутым ни был повод для травли, нападающие, вдохновленные своей праведностью, быстро входили в азарт и не успокаивались, пока от объекта их гнева не оставались одни рожки да ножки.

— Просто мне надоела эта чертова Принцесса Любомила, вот и все, — сказал Траффорд. — Я бы за кого угодно заступился, лишь бы ей насолить.

— Почему ваша жена назвала мое имя на исповеди? — внезапно спросила Сандра Ди, сразу вытаскивая на свет божий то уродливое чудище, которое словно пряталось между ними с того вечера, как Траффорд с Чанторией начали бракоразводный процесс.

— Потому что... — промямлил Траффорд и вдруг понял, что ему нечего ответить на этот вопрос, кроме правды. — Потому что все так и было: я читал ваш блог и смотрел ваши видеодневники, а она поймала меня за этим.

— Ну и что? Разве не все мужчины так развлекаются? Это ведь ваше законное право, верно?

— Да, но... но я смотрел только вас. А больше никого.

Они были в самой гуще толпы, медленно продвигающейся к дверям станции метро, которые то открывались, то закрывались. Их окружала плотная масса человеческих тел, перегретая, липкая и раздраженная. Слева, в десяти дюймах от лица Траффорда, с чавканьем пожиралась половина жареной курицы: краем глаза Траффорд видел яркое красно-белое ведерко, которое едок сжимал обеими руками, уткнув туда морду и поглощая его содержимое на ходу, точно лошадь с торбой.

Слева была курица, впереди — толстенная красная шея, мокрая от пота, сзади напирало чье-то жирное брюхо, но справа, как казалось Траффорду, на него веяло лишь приятным холодком. Он знал, что это не более чем иллюзия: ведь Сандра Ди тоже человек, а значит, на нее не может не действовать этот тяжкий, удушающий зной, который будто окутывает каждого из них толстым шерстяным одеялом. Наверное, она так же мучилась и потела, как и все остальные, но почему-то от нее исходил только аромат свежести. А когда ее рука касалась его руки — что, несмотря на все ее старания, происходило регулярно из-за уличной тесноты, — он чувствовал прохладу чистой, сухой кожи.

— Вы смотрели только мои видео? — услышал он ее слова.

— Да, — признался он. — Но я перестал... с тех пор, как жена сказала про вас на исповеди.

— Знаю. Я недавно проверяла своих посетителей, и вас среди них не было. А почему вы перестали?

— Ну... вы же рассердились.

— Рассердилась? С чего бы девушке сердиться на парня, который любуется ее наготой? Я в полном восторге и страшно польщена, — сказала она, избирая социально корректную линию поведения, хотя в ее

голосе звучал неприкрытый сарказм. — Кто-то смотрит, как я занимаюсь сексом. Что тут может не нравиться? Разве не такой реакции ждет от меня Храм? Разве не об этом мечтает каждая девушка — чтобы на нее смотрели, причем как можно чаще? Чтобы ее считали *динамитом в постели?*

— Ну... — Траффорд помедлил. Конечно, ответ был ему известен. Ей тоже. Но знала ли она, что *он* знает ответ? — Думаю, вы рассердились оттого, что девушки, которые занимаются сексом в ваших дневниках, — не вы.

Все-таки он это сделал. Признался ей, что выведал ее секрет — а ведь это самый бесцеремонный поступок, на какой только можно было решиться!

— Понятно, — откликнулась она нарочито спокойным и равнодушным тоном. — Я как раз спрашивала себя, догадались вы или нет. Неудивительно, что догадались. Эта ложь не была рассчитана на серьезную проверку.

Траффорд промолчал. Человек слева покончил с курицей, притормозил, чтобы создать зазор между собой и идущим впереди, и уронил на мостовую ведерко с объедками, настоящим крысиным лакомством.

— Вы из полиции? — спросила Сандра Ди.

— Нет, что вы! — воскликнул Траффорд.

— Шпион Храма?

— Нет-нет!

— Почему же тогда вы интересуетесь девушкой, которая готова скорее нарушить закон, чем вывесить на своем блоге честное видео?

— Мне это... понравилось. Понимаете, я тоже стремлюсь... поменьше лезть на глаза.

— Тогда зачем вы привлекли к себе внимание, защищая меня от Принцессы Любомилы? Не стоит делать из нее врага, даже если сейчас церковники к вам благоволят.

Ответ Траффорда прозвучал для него так же неожиданно, как, наверное, и для Сандры Ди.

— Затем, что... мне кажется, я в вас влюбился.

Он и правда не ожидал от себя такого ответа. Вплоть до этой секунды он не признавался в своих чувствах даже самому себе. Конечно, он знал, что ему нравится Сандра Ди, что его тянет к ней, однако раньше он даже мысленно не употреблял в этой связи слова "любовь" — а тут вдруг взял да и разоткровенничался прямо перед объектом своей страсти. Ситуация была настолько странной, что у него закружилась голова.

— Не будьте идиотом, — сказала она. — Вы обо мне абсолютно ничего не знаете.

— Да. И это ваша заслуга. О вас никто ничего не знает. Я думаю, именно поэтому вы меня так... привлекаете.

Услышав это, она задумалась, и несколько минут они передвигались вместе с толпой в молчании. Огромные станционные двери распахнулись, потом снова закрылись. Суровый голос из динамика велел задним не напирать на передних.

— Может, поговорим в более удобном месте? — наконец спросила она.

— Это было бы здорово, — отозвался он. — А где?

— Держитесь за мной.

О том, чтобы выбраться из толпы желающих попасть в метро, уже не могло быть и речи: на это понадобилось бы не меньше часа. Вскоре они очутились под землей, в сумасшедшей духоте и давке.

— Проедем только одну остановку! — крикнула Сандра Ди, пробиваясь к краю перрона.

Когда пришел поезд, Траффорда так стиснули, что он едва не потерял свою спутницу. Как обычно, люди ринулись занимать места, мешая тем, кто пытался выйти на платформу. Траффорд с Сандрой Ди с боем прорвались в вагон и несколько минут дышали его спертым воздухом, густым, как патока. Потом поезд прибыл на следующую станцию, и битва вспыхнула снова. Преодолевая сопротивление встречного людского потока, они выбрались на перрон, затем, также с огромным трудом, поднялись по замусоренному, давно не действующему эскалатору и наконец, оказавшись наверху, полной грудью вдохнули воздух, который на один счастливый миг показался им изумительно свежим.

— Куда идем? — отдышавшись, спросил Траффорд.

— К озеру, — ответила Сандра Ди. — У меня есть лодка.

— Ого! — Траффорд был поражен и восхищен. — Здорово. Как вы ее раздобыли?

В полузатопленном городе иметь лодку считалось огромной роскошью. Складной плазменный экран в двадцать квадратных футов стоил сущие гроши, но простые гребные лодки были только у очень богатых людей.

— Есть способы, — загадочно ответила Сандра Ди.

Они вышли на берег в Ноттинг-хилле — здесь, на месте прежнего района Хаммерсмит, раскинулась огромная марина с тысячами частных прогулочных лодок, привязанных к верхушкам ржавых фонарных столбов.

— Лодка — уже недешевое удовольствие, но откуда у вас еще и деньги на стоянку? — спросил Траффорд, когда они шагали по плавучему причалу среди длинных рядов печных труб.

— Детей у меня нет, паразита-любовника тоже, — откликнулась Сандра Ди. — Мои деньги принадлежат только мне. Кроме того, у меня всего лишь маленький ялик.

Траффорд не стал расспрашивать дальше, хотя знал, что за этим должно скрываться что-то еще. Как бы ни сложились у Сандры Ди житейские обстоятельства, оплачивать стоянку плавательного средства из жалованья старшего администратора-аналитика Госбанда было бы нелегким делом. Возможно, она получила наследство.

— Ну вот, — сказала Сандра Ди.

Они подошли к одной из многих почти одинаковых лодчонок с алюминиевым корпусом и единственной короткой мачтой. Забрались на борт, Сандра Ди быстро отвязала швартов и через несколько мгновений уже ловко прокладывала путь между крышами брошенных домов, из которых когда-то состояла улица Мейда-Вейл.

— Если бы я могла провести остаток жизни в этой лодке, то сделала бы это с радостью, — сказала Сандра Ди. — Ненавижу людей. По крайней мере большинство из них. А когда собираются в толпу — тогда всех.

Некоторое время Траффорд молчал. Его вдруг захлестнуло такое счастье, что он хотел продлить этот миг и боялся сказать что-нибудь не

то — не дай бог эта удивительная женщина повернет лодку обратно к причалу и изгонит его из своего маленького рая.

— Здесь чудесно, — наконец вымолвил он.

И это действительно было так. Наверное, подумал Траффорд, на его долю никогда еще не выпадало ничего более чудесного. Быть наедине с такой девушкой, быть *вдали от толпы*. Озираясь, он увидел, что ближайшая лодка плывет не меньше чем в двадцати ярдах от них. Интересно, подумал он, приходилось ли ему раньше хоть раз в жизни оказываться на таком гигантском расстоянии от других людей? Одиночество — как это замечательно! Впрочем, он был не совсем один: рядом сидела Сандра Ди, она делила с ним его уединение, и это тоже было чудом. Она казалась такой прекрасной и сильной; теплый ветерок, который мягко наполнил поднятый парус, потревожил и ее платье, открыв до колен стройные ноги.

— Ну? — прервала молчание Сандра Ди. — Так как же вы разгадали мой секрет?

— Честно говоря, случайно, — признался Траффорд. — В тот день, когда Принцесса Любомила стала возмущаться, что у вас нет грудных имплантатов... вечером я пришел домой, залез на ваш сайт и почти сразу заметил, что там нет ничего по-настоящему вашего.

— Зачем вам это понадобилось?

— Вы меня заинтриговали. И я почувствовал... что у нас есть что-то общее. Глядя на вас, я подумал, что вы держите часть своей личной жизни в секрете, не подчиняясь ортодоксии Храма. Выяснилось, что я был прав, хотя сначала и не догадывался, как далеко вы зашли.

— Скрытность запрещена законом.

— Конечно.

— Вы обнаружили, что я совершила преступление.

— Да.

— И продолжали любоваться моим преступлением, пока ваша жена не рассердилась и не привлекла к моему блогу внимание всех жителей нашего района, любой из которых теперь может его проверить.

— Я знаю, что подверг вас опасности. Простите.

Вдруг Сандра Ди извлекла из-под лежащего на дне мотка веревки рабочий нож устрашающего вида. Его лезвие было тщательно отполировано и грозно сверкало в солнечных лучах.

— Я могу вас убить, — сказала она. — Прыгнуть вперед, вонзить в вас нож — и дело в шляпе. Никто не заметит, никто не станет искать. Просто по озеру будет плавать еще один труп, зато мои секреты останутся в сохранности.

— Они и так в сохранности, — поспешно уверил ее Траффорд. — Я знаю только, что они у вас есть. Все остальное покрыто тайной.

— Ну и что же? Инквизиции плевать, какие у вас секреты, для нее главное, что они есть, — сказала она, по-прежнему играя ножом, пробуя его на остроту большим пальцем. — Иметь секреты — это уже преступление. Скрытность — тоже преступление. Мне повезло, что пока ваше дурацкое любопытство не довело до беды, но кто знает? Возможно, когда-нибудь вы меня предадите.

— Нет.

— Зачем мне рисковать?

— Я никогда не предам вас. Я влюблен в вас. Влюблен в ваши секреты. Я скорее умру, чем кому-нибудь о них расскажу.

— Почему это вы влюблены в мои секреты? Какой интерес они могут для вас представлять?

Она все еще поигрывала ножом, но уже улыбалась, и что-то в этой улыбке придало Траффорду смелости. Что-то в ее движениях — глядя на него, она положила левую ногу на правую, потом наоборот, — и даже то, как она держала нож, подсказало ему, что он может заговорить с ней о чувствах, которые бурлили у него в груди.

— Потому что благодаря вам я понял: во всем мире нет ничего более волнующего, чем тайна. Ничего более эротичного. Ваше тело — тайна для меня. Ваша сексуальная душа для меня совершенно скрыта, и именно поэтому я так хочу ее узнать. Кроме этого, я больше ничего не хочу. У меня дух захватывает от желания.

На мгновение она показалась ему менее уверенной в себе, словно чуть-чуть растерялась. Даже слегка покраснела — он заметил это, несмотря на солнцезащитный крем. Потом ее губы медленно скривились в иронической усмешке. Она отложила нож и откинулась назад, будто наслаждаясь теплом солнечных лучей, которые ласкали ее обнаженные ноги и руки.

— Как это поэтично, Траффорд. Моя сексуальная душа? Дух захватывает от желания? Ей-богу, это может вскружить девушке голову!

Траффорд ничего не ответил — он молча смотрел на нее, упиваясь этим зрелищем. Томная и прекрасная, лениво и свободно раскинувшаяся на солнце, она вытянула ноги, а ветерок прижал ее платье к телу, обрисовав его стройные, изящные формы.

— Значит, хочешь меня? — почти будничным голосом спросила она. — Хочешь, чтобы я прямо сейчас раскрыла свою тайну?

Траффорд только сглотнул: у него вдруг пересохло в горле.

— Хочешь, чтобы я сняла платье, как положено добропорядочной девушке? — продолжала она, и ее босая нога тихонько поползла к нему по днищу лодки. — Хочешь услышать, как именно я "делаю это"? Хочешь сорвать мой цветок и растопить мой лед?

— Больше всего на свете, — ответил было он, но тут же добавил: — А впрочем, нет.

— Нет?

— Нет, не хочу.

— Почему?

— Потому что, если ты на это пойдешь, предвкушение исчезнет, покровы будут сорваны, тайна раскрыта, а этого я не вынесу. Благодаря тебе я понял прелесть недоступного. Мы живем в очень скучном мире, где всё на виду, всё "с гордостью" выставляется напоказ. А я теперь знаю, что нет ничего более возбуждающего, чем *почти* знать. Ничто не может сравниться с *неутоленным* желанием увидеть тебя обнаженной, с этой сладкой мукой... Я никогда не чувствовал себя более живым, чем сейчас, и хочу, чтобы это длилось вечно.

— Ты сейчас представляешь меня раздетой?

— Да, конечно. И себя вместе с тобой.

Сандра Ди улыбнулась, и ее обычная прохладная отстраненность словно на миг куда-то пропала.

— Ну и как? — спросила она.

— Это великолепно. Ничего не может быть прекраснее. Ты только подумай! Красота. Совершенство. Когда ты в последний раз встречалась с ними в нашем жалком мире? А я теперь могу *представить* их себе в любой момент, как только захочу! Невероятно. Вот что значит сила воображения. *Выдумка* сознания! Мне и не снилось, что такое счастье возможно.

— Да нет же, — сказала она, и удивленный Траффорд увидел на ее лице румянец. — Я спросила "как" не в том смысле.

— А в каком?

Теперь ее щеки уже определенно были алыми, и на мгновение она отвернулась, точно боясь встретиться с ним взглядом.

— Я хочу знать, *как именно* ты все это себе представляешь, — произнесла она тихо, почти шепотом. — Расскажи мне сейчас.

— Ты садишься, — начал Траффорд, и слова, к его собственному удивлению, легко полились из его уст. — Я уже расстегнул верхние пуговицы твоего платья, спустил его с твоих плеч, целуя их, и теперь оно спадает дальше, обнажая грудь. Ты смотришь на меня и улыбаешься, потом твой рот немножко приоткрывается, и я вижу твои белые зубы.

— Серьезно? — спросила Сандра Ди, и ее рот действительно чуть-чуть приоткрылся, в точности как описал Траффорд. — А дальше?

— Мы вместе расстегиваем остальные пуговицы.

— Вместе? — хихикнув, спросила она. — Это как же?

Она снова посмотрела прямо на него, но теперь в ее взгляде была мягкость, которой Траффорд еще никогда в нем не видел.

— Ты расстегиваешь первые две-три, — пояснил он, — а потом направляешь мои руки вниз и позволяешь расстегнуть остальные.

— А потом?

— Потом я полностью распахиваю платье, и оно соскальзывает с твоих рук и падает вокруг тебя на скамью, как лепестки цветка. Ты сидишь на нем, и твоя белая кожа ярко светится на солнце. Белье у тебя очень простое: ты выбирала его из соображений собственного удобства, а не ради того, чтобы соответствовать какому-то сетевому порнографическому образцу.

— Понятно. Значит, я девушка разумная? Очень мило. Мне нравится.

— Ты сама себе хозяйка. Ты одеваешься, чтобы доставить удовольствие себе, а не мужчинам.

— Льстец, — сказала она. — Ты наверняка говоришь это всем девушкам. Ну ладно — итак, я сижу здесь, на скамье, в своих простых и удобных трусиках и лифчике. Что дальше?

— Я кладу ладонь тебе на живот, прямо над трусиками. Я чувствую твое дыхание. Ты наклоняешься ко мне — в этот момент я вижу, как сместились твои груди внутри лифчика, вижу ложбинку между ними, — берешь мою рубашку за полы и снимаешь ее через голову.

Сандра Ди чуть подвинулась на сиденье и слегка подалась вперед, зажав руки между коленей.

— И как ты выглядишь? — спросила она.

— Не знаю. Как, по-твоему, я выгляжу? — отозвался Траффорд.

— По-моему... ничего себе, — сказала Сандра Ди. — И что потом?

— Я кладу руки тебе на спину, нежно пробегаю пальцами по позвоночнику, чтобы найти застежку лифчика, без труда расстегиваю ее, и он падает. Теперь твоя грудь открыта — она крепкая и *настоящая*, с розовыми сосками на белой коже, похожими на чуть недоспелые клубничины в сливках. Ты откидываешься назад, ложишься на платье и засовываешь большие пальцы под резинку трусиков. Твои ноги слегка раздвинуты. Я вижу, как из-под тонкой хлопковой ткани в самом узком месте выбиваются два-три рыжеватых волоска.

Сандра Ди снова покраснела и усмехнулась, чтобы скрыть смущение.

— Небрежная бикини-эпиляция? Как неприлично!

— Ты поднимаешь ноги и одним движением снимаешь трусики. Еще одна тайна раскрыта! У тебя там густая, естественная женская поросль, а не дурацкая щетина, оставшаяся после бритья, и не красная воспаленная кожа, какая бывает, если пользуются специальным кремом...

Сандра Ди открыла рот, собираясь что-то сказать, но Траффорд опередил ее.

— Не говори, прав я или нет! Я не хочу знать. Нет, не так: я *знаю*, что прав, потому что Сандра Ди, которую я описываю, — моя, она создана моим воображением.

— Она мне нравится, — тихо ответила настоящая Сандра Ди.

— Я стою перед тобой на коленях, стою между твоих ног и смотрю. Смотрю жадно, стараясь ничего не упустить. Потом поднимаю голову, чтобы взглянуть тебе в глаза, и ты отвечаешь мне своим взглядом. Ты глядишь на меня едва ли не гневно, в упор, и вдруг улыбаешься — мягкой, ласковой улыбкой. И опять наклоняешься вперед; я вижу, как твои груди, качнувшись, повисают в воздухе — каждая по отдельности, обе идеальной формы. Вижу тоненькие складки у тебя на животе: когда ты наклоняешься, твой пупок почти скрывается в одной из них; ты протягиваешь руки и расстегиваешь мои шорты, я встаю, и ты снимаешь их, я переступаю через них, и тогда ты берешь и...

— Хватит! — сказала она дрожащим голосом.

— Хватит?

— Да. На сегодня довольно. — Она кинула на него короткий, но пристальный взгляд, и Траффорду почудилось, что в ее ясных серых глазах мелькнула печаль. Но тут она рассмеялась и добавила: — Знаешь ли, не всякая девушка решится представить себе, что пошла до конца на первом же свидании.

Траффорд рассмеялся тоже. Забавно было это слышать. Эта фраза насчет того, чтобы пойти до конца на первом же свидании, вынырнула откуда-то из глубины времен. Теперь ее употребляли разве что в ироническом смысле. Теперь все шли до конца хоть на первом свидании, хоть на любом другом. А почему бы и нет? Если это занятие приятно, то ему, очевидно, следует предаваться как можно чаще и без всяких проволочек. Траффорду было радостно сознавать, что они с Сандрой Ди снова бросили вызов господствующим ныне обычаям. Даже в своем воображаемом слиянии они не стали уподобляться толпе. Кроме того, с надеждой подумал он, раз она говорит о первом свидании, значит, не за горами и второе.

— То есть... мы еще встретимся? — запнувшись, проговорил он.

— Да, — ответила она. — Я не против. Мне было интересно, а у меня в жизни не так уж много интересного. Ты был прав: воображать — это действительно здорово.

Они посидели молча в медленно дрейфующей лодке. В магазинчике у причала Сандра Ди запаслась пивом, и хотя оно давно уже нагрелось, они выпили его с удовольствием, а потом слушали, как о борта плещется вода, и смотрели, как солнце садится за печные трубы.

— А твоя жена, с которой ты разводишься, не будет волноваться, что тебя нет? — спросила Сандра Ди. — Может, надо было ей позвонить?

— Меня часто не бывает дома. Она привыкла. К тому же теперь она у нас знаменитость, так что у нее и без меня хлопот полон рот. Женщины ходят к ней, просто чтобы подержать на руках нашу дочку: надеются, что и им передастся благословение Любви.

— Она, наверное, рада.

— Она в восторге. А мне жалко на них смотреть. Дуры суеверные.

Сандра Ди беспокойно оглянулась вокруг: даже людям, признавшимся друг другу в своей склонности к уединению, не стоило вести такие рискованные разговоры.

— Поосторожнее, Траффорд, — сказала она. — Следи за своим языком.

— Мне все равно. Что думаю, то и говорю. Они безмозглые курицы, которые верят во все подряд.

— А ты не веришь, что твоего ребенка спасло божественное вмешательство?

— На земле много миллионов детей. За границей, в Другом Мире, их умирает еще больше, чем в правоверных странах. Разве может Бог, каким бы он ни был, следить за судьбой каждого из них в отдельности? Да и зачем ему это? Убить большинство и при этом спасти одного ради какой-то загадочной цели? Это противоречит логике.

— Тогда как ты объясняешь то, что она пережила эпидемию кори?

Прежде чем ответить, Траффорд поразмыслил над ее вопросом.

— Я не хочу тебе говорить, — сказал он наконец.

— Опять секрет?

— Да.

— Понятно, — сказала она и тут же добавила будничным тоном: — Значит, ты сделал ей прививку.

Траффорд опешил. Теперь настала его очередь пугливо озираться по сторонам.

— Я... я не хочу ставить тебя под угрозу, обсуждая с тобой подобные вещи, — быстро промолвил он.

— Не волнуйся, — сказала она, — я тебя не выдам.

И вновь между ними наступило молчание, но теперь это было молчание друзей. Общие секреты, да еще такие опасные, волей-неволей связали их друг с другом.

— Раскрой мне еще один, — спустя некоторое время сказала Сандра Ди.

— Секрет?

— Да. Ты наверняка знаешь что-нибудь по-настоящему увлекательное.

Траффорд понял, что более удобного момента ему может и не представиться.

– Ладно, раскрою.

– Только хороший.

– Очень хороший.

Сандра Ди ждала, пока Траффорд размышлял, как бы получше сформулировать то, что хотел сказать ей уже давно, с того самого физиприса, когда на нее напала Принцесса Любомила.

– У меня есть ключ от двери, – медленно произнес он. – Двери в иной мир. В иную вселенную. Даже в тысячу вселенных.

– Ого, – сказала она. – Вот уж секрет так секрет.

– Я могу войти в эту дверь и оставить позади этот отвратительный город, в котором мы живем. В любой момент я могу сделать несуществующими и Принцессу Любомилу, и модератора нашего домашнего чата, и все эти бесконечные толпы потеющих, жующих, рыгающих хамов и дураков. Я могу выключить новости и рекламу, могу избавиться от всех этих мерзопакостных любимцев публики и ведущих реалити-шоу, могу убрать с глаз долой все голые тела, совокупляющиеся на каждом экране, на каждой стене. Могу забыть о бомбах и о войнах, которые ведутся ради сохранения мира, Храма и глупых, противоестественных Законов Уэмбли. Я могу сбежать от всего этого. Вот он, мой секрет. Вот что я могу сделать, Сандра Ди. В моей власти заставить все это *исчезнуть*.

– Скажи мне как, – жадно откликнулась она. – Я хочу знать.

– Что ж, – ответил Траффорд, – минуту назад ты сама сказала, что воображать – это здорово.

– И?

– Это и есть ключ. Спастись от творения человеческих рук, которое мы называем реальностью, можно с помощью разума и *воображения*. Я открыл... книги.

– Книги? – Сандра Ди не смогла скрыть разочарования. – Все книги – дрянь.

– Книги бывают разные, – заметил Траффорд.

Он достал из полиэтиленового пакета то, что на первый взгляд было "Питанием в традиции фэншуй" – популярной брошюрой, утверждающей, что человек может достичь внутренней гармонии и высокой духовности, правильным образом располагая продукты, прежде чем их съесть. Будь то на тарелке или в картонной коробке, способ пространственного взаимодействия вашего гамбургера с жареной картошкой мог помочь вашему духовному росту или замедлить его.

– Шутник, – сказала Сандра Ди, с презрением глядя на книгу.

Тогда Траффорд снял с книги обложку, и в руках у него остался потрепанный экземпляр "Грозового перевала".

– Это чудесная история, написанная много лет назад, – сказал он. – Я выбрал ее для тебя; почитай, если хочешь. Когда будешь читать, мир, в котором мы живем, пропадет. Вместо него ты окажешься в том, что описан в книге, – в мире подлинных страстей, вечной любви, сложных переживаний и *простора*, удивительного простора вокруг. Ты будешь гулять на ветру по широким полям, и в лицо тебе будет сыпать прохладный дождь. Твоя душа вырвется на волю и будет бродить в одиночестве – одна на бескрайней пустоши тайной, обреченной любви.

Сандра Ди взяла у Траффорда книгу.

— Если меня с ней поймают, то по меньшей мере закуют в колодки. И отхлещут по пяткам.

— Поверь мне, игра стоит свеч.

— Где ты ее взял?

— Я ее... нашел. Если тебе понравится, могу найти еще. Ну что, почитаешь?

— Да, с удовольствием.

Солнце почти село, а с его закатом утих и ветерок. Сандра Ди спустила парус, и они медленно поплыли на веслах к причалу.

— Я чудесно провела время, Траффорд, — сказала Сандра Ди, когда они прощались. — Даже не помню, когда я в последний раз говорила с кем-нибудь так, как сегодня с тобой.

— И я тоже, — сказал Траффорд.

— А еще, — добавила Сандра Ди, поцеловав его в щеку, — спасибо тебе за секс. Это было великолепно.

28

Траффорд с Кассием шли по Хампстед-хит в сторону паба "Джек Строз Касл". Траффорду еще никогда не доводилось бывать на этом островке Лондонского архипелага — тут был своего рода заповедник, где за прочной оградой и под охраной вооруженных стражей обитали богачи, старейшины Храма, высокие правительственные чиновники и крупные бизнесмены.

— Мы идем в гости к Коннору Ньюбери, — сообщил Кассий, когда они с Траффордом свернули на улицу, состоящую из особняков на две квартиры, у каждой из которых был свой палисадник — свидетельство невероятного богатства местных жителей. Траффорд прекрасно знал, кто такой Коннор Ньюбери: популярный, слегка фатоватый ведущий разговорных шоу на телевидении и в интернете, он прославился своей дерзкой непочтительностью к старейшинам Храма, хотя никогда не заходил в этом отношении дальше шуток насчет толщины их животов и недостатка вкуса, который они проявляли, выбирая себе украшения. — Дело в том, что он один из нас, — пояснил Кассий, когда они приблизились к нужному дому.

Внутри их провели в большую гостиную. Такой комнаты Траффорд никогда прежде не видел: вместо плазменных экранов на стенах висели картины, выглядевшие так, будто их создали только из холста и красок. На полу лежал толстый, роскошный ковер, а мебель — глубокие кожаные кресла, диван с подушками и маленькие, элегантные журнальные столики — казалась очень старой. Два кресла были заняты. Сам Коннор Ньюбери, которого легко было узнать по его обычному костюму, эпатажному мужскому бюстгальтеру ярко-малинового цвета и серебристым шортам, охлаждался, стоя задом к бодро урчащему кондиционеру и покуривая огромную сигару.

— Ага! — воскликнул знаменитый ведущий. — Рад приветствовать вас, Кассий, и вас, наш новый компьютерный гений. Я Ньюбери — впрочем, вы, конечно же, и так узнали меня, Траффорд! А это профес-

сор Медуница Тейлор, — приятного вида пожилая женщина в просторном сарафане рассеянно кивнула Траффорду, — и Билли Макаллан.

— Салют, ребята, — сказал Макаллан, бритоголовый здоровяк с татуировками на волосатых ручищах, похожий не на книгочея, а на чемпиона по боям без правил.

— Мы четверо — Сенат общества гуманистов, — продолжал Ньюбери, — а я его председатель, потому что в моем шикарном доме удобней всего встречаться!

Траффорд обменялся рукопожатиями с Тейлор и Макалланом. К Ньюбери он подходить не стал, поскольку тот величественно махнул ему со своего места.

— Итак, — продолжал хозяин, — нам с вами надо кое-что обмозговать! Судя по словам Кассия, вы считаете, что нам, скромным революционеришкам, не хватает широты мышления.

Затем Траффорду налили выпить и предложили снова рассказать о проекте, который он обдумывал с тех пор, как впервые поделился с Кассием идеей, положенной в его основу.

— Должно быть, вы знаете, что я системный программист и работаю в Изразе, отделе Государственного банка данных, — начал Траффорд.

— Сочувствую, — заметил Ньюбери. — Тоска, наверное, смертная!

— Израз означает "изучение различий", — продолжал Траффорд, не обратив внимания на эту реплику. — Но основная наша задача состоит в том, чтобы обнаруживать связи между людьми, фиксируя все, что у них есть общего, в чем бы это общее ни заключалось. Вся программа немыслимо огромна — вспомните притчу о зернышках пшеницы, количество которых должно было удваиваться на каждой следующей клетке шахматной доски, только наша доска величиной с футбольное поле. Мы берем то, что характеризует каждого человека, от цвета его волос и любимого сорта овсянки до частоты поездок на автобусе или метро, и ищем соответствия по каждой характеристике с использованием всей хранящейся у нас информации.

— Вот на что уходят наши налоги, — снова вмешался Коннор Ньюбери: видимо, он был не в силах выйти из роли, которую каждый вечер играл на телевидении. — Нет, вы только прикиньте!

— То, что я предложил Кассию, — продолжал Траффорд, — сводится к следующему: мы, гуманисты, должны определить наши общие особенности, после чего я введу эти данные в компьютер Израза и с их помощью разыщу людей, похожих на нас. А когда они будут найдены, мы вступим с ними в контакт.

— Каким образом? — осведомилась профессор Тейлор.

— Мы отправим всем этим людям специальное электронное сообщение, которое их заинтригует. Потом мы начнем понемногу их просвещать, а потом создадим из них мощную организацию.

— Неслабая работенка, дружище, — заметил Билли Макаллан.

— Храм — неслабый противник, — откликнулся Траффорд.

— Отлично сказано! — похвалил его Ньюбери. — Ну ладно. Давайте попробуем поискать, что у нас общего. Странное дело, но я почему-то считаю себя уникальным... совершенно не похожим не только на вас,

Траффорд, но и на всех остальных в этой комнате. Как вы думаете, что может объединять меня со всеми, кто здесь присутствует?

— Наверное, Кассий уже говорил вам, что самым важным я считаю наличие секретов. По-моему, если человек хотя бы в какой-то мере склонен к замкнутости, он уже хороший кандидат для обращения в гуманизм.

— Звучит разумно, — согласилась профессор Тейлор.

— А мне так не кажется, — возразил Ньюбери. — Отнюдь не все мы интровертные серые мышки вроде вас, Медуница! Я всегда на виду, и мне это нравится! Я экстраверт от природы, и демонстрировать себя публике — моя профессия!

— Но я заметил, что у вас здесь нет плазменных экранов, — сказал Траффорд.

— Это правда, — кивнул Ньюбери. — Но ведь я знаменитость, а нашему брату с этим труднее. На меня все постоянно пялятся. Должен же я хоть когда-нибудь оставаться один!

— При всем моем уважении к вам, — сказал Траффорд, — мне представляется, что многие рассуждают точно так же. Все постоянно пялятся друг на друга, и совсем не надо быть знаменитым, чтобы иногда испытывать желание спрятаться от чужих глаз. Я сам недавно промедлил с публикацией родильного видео и чуть не нажил себе крупные неприятности. Дело тут не в том, экстраверт вы или интроверт; я говорю о людях, которые не считают желание оставить что-то при себе извращением, а может быть, даже подозревают в нем добродетель.

— Ну хорошо, — сказал Ньюбери. — Если мы принимаем вашу идею, то как нам найти этих людей?

— Я полагаю, наш гость как раз собирался к этому перейти, Коннор, — с легким раздражением вмешался Кассий.

— Мне кажется, — поспешно заговорил Траффорд, — что в первую очередь нам следует поискать тех, за кем нельзя наблюдать в реальном режиме все семь дней в неделю по двадцать четыре часа в сутки. Мне нужно написать программу для поиска людей, которые пытаются создать в своей жизни паузы, периоды нахождения вне зоны видимости. Заодно можно будет сделать так, чтобы эта программа одновременно определяла, сколько времени люди тратят *на наблюдения за другими*. Мы должны искать тех, кто смотрит трансляции из соседских квартир достаточно редко — только чтобы не давать повода для лишних разговоров.

— Почему? — спросил Ньюбери.

— Потому что если человек способен интересоваться чем-то еще, кроме вуайеризма и сплетен, то мы можем надеяться, что в голове у него не совсем пусто.

— Толково придумано, — заметил Билли Макаллан.

— Интересоваться чем? — спросил Ньюбери.

— Чем угодно. Выращивать комнатные растения. Пробовать самостоятельно печь пироги. Строить кораблики из спичек и бутылочных крышек...

— Горшки с цветами? Кулинария? — засмеялся Коннор Ньюбери. — Игрушечные кораблики? Бред какой-то.

— Я строю кораблики, — твердо заявил Макаллан.

Кассий явно начинал сердиться.

– Думаю, сейчас вряд ли справедливо требовать от Траффорда, чтобы он представил нам схему действий, свободную от всех недостатков, – сказал он. – Из любого правила найдется тысяча исключений. Пока Траффорд пытается сделать только одно: нащупать те черты характера и поведения, которые выглядят достаточно невинными и не возбуждают подозрений у Храма, но позволяют предполагать, что у их обладателей есть зачатки чувства собственного достоинства. Кстати, лично мне сдается, что нежелание участвовать в гробьях тоже может стать неплохим индикатором.

Все, включая Ньюбери, согласно кивнули.

– Это верно, – сказал Траффорд. – Я ненавижу гробья и стараюсь уклониться от них всеми правдами и неправдами. Между прочим, почти во всех учреждениях есть сетевые доски объявлений, и их модераторы – я сужу по модератору нашего офиса, но другие едва ли ведут себя иначе, – ежедневно отмечают в своих блогах фамилии тех, кто отсутствовал на последних гробьях. Можно скопировать эти записи и взять на заметку тех, чьи фамилии повторяются чаще всего.

– Ух ты, – восхищенно сказал Ньюбери. – Нам повезло, что вы не работаете на инквизицию.

– Еще один признак, который нам стоит проверить, – это религиозный пыл. – Траффорд понемногу входил во вкус обсуждения. – Мне кажется вполне очевидным, что люди, постоянно демонстрирующие готовность слепо верить во что попало, едва ли станут бунтовать против сложившегося порядка вещей. Следовательно, если мы возьмем несколько слов, связанных с верой и предрассудками, – к примеру, "карты таро", "гороскоп", "медиум", "перевоплощение", – то сможем определить людей, которые часто употребляют их в своих дневниках и во время интернет-трансляций, и исключить их из списка наших потенциальных единомышленников.

– Боюсь, тогда нам придется выкинуть оттуда большинство моих зрителей, – обронил Ньюбери.

– Любителей публично исповедоваться тоже надо исключить, – подала голос профессор Тейлор. – Этих ужасных типов, которые рта не закрывают на церковных сборищах. А еще... возможно, это и пустяк, но я думаю, что частое употребление таких слов, как "спасибо" и "пожалуйста", может быть признаком мятежного духа.

– Знаете что, Тейлор, – возразил Ньюбери, – я опасаюсь, что так мы с вами навербуем одних зануд.

– Хорошие манеры не имеют ничего общего с занудством, – огрызнулась профессор.

– Позвольте мне подытожить сказанное за Траффорда, – твердо произнес Кассий. – Итак, он собирается создать программу для поиска тех, кто склонен к уединению, избегает досужей болтовни, имеет хобби, не питает большой симпатии к гробьям, редко пользуется словами из лексикона легковерных, не любит выступать на публичных исповедях и следит за своим поведением.

– Что ж, – сказал Ньюбери, – недурственно для начала. Допустим, наш юный друг принесет нам список тех, кто соответствует этому слегка угнетающему портрету, – и что дальше?

— Мы выйдем с ними на связь, — ответил Траффорд. — Дадим им понять, что они не одиноки. Начнем создавать тайное общество — объединять людей, которые хотят *мыслить самостоятельно.*

— Но что мы им скажем? Не пошлешь же им письмо со словами: "Привет, мы тоже ненавидим Храм"?

— Первое, что нам нужно сделать, — сказал Кассий, — это отправить им краткое изложение теории эволюции. В ней ключ ко всему — именно в этой теории Храм видит главную опасность для себя.

— Вот-вот, — сказала Тейлор. — В том-то и беда! Если мы заполоним интернет пропагандой дарвинизма, инквизиция сразу нас вычислит, не успеем и глазом моргнуть.

— Мы не будем ничего "заполонять", — объяснил Траффорд. — Я создам хорошо защищенный почтовый ящик, и мы будем рассылать из него закрытые письма по конкретным адресам. Даже если эти письма вскроют, до нас не доберутся. Но я не думаю, что их вскроют. В конце концов, нас никто не ищет. Полиция ведет мониторинг сети с целью обнаружения мятежных сайтов и чатов, но они проверяют корреспонденцию только у тех, кто уже попал под подозрение. Как всем нам известно, большинство электронных писем — это спам.

— Кстати, о спаме, — сказал Билли Макаллан. — С чего вы решили, что люди, на которых мы нацелимся, станут вскрывать наши непрошеные письма, да еще и читать их? Лично я уничтожаю девяносто пять процентов мусора, который ко мне приходит.

— Я долго об этом думал, — ответил Траффорд. — Тут вся штука в заголовке, верно? Нам нужна фраза, которая задела бы их за живое, привлекла внимание. Как насчет такой: "А ты умеешь хранить тайну?"

29

Через два месяца после того, как эпидемия кори-плюс сняла с Башен Вдохновения свою кровавую дань, на них обрушилась новая свирепая болезнь. Конечно, местные власти ожидали второй эпидемии: условия, способствовавшие размножению одного вируса, были благоприятными и для других. Жара, сырость, проблемы с уборкой мусора и откачиванием воды — все это увеличивало вероятность очередного "божественного возмездия". За корью-плюс пришла свинка-плюс — она тоже передавалась воздушно-капельным путем, — и снова среди детей начался мор невиданной доселе жестокости. Даже ныне живущие взрослые раньше считали свинку вполне излечимой: все они болели ею в детстве, и это было неприятно, но не фатально. Однако ее вирус мутировал с каждой новой атакой, пока не превратился в смертельный. И вновь в квартиры вернулась лихорадка вместе с головной болью, воспалением горла и характерным вздутием околоушных желез, и вновь из дверей комплекса, где жили Траффорд с Чанторией, стали выносить маленькие белые гробики. Практически всех младенцев уже скосила корь-плюс, и теперь наступил черед детей постарше.

Бедные дети умирали один за другим, но Мармеладка Кейтлин, как и в прошлый раз, даже не думала хворать. Она не кашляла, у нее не поднималась температура и не опухали железки. У людей исчезли послед-

ние сомнения в том, что Любовь осенила эту девочку своим благословением, и Чантория продолжала купаться в лучах славы.

Матери приносили своих больных дочек и сынишек к Траффорду и Чантории в надежде, что, поиграв с Мармеладкой Кейтлин, их дети чудесным образом избегут гибели. Сначала Траффорда удивляло, что Чантория позволяет их дочери возиться с этими маленькими страдальцами, на которых было жалко смотреть: в конце концов пережить эпидемию — это одно, а искушать судьбу, провоцируя заражение, — совсем другое. Он был искренне рад за Чанторию, полагая, что она признала в вакцинации достижение науки, на которое можно рассчитывать. Тем сильнее оказалось его разочарование, когда выяснилось, что дело обстоит ровно наоборот. Могущество прививок так и осталось для Чантории нелепой фантазией. Эпидемии были настолько безжалостными и счастье Мармеладки Кейтлин казалось настолько невероятным, что Чантория просто не смогла заставить себя поверить, будто подобное чудо может быть результатом одного-единственного укола. Разве человеческий разум способен на такие чудеса? Со всех сторон окруженная ревнивым восхищением, одурманенная комплиментами исповедника Бейли, а главное, преисполненная благодарности за спасение своего ребенка, Чантория все истовее верила в то, что Мармеладка Кейтлин уцелела по особому велению Бога-и-Любви.

Траффорд был вне себя от ужаса и отвращения. Успех вакцинации парадоксальным образом толкнул Чанторию в объятия верующих.

— Нашего ребенка спасла наука! — сердито воскликнул он в один из тех редких дней, когда ему удалось уговорить жену ненадолго отключить звуковую трансляцию в интернет из их квартиры. — Результат интеллектуальной деятельности людей. Здесь нет ни тайны, ни чуда — только холодные неопровержимые факты.

— Нет, — возразила Чантория, — я в это не верю. Ты видел, что происходит с остальными детьми? Боль, сыпь, лихорадка, опухоли! Они умирают, Траффорд! Как мог один несчастный укол защитить от всего этого нашего ребенка? Нет, прав отец Бейли: это под силу только Богу-и-Любви.

— Отец Бейли не знает, что Кейтлин сделали прививку! А ты знаешь! Кстати сказать, сдается мне, что отца Бейли гораздо больше интересуешь ты, чем Мармеладка Кейтлин!

— Не говори глупостей, Траффорд, — ответила Чантория, покраснев от смущения. — Нужна я ему! Разве станет такой важный человек, как отец Бейли, проявлять интерес к мелкой сошке вроде меня?

Однако в том, что отец Бейли действительно проявляет интерес к Чантории, не могло быть никаких сомнений, хотя он и прятал свое внимание за панегириками по поводу чудесного спасения Мармеладки Кейтлин. На каждой еженедельной исповеди, в ответ на стенания осиротевших матерей, которых становилось все больше, он вызывал на сцену Чанторию с Кейтлин. Не стесняясь Траффорда, он целовал Чанторию и поднимал на руках Мармеладку Кейтлин, демонстрируя ее пастве в знак доказательства безграничной мудрости Любви.

— Господь оставил нам этого ребенка, дабы показать, что надежда еще жива! — гремел с эстрады отец Бейли. — Нет, он нас не покинул! Он не умыл свои святые руки, бросив своих неразумных чад на произвол

судьбы, хотя мы этого заслуживаем! Он по-прежнему с нами! Сегодня Мармеладка Кейтлин здесь — и это показывает, что любовь, которую Творец питает к своим неразумным чадам, не умерла! И наши дети тоже не умерли! Они продолжают жить! Они живут в раю и продолжают жить здесь, в этом ребенке!

Прихожане стонали и причитали, воздевая руки к небесам, а когда Чантория с Кейтлин возвращались на свое место, матери тянулись к ним, чтобы их коснуться.

По мере того как число жертв второй эпидемии росло, жители их небольшого района все чаще смотрели на Чанторию как на живую икону, окружая ее ореолом святости. Стали ходить слухи о якобы совершенных ею маленьких чудесах. Люди наперебой восхваляли ее великодушие и благие дела, стараясь показать, что и на них падает отсвет ее божественной славы.

— У нее что-то типа ауры, — захлебываясь, рассказывала соседям Незабудка. — Прямо сияние какое-то. Типа эманации духа, понимаете, что я хочу сказать? Нет-нет, я не шучу. У меня была дикая головная боль, и я решила выпить с Чанторией чашечку чаю, не потому, что она святая или еще чего-нибудь такое, а потому, что мы с ней подружки... и голова у меня прошла! Честное слово. Это она меня исцелила! Просто посидела рядом, и все! Ей-богу, я не выдумываю — правда, все как рукой сняло!

И подобных удивительных историй становилось все больше. Еда, употребляемая в присутствии Чантории, приобретала замечательный вкус, болячки заживали быстрее, кожа делалась гладкой, мягкой и менее подверженной старению. Объем груди увеличивался.

— Клянусь, у меня был третий размер лифчика, а теперь четвертый! Представляете? С ума сойти можно!

Все обитатели Башен Вдохновения то и дело бегали к Траффорду и Чантории, чтобы еще разок поглазеть на чудо-ребенка и хоть несколько секунд побыть рядом с его святой матерью. Сам отец Бейли завел привычку посещать их регулярно и частенько возлагал руки на грудь Чантории, дабы вернее почувствовать тепло Любви.

Траффорд держался в сторонке от всей этой суеты, довольный, что его не трогают. Его огорчало, что Чантория так легко позволила вскружить себе голову нелепой лестью, но он и не думал сетовать на то, что очутился полностью вне сферы ее интересов. Чантория в нем больше не нуждалась. Мало того, она вообще не хотела его видеть. Конечно, она не стремилась к разводу, потому что они были избранной парой, и все же явно только и мечтала о том, чтобы Траффорд поменьше путался под ногами и не мешал ей наслаждаться благосклонностью Любви в одиночку. Ведь теперь у нее было столько друзей и отец Бейли был к ней так внимателен! Вдобавок присутствие Траффорда словно раздражало ее. И он догадывался почему: их связывала греховная тайна, о которой его жене хотелось поскорее забыть.

В итоге Траффорд получил возможность свободно распоряжаться своим временем — и очень кстати, потому что хлопот у него было по горло. Чем упорнее он размышлял о плане, который предложил Кассию и другим членам Сената, тем больше увлекался связанными с ним перспективами. Подумать только: правительство само будет оплачивать его подрывную работу! Эта мысль доставляла ему особое удовольствие.

На первом этапе ему предстояло делать практически то же самое, что он и так ежедневно делал в Изразе на протяжении долгих лет: находить соответствия и писать абсолютно законные поисковые программы. Единственное отличие заключалось в том, что раньше его деятельность была откровенно бессмысленной, а теперь от нее зависело все на свете. Он был воином, сражающимся против Храма, революционером, который старался раздуть пламя духовного восстания.

Каждый день, оставив Чанторию в обществе ее подруг, а также ее алкопопа, пирожных и шоколадок, Траффорд выходил с компьютером на лестничную клетку и принимался за дело.

"Привычка машинально рисовать", — напечатал он в специальной строке, нажал ввод и с удивлением обнаружил, что манера некоторых людей бездумно водить ручкой или карандашом по бумаге до сих пор вообще не рассматривалась в Изразе. На его экране появился стяг Храма, а за ним — голограмма с изображением ликующе вскинутого вверх кулака. Таким образом система сообщала Траффорду, что его идея признана новаторской и он будет поощрен за нее денежной премией и бутылкой шипучего вина.

Траффорд знал, что мощный центральный компьютер Госбанда уже трудится вовсю. Сначала он составит набор картинок, отвечающих словосочетанию "машинально рисовать". Проконсультируется с полицейской программой психологического анализа жестикуляции и мимики — так называемого языка тела, — чтобы формализовать визуальные характеристики, позволяющие уличить человека в склонности к антисоциальному поведению. Затем, составив нужный профиль для изучения триллионов часов записей, сделанных веб-камерами и камерами скрытого наблюдения, он начнет искать кадры с людьми, рисующими что-то с рассеянным видом.

"Рисовать не картинки, а буквы", — напечатал на клавиатуре Траффорд и, подумав, добавил: "Писать целые фразы".

Потом Траффорд вспомнил о Чантории и их маленьком домашнем компьютере, на котором она до своего духовного пробуждения писала стихи. "Пользование программой-редактором без отправки в интернет, — написал он и пояснил: Нажатие кнопки 'сохранить' без нажатия 'отправить'".

И эта идея удостоилась вознаграждения в виде стяга и подъятого кулака. Никто никогда не просил аппарат Израза найти людей, которые бы что-то записывали, не отправляя этого в сеть. Теперь ему причитались два бонуса и две бутылки шипучки. На мгновение Траффорд отвлекся мыслями от работы и представил себе, что пьет это вино с Сандрой Ди на их очередном совместном пикнике.

После той первой прогулки Сандра Ди стала регулярно брать у него книги. Как и ожидал Траффорд, ее пытливости не было границ, и через каждые несколько дней, как только представлялась возможность, они вместе ехали на причал в Ноттинг-хилле и садились в ее уютную лодочку. Там они беседовали об истории и физике, о географии и астрономии, уносясь от грязного Лондонского озера на миллиарды световых лет, к самым пределам пространства и времени.

Однажды они посетили огромный Музей Творения, где хранились окаменелости, якобы доказывающие реальность первого потопа. Санд-

ра Ди обожала окаменелости. Они с Траффордом добросовестно прочли информационные таблички, где объяснялось, что эти древние изображения рыб на камнях были найдены археологами прошлого на вершинах гор, а следовательно, во́ды, по которым плавал Ной, некогда покрывали всю землю. Читая, Траффорд с Сандрой Ди одновременно улыбнулись, потому что у них был общий секрет: они знали, что горы, на которых были обнаружены эти окаменелости, в давние времена находились на морском дне. Конечно, Сандра Ди очень скоро поняла, что Траффорд вовсе не "находит" книги, которые дает ей почитать, и потребовала, чтобы он рассказал, откуда он их берет.

— Эти я закончила еще позавчера, — пожаловалась она, возвращая ему "Джейн Эйр" и "Сыновей и любовников", — и с тех пор скучаю. Почему мне всегда приходится добывать книжки только через тебя?

— Тебе надоело со мной встречаться?

— Конечно, нет, — сказала она и, усмехнувшись, добавила: — Сам знаешь, я не умею заниматься воображаемым сексом со всеми подряд.

Сандра Ди и впрямь охотно отправлялась с ним в путешествия по миру их общих фантазий, и они говорили о сексе не меньше, чем о прочитанных книгах. Ей явно нравились плоды эротических измышлений Траффорда, и порой она даже добавляла к ним свои собственные. Тем не менее Траффорд чувствовал, что из них двоих он увлечен больше, и подозревал, что она его разыгрывает.

Тем временем волнующее обаяние тайны, которое Траффорд с таким пылом воспевал на первом свидании, стало естественным образом сходить на нет — по крайней мере в его глазах. Что бы он ни говорил, ему наскучили эротические фантазии, и он все больше жаждал настоящего тела Сандры Ди. Но когда он намекнул, что пора бы им перенести свои упражнения из царства воображения в царство действительности, Сандра Ди, к его вящему огорчению, отказалась наотрез.

— Ты все испортишь, — заявила она. — Это была такая чудесная идея! До тебя еще ни один мужчина не предлагал мне заняться с ним воображаемым сексом.

— Разве нельзя иногда воображать, а иногда осуществлять?

— "Осуществлять" звучит совсем не так мило, как "воображать", — ответила она. — Кроме того, я развиваю свой разум, а житейские осложнения мне ни к чему.

— Значит, я для тебя просто источник литературы? — угрюмо спросил он.

— Вовсе нет. Тебе прекрасно известно, как нравишься мне ты сам и как я люблю наши разговоры. Сейчас у нас замечательные отношения, а когда люди начинают спать друг с другом, между ними все меняется.

— А между нами не изменится.

— Траффорд, — сказала она, погрозив ему пальцем, — *у всех* меняется. Странно, что ты прочел столько книг, а в людях не разбираешься.

— Я разбираюсь в них достаточно, чтобы понимать: как только я скажу тебе, откуда эти книги, ты больше не захочешь со мной видеться.

— Придется тебе рискнуть, потому что я хочу знать и требую, чтобы ты сказал.

Траффорд знал, что переубедить ее ему не удастся. Черт с ним, с Кассием! И с его драгоценными товарищами. В конце концов, книги —

не их собственность. Знание принадлежит всем. Он любит Сандру Ди и больше не желает ей лгать.

— Все началось, когда я делал прививки Мармеладке Кейтлин... — и он рассказал ей, как стал гуманистом.

— Боже мой! — воскликнула Сандра Ди. — У них настоящая *библиотека*!

— Ну, вообще-то там просто набитая книгами комната с климат-контролем.

— Я полагаю, что это и есть библиотека. Даже не верится — неужели эти люди так хорошо организованы?

— Да, на своем уровне. Не думаю, что их много.

— И ты вправду берешь уроки подрывной деятельности?

— Это скорее беседы. Дискуссии за круглым столом. И речь там идет не о подрывной деятельности, а о разуме.

— Если учесть, что в основу нашей конституции положена вера, трудно придумать более подрывную тему для обсуждений.

— В таком случае я и правда беру уроки подрывной деятельности, — согласился Траффорд.

— Я тоже хочу туда, — решительно заявила Сандра Ди.

— Ты туда попадешь. Обязательно.

— Нет, ты не понял. Я хочу сейчас.

— Это невозможно. У них есть правила. Мне вообще нельзя было говорить тебе об их существовании. Я должен был по-прежнему врать, что нахожу книги в подвалах, на чердаках и бог знает где еще. Подключение новичков требует времени — на проверку, на обеспечение безопасности. Надо же убедиться, что новому человеку можно доверять.

— Мне можно.

— Знаю. Я тебе верю.

— Тогда поговори с ними. Убеди их.

— Я уже говорил, иначе бы ты и книг не получила.

— Поговори еще раз. Мне уже двадцать восемь, но я никогда не училась в школе. По крайней мере в такой, где преподавали бы хоть что-то стоящее. Они *должны* меня принять. Я хочу сидеть за столом в этой библиотеке. Хочу сама выбирать себе книги.

— Тебе придется немножко подождать, вот и все.

— Не хочу я ждать! Я хочу учиться. От моей жизни осталось не так уж много, и мне нельзя терять время.

Но Траффорд по-прежнему медлил, избегая ее взгляда.

— А если я с тобой пересплю? — спросила Сандра Ди.

Это было заветной мечтой Траффорда, и она об этом знала. Но после очень долгой паузы он сказал:

— Нет. Я люблю тебя. И не буду шантажировать, предлагая знания в обмен на секс.

— Я рада это слышать, Траффорд, потому что все равно не сделала бы этого, — ответила она. — Всю жизнь я боролась против принудительного секса и теперь не стала бы менять свои привычки. Если ты не познакомишь меня со своими друзьями, я тебя выслежу и заявлюсь в вашу библиотеку без провожатых.

— Тогда тебя убьют. Они ведь не только гуманисты, но еще и подпольщики.

— Меня не так просто убить, Траффорд.

Он в этом не сомневался. Ему было ясно, что Сандра Ди — крепкий орешек и справиться с ней намного труднее, чем с ним самим.

— Хорошо, — сказал он. — Я с ними поговорю.

— Сегодня?

— Нет. Мы встречаемся по определенным дням, это твердое правило. Смогу поговорить только на следующей неделе.

— Ну ладно.

Сандра Ди снова откинулась на пластиковые подушки и улыбнулась. На ней было то же самое хлопковое платье, что и на их первом свидании, и слабый ветерок точно так же прижимал легкую ткань к ее телу, обрисовывая его формы.

— Что ж, — сказала она, — книги прочтены, и нам надо как-то убить остаток вечера. Чем займемся?

Траффорд ничего не ответил, но все его нервы затрепетали в отчаянной надежде на то, что он правильно угадал смысл ее вопроса.

— Смешной мальчишка, — сказала она.

Раньше она никогда не называла его мальчишкой, и хотя он был старше ее, ему это понравилось.

— А ты — прекрасная женщина, — сказал он дрогнувшим голосом.

И тогда Сандра Ди начала медленно расстегивать платье.

30

Неделю спустя Траффорд выполнил свое обещание.

Он пришел в библиотеку, чтобы сообщить, как продвигается работа над программой по определению потенциальных гуманистов. Закончив отчет, он спросил, не могут ли руководители общества сделать для Сандры Ди исключение, позволив ей присоединиться к ним.

— Вы же знаете, что ей можно доверять, — сказал он. — У нее больше секретов, чем у любого из нас.

— Пусть так, — ответил Кассий, — но она внушает мне беспокойство. По-моему, она слишком импульсивна. Это бросается в глаза.

— Потому что у нее есть сила воли.

— Она была замешана в скандалах.

— Да, потому что не хочет вставлять в грудь имплантаты и платить за пончики Принцессы Любомилы. Неужели это заслуживает наказания?

— Мы опасаемся людей, которые чересчур заметны.

— Она не так уж заметна. Просто Принцесса Любомила придралась к ней, вот и все. Если бы не это, вы бы вообще не обратили на нее внимания.

— Тем не менее она к ней придралась.

— Сандра Ди в этом не виновата.

— Совершенно очевидно, что вы влюблены в эту девушку, Траффорд, — сказал Кассий.

— Я... я не понимаю, при чем тут это.

— Очень плохо, что не понимаете. Если вы в нее влюблены, то она для вас важнее, чем верность нашему общему делу.

— А зачем сравнивать? Она ведь такая же, как я, и больше всего на свете хочет присоединиться к нам.

— Разве ваша любовь не может помешать вам составить о ней объективное мнение? Вы полагаете, что с моей стороны было бы умно вынести решение по такому важному вопросу исходя из рекомендации человека, ослепленного своими эмоциями?

— По-моему, да, потому что я люблю ее именно за те черты, благодаря которым она идеально подходит для нашего общества. У нее есть сила, энергия, характер... и секреты.

Кассий задумался, потом словно пришел к какому-то выводу.

— Ну хорошо, — произнес он. — Все равно вы уже так много ей рассказали... Тем более что, по вашим словам, она обещала выследить вас и явиться сюда в любом случае. Так уж и быть, приводите вашу подругу в библиотеку.

— Можно сегодня?

— Сегодня?

— Она ждет, когда я ее позову, — пояснил Траффорд, доставая телефон. — Ей правда не терпится. Такое впечатление, что она на пределе. Думаю, всю жизнь она была очень одинокой и разочарованной. Она говорит о вступлении в наше общество как о начале новой жизни, и в каком-то смысле она права.

Кассий улыбнулся.

— Что ж, давайте жить настоящим, — сказал он. — Звоните.

Траффорд набрал номер и сказал Сандре Ди, что ей разрешили посетить библиотеку. Но едва он стал объяснять ей дорогу, как связь прервалась.

— Черт, я ее потерял, — сказал он и снова принялся набирать номер, но тут в комнату вошел человечек в толстых очках, которого Траффорд про себя называл Филином. Он был чем-то сильно рассержен.

— Там в магазине девушка, которая называет себя подругой Траффорда, — сказал он. — Утверждает, что ее ждут.

— Так оно и есть, — ответил Кассий. — Пожалуйста, впустите ее.

Филин бросил на Кассия испепеляющий взгляд, но послушался. Через несколько секунд Сандра Ди уже стояла в библиотеке.

— На всякий случай я тебя выследила, — сказала она. — Можно мне выбрать книгу?

31

Когда Траффорд вернулся домой, их квартира, как всегда в последнее время, была битком набита новыми друзьями Чантории.

— Ну наконец-то! — воскликнула Куколка со своего привычного места на стене. — Суперзвезда Башен Вдохновения снова с нами!

— Что за чепуху ты несешь, Куколка? — спросил Траффорд. Одним из преимуществ его нынешнего положения было то, что он мог позволить себе не подлизываться к Куколке. С тех пор как он стал отцом живого ангела, ей самой приходилось подлизываться к нему.

— О, тут такое творится! Чудеса, да и только! — откликнулась Куколка, словно не замечая его агрессивного тона. Ее голос звучал так, будто

между ними царила полная гармония, будто они были лучшими друзьями — закадычными друзьями, членами одной волшебной команды. — Скажи ему, Чантория.

Чантория — в одной руке у нее была Мармеладка Кейтлин, в другой большой бокал вина — едва сдерживала возбуждение.

— Про нас передают по новостям, милый! Ты можешь в это поверить? Про нас! Мы в новостях!

— Обалдеть можно! — вмешалась Незабудка. — Мы все станем звездами... Ну, вы-то с Чанторией уже звезды, но когда все начнут подключаться к прямой трансляции из вашей квартиры, а мы будем здесь, то и нас тоже увидят!

Незабудка повернулась к веб-камере и стала неистово махать руками и вопить. Скоро к ней присоединились и остальные девушки.

— Конечно, люди тебя увидят, Низзи! А при твоей телегеничности дело обязательно кончится тем, что ты выпустишь свой парфюм, — выпалила Чантория. — Даже не сомневайся! Надеюсь, ты будешь заходить ко мне как можно чаще, подружка!

— Еще бы, подружка! — ответила Незабудка. — Мы же с тобой как сестры!

— Зачем нас показали в новостях? — сердито осведомился Траффорд.

— А ты как думаешь? — отозвалась Чантория.

— Они узнали про Мармеладку Кейтлин, — объяснила Незабудка, разливая вино, — и эта история им понравилась. Ну и Чантория, конечно, тоже. Она ведь такая сексуальная!

— Перестань! — запротестовала Чантория.

— Ты знаешь, что это правда, крошка. Запись, где ты стоишь перед Траффордом в полной бель-форме, просто обалденная!

— Они взяли ее с нашего сайта? — спросил Траффорд. — В новостях показали Чанторию в полной бель-форме?

— Ну да! Они просмотрели все ваши материалы! А как, по-твоему, они работают? Эх, если бы в новости включили какой-нибудь из моих роликов!

И все девушки хором вздохнули.

— Это невероятно, Траффорд, — не унималась Незабудка. — Ты что, не понимаешь? Ты в новостях, на тебя все смотрят...

— Но...

Траффорд осекся. Он собирался сказать, что не хочет попадать в новости, не хочет, чтобы люди на него смотрели. Но это прозвучало бы абсурдно. Разве может человек не хотеть, чтобы на него смотрели? Что в этом неприятного? Траффорд знал, что надо улыбнуться и перетерпеть. Сейчас их социальное положение стало прочнее, чем раньше, но даже оно не защитило бы его, если бы он открыто заявил, что не любит выставлять напоказ свою личную жизнь. С точки зрения Храма, большей крамолы нельзя было и придумать.

— Но что? — раздраженно спросила Чантория, которой явно не хотелось, чтобы ее муж-извращенец испортил такой замечательный день.

— Но... я просто не ожидал, вот и все. Я потрясен... но это, конечно, приятное потрясение, — ответил Траффорд, выдавив из себя улыбку.

— Глядите, глядите, — окликнула их Незабудка. — Опять повторяют!

Она нажала кнопку, и на стенном экране появилось изображение Башен Вдохновения, а из динамиков полился приторный голос диктора.

— Порой на свете случаются чудеса, — говорил голос, — которые напоминают нам, почему мы верим, на чем зиждется наша вера...

Затем последовал трехминутный телесюжет о чудо-ребенке из Башен Вдохновения, который пережил эпидемии кори-плюс и свинки-плюс и остался единственным обитателем жилого комплекса в возрасте младше двух лет. История была проиллюстрирована многочисленными фрагментами из вебкаста Траффорда и Чантории, включая клип с Чанторией в лифчике без чашечек и шоколадных стрингах, приобретенных ею в "Потаскушке Долли". Естественно, все девушки встретили эти кадры поощрительными криками.

— Видишь, Траффорд, — желчно сказала Чантория. — Все-таки некоторые считают это привлекательным.

Траффорд деланно засмеялся, точно она пошутила.

— Маленькая Мармеладка Кейтлин, — продолжал слащавый голос, — стала талисманом для всего местного населения. Она — живое доказательство любви, питаемой Господом ко всем его детям.

Как только программа закончилась, девушки дружно заверещали, что ее надо посмотреть еще раз с самого начала, но тут на экране возникло лицо их исповедника, отца Бейли.

Поспешно вскочив с места, Чантория выключила новости и приглушила звук других работающих каналов. Появление духовного лидера на их чате было событием, требующим немедленного внимания.

— Чантория! — Помимо обычного высокомерия, в голосе отца Бейли слышалась удовлетворенность и даже нечто вроде легкого волнения. — И вы, Траффорд, — кисло добавил он после небольшой паузы. — Прошу вас пожаловать сегодня вечером ко мне в Духовную Обитель.

Уже с минуту никто из гостей не издавал ни звука, как и подобало в виртуальном присутствии исповедника, но после этих его слов по комнате пробежал шепоток, а некоторые из девушек не сдержались и тихонько ахнули. Приглашение в личную резиденцию духовного вождя, полученное из его собственных уст, было величайшей честью.

— Мы обязательно придем, отец Бейли, — заикаясь, пробормотал Траффорд. — Когда вы хотите нас видеть?

— Вам назначено в восемь, Траффорд, и вы явитесь ровно в это время, — отрубил исповедник и в упор посмотрел на Чанторию. — А вы, Чантория, пожалуй, можете прийти несколько раньше. Я нахожу ваше общество... умиротворяющим. Мы с вами вместе почитаем изречения пророков, побеседуем о вере и проникнем в божественные тайны Любви.

Шепот стих. Траффорд продолжал глядеть на экран, а Чантория покраснела и опустила глаза. Незабудка и еще две-три девицы отвернулись, словно боясь, что по их лицам можно будет прочесть, о чем они подумали. Проявить неуважение к исповеднику было бы непозволительной дерзостью.

— Что скажете насчет шести, Чантория? — с елейной улыбкой спросил отец Бейли.

— Конечно, святой отец. Как вам будет угодно, — ответила Чантория.

— А вы в восемь, Траффорд! И советую вам не опаздывать, ибо... — отец Бейли выдержал эффектную паузу, прежде чем обрушить на головы зрителей последнее ошеломительное известие: — ...сегодня меня удостоит своим посещением Соломон Кентукки, верховный жрец Любви и главный исповедник Лондонского диоцеза.

Сообщив эту поистине сногсшибательную новость, отец Бейли завершил сеанс связи и исчез с экрана.

Несколько секунд протекли в молчании, а потом комната словно взорвалась. Визжала Куколка. Визжали Незабудка и остальные девушки. Визжала Чантория, а вслед за ней, разумеется, завизжала и Мармеладка Кейтлин. Все приготовились визжать еще пару минут назад, поскольку уже один тот факт, что их исповедник в открытую заявил о своем намерении получить от Чантории духовное утешение, был достаточно весским поводом для общего восторга. Если местный религиозный лидер искал у женщины духовной поддержки в своих нелегких трудах, она могла чувствовать себя глубоко польщенной, но то, что их приход собирается посетить сам верховный жрец Любви и главный исповедник, что он будет сидеть в обители их собственного исповедника и Чантория с Траффордом сподобятся лицезреть его там своими глазами, казалось просто невероятным. Прежде в их районе никогда не бывали старейшины такого высокого ранга.

Спустя некоторое время, когда все немножко устали визжать, прыгать и обниматься, Незабудка отдала необходимые распоряжения. Надо было действовать быстро. Если до встречи с верховным жрецом Любви Чантории предстояло читать с исповедником священные тексты и обсуждать природу веры, то ей следовало немедленно сделать безупречный педикюр и бикини-эпиляцию.

— Ты сейчас же отправляешься со мной, дорогая, — сурово скомандовала Незабудка. — Впервые девушка из нашего комплекса призвана к тесному духовному общению с исповедником, и мы не позволим тебе опозорить наш район лишними волосками на тех местах, где им быть не положено.

Незабудка пользовалась в их доме репутацией отличного косметолога. Еще месяц-другой тому назад она и не подумала бы растрачивать свой талант на замухрышек вроде Чантории. Но теперь ситуация в корне изменилась, а потому все девушки, не переставая визжать, перебазировались из их квартиры в квартиру Незабудки, где и продолжали празднество, пока хозяйка трудилась над пахом своей лучшей подруги.

Внезапно Траффорд обнаружил, что остался в одиночестве, если не считать Мармеладки Кейтлин и, конечно, Куколки.

— Ну, Траффорд, — сказала та, — похоже, твоя очередь дежурить с ребенком.

— Похоже, — согласился Траффорд, проверяя у Мармеладки подгузник.

— Ты не будешь возражать, если я присоединюсь к девочкам? — добавила Куколка, откупоривая мандариновый алкопоп.

— Нет-нет, что ты. Веселись на здоровье.

Куколка замолчала. Траффорду было видно, как она отвернулась, чтобы переключиться на канал связи с квартирой Незабудки. Он перепеленал дочь и налил себе большой стакан алкопопа с ароматом мара-

куйи. Слишком уж много важных событий произошло за последние полчаса.

О нем объявили в новостях.

Что сказал бы на это Кассий со свойственным ему отвращением к людям, которые выставляют себя напоказ? К счастью, Траффорд фигурировал в сюжете как второстепенная фигура, потому что в основном речь шла о матери и дочери. И все же в передаче был один крайне нежелательный эпизод: он сидел за книгой, а диктор с одобрением говорил, что Траффорд — прекрасный семьянин, постоянно совершенствующийся с помощью различных пособий. В тот момент Траффорда словно током ударило, поскольку книга, которую он читал на экране, озаглавленная "Здоровье и богатство — как научиться отлично выглядеть и заработать много денег", на самом деле была "Посторонним" Альбера Камю. У него мелькнула ужасная мысль: *в новостной программе* показали, как он читает экзистенциалистский роман. Если бы правда когда-нибудь открылась, последствия были бы просто катастрофическими.

Траффорд точно знал, что скажет Кассий. Первой заповедью каждого гуманиста было не привлекать к себе внимания. С другой стороны, размышлял Траффорд, Кассий всегда утверждал, что дерзость — лучшая форма маскировки, а ничего более дерзкого, чем появиться в новостях в роли осененного Божьей милостью простака, нельзя было и придумать. Кроме того, благосклонность Храма может оказаться полезной. Благодаря ей он наверняка сумеет защитить на работе Сандру Ди, что позволит ей присоединиться к их движению, — и кто знает, какие еще возможности сулит ему этот новый имидж одухотворенной личности?

Этот вопрос (вместе с очередной порцией алкопопа) навел Траффорда на неприятные размышления об исповеднике и его очевидном интересе к Чантории. Вдруг его охватило раздражение, быстро перешедшее в гнев. Это была не ревность — по крайней мере так ему казалось. В конце концов, он любил Сандру Ди, и при сложившихся обстоятельствах было бы весьма кстати, если бы у Чантории завязался роман на стороне. Траффорда злило внезапное внимание отца Бейли, потому что все это было очень уж глупо. Несомненно, Бейли заинтересовался Чанторией, поскольку убедил себя в том, что она святая, отмеченная Богом, мать чудо-ребенка. Старейшины Храма всегда отбирали у других все самое лучшее, в том числе и наиболее привлекательных женщин (ими брезговали разве что закоренелые холостяки), и Бейли счел, что Чантория принадлежит ему по праву.

Как раз в это время Чантория вернулась из квартиры Незабудки. Траффорд наполовину опустошил уже третий по счету стакан, но на душе у него по-прежнему скребли кошки. На Чантории были девственно-белые трусики-тонга и такой же лифчик — она объяснила, что это подарок подруг в честь ее появления в новостях.

— Правда, красиво? — спросила Чантория, забирая сумочку. — Скромно и со вкусом. По-моему, это как раз то, что нужно для частной беседы с исповедником.

— Чантория, — сердито ответил Траффорд, — он интересуется тобой только из-за Кейтлин. Неужто неясно?

— И что в этом плохого? — огрызнулась Чантория. — Я мать чудо-ребенка! Естественно, что мой исповедник проявляет ко мне интерес.

Траффорд потихоньку выключил звук интернет-трансляции.

— Мармеладка Кейтлин — вовсе не чудо-ребенок, — прошипел он.

— А кто же? Она ведь жива! По-твоему, это не чудо? Твой ребенок единственный, кто пережил мор, и ты не считаешь это чудом?

— Не мор, а эпидемию.

— Нет, мор. Наша дочь жива. Это все, что нам известно, и это остается чудом, что бы ты ни говорил.

— Чантория, ты прекрасно знаешь, что...

— Я знаю, что пути Господни неисповедимы, — сказала Чантория. — Кто сотворил то... то снадобье, которое ты ей дал? Бог.

— Не Бог, а люди! Они воспользовались своим разумом, чтобы...

— А кто сотворил людей? Кто дал им разум?

— Ну ладно, а кто тогда сотворил твоего драгоценного Бога? Другой Бог, старший по чину? А того кто?

— Я больше не желаю спорить на эту тему, Траффорд, — отрезала Чантория, снова включая звук. — Я знаю одно: нас осенила благодать. Мы самая счастливая семья в Лондоне. Ты видишь эту благодать в одном, я в другом, но, как ни крути, благодать есть благодать, а она бывает только от Бога. Неужели ты этого не понимаешь? Что тут непонятного? Увидимся в Духовной Обители. И не смей опаздывать!

Зажав в руке сумочку, Чантория пошла к двери. Она ступала нетвердо, потому что на ней были туфли на высоченных шпильках, тоже недавнее приобретение. Скорее всего, очередной подарок Незабудки. Траффорд смотрел ей вслед. Сзади она казалась практически полностью обнаженной. Единственными видимыми деталями ее костюма были тончайший поясок лифчика и крохотная полоска кружев чуть пониже спины.

— Что же ты не попрощалась с чудо-ребенком? — язвительно спросил он.

Чантория обернулась и снова посмотрела на него.

— С ума сойти, Траффорд, да ты ревнуешь! — Пошатываясь, она подошла к кроватке Мармеладки Кейтлин. — Пока, ангелочек. Не обращай внимания на папочку — он уже так давно не обслуживал мамочку как следует, что я вообще не понимаю, чего он злится.

После этого она удалилась, и Траффорд остался наедине с дочерью. Он отлично понимал, чего он злится. Настроение у него было отвратительное. Ведь что ни говори, а он, гуманист по убеждению, невольно способствовал своими действиями укреплению всеобщей веры в неисповедимость путей Господних.

Конечно, сделав Мармеладке Кейтлин прививку, он поступил совершенно правильно, однако слышать, как заслуга ее спасения приписывается Богу, было крайне досадно, тем более что ничего подобного он не ожидал. А то, что в это верила и его жена, которая *знала правду*, было досадно вдвойне. Вдобавок ситуация неуклонно ухудшалась. Траффорду и присниться не могло, что их покажут в новостях, да и от намечающегося духовного общения отца Бейли с Чанторией нельзя было ожидать ничего хорошего. Траффорд не сомневался, что столь откровенный интерес исповедника к его жене только укрепит убежденность прихожан

в том, что Чантория Божья избранница и что Кейтлин уцелела благодаря вмешательству Любви и Дианы. Какая жестокая насмешка судьбы: его маленькая личная диверсия, на которую он решился из соображений, продиктованных чистым разумом, в конечном счете лишь способствовала расцвету религиозных суеверий!

Траффорд решительно повернулся к компьютеру. Его новая программа была почти закончена. Еще несколько дней, и он поставит перед вычислительной системой Госбанда задачу создания виртуальной сети потенциальных революционеров. Траффорд собирался сразу же начать рассылку этим людям специальных электронных сообщений. Кассий обещал, что первое из них он составит сам; они договорились, что это будет краткая иллюстрированная статья о теории эволюции. Во втором они расскажут о Потопе и объяснят, что подъем уровня мирового океана стал печальным следствием бесконтрольного сжигания ископаемого топлива, хотя предотвратить такое развитие событий человечеству было вполне по силам.

Траффорд намеревался сделать рассылку писем автоматической: особое кодовое слово, однажды отправленное по электронной почте, должно было запустить цепную реакцию и наводнить интернет подрывным спамом, распространение которого не прекратится, даже если его авторов схватят. Чтобы адресаты не удаляли полученные письма, каждое из них нужно было снабдить интригующим заголовком. По ходу дела Траффорд пытался придумать и эти заголовки, в чем ему помогали Кассий и другие. Больше всего Траффорду нравилась выдумка Коннора Ньюбери.

Если Бог такой умный, почему в его Храме верховодят такие придурки? Ты когда-нибудь смотрел на своего исповедника по-настоящему критическим взглядом? Траффорд улыбнулся. Если бы он получил письмо с таким названием, то наверняка вскрыл бы его и прочел.

Ты не одинок в своем желании уединиться! Это предложил Кассий, так же как и другое: *Ты когда-нибудь пробовал думать сам за себя?*

Сам Траффорд до сих пор придумал только один заголовок: *А ты умеешь хранить тайну?* — но теперь ему на ум пришло слово *Дарвин.*

В течение всей работы над программой Траффорд пытался решить, что они будут делать с виртуальным обществом себе подобных, если им удастся его создать. Научить людей думать самостоятельно — это, конечно, хорошо, но, если эти люди будут только думать, а не действовать, служители Храма могут спать спокойно. Траффорду было мало одних раздумий — его раздражало, что остальные гуманисты довольствуются пассивным протестом, который видят в самом существовании своей организации. Для свержения режима требовались конкретные поступки. Революция в головах могла быть лишь началом.

Им нужен был знак — тайный знак. Возможно, одно-единственное слово, по которому один свободный мыслитель мог бы узнать другого. Пароль, в котором было бы заложено все.

И Траффорд знал, что таким паролем может стать слово *Дарвин.*

Потому что "Дарвин" было больше чем слово. Это был призыв к оружию. Это был символ эволюции, призывающий человека вырваться из болота и стать сложным организмом, способным мыслить независимо.

Но имя "Дарвин" звучало еретически. Его нельзя было произносить вслух, нельзя было размахивать им как знаменем.

Траффорд напечатал это имя наоборот и с внезапным приливом восторга обнаружил, что оно читается как *ниврад*.

Ниврад. Где-то он это уже слышал.

"Итак, скажем все вместе: моря любви!.. Скажем все вместе: нивы радости! Скажем все вместе: ниврад!"

Один из лозунгов, придуманных храмовниками, чтобы доказать, что их Бог — прямая противоположность тому человеку, которого они боялись больше всего на свете.

Ниврад. Это и будет его ключ. Кодовое слово, запускающее программу, и знак, который он включит во все коммуникации. Пароль, с помощью которого подпольщики будут узнавать друг друга, поскольку в случае опасности они смогут просто заявить, что это сокращение от одобренных Храмом "нив радости".

Ниврад. Даже в самом звучании этого слова было что-то победное.

Ему не терпелось поделиться своей находкой с Кассием.

Скажи "ниврад", – написал Траффорд. — *По слову твоему узнают тебя.*

32

Вечером, ровно в восемь часов, Траффорд с Мармеладкой Кейтлин на руках явился в дом исповедника Бейли и был препровожден слугой в ту самую роскошно обставленную комнату, где они с Чанторией обсуждали свой давно отмененный развод. Чантория, разумеется, была уже там. Сидя на табуреточке у ног Бейли, она читала вслух большую, инкрустированную драгоценными камнями книгу в кожаном переплете, озаглавленную "Библейские истории и прочии духовные писания".

Траффорду показалось, что румянец у нее на щеках горит ярче обычного.

Исповедник поднял ладонь, предупреждая Траффорда, чтобы тот подождал в дверях, покуда чтение не будет завершено. Пришлось Траффорду молча стоять на пороге и слушать священную околесицу. Отец Бейли сидел, закрыв глаза, с выражением неземного блаженства на лице, и гладил Чанторию по макушке.

— "Любовь есть любовь, и Бог, коего мы зовем Любовью, есть любовь, — с глубочайшей серьезностью читала Чантория. — Без Бога, который есть Любовь, мы не имели бы любви, но поскольку мы имеем любовь, то имеем и Бога, который есть Любовь, ибо сии двое суть одно, бессмертное и неделимое. Ныне, присно и во веки веков. Бог-и-Любовь един и милосерден, а усомнившиеся в сем будут стерты с лица земли и терзаемы адскими муками до конца времен. Таковы пути Любви".

— Благодарю тебя, дитя, — сказал исповедник, когда Чантория закрыла книгу. — Это было прекрасно. Моей усталой исстрадавшейся душе становится легче, когда я слышу сладостный голос праведной женщины, изрекающей божественные истины.

— Я счастлива тем, что доставляю вам утешение, святой отец, — ответила Чантория.

Только теперь Бейли перевел взгляд на Траффорда.

— Сядьте рядом с женой, — приказал он. — Главный исповедник — занятой человек. Едва ли он здесь задержится.

И правда, не успел Траффорд сесть и кивнуть Чантории в ответ на ее смущенную улыбку, как громкий стук посохом во входную дверь возвестил о приходе великого человека. Засим последовала отчаянная суета слуг в холле — и в комнате появился сам Соломон Кентукки в сопровождении четверых дюжих охранников.

— Я пришел! — объявил он, словно был самим раздающим визиты Господом Богом, а не одним из его авторитетнейших заместителей на земле.

Отец Бейли, Траффорд и Чантория немедленно пали на колени.

— Моя жалкая обитель недостойна такой чести, ваше святейшество, и я тоже, — сказал отец Бейли.

— Черт побери, ты прав, Бейли! — ответил главный исповедник и громко расхохотался. — Но, коли уж на то пошло, все мы недостойны в очах Господа, однако все надеемся когда-нибудь предстать перед ним в чем мать родила. Если бы я ходил в гости только к достойным, мне пришлось бы очень редко вылезать из дома! Ха-ха-ха! Я прав, черт возьми? Конечно, прав! Поцелуйте мои перстни.

Он протянул отцу Бейли свою большую, пухлую и мягкую правую руку. Все пальцы на ней были унизаны огромными сверкающими перстнями. Отец Бейли подполз к нему на коленях и по очереди поцеловал каждый из них. Затем великий человек переложил из руки в руку сияющую неоном митру, освободив для преклонения и лобызания второй комплект украшенных драгоценностями пальцев. Конечно, в присутствии столь высокого церковного чина Траффорд с Чанторией благоразумно помалкивали.

— Так вот она, та самая семья! — громко воскликнул Соломон Кентукки. — Я узнал бы ее, даже если бы увидел среди тысячи других семей! Ибо эти люди отмечены благословением Любви. Я чувствую Любовь!

— Аллилуйя! — возгласил отец Бейли.

— Аллилуйя! — эхом откликнулась Чантория.

— Встань, дитя, — сказал ей Соломон Кентукки. — Возьми своего ангельского младенца и встань. Не надо бояться.

Чантория взяла у Траффорда Мармеладку Кейтлин и выпрямилась перед главным исповедником. Траффорд с отвращением заметил, что на ее лице появилось выражение самозабвенного экстаза, и подумал, уж не собирается ли она заговорить на неведомых языках.

— Бог-и-Любовь одарил тебя своей милостью, дитя, — нараспев произнес Соломон Кентукки, — и в своей бесконечной мудрости поставил перед тобой особую цель. Тебя и твою семью ждет важная работа! Я хочу услышать из твоих уст: да!

— Да! — сказала Чантория.

Траффорд не знал, включает его главный исповедник в состав семьи или нет. Он решил, что безопаснее будет молчать и не привлекать к себе внимания. Пока Соломон Кентукки словно бы не замечал его и обращался исключительно к матери и дочери. Отдав митру одному из охранников, он возложил руки на лоб женщине и ребенку.

— Я чувствую его! Чувствую! — возопил он. — Я чувствую благословение Любви! Этот младенец воистину свят. Мать его благословенна! Я хочу услышать из ваших уст: да будет так!

— Да будет так! — выкрикнула Чантория.

— Да будет так! — слабо поддакнул Траффорд, получив пинок от исповедника Бейли.

— Этот младенец вдохновит верующих! — продолжал Соломон Кентукки. — В последнее время у нас было много горя. Многие праведные семьи потеряли младенца, а то и двух! Верующим нужен знак. Людям нужно знамение! Честные, богобоязненные жители нашей великой страны жаждут снова обрести надежду! Я хочу услышать из ваших уст: аминь!

— Аминь! — крикнули Чантория с Траффордом.

— Аминь, и аминь, и аминь — ура! — прокричал Кентукки.

— Аминь, и аминь, и аминь — ура! — эхом повторили Чантория с Траффордом.

— И ваш ребенок, Мармеладка Кейтлин, станет этим знаком. Этим знамением. Этой надеждой! Во имя Бога-и-Любви. Творца всего сущего и многого сверх того. Во имя его святой матери Марии и прекрасной дщери Дианы. Во имя Иисуса, Авраама, Элвиса и Моисея. Во имя двадцати восьми апостолов Евангелия и пятнадцати столпов Веры. Во имя звезд, которые направляют нас, и чисел, которые предсказывают то, что знает только Он и что для нас окутано тайной. Во имя всех пророков и старейшин Храма. Во имя этой чудесной крошки, Мармеладки Кейтлин. Я говорю: да будет воля твоя! Аминь!

— Аминь! — воскликнул отец Бейли.

— Аминь! — воскликнули Чантория с Траффордом. К этому моменту Чантория уже тряслась и дрожала, а ее верхняя губа подергивалась от возбуждения. Соломон Кентукки, напротив, внезапно отбросил выспреннюю риторику и приказал подать себе кресло, дабы перейти к насущным делам.

— Как вам известно, — сказал он, принимая от слуги большой бокал сладкого хереса и шоколадный эклер, — недавние эпидемии были особенно жестоки и причинили народу множество страданий. Мор свирепствовал не только в вашем районе, хотя вам, безусловно, пришлось весьма тяжело. Далее, Мармеладка Кейтлин, как мы видим, необычайно телегенична, и от внимания высших деятелей Храма не укрылось, что ее ниспосланное Богом спасение затронуло чувствительную струнку в душах прихожан вашего района, а после того, как она появилась в сегодняшних новостях, ее популярность вышла за его пределы и стала еще шире. Людям нужны добрые вести, и Мармеладка Кейтлин — как раз то, что им нужно. Она веселая, очаровательная малютка, и ее мать Чантория чрезвычайно приятна глазу, а ведь ничто так не повышает тонуса наших сограждан, как сексапильная мамочка с большими и аппетитными натуральными грудями и славным ребеночком в придачу. Наши пиар-специалисты давно уже подыскивали что-нибудь в этом роде, дабы раскрутить постэпидемическую кампанию для поднятия духа населения, и, рассмотрев кандидатуры значительного количества уцелевших детей, мы остановили свой выбор на Мармеладке Кейтлин. Мы решили сделать эту малышку олицетворением надежды — так сказать, рекламой

и символом божественного милосердия. — Кентукки угостился очередным пирожным и благосклонно добавил: — Ваш ангелочек станет мегагиперзвездой.

Затем главный исповедник щелкнул пальцами, и один из его хмурых молчаливых телохранителей вставил в компьютер отца Бейли флэшкарту. На экране замелькали рекламные плакаты с личиком Мармеладки Кейтлин.

— Пока это всего лишь наброски, — сказал Соломон Кентукки, — но, полагаю, вы уловите общую идею, и она придется вам по вкусу.

Мармеладка Кейтлин в рекламном видеоролике улыбалась, гукала и пускала пузыри, а над ней сияла надпись "Чудеса бывают!"

— Мы остановились на таком слогане, — пояснил Соломон Кентукки. — "Чудеса бывают!" Неплохо, правда? Коротко, ясно и по делу. Мы хотим сказать людям: "Не отчаивайтесь. Если Любовь смогла спасти этого ребенка, она сможет спасти всех. В общем-то, она и спасла всех, призвав их к себе".

— Нет ли здесь небольшой путаницы? — сказал Траффорд, не успев вовремя прикусить язык. Исповедник Бейли в ярости обернулся к нему.

— Не перебивать! — рявкнул он.

— Почему же, — возразил Кентукки, — ведь это отец. Дайте ему высказаться. Вы говорите о путанице, молодой человек? Что вы имеете в виду?

— Я вот о чем хотел спросить, — нервно начал Траффорд. — Кто был спасен: наша дочь, потому что *не* умерла, или погибшие дети, потому что они, наоборот, умерли и попали в рай?

Соломон Кентукки ненадолго задумался.

— Все вместе, — наконец ответил он. — А обездоленные родители увидят в прекрасных глазках Мармеладки Кейтлин глазки своих собственных деток, попавших в рай, и убедятся, что Господь их любит.

— Ох, — сказал Траффорд. — Теперь понятно.

— Эта малютка, — продолжал священник, — станет центральной фигурой в обширной послеморовой медиакампании. Она понесет слоган "Чудеса бывают!" ко всем домашним очагам и на все предприятия нашей великой родины. Мы создадим видеопостеры, рекламные ролики, песню, которая займет первое место в хит-параде, а главное — ваша семья станет гвоздем программы на Фестивале Веры в Уэмбли.

— Боже мой! — вырвалось у Чантории. — Мы — и на Фестивале Веры! О Господи!

Отец Бейли сурово обернулся к ней, ибо эта вспышка эмоций показалась ему неподобающей, однако Соломон Кентукки одарил ее благожелательной улыбкой.

— Да, дитя мое. Да! Ты и твои родные станете главными действующими лицами на масштабной праздничной службе, которую Храм запланировал, чтобы отметить окончание двух свирепых эпидемий. Мы собираемся заполнить Уэмбли скорбящими родителями: сто двадцать пять тысяч супружеских пар, недавно лишившихся детей, будут отобраны путем лотереи и придут на стадион, дабы воздать хвалу Любви не только за вознесение их младенцев на небо, но и за то, что она помиловала Мармеладку Кейтлин с целью сделать ее их общей дочерью. Благодаря прямой теле- и интернет-трансляции все население возрадуется чу-

ду спасения Мармеладки Кейтлин, которая вселит в души наших сограждан бодрость и надежду. Вы трое встанете бок о бок со старейшинами Храма и самыми яркими знаменитостями страны и возблагодарите Господа за ясное, живое, бесспорное свидетельство того, что *чудеса бывают.*

Чантория плакала, не скрывая своей радости. В знак утешения отец Бейли обвил рукой ее плечи. Ни тот, ни другая не обращали на Траффорда никакого внимания.

— Ваша дочь станет маяком! — сказал Соломон Кентукки, надевая митру. — Мессией! Светом во тьме, окутавшей тех, кто осиротел на наших глазах. Мармеладка Кейтлин вернет людям надежду!

— Спасибо вам, святой отец, — запинаясь, произнесла Чантория сквозь слезы. — Огромное-преогромное спасибо!

Траффорд не сказал ничего. Он был поглощен своими мыслями.

33

Кампания, о которой говорил Соломон Кентукки, началась почти сразу. Храм хорошо изучил свою паству и знал, что ему следует немедленно принять меры, чтобы направить реакцию пострадавшего населения в нужное эмоциональное русло. Две свирепые эпидемии, прокатившиеся по стране одна за другой, оставили глубокий и кровавый след. Люди привыкли терять близких, но каждый очередной холокост, который устраивала им природа, собирал все больше жертв, и накопившийся в душах людей ужас вполне мог перерасти в подспудное недовольство. О том, чтобы открыто подвергать сомнению религиозные догмы, не могло быть и речи: влияние Храма и страх перед инквизицией были для этого слишком сильны. И все же каждая новая смерть, особенно если умирал ребенок, оставляла на духовной репутации Храма крошечное пятнышко, и именно эти пятнышки Храм собирался залакировать, провозгласив, что *чудеса бывают.*

Были песни, концерты, празднества, благотворительные забеги и бесконечные службы — везде отдавали дань памяти погибшим детям, но при этом с надеждой смотрели в будущее, олицетворением которого стала смеющаяся, улыбающаяся, младенчески оптимистичная Мармеладка Кейтлин. Храм знал свое дело и, сосредоточив внимание общества на божественной любви к этой девочке, сумел заставить его позабыть невысказанный вопрос о том, зачем было убивать всех остальных детей. Без сомнения, многие родители втайне спрашивали у Любви, почему она решила пощадить не их ребенка, а чужого, однако эти мысли не высказывались вслух, потому что личико Кейтлин мгновенно сделалось символом счастливого будущего и проявить неуважение к этой малышке значило навлечь на себя жестокую кару.

Логика была проста. Господь наслал на людей мор, потому что был суров и страшен в гневе, но спас Мармеладку Кейтлин, потому что был милосерден и полон любви. "Что здесь непонятного?" — громогласно вопрошал с церковной кафедры отец Бейли.

Одержимость Чантории росла вместе с ее славой. Чантория окончательно вжилась в роль матери чудо-ребенка, поскольку убедила себя,

что это правда. Теперь в их с Траффордом квартире уже не кутили с утра до ночи. Как мадонна, давшая жизнь ангелу, Чантория сознавала всю полноту своей духовной ответственности и потому стала посвящать гораздо больше времени молитвам в местном Храме и чтению религиозных текстов в доме отца Бейли. Теперь она одевалась только в белое и носила на шее крестик с эмблемой богини Геи. Кроме того, она купила дорогой брелок с изображением всех знаков Зодиака и хрустальный нимб на проволочном каркасе, а волосы перекрасила в золотой цвет.

Ободренная благосклонностью исповедника, она стала обращаться с Незабудкой и прочими девушками из своего окружения скорее как со служанками, чем как с подругами: давала им разные поручения и милостиво дозволяла проводить себе косметические процедуры. Они покорно выполняли требуемое, но Траффорд видел, что их возмущают ее высокомерие и новообретенный ореол святости. В конце концов многие из них потеряли своих детей, и то, что Чантории, единственной на весь дом счастливой матери, достались еще и такие почести, не могло казаться им справедливым.

Если Чантория и чувствовала их негодование, оно лишь усугубляло ее деспотизм. Возможно, сказывались долгие годы унижений, но, как бы то ни было, она и не думала скрывать, что считает себя гораздо выше остальных. Разве не сделал ее своей избранницей сам Господь?

Конечно, Траффорд прекрасно понимал, что никакая она не избранница, и оттого злился все сильнее. Ему было ясно, что его жена, одурманенная лестью, *поверила* в свое величие, и ее наивность казалась ему до отвращения нелепой. Коли на то пошло, до отвращения нелепой была вся ситуация: ребенка, спасшегося исключительно благодаря презираемой Храмом науке, обратили в орудие пропаганды дурацких суеверий. Всякий раз, видя на экране улыбающееся лицо дочери, Траффорд испытывал прилив раздражения.

В его мозгу постепенно и неумолимо обретала отчетливую форму идея, которая могла бы принести делу революции еще больше пользы, чем задуманная рассылка электронных писем. Первой, с кем он поделился этой новой идеей, стала Сандра Ди. Позже Траффорду пришло на ум, что причиной, склонившей его к столь безрассудному признанию — к столь безрассудному *поведению*, — было то, что Сандра Ди отвергла его в романтическом плане.

Они сидели вместе в ее маленькой лодке. Это была их первая встреча наедине после того, как Траффорд представил Сандру Ди гуманистам, и он немедленно воспользовался подвернувшейся возможностью, чтобы напомнить ей о своей любви.

— Не надо меня любить, Траффорд, — услышал он в ответ. — Я не хочу, чтобы ты меня любил.

— Вообще-то любят не по заказу, — ответил он. — По-моему, ты прочла уже достаточно книжек, чтобы это понять.

— При чем тут книжки? — возразила она. — Я говорю о реальной жизни — о мерзкой, отвратительной реальности, и я не хочу, чтобы ты меня любил.

— Я ничего не могу поделать.

— Ну, а вот я тебя не люблю, — сказала она самым что ни на есть будничным тоном. — Правда, Траффорд, ни капельки не люблю. Ты мне просто нравишься. Очень нравишься...

— Ну, тогда...

— И если уж быть совсем честной, признаюсь, что я *могла бы* тебя полюбить. Но все-таки не люблю, и точка.

— Как ты можешь так говорить! — запротестовал Траффорд. — Откуда у тебя такая уверенность?

— Оттуда, что я так решила.

— Решила! Как будто можно решить, любишь ты человека или не...

— Можно, Траффорд, — оборвала его Сандра Ди. — В этом вся суть. *Можно* решить. И *нужно*. В этом мире, если хочешь уцелеть, решать нужно всё. Если хочешь не сойти с ума — нужно решать. Любовь — это риск. Откровенность — тоже риск. Для двоих вероятность выдать себя возрастает ровно вдвое, а для меня это неприемлемо. Вот почему я давным-давно приняла решение, что никого никогда не полюблю, а раз никого — стало быть, и тебя, Траффорд.

— Если ты так ко мне относишься, почему в тот раз согласилась на секс со мной?

— А ты предпочел бы, чтобы я отказалась?

Траффорд пропустил этот вопрос мимо ушей.

— И все же почему? — настаивал он.

— Потому что тогда я была не против. Все эти наши фантазии... они меня взволновали. Разве девушка не может завестись не любя?

— Значит, я тебя разочаровал? — обиженно спросил Траффорд. — Фантазии тебя устраивали, но оказалось, что мои реальные достоинства не соответствуют воображаемым?

— Ради бога, Траффорд, — огрызнулась она. — Только не надо вмешивать сюда свое мужское самолюбие. Побаловались разок, и ладно. Я вовсе не предполагала, что из этого может получиться что-то серьезное. Ты же знаешь, я девушка одинокая. И чтобы добиться этого, мне пришлось приложить немало усилий.

— Ты ведь знала, как я к тебе отношусь. Как ты могла мне отдаться, зная, что я люблю тебя, а ты сама ко мне совершенно равнодушна?

— Еще раз повторяю, Траффорд: ты предпочел бы, чтобы я отказалась?

И снова Траффорд не ответил. Но Сандра Ди упорствовала:

— Давай, скажи мне правду. Если бы я тогда заявила тебе: "Я тебя не люблю и не хочу никаких серьезных отношений, но сейчас, так и быть, готова тебе отдаться", — неужели ты не согласился бы? Неужели сказал бы: "Ну нет, раз ты меня не любишь, то я на это не пойду. Мне будет потом слишком больно"? Нет. Конечно, нет! Ты бы все равно меня трахнул. Признайся!

Ответ был очевиден, но Траффорд не хотел произносить его вслух. Вместо этого он последовал примеру многих отвергнутых влюбленных и торжественно объявил о своем намерении пожертвовать собой. Может быть, она раскается, когда он умрет.

— Что ж, — сказал он, — все это не имеет большого значения, поскольку наши встречи в любом случае скоро прекратятся.

— Ты что, собираешься уехать?

— Нет, я собираюсь устроить революцию.

У Сандры Ди вырвался удивленный смешок.

— О чем это ты? — спросила она. — Какую еще революцию?

— Храм хочет, чтобы моя дочь была путеводной звездой. Отлично. Я сделаю из нее путеводную звезду — только она будет освещать путь не к слепой вере, а к разуму.

Сандра Ди больше не смеялась.

— Нельзя ли поподробнее? — спросила она.

— Пожалуйста. Эмоциональной кульминацией кампании "Чудеса бывают!" должен стать Фестиваль Веры на стадионе Уэмбли.

— Это меня не удивляет. Храм не обошелся бы без Фестиваля Веры, даже если бы отмечал выпуск нового сорта гамбургеров.

— Да, но этот праздник будет особенным — пиком общенациональных торжеств по поводу окончания эпидемий кори и свинки.

— И?

— Гвоздем программы станет моя семья. Мы с Чанторией должны будем продемонстрировать Мармеладку Кейтлин всему населению страны — прямая трансляция и так далее. Ее хотят крестить заново, дать ей имя Ангельская Радость и посвятить ее жизнь Богу. Подумай только: превратить младенца в монашку! Они хотят, чтобы мы с Чанторией отдали своего ребенка Богу.

— И что ты намерен сделать? — спросила Сандра Ди с озабоченным видом, показывающим, что она уже догадывается, куда клонит Траффорд.

— Когда меня вызовут как свидетеля чудесного избавления Кейтлин и прежде чем кто-нибудь успеет меня остановить, я сообщу всей стране, что Кейтлин выжила, потому что я сделал ей прививку.

Сандра Ди ошеломленно посмотрела на него. То, о чем говорил Траффорд, было равносильно самоубийству.

— Они убьют тебя на месте, — сказала она.

— Что ж, революций без риска не бывает, — ответил Траффорд. Несмотря на серьезность их разговора, он наслаждался драматизмом момента и тем эффектом, который произвели его слова на Сандру Ди.

— А если Кейтлин тоже убьют? — спросила она.

— Зачем? Это не ее грех, она невинна, да и толпе на Уэмбли при всей ее безмозглости вряд ли понравится смотреть, как исповедники убивают маленьких детей. Скорее, ее просто отдадут куда-нибудь на воспитание.

— А Чанторию?

— Я скажу, что она ничего не знала.

— А если тебе не поверят?

— Придется рискнуть. Разве ты не понимаешь, какая это уникальная возможность? Посеять семена сомнения в умах миллионов людей! Церковники сами сделали Кейтлин знаменитой, затеяв свою дурацкую кампанию. И я могу обернуть эту выдумку против них! Такого шанса больше никогда не представится.

— Шанса стать мучеником? Да это все равно что покончить с собой, Траффорд! Зачем?

— А зачем другие люди приносили себя в жертву ради дела, в которое верили? Я считаю это своим долгом.

— Ты уже выполняешь свой долг, будучи гуманистом. Ты живой архив, просвещенный человек, который старается просвещать остальных. Это твое призвание. И твой долг!

— Но у меня есть возможность просветить миллионы!

— Они не станут тебя слушать.

— Станут. Я заставлю их слушать. Заставлю задуматься о том, нельзя ли было спасти и их детей тоже. Мне кажется, если я тщательно подготовлю свое выступление и не раскрою карты слишком рано, у меня будет как минимум несколько минут. Я завладею их вниманием, начав с того, как это чудесно, что Кейтлин выжила. Потом вознесу благодарность Любви, а потом, прежде чем они поймут, куда ветер дует, скажу им о прививке. Возможно, даже и за нее поблагодарю Бога: это собьет их с толку. Подумай сама! У кого из гуманистов хоть раз была такая шикарная возможность выставить церковников дураками?

— А что после всего этого будет с гуманистами? — жестко спросила Сандра Ди. — Тебя ведь не просто убьют, а сначала вытянут из тебя пытками все что можно. Что будет с библиотекой? И с нашими товарищами?

— Про библиотеку они ничего не узнают, потому что будут искать вакцинатора, а не гуманиста. О вакцинации я расскажу им немедленно. Ничего не скрою. Выложу все подробности, причем говорить буду с гордостью, как бы отстаивая свою правоту. Зачем им добиваться еще чего-то?

— Ты выдашь им Кассия?

— Ну, сначала я его, естественно, предупрежу. Ему придется исчезнуть. При достаточной осторожности он сумеет уцелеть — он человек опытный. В любом случае, я уверен: он меня поддержит, согласится, что игра стоит свеч. Шанс использовать всю машину пропаганды Храма против него самого выпадает раз в столетие.

— А как же я? Мы с тобой гуляли вдвоем. Если они узнают...

— Откуда? Им это и в голову не придет.

— На причале установлены камеры наблюдения. Да и не только на причале — везде.

— Зачем им проверять эти записи? Мы всегда добираемся сюда в толпе. Здесь, на озере, на нас никто не обращает внимания. Кроме того, я ведь уже сказал: они попросту *не станут* искать. Они ничего не знают ни о гуманистах, ни о нас с тобой. Они будут искать вакцинатора, и я дам им вакцинатора. Я расскажу им обо всех моих встречах с Кассием вплоть до поездки в Хитроу, где мы сделали Кейтлин прививку. Все это подтвердится видеозаписями. На них будут искать только Кассия, и больше никого.

— А тебя, скорее всего, сожгут на костре.

— Да, пожалуй.

Сандра Ди долго не нарушала наступившего молчания. Они сидели друг против друга, задумавшись каждый о своем, и стоящая на якоре лодка тихо покачивалась.

— И ты действительно на это пойдешь? — наконец спросила Сандра Ди.

— Да. Без колебаний. Я считаю, что у меня в жизни нет другого пути.

— Если бы я тебя любила, ты бы все равно это сделал?

– Не знаю. Хотя... да. В конце концов, думаю, сделал бы. Мне ведь приказано выйти в Уэмбли на сцену и возблагодарить Бога за чудесное спасение Кейтлин. Вознести хвалу глупому, злобному, капризному, непоследовательному, жестокому, бессовестному божеству, которое существует только в воображении хамов и идиотов. Честное слово, лучше умереть, чем выполнить такой приказ.

– В таком случае, – ответила Сандра Ди, – я предлагаю сейчас заняться любовью.

– Прощальный подарок?

– Если тебе угодно.

– Что ж, давай. Мне угодно.

34

И снова Траффорд с Кассием отправились в Хампстед и очутились в роскошной гостиной Коннора Ньюбери, где в очередной раз заседал Сенат гуманистов. Траффорд рассказал собравшимся о своей идее использовать слово "ниврад" как объединяющий символ и сообщил, что первое электронное письмо готово к рассылке и триггерный механизм его запуска в сеть успешно установлен.

– Поисковая программа Израза определила нашу целевую аудиторию, – сказал он, – и мы готовы к осуществлению первого контакта.

– И сколько же набралось кандидатов? – осведомился Билли Макаллан.

– Двенадцать миллионов, – ответил Траффорд.

Великан чуть не уронил чашку с чаем, которую держал в руках.

– Двенадцать *миллионов*? – изумленно переспросил он. – Черт возьми, да это половина населения!

– Знаю, – согласился Траффорд. – Я проводил поиск по разным параметрам, и иногда результаты получались даже более поразительные. Например, когда я попросил компьютер найти тех, кто хоть однажды попадал в списки уклонявшихся от гробьев, он выдал мне почти четырнадцать миллионов человек. В целом факты говорят о том, что большинство жителей страны не удовлетворены нынешним положением вещей и в душе чувствуют себя разочарованными и несчастными.

– Что ж, – заметил Кассий, – если наши программы не врут, Храм и вправду можно назвать замком, построенным на зыбучем песке.

– Именно так, – горячо подтвердил Траффорд. – Когда мы обучим этих людей нашему паролю, "ниврад", они увидят, как их много, и это придаст им мужества! Мне кажется, после начала почтовых рассылок нам нужно попробовать назначить место и время и посмотреть, явится ли туда кто-нибудь. Если в наших психологических расчетах нет ошибки, скоро мы сможем собрать достаточно народу, чтобы принять новый Закон Уэмбли!

Это был ошеломительный вывод, и на несколько секунд в комнате воцарилось молчание.

– Ладно, – промолвила профессор Тейлор. – Наверное, это и впрямь возможно. Пока революция не начата, она обычно кажется безнадежной. За год до русской революции Ленин был изгнанником-марги-

налом с маленькой кучкой сторонников. Даже христианство превратилось из подпольного культа в официальную религию Римской империи всего за одно-два поколения.

— Вы совершенно правы! — с азартом сказал Траффорд. — И я уверен, что в наших руках отличное орудие, с помощью которого мы можем начать революцию! Мы разошлем наши письма накануне следующего Фестиваля Веры — того, где Храм собирается продемонстрировать зрителям мою дочь как доказательство милосердия Любви.

Потом Траффорд изложил членам Сената свой план, который уже обрисовал в общих чертах Сандре Ди.

— Я намерен объявить, что Мармеладка Кейтлин прошла вакцинацию, но прежде я заведу толпу, чтобы она скандировала "ниврад". На моей футболке тоже будет написано это слово. Миллионы людей, получивших наши письма, узнают в нем наш пароль! К тому времени многие из них уже прочтут нашу статью о теории эволюции — и тут увидят человека с именем ее создателя на груди и услышат от этого человека, что спасать детей может не религия, а наука, только Храм запрещает ей это делать. У нас никогда больше не будет шанса на такое убедительное начало.

Члены Совета явно нервничали. Траффорд понимал их беспокойство: движение гуманистов так долго было камерным, что идея придать ему подобный размах не могла не показаться опасной.

— Уж очень это рискованно, — осторожно заметил Ньюбери.

— Знаете что, Ньюбери, — сказал Кассий, — после самого Траффорда я второй, для кого этот план несет наибольшую угрозу, и я лично считаю, что он гениален.

— Поверьте мне, народ уже созрел! — воскликнул Траффорд. — Терпение людей на пределе! Это показывают результаты наших поисков. Бомба с часовым механизмом заведена, и мы можем взорвать ее, не оставив от Храма камня на камне.

35

Траффорд убедил Сенат в эффективности своего плана, и его переполняла радость. Теперь ему нужно было подготовить свой выход на сцену в Уэмбли. Всю речь следовало продумать до мельчайших подробностей и построить по единственно возможной схеме: невинное начало, постепенное развитие и такой неожиданный "гром среди ясного неба", что, когда люди осознают смысл сказанного, старейшинам Храма уже поздно будет что-либо предпринимать. Самым важным должен был стать тот миг, когда публика узнает об истинной причине крепкого здоровья Мармеладки Кейтлин, — от этого ключевого момента зависел успех всего замысла.

Однако, как это ни печально, Траффорду так и не пришлось объяснять народу, почему его дочь уцелела, ибо на следующее утро после его встречи с Сенатом гуманистов у бедной малышки начались сильный понос и рвота. Видимо, что-то попало в питьевую воду, и в Башнях Вдохновения разразилась эпидемия холеры-плюс. Все болели тяжело, но умер только один обитатель комплекса — тот самый единственный мла-

денец, которому удалось пережить предыдущие напасти. В конце концов оказалось, что Мармеладка Кейтлин — вовсе не чудо-ребенок.

Храм тут же постарался снизить урон, нанесенный этим событием его репутации. В течение первых же суток после смерти Кейтлин с городских улиц и из виртуального пространства исчезли все следы кампании "Чудеса бывают!" О трагедии даже не сообщили в новостях. Теперь, когда Кейтлин умерла, все вдруг повели себя так, словно ее никогда и не было на свете.

Нежданная гибель дочери так ошеломила Траффорда с Чанторией, что поначалу они не заметили, как радикально изменилось их положение в обществе. Оцепеневшие от горя, они сидели у себя в квартире, пытаясь хоть немного привыкнуть к пустой кроватке, детским вещам и игрушкам, в которые уже никто не будет играть. Если они и обратили внимание на то, что к ним не приходят в гости и не заглядывают через интернет, то приписали это робости соседей и их нежеланию бередить душевные раны только что осиротевших родителей.

На четвертый день Чантория вышла из дома. Ее мучения не ослабели, а лишь возросли, и она решила посетить отца Бейли. Уж он-то должен найти слова утешения, помочь ей перенести утрату! Но женщине, которой еще на прошлой неделе было дозволено умащать ноги исповедника благовонными маслами, теперь не удалось пройти дальше парадной двери. Слуга, прежде встречавший Чанторию раболепными поклонами и расшаркиваниями, теперь грубо заявил ей, что Любовь ее больше не любит, а если она хочет видеть отца Бейли, то может явиться для этого на публичную исповедь, как все прочие жители района. Более того: пусть зарубит себе на носу, что без особого приглашения ей строжайше запрещено даже приближаться к сей святой обители.

Отцу Бейли было досадно вспоминать о Чантории. Он превозносил ее с кафедры, и теперь это могло подорвать доверие, которое питали к нему прихожане. Из-за нее они поняли, что их исповедник тоже способен ошибаться, и он больше не желал иметь с ней никакого дела.

Понурившись, Чантория побрела восвояси. По дороге ее узнавали: люди ухмылялись, шептались и показывали на нее пальцами. Иногда она слышала за спиной смешки.

На лестнице, ведущей в Башни Вдохновения, ей встретилась Незабудка.

— Значит, померла твоя Кейтлин? — бесцеремонно спросила она, даже не поздоровавшись. — Стало быть, теперь у тебя навалом свободного времени! Может, сбегаешь для меня кое-куда?

Еще не успевшая прийти в себя после семейной трагедии, Чантория не сразу осознала, сколько враждебности породил краткий период ее пребывания в роли фаворитки Храма. Но ведь Незабудка — ее лучшая подруга! Не станет же она вести себя как все остальные?

— Теперь у нас дома так одиноко, — слабым голосом сказала Чантория.

— Да неужто? — откликнулась Незабудка с ядовитым сарказмом.

— Мы с Траффордом не знаем, о чем говорить друг с другом.

— Ну, он же всегда был немножко идиотом, верно?

— Может, заглянешь ко мне на чашечку кофе или на бокал вина? Честное слово, не знаю, как я все это переживу.

— На чашечку кофе или на бокал вина? — холодно повторила Незабудка.

— Ну да, и вообще.

Незабудка приблизила свое лицо вплотную к лицу Чантории и словно выплюнула ответ.

— Слушай меня внимательно, наглая сучка, — прошипела она. — Ты тут выдрючивалась как могла, когда изображала из себя Божью любимицу, так?

— Нет! Нет, что ты! — запротестовала Чантория.

— Не нет, а да. Все соседи только и знали, что прыгать перед тобой на задних лапках. А теперь оказалось, что ты ничем не лучше других! Богу-и-Любви до тебя столько же дела, сколько до куска дерьма. И до твоего отродья тоже, до твоей паршивой дочки! Потому что она померла, верно? Точно так же, как и все наши дети. Только никто из нас, по крайней мере, не ходил и не вдалбливал всем вокруг, что его ребеночек ангел. Никто из нас не считал себя Богородицей, а своего ребенка — самим Иисусом Христом. Нет! Но ты! Ты, Чантория, и твоя жалкая малявка Кейтлин — вы были избранные, так? Но теперь шабаш, детка. И придется тебе с этим смириться.

— Пожалуйста, не надо! — взмолилась Чантория. По лицу ее текли слезы.

— Только потому, что тебя оприходовал исповедник, ты возомнила себя живой иконой. Но теперь-то все по-другому, верно? Так что держись от меня подальше, поняла? Достаточно ты над нами поизмывалась. Подумать только — мой Лексус бегал к тебе чинить душ! А я приводила в порядок твою убогую замохнатевшую кошелку! Но теперь тебе никто не поможет, потому что ты опозорила все Башни Вдохновения, ясно? Выставила всех дураками, и теперь каждый желает тебе, чтобы ты последовала примеру своей малявки, а именно поскорее отправилась на тот свет!

Чантория, плача, убежала от своей мучительницы. Но и у себя дома она не нашла спасения. На стене ее уже поджидала Куколка.

— Так-так, вот и пресвятая матерь Божья собственной персоной! — съязвила она.

— Пожалуйста, Куколка! — жалобно воскликнула Чантория. — Ну почему все так жестоки? Я ведь только что потеряла ребенка!

— Они все потеряли ребенка, дорогуша, но никто не воспользовался этим, чтобы провозгласить себя особенной, верно? — спросила Куколка, без малейшего усилия искажая правду. — Они не превратили наш дом в посмешище, утверждая, что их сопливый младенец — новый мессия. Нет, дорогуша, это твоя заслуга! И не удивляйся, что никто больше не хочет с тобой знаться. Что посеешь, то и пожнешь!

С этими словами Куколка отключила звук и демонстративно отвернулась — во всяком случае настолько, насколько ей позволила это сделать ее громадная неуклюжая туша.

— Прошу тебя, Куколка! — вся в слезах крикнула Чантория в камеру, но Куколка вскрыла пакет с сырными кукурузными палочками и притворилась, что не слышит.

Чантория опустилась на пол и безудержно зарыдала. Траффорд тоже не смотрел на нее. Он сидел около пустой кроватки Кейтлин, от ко-

торой почти не отходил на протяжении последних четырех дней. Потом он заговорил, обращаясь в пустое пространство перед собой.

— Плюнь ты на эту дуру, Чантория, — сказал он. — Какая разница, что думает Куколка? Какая разница, что думают остальные? Это не имеет значения. Ничто не имеет значения.

Чантория подняла глаза и посмотрела на Траффорда. Она молчала и не сводила с него взгляда целую минуту, пока Траффорд наконец не повернулся к ней лицом.

— Ну что? — спросил он.

— Ты, — ее голос был полон горечи. — Ты негодяй. Все это твоя вина.

Траффорд удивился. Он не думал, что способен сейчас на какие-то чувства, но обвинение Чантории его ошеломило.

— Какого черта? О чем ты?

— Все покатилось под откос, когда ты сделал то, что сделал!

— Все покатилось под откос, когда ты поверила в свою богоизбранность. Если нас теперь клюют, то лишь потому, что ты устроила спектакль, вбив себе в голову, что Кейтлин спас Господь Бог!

Чантория набросилась на него.

— Уж ты-то точно ее не спас, подонок! — завопила она. — Твоя драгоценная прививка ее не спасла!

— Она спасла ее от кори и свинки! Кейтлин умерла от холеры, Чантория! От холеры ее не прививали. Вакцинация — это не чудо вроде тех, про которые все время врет Храм, это научная процедура, и...

— Заткнись! Замолчи! Не желаю слушать! Говорю тебе, все стало разваливаться после того, как ты сделал эту гадость! Раньше у нас все было нормально!

Она пыталась бить его кулаками в грудь; ему приходилось обороняться.

— Кейтлин мертва! — крикнул он ей в лицо. — Больше ничто не имеет значения — ни ты, ни я, ни все эти идиоты, — он махнул рукой в сторону веб-камеры. — Кейтлин мертва, и мы ничего не можем с этим поделать. Она не была чудо-ребенком, но она была *нашим* ребенком, а теперь она умерла.

Постепенно безумная ярость Чантории иссякла. Она опустилась на пол, и весь этот вечер они провели в молчании. Когда в комнате сгустились сумерки, Чантория легла в постель, а Траффорд так и остался сидеть у кроватки Кейтлин. Оба не спали и терпеливо дожидались утра — каждый сам по себе, заточенный в одиночную камеру своей скорби.

Примерно в два часа пополуночи вдруг вспыхнул свет и раздался шум. На стенном экране появились Незабудка и еще несколько девушек. Пьяные, с безобразно раскрасневшимися лицами, они решили заглянуть к ним через интернет, чтобы слегка развлечься.

— Салют, Чантория, — крикнула Незабудка, как обычно взяв на себя роль вожака стаи. — Молишься небось? А мы тут с девочками гадали, что святые делают по ночам. Похоже, ничего особенно интересного! Вряд ли у тебя появится еще один ангелочек, если ты лежишь в постельке, а твой муженек торчит на кухне! А то попробовала бы: вдруг на этот раз получится *настоящий* чудо-ребенок!

Девушки, столпившиеся вокруг веб-камеры в квартире Незабудки, залились визгливым смехом.

— Благослови нас, Чантория! — с издевкой попросила одна из них. — Почему бы тебе не нацепить свой нимб и не спеть нам что-нибудь душеспасительное?

Сидя с закрытыми глазами, Траффорд слушал, как они визжат и смеются, и ему казалось, что это тянется уже битый час. У него не хватало сил даже на то, чтобы взять в руки пульт управления и отключить звук. Теперь, когда Мармеладка Кейтлин умерла, ему было все равно, издеваются над ним или нет. Чантория тоже лежала тихо: по-видимому, она так устала, что не могла даже молить о пощаде.

Мало-помалу подгулявшим девицам надоело ждать от своих жертв хоть какой-нибудь реакции, и они потеряли к ним интерес. Тишина вернулась, но не принесла покоя. И эту ночь, уже которую по счету, Траффорд провел без сна, а по рыданиям, доносящимся из спальни, ему было ясно, что не спит и Чантория.

На следующий день был физиприс, так что Траффорду пришлось встать, кое-как позавтракать и собраться в Госбанд. Дети умирали настолько часто, что это не могло служить оправданием для неявки на работу. Наоборот, считалось, что люди должны быть рады возможности поделиться с сослуживцами своим горем.

Когда Траффорд собрался уходить, Чантория все еще лежала в постели.

— До вечера, — сказал он, отпирая дверь. — На обратном пути куплю чего-нибудь перекусить, ладно? Если, конечно, ты сама не хочешь дойти до магазина.

Чантория повернулась и посмотрела на него пустым взглядом. На мгновение Траффорд растерялся. Такой Чантории он еще никогда не видел. Она была похожа на зомби.

— Да нет, я ничего, — торопливо добавил он. — Пожалуйста, могу и сам купить. Просто подумал, вдруг ты захочешь чем-нибудь заняться, чтобы не сидеть весь день дома.

Чантория по-прежнему не отвечала. Ее лицо все больше и больше казалось Траффорду лицом трупа.

— Ну, — сказал он наконец, — я пошел. Позвони, если что-нибудь понадобится.

Когда он взялся за ручку двери, она заговорила.

— Мы это заслужили, — сказала она странным, лишенным выражения голосом.

— Прошу тебя, Чантория. Не надо.

— Мы бросили вызов Богу.

— Никому мы ничего не бросали...

— У него свои планы, а мы пытались его перехитрить. И он нас за это наказал.

Траффорд собирался в очередной раз воззвать к ее здравому смыслу, но один взгляд на бледное, безжизненное, лишенное всякого выражения лицо куклы, которая когда-то была его женой, убедил его в том, что это бесполезно.

— После работы сразу вернусь домой, — сказал он.

Когда Траффорд явился в офис, там уже поджидала его Принцесса Любомила, горящая желанием отомстить за все свои недавние унижения. Траффорд ожидал неприятностей, но его удивило то, какую форму

приняла ее первая атака. Принцесса Любомила обрушила на него удар в прямом, а не в переносном смысле. Она пересекла комнату и влепила ему пощечину со всей силой, на какую только была способна ее слоновья ручища.

— Ах ты крысеныш! — заорала она. — Из-за тебя над нами смеется весь Израз! Я получила, наверно, уже целую тысячу электронных писем! Я говорила всем, что на нас снизошла милость Божья, что у нас на этаже свой пророк! А теперь чуть не сгорела со стыда! Вот что я тебе скажу, поганец: больше я с тебя глаз не спущу. Один неверный шаг, и ты труп!

Ничего не ответив, Траффорд двинулся к своему столу. По дороге он прошел мимо Кассия, получив от него еле уловимый сочувственный кивок. Сандры Ди не было видно.

Всегда готовая поймать кого-нибудь на проявлении слабости, Принцесса Любомила заметила, как Траффорд озирается.

— Да-да, — прошипела она, — я гляжу, у этой сучки, к которой ты клеился, не хватило духу сюда показаться. И правильно: она ведь знает, что я и ее достану. Признайся честно, теперь ей с тебя пользы как с козла молока, верно? Потому что теперь Богу-и-Любви на тебя плевать!

Траффорда огорчило отсутствие Сандры Ди: он надеялся увидеть ее, надеялся, что ее ободряющая улыбка поможет ему пережить этот день. После смерти дочери любовь к Сандре Ди осталась в его душе единственным чувством со знаком плюс. Конечно, эта любовь не могла заполнить вакуум, оставленный Мармеладкой Кейтлин, тем более что Сандра Ди не отвечала Траффорду взаимностью, но он все равно рад был бы ее увидеть.

Странно, подумал он. Где она может быть?

Едва он задал себе этот вопрос, как открылись двери лифта и оттуда вышли двое полицейских в сопровождении чиновника из Храма. Они направились прямо туда, где сидел Траффорд, но лишь увидев их перед своим столом, он осознал, что они пришли за ним.

— Траффорд Сьюэлл, — сказал церковник, — вы арестованы за преступления против веры.

Траффорд невольно обернулся, чтобы кинуть взгляд на Кассия. Лицо его старшего друга окаменело от страха.

36

После того как Траффорд ушел на работу, Чантория обрила себе голову. Потом надела самое белоснежное из своих бикини и нимб, которым еще недавно так гордилась, только теперь перевернула его вверх ногами. Затем Чантория пошла в "Потаскушку Долли" и купила там маленькую плетку-девятихвостку, предназначенную для садомазохистских развлечений. Выйдя на улицу, она стала бродить по району и бичевать себя, надрывно крича, что она великая грешница и Господь должен стереть ее с лица земли. Спустя некоторое время, исхлестав в кровь всю спину, она подошла к Духовной Обители, куда ее не пустили вчерашним утром.

Поднявшись на крыльцо, она сообщила, что хочет видеть исповедника. Ей вновь отказали, но на этот раз она раскричалась так отчаянно,

что отец Бейли спустился в холл и пригрозил вызвать полицию, если она не уймется.

— Я хочу, чтобы меня покарали, — сказала Чантория. — Мне нет прощения! Я должна исповедаться.

— Ладно, — согласился отец Бейли. — Исповедуйся и уходи.

— Мой муж сделал нашему ребенку прививку, а я ему не помешала! — завопила Чантория. — Господь забрал у нас Кейтлин за то, что мы пошли против его воли!

Это было гораздо более серьезным признанием, чем рассчитывал услышать отец Бейли. Поэтому он велел немедленно проводить Чанторию в дом и запереть ее в подвале, а сам тут же вызвал к себе районного инквизитора. Пока тот добирался по вызову, Бейли, преисполненный праведного негодования, взял хлыст и принялся собственноручно избивать плачущую женщину, которая извивалась перед ним на мокром каменном полу. Все его слуги присутствовали при этом как свидетели, а когда исповедник утомился, самые рослые и сильные из них приняли хлыст из его рук, дабы продолжить экзекуцию.

Для подкрепления сил отец Бейли заказал себе вино с пирожными. Едва Чанторию по его приказу приковали к грубому деревянному столу, как явился брат Искупитель. Районного инквизитора редко видели в дневные часы: он был порождением ночи и обитал в полутемных комнатах и мрачных подземельях. От большинства церковников он отличался редкой худобой, но все его тощее тело покрывали татуировки — оккультные символы и кошмарные рисунки, на которых разнообразные твари дьявольского облика глумились над грешниками, пытая их и насилуя. На его лбу готическими буквами был выведен девиз: "Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе". По своему району брат Искупитель перемещался в паланкине, который несли четверо осужденных преступников. В том же паланкине всегда лежали пыточные инструменты, и он не забыл взять их с собой, прежде чем войти в Духовную Обитель и потребовать, чтобы ему показали несчастную грешницу, отравившую свое дитя. Однако из Чантории не пришлось вырывать признание с помощью тисков и клещей, поскольку она жаждала облегчить душу и все выложила сама.

— Я грешница! Я заслужила кару! — рыдала она, распростершись на столе и гремя цепями. — Из-за моего мужа наша семья вступила на путь неповиновения Богу-и-Любви!

— Выведите ее на улицу, — приказал брат Искупитель.

— Прошу прощения, брат, но я бы еще чуть-чуть подержал ее здесь, — возразил исповедник. Его лицо раскраснелось, влажные губы блестели. — Я знаю эту несчастную, и мне кажется, что мы узнаем больше, если я займусь ею лично.

Отец Бейли стоял около стола, на котором была распята Чантория. Он сбросил свою роскошную мантию и золотые плавки и остался нагим, если не считать высоких белых сапог и усыпанных драгоценностями колечек, которые украшали его гениталии. Эти колечки поблескивали и переливались в полутемном подвале.

— Выведите ее на улицу, — повторил брат Искупитель и повернулся к выходу.

Отец Бейли был глубоко возмущен бесцеремонностью своего гостя, но даже он не мог позволить себе перечить представителю столь могущественной организации. Чанторию выволокли из подвала на улицу, где уже собралась беснующаяся толпа. Там ее приковали за запястья к задку паланкина, после чего брат Искупитель хлестнул носильщиков и поехал прочь.

37

После ареста в Изразе Траффорд был переправлен на специальном катере в штаб-квартиру инквизиции на Лондонском озере. Это учреждение, внушающее всем такой страх, что о нем говорили только шепотом, располагалось в здании, которое было когда-то самым величественным городским собором. Теперь его называли Большой Буб, поскольку оно очень напоминало искусственно увеличенную женскую грудь.

Нижняя часть собора пустовала, ибо находилась во власти капризных приливов и отливов Темзы. Футах в шестидесяти над максимальным уровнем воды было построено укрепленное бетонное перекрытие, а на нем соорудили целый лабиринт камер и офисов. Хотя огромное подкупольное пространство было теперь свободно далеко не полностью, оно все же до некоторой степени сохранило свои акустические свойства, и, ступив под своды собора, Траффорд услышал, как под ними отдаются эхом стоны и вопли истязуемых.

Его провели по дуге гигантской окружности мимо множества камер — каждая из них заключала в себе искалеченное, хнычущее существо, которое когда-то было человеком, — и втолкнули в комнату, оборудованную для пыток. Траффорд увидел дыбу, цепи, крюки и клети, пылающую жаровню, на которой лежали железные тавро для клеймения грешников, ножи, трубки, клинья, щипцы, вертелы, плоскогубцы и прочие инструменты, о жутком назначении которых он мог только догадываться.

В комнате уже находились шестеро: страж, могучий тюремщик, раздувающий мехи под жаровней, двое подручных у валиков дыбы, инквизитор в клобуке и, наконец, женщина с обритой головой, висящая без сознания на ржавой железной решетке. Она была обнажена, если не считать багряного комбинезона из запекшейся крови. Траффорд с содроганием узнал в ней Чанторию.

— Добро пожаловать, Траффорд, — сказал инквизитор, снимая клобук. — Меня зовут брат Искупитель. Храм назначил меня инквизитором вашего прихода. На моем лице вы можете видеть надпись "Не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе", — и нет на свете другого лица, которое выражало бы столь же неоспоримую истину. Ваша жена сообщила нам, что вы любите издеваться над детьми.

Траффорд попытался отрешиться от страшного зрелища, которое открылось его глазам, и спокойно все обдумать. В Госбанде ему не сказали, в каком именно преступлении против веры он обвиняется, но поскольку Чантория тоже попала сюда и поскольку инквизитор упомянул об издевательствах над детьми, можно было с большой долей вероятно-

сти предположить, что причина его ареста — вакцинация Мармеладки Кейтлин.

Хотя живот ему сводило от ужаса, Траффорд увидел в этом проблеск надежды: ведь это значило, что здесь могут ничего не знать о его связях с гуманистами. Конечно, его казнят за то, что он сделал дочери прививку, но теперь, когда Мармеладка Кейтлин умерла, Траффорд уже не боялся смерти. Боли — да, но не смерти. Теперь Траффорду были небезразличны только Сандра Ди, которую он любил, да еще его глубокая вера в гуманизм и живительную силу разума. Единственным долгом, который у него остался, было защитить все это, и в его мозгу мгновенно сложился план действий. Раз они знают о вакцинации, то первой их задачей будет выяснить, как (или по крайней мере кем) она была проведена. Поэтому Траффорд решил не называть имени Кассия до тех пор, пока его организм не откажется терпеть пытки, и надеяться, что брат Искупитель не заподозрит о наличии у него других секретов и не станет менять линию допроса.

— Все, что я сделал, я сделал один, — сказал он. — Ни моя жена, ни мои знакомые не имеют к этому никакого отношения.

— И что же вы сделали, Траффорд? — осведомился инквизитор.

— Мне нечего вам сказать.

— Ах, так значит, это секрет? — спросил брат Искупитель. — Чантория рассказала мне, что вы умеете хранить секреты. Это правда?

— Я не скажу вам. Это секрет, — сказал Траффорд и секунду спустя уже лежал распростертый на бетонном полу с острой болью в челюсти, хрустнувшей под чугунным кулаком тюремщика.

— Вы устроили своей дочери вакцинацию? — спросил брат Искупитель.

— Какое это теперь имеет значение? — с трудом выговорил Траффорд. — Она все равно умерла.

— Когда я спрашиваю, вы должны отвечать, Траффорд.

Траффорд получил жестокий пинок сзади. Его щека была прижата к влажному бетону, и он не поднял головы, чтобы посмотреть вверх. Вместо этого он скосил глаза и увидел, как сапоги брата Искупителя пересекли комнату и остановились у подножия решетки, на которой висела Чантория. Траффорд услышал громкий металлический лязг, и обмякшее, избитое тело Чантории мешком рухнуло на пол, так что ее покрытое кровоподтеками лицо очутилось не дальше чем в трех футах от его собственного. Сначала он подумал, что она без сознания, но ее глаза открылись, и их взгляды встретились.

— Прости, — сказал Траффорд.

Чантория силилась ответить, но ее распухшие, окровавленные губы отказывались ей повиноваться.

— Я это заслужила, — наконец прошептала она. — Мы оба заслужили. Мы бросили вызов Богу.

— Если Бог одобряет то, как с тобой поступили, ему надо было бросить вызов, — ответил Траффорд. — Тогда он не лучше дьявола.

Должно быть, в этот момент его ударили ногой по голове, так как он потерял сознание, а когда пришел в себя, обнаружил, что прикован к той самой решетке, с которой сняли Чанторию. Металлические прутья

вдавливались ему в лицо. С обнаженного тела капала ледяная вода, и сквозь решетку он увидел перед собой тюремщика с пустым ведром.

— Заключенный очнулся, господин инквизитор, — сказал тюремщик.

Траффорд услышал позади себя шаги, и брат Искупитель, обогнув решетку, вновь появился в его поле зрения.

— Ваша жена показала, что вы разместили в интернете чужой родильный ролик вместо своего. Это правда?

— Да.

— Могу я спросить вас — зачем?

— Я считаю, что у каждого есть право на личную жизнь.

— Разве вы не гордитесь своим родильным роликом?

— Почему я должен гордиться естественным событием, в котором нет никакой моей заслуги?

— Потому что Храм велит вам гордиться всеми уникальными особенностями вашей личности, Траффорд, — вашим ростом, цветом волос, вашими мнениями, вашим выбором нательных украшений. Если, конечно, вам нечего скрывать. А вам есть что скрывать?

— Ничего такого, за что мне могло бы быть стыдно, если вы это имеете в виду.

— Тогда вы меня заинтриговали. Если вам нечего стыдиться, скажите на милость, зачем вам право на личную жизнь?

Траффорд ненадолго задумался.

— Оно необходимо мне, чтобы чувствовать себя человеком, — наконец ответил он.

— А может быть, затем, чтобы чувствовать себя извращенцем и еретиком?

Траффорд промолчал.

— А может быть, — продолжал инквизитор, — вы хотите личной жизни, чтобы вам не мешали читать? Что это такое, по-вашему?

Сердце у Траффорда ушло в пятки, когда он увидел в руках инквизитора томик "Происхождения видов", который еще вчера лежал у него под кроватью в обложке популярного журнала с заголовком "Чем грозит подтягивание ягодиц? Звезды на пляже — вид сзади".

— Это книга по естественной истории... Я люблю естественную историю.

— Читать работы антихриста Дарвина — это преступление против веры, Траффорд.

— Я знаю. Знаю, что я преступник.

— Где вы взяли эту мерзость, Траффорд?

— Нашел. Я часто нахожу книги. Все время ищу их, и вот... Если смотреть внимательно, их не так уж и мало вокруг. По большей части на чердаках брошенных домов, ну и на свалках, конечно. Да и прилив чего только с собой не приносит.

Траффорд видел сквозь прутья лицо инквизитора и пытался угадать, поверил он ему или нет. Но в водянисто-голубых глазах брата Искупителя ничего нельзя было прочесть.

— Я просмотрел страничку-другую, — сказал инквизитор. — По-моему, это полная чушь.

— Значит, вы и впрямь такой тупица, каким кажетесь, брат.

— Пять, — скомандовал брат Искупитель. Траффорд услышал хлопок и свист рассекаемого воздуха, и тут же его спину вспороло отчаянной болью, какой он еще никогда не испытывал. За этим последовали еще четыре удара бичом, а когда наказание завершилось, он уже плакал и молил о пощаде.

— Сегодня утром, — снова заговорил инквизитор, — ваша жена Чантория пришла к своему исповеднику и заявила, что вы сделали Мармеладке Кейтлин прививку. Это правда?

— Да.

Несмотря на терзающую его боль, Траффорд словно почувствовал прилив сил, когда инквизитор переключился с обсуждения книг на другую тему.

— Она сказала, что вы действовали ей наперекор, — сказал брат Искупитель. — Это тоже правда?

— Да, она была против. Она просила меня этого не делать.

— Тогда ее, возможно, помилуют. Это будет зависеть от решения Соломона Кентукки и воли народа.

Траффорд заметил, что внимание брата Искупителя снова возвращается к "Происхождению видов". Инквизитор опустил глаза и принялся лениво перелистывать книгу, которую держал в руках. Его необходимо было отвлечь, и Траффорд напрягся, соображая, в какую сторону повернуть беседу.

— Если Чантория созналась во всем добровольно, — сказал он, стараясь, чтобы его голос не дрогнул, — зачем было так ее истязать?

К его облегчению, инквизитор захлопнул книгу и, презрительно хмыкнув, швырнул ее в жаровню.

— Мы должны были выяснить, правду она говорит или нет, — пояснил он. — Ведь она, очевидно, ведьма, а ведьмы хитры.

— Она не ведьма.

— Она позволила добрым людям из вашего прихода уверовать в ее святость, тогда как на самом деле жила в союзе с еретиком и дьявольским ребенком. Разве это не ведьминские козни?

Траффорд не ответил. Силы покидали его вместе с кровью, сочащейся из глубоких ран на спине.

— Кто делал прививку вашей дочери? — спросил инквизитор нарочито небрежным тоном, и по этому вопросу Траффорд понял, что подлинные испытания еще впереди.

— Я его никогда не выдам, — ответил Траффорд. — Он пытался спасти мою дочь. Я ничего вам не скажу.

— Скажете, Траффорд.

— Никогда.

— Десять, — сказал инквизитор.

После десяти очередных ударов хлыстом Траффорд едва не потерял сознание. Затем ему выжгли на животе и ягодицах слово "еретик". Затем его растянули на дыбе.

Превозмогая адскую боль, Траффорд старался все время удерживать перед своим мысленным взором лицо Сандры Ди. Это ради нее он терпел муки. Пока речь идет о Кассии, брат Искупитель не доберется до тайны библиотеки. Если же это случится, Сандру Ди тоже схватят.

Траффорд даже начал надеяться, что умрет раньше, чем палачи сломят его сопротивление, и таким образом унесет свою тайну в могилу.

Распяв Траффорда на дыбе, мучители пропустили ток через его гениталии и стали по очереди вырывать ему ногти.

Этого он уже не вынес.

— Довольно! — выкрикнул он. — Имя, которое вам нужно...

— Кассий, — произнес инквизитор.

Траффорд был ошеломлен. Он попытался хоть немного прояснить багровую сумятицу своих мыслей.

— Не понимаю, — наконец прошептал он.

— Что же здесь непонятного? — спросил брат Искупитель. — Человеком, который воткнул в Мармеладку Кейтлин отравленную иглу, был ваш коллега Кассий. Я знал это с самого начала. Все страдания, которые вы перенесли, были напрасными. Мне просто хотелось проверить, как долго вы продержитесь. Можете считать это профессиональным любопытством.

— Но...

— Не будьте наивным, Траффорд. Разумеется, мы всё знали. И вы сами поняли бы это, если бы немножко подумали, вместо того чтобы корчить из себя героя. Когда вы впервые сообщили Чантории, что к вам обратился вакцинатор? В день физиприса. И вы еще добавили, что он ваш коллега. Вы сказали ей, она — нам. Далее мы очень легко вышли на Кассия, действуя обыкновенным методом исключения. К несчастью, он оказался сообразительнее вас.

— Он сбежал?

— Он умер.

— Вы убили его?

— Он сам убил себя. Сразу после вашего ареста. Отправился в мужскую зону отдыха с душевой и принял яд. Он понимал, что его ждет.

Траффорд ничего не сказал, но душа его, несмотря на ужасную боль, радостно встрепенулась. Кассий — настоящий герой! Если бы его схватили и пытали, сколько людей могло бы пострадать — вакцинаторы, гуманисты, а с ними и Сандра Ди! Но он защитил их, заставив себя замолчать прежде, чем его заставили говорить.

— Как я уже сказал, — продолжал брат Искупитель, — вы напрасно мучились и лишились трех ногтей. Должен признать, что вы стойкий человек. Я едва не приказал прекратить пытки. В конце концов вы нужны нам живым.

— Зачем? Мой секрет вам уже известен. Какая разница, раньше я умру или позже?

— Несчастный глупец! — воскликнул брат Искупитель. — Разница очень велика. Вы еще пригодитесь Храму. Вы с вашей женой осмелились обмануть старейшин. Они объявили вашу никчемную дочь чудо-ребенком, а она умерла. И мы знаем отчего.

— От холеры.

— Насланной Любовью, потому что вы бросили ей вызов. Теперь вы обязаны признаться в своих грехах публично, чтобы всем людям стала известна доподлинная история вашего проклятого ребенка, Мармеладки Кейтлин.

Большой показательный суд назначили на следующую неделю. Он должен был состояться на стадионе Уэмбли в тот самый вечер, на который еще недавно намечалась кульминация кампании под лозунгом "Чудеса бывают!"

Несмотря ни на что, Траффорду все-таки было суждено появиться перед публикой в лучах прожекторов.

Чтобы сохранить видимость законности и соблюсти процедуру, сидящего в камере Траффорда немного подлечили, а затем дали ему адвоката. Адвокат оказался женщиной по имени Парижская Кокотка — она пришла к нему вечером накануне суда.

— Если меня правильно информировали, вы, в отличие от вашей жены, не раскаиваетесь и даже не считаете себя виноватым в смерти Кейтлин, — сказала Парижская Кокотка чопорным, официальным тоном. Как и подобало представительнице ее профессии, она была в серебристом парике, черном бюстгальтере и толстых, добротных панталонах и показалась Траффорду холодной и практичной, под стать своему костюму.

— Конечно, я не беру на себя никакой вины, — ответил Траффорд. — Она умерла от холеры. Не я создал воду, которую пьют в нашем доме.

— Разумеется, не вы. Ее создал Бог. Однако с точки зрения закона немедленно возникает вопрос, *зачем* Бог внес в эту воду инфекцию. Разве вы не признаете, что холера была наслана на ваш район Богом-и-Любовью в качестве возмездия за ваши попытки действовать вопреки его воле?

— Нет, не признаю.

— Траффорд, если вы примете на себя ответственность за ваши поступки, мы сможем добиться смягчения приговора.

— Я принимаю на себя ответственность за свои поступки. В этом вся суть. Мне кажется, я единственный, кто это делает. В отличие от ваших законов, я ничего не сваливаю на Бога и ни в чем на него не рассчитываю. Я спас мою дочь от кори и свинки. Потом она умерла от холеры. Я считаю, что ни Бог, ни я тут ни при чем. Это Храм помешал мне достать прививку от холеры.

Парижская Кокотка нетерпеливо застучала по клавишам своего ноутбука. Ей явно жалко было тратить время на полоумных, отвергающих такие фундаментальные юридические принципы, как причастность Бога ко всему на свете.

— Ну хорошо, — с сарказмом произнесла она. — Давайте вернемся к обстоятельствам дела. Вы признаете, что по вашей инициативе Кейтлин была сделана прививка?

— Да, признаю.

— Можете ли вы переложить на кого-либо или что-либо часть своей вины?

— Я вас не понимаю.

Парижская Кокотка даже не старалась скрыть досаду: очевидно, ей казалось, что Траффорд нарочно валяет дурака, изображая непонимание.

— По закону статус жертвы считается смягчающим обстоятельством, — раздраженно объяснила она. — Если вы сумеете привести доказательства в пользу того, что вас самого можно рассматривать как жертву, судьям придется учесть это при вынесении окончательного решения. Например, не унижали ли вас в детстве родители, занизив таким образом вашу самооценку?

— Нет.

— Не страдаете ли вы дурными привычками? Возможно, вам приходится бороться с поработившими вас демонами или зависимостью от каких-либо лекарств? А может быть, проблема небольшого роста и негативное представление о самом себе помешали вам реализовать заложенный в вас потенциал сильной и многогранной личности?

— Нет.

— Может быть, к вам проявляли неуважение люди, отказывающиеся оценить по достоинству вашу законную гордость тем, кто вы и чем занимаетесь?

— Нет! Ничего подобного не было. Мне не нужно смягчение приговора. Я любил свою дочь и, насколько мог, действовал в ее интересах, вот и все.

Парижская Кокотка взглянула на часы: ей явно не терпелось завершить это бессмысленное и бесперспективное собеседование.

— Траффорд, Храм назначил меня вашим адвокатом по этому делу. Мой долг — поставить вас в известность о том, что "действия в интересах вашего ребенка" не являются оправданием для проведения вакцинации.

— Я и без адвоката знаю, что закон безумен, мисс Парижская Кокотка. Я просто объяснил вам свои мотивы, не предполагая сделать из них аргумент защиты.

— Стало быть, аргументов в свою защиту у вас нет?

— Почему же, есть.

— Я имею в виду, легитимных, — сердито сказала Парижская Кокотка. — Соответствующих законодательству нашей страны и постановлениям Храма. Пожалуйста, не тратьте мое время на пустяки.

— У меня есть защита.

— Вы понимаете, что вас обвиняют по двум пунктам: в том, что вы вакцинатор и эволюционист, причем вы не отрицаете ни того ни другого?

— Да, и моя защита по обоим пунктам одинакова.

Парижская Кокотка бросила на него усталый взгляд.

— Вы изучали юриспруденцию в течение восьми лет, Траффорд?

— Нет, не изучал.

— А я изучала. После чего у меня были десять лет адвокатской практики. Я имею все шансы в ближайшем будущем стать юрисконсультом Храма.

— Поздравляю.

— И даже несмотря на то, что я не вижу законной защиты для человека, признавшего себя вакцинатором и сторонником теории эволюции, вы таковую видите?

— Да.

— И что же это?

— Моя вера.

— Ваша вера?

— Закон Храма гласит, что вера человека — его неотъемлемое и неотчуждаемое право. Отрицать ее — значит разжигать религиозную ненависть. Так вот, я верю в вакцинацию. И в эволюцию тоже! Я верю, что мы можем познать материальный мир на основе фактов и логических выводов, не считая, что он находится во власти сверхъестественного существа. Такова моя вера! Имя моего Бога — Естественный Отбор. Это Он меня сотворил! А закон гарантирует мне право на веру.

Наступила пауза. Похоже, Парижская Кокотка временно утратила дар речи.

— На каком основании вы называете верой нелепые измышления обезьянолюдей? — наконец спросила она.

— Я полностью убежден в том, что это не измышления, а реальность.

— Быть убежденным в реальности чего бы то ни было еще не означает иметь веру, — с апломбом заявила Парижская Кокотка. — Я убеждена в реальности сладкого вина и имбирного печенья. Я убеждена в реальности крыс и тараканов, но все это не составляет предмета моей веры.

— Печенье — материальный объект. Крысы — творение природы, вроде нас самих. Но эволюция — это понятие, которое мы постигаем разумом, и в этом отношении оно ничем не хуже Бога.

Парижская Кокотка на мгновение задумалась. Траффорду показалось, что спор задел ее за живое.

— Вы говорите, что теория эволюции — предмет веры, потому что вы в нее верите. — Она скривилась. — Объясните мне — почему?

— Потому что она прекрасна, логична и доказуема. Это единственное — подчеркиваю, *единственное* удовлетворительное объяснение возникновения на Земле столь разнообразной жизни! Все открытые до сих пор факты, вплоть до самых мельчайших, подтверждают эту теорию, и нет ни одной мелочи, которая бы свидетельствовала о том, что вселенная была создана за неделю, а человек за один день. Человек не мог появиться за один день! Какой бы ни была причина его появления, будь то Бог или космическая случайность, которую можно назвать Богом, это произошло не за один день! На это потребовался даже не один миллион лет.

— Значит, вы говорите, что убеждения обезьянолюдей можно доказать? — спросила Парижская Кокотка.

— Да, если не с полной надежностью, то уж определенно в рамках разумного.

— Ага! — торжествующе воскликнула Кокотка. — Тогда они не могут быть предметом веры!

— Почему?

— Верить по-настоящему можно лишь во что-то, не поддающееся доказательству. Если нечто может быть доказано, то это факт, а чтобы верить фактам, не надо быть истинно верующим человеком. Таким образом, по закону ваши воззрения не считаются правомочными.

— Поскольку они верны?

— Поскольку вы утверждаете, что их можно доказать с помощью фактов. Никакая вера не может быть обоснована с помощью фактов, иначе это уже не вера. Либо идеи обезьянолюдей не имеют научного подтверждения и в этом случае их можно назвать предметом веры, либо они основаны на научных выводах, а стало быть, не являются предметом веры, вследствие чего закон не считает их правомочными. Какой вариант вы выбираете? Можно ли *доказать* эффективность вакцинации или вы просто *верите* в нее? Основана ли ваша теория эволюции на твердых фактах или о ее справедливости говорит вам ваше религиозное чувство?

— Эффективность вакцинации можно доказать, а теория эволюции основана на твердых фактах.

— В таком случае все это не имеет ни малейшего отношения к вере, и вы будете осуждены как еретик.

Траффорд невольно улыбнулся.

— Что ж, — покорно сказал он, — я и не рассчитывал вас переспорить.

На лице Парижской Кокотки отразилось облегчение. Она повернулась к веб-камере, подключенной к ее компьютеру.

— Итак, мы заносим в протокол, что обвиняемый не пожелал выдвигать аргументы в свою защиту и добиваться смягчения приговора.

Она встала, чтобы уйти. Она выполнила свой долг и явно не собиралась задерживаться здесь дольше, чем следовало. На пороге она еще раз обернулась к Траффорду.

— Надеюсь, вы понимаете, что вас скорее всего сожгут на костре?

— Моя дочь умерла, — ответил Траффорд.

— Да будет вам, — сказала Парижская Кокотка. — На детях свет клином не сошелся.

Железная дверь камеры захлопнулась с лязгом.

39

Когда Траффорд встретился с Чанторией за кулисами сцены на стадионе Уэмбли, он увидел ее впервые после того дня, как она, окровавленная, лежала рядом с ним на полу камеры. С тех пор ее привели в порядок, загримировав рубцы и синяки с помощью специальных средств. Теперь она выглядела гораздо лучше, хотя поросшая щетиной голова придавала ей какой-то диковатый вид, особенно в сочетании со странным, отсутствующим выражением глаз.

— Здравствуй, — сказал Траффорд.

— Мы грешники. Мы это заслужили, — был ее единственный ответ.

Конвоиры провели их по пандусу для подъема сценического оборудования и оставили за рядом гигантских динамиков. Снаружи закончилось исполнение песни. Раздался громоподобный рев, а затем — приглушенный голос певца, который обращался к публике. Поскольку акустическая система была направленной, Траффорд не различал отдельных слов, однако не сомневался, что певец призывает людей сделать сны явью и стать теми, кем они видят себя в своих мечтах.

Траффорд взглянул на Чанторию. Интересно, помнит ли она их последнее совместное посещение стадиона, когда они были частью ликующей толпы и программа концерта не включала в себя такого леденящего кровь номера, какой предусмотрен сегодня? Это было совсем недавно, и все же до чего длинный путь они успели пройти! В тот вечер он во второй раз заговорил с женой о прививках для Кейтлин. Логично, что их путешествие должно завершиться именно здесь.

Траффорд с удивлением отметил, что внутренне он совершенно спокоен. Наверное, подумал он, произнести еретическую речь перед четвертью миллиона человек не так уж страшно, если знаешь, что тебя все равно сожгут на костре.

Вплоть до этого момента Фестиваль Веры проходил по своей обычной схеме. Как всегда, вначале было объявлено, что это самый грандиозный из всех фестивалей, намного превосходящий по масштабу и значению предыдущий, который также побил все прежние рекорды. Затем несколько звезд одна за другой сообщили толпе, что все мировые проблемы исчезнут, стоит ей только этого захотеть, что нищета, болезни и несправедливости обязательно уйдут в прошлое, если только все зрители возьмутся за руки и споют хором. Затем мужчины на пару секунд взвалили женщин на свои хилые плечи, и те помахали баннерами. По ходу дела были съедены сотни тысяч гамбургеров и пончиков, и теперь вечер приближался к своей стандартной кульминации, каковой должно было стать коллективное излияние скорби по умершим детям.

Однако сегодня эта кульминация имела особый характер. Зрителям предстояло увидеть торжественный суд над еретиками, в котором Траффорд с Чанторией выступали в качестве обвиняемых. Нагие и в цепях, они стояли за кулисами огромного концертного комплекса, дожидаясь, пока последняя поп-группа распрощается с толпой и покинет сцену вместе со своими танцовщицами, менеджерами, подсобными рабочими и известным комиком, который ее представлял. Потом, даже не взглянув в их сторону, мимо прошествовал главный исповедник Соломон Кентукки; телохранители помогли ему пробраться между штабелями аппаратуры и выйти к публике, которой он должен был объяснить всю важность предстоящего события.

— Друзья и собратья по вере! — раздался его возглас. Дикция у Кентукки была прекрасная, и даже звуковые искажения не мешали Траффорду понимать, что он говорит. — Сегодня, как всегда, мы собрались, чтобы воздать хвалу Любви и возблагодарить ее за спасение наших невинных младенцев, вознесшихся на небеса. Давайте скажем все вместе: аминь!

— Аминь! — прогремело в ответ.

— Аминь, — услышал Траффорд тихий шепот Чантории.

— Кстати, о невинных младенцах, — продолжал Соломон Кентукки. — Я хочу кое-что вам сообщить. Сегодня нам предстоит разоблачить тягчайшее преступление против веры! Его совершили двое закоренелых грешников, до того подлых и коварных, что им удалось обмануть даже всевидящее око Храма. Давайте воскликнем все вместе: моря любви!

— Моря любви! — эхом отозвались зрители.

— Давайте воскликнем все вместе: нивы радости!

— Нивы радости! — еще громче проревела толпа.

— Ниврад, — прошептал Траффорд, и в этот момент к ним торопливо подскочил один из представителей техперсонала.

— Ничего, если я вас озвучу? — спросил техник и, не дожидаясь ответа, повесил на шеи Траффорду и Чантории хомутики с радиоаппаратурой. — Здесь не помешает? — добавил он, вынимая липкую ленту и приклеивая маленькие микрофончики к цепям, в которые были закованы пленники.

К нему на помощь уже спешил второй техник.

— Когда эти двое отработают, их микрофоны понадобятся нам для финала, — сказал он.

— Знаю, — раздраженно откликнулся первый. — Я читал инструкцию.

Но главный исповедник еще не закончил свое вступительное слово.

— Вы помните этого ребенка! — сказал он, и на гигантских экранах, установленных по всему периметру стадиона, появилось личико Мармеладки Кейтлин, главной героини кампании "Чудеса бывают!" Траффорд с Чанторией тоже увидели его на закулисных мониторах, и у обоих на глазах выступили слезы.

— Вы помните, что этого ребенка не смогла погубить корь, — продолжал Соломон Кентукки. — Этого ребенка не смогла погубить и свинка. Дважды Любовь насылала на наш славный озерный град ужасный мор, дабы покарать нас за грехи, и дважды этот ребенок оставался целым и невредимым. Я говорю вам, люди, что это было чудо! И я хочу услышать от вас: о да!

— О да! — завопила толпа.

— Храм возлюбил этого ребенка! Мы увидели в этом чудо-ребенке символ надежды! Символ веры Бога-и-Любви в прекрасное будущее всего человечества! Мы ликовали по поводу его чудесного спасения в наших церквях и во всемирной сети. Мы превозносили мать этого ребенка как образец добродетели и ставили ее в пример всем женщинам! Я хочу услышать от вас: да, так было!

— Да, так было! — закричали все.

— ГРОМЧЕ! — скомандовал Кентукки.

— ДА, ТАК БЫЛО! — послушно взревела толпа.

— Но потом, братья и сестры! О, что случилось потом!.. — и голос Кентукки задрожал от гнева и скорби. Траффорд видел на закулисных мониторах, как священник начал судорожно подергиваться, точно одержимый. — Потом, братья и сестры, чудо-ребенок умер! Эта девочка умерла! И я хочу услышать от вас: о горе мне!

— О горе мне! — повторила толпа.

— Правильно, братья и сестры: горе *вам*! Ибо приготовьтесь и слушайте, дети мои! Я сказал, приготовьтесь. Я бы даже сказал, *прикиньте*! Ибо вдруг обнаружилось, что этот чудо-ребенок — вовсе не чудо-ребенок. Сразу после того, как девочка пережила свинку и мы снова принялись радоваться, что среди нас ангел, явилась обычная холера и прибрала бедняжку. Она прибрала ее прямо на небо, и знаете, что я вам скажу: в этом нет ничего чудесного. Такое случается каждый день. И позвольте мне сказать вам еще кое-что, братья и сестры! Когда я услышал эту весть, на душе у меня стало тяжело. В моей душе воцарилось смяте-

ние. *Зачем* Господь забрал эту девочку к себе, если прежде он дважды спасал ее на наших глазах? Зачем он так над нами подшутил? И я хочу услышать от вас: зачем?

– Зачем! – раздался рев.

– Зачем! – снова гаркнул Соломон Кентукки.

– Зачем! – еще раз прокатилось по стадиону.

– Зачем? – прошептала за кулисами опутанная цепями Чантория.

– Я скажу вам зачем! – прокричал главный исповедник. – Это была кара! Вот зачем! Наказание за грех! Грешников – на выход!

Грянула музыка, и Траффорда с Чанторией вытолкнули на слепящий свет прожекторов. Их подхлестывали сзади кнутами, и они побрели вперед, спотыкаясь, волоча свои цепи между пюпитрами, подставками для гитар и ударными установками, по кабелям и целой россыпи пластиковых бутылок, которыми была замусорена сцена. Когда они приблизились к главному исповеднику, электронные аккорды стали оглушительными, хор пропел трагические куплеты из рок-оперы, а в небе взорвался кроваво-красный фейерверк.

– Итак, перед вами грешники, родители ребенка! – выкрикнул Соломон Кентукки. – Подайте сюда женщину!

Чанторию грубо выпихнули на середину сцены, и она упала к ногам Соломона Кентукки.

– Чантория! – воскликнул тот. – Скажи людям, почему Любовь отняла у тебя твою малютку!

– Потому что мы воспротивились Божьей воле, – сквозь слезы проговорила Чантория. – Мой муж сделал нашей девочке прививку, а я ему не помешала!

На мгновение толпа затихла. Все были поражены серьезностью преступления.

– Что ты сказала? – проревел главный исповедник.

– Я сказала, что муж сделал нашей девочке прививку.

– Бейте ее! – повелел Соломон Кентукки, и конвоиры принялись стегать кнутами ползающую на коленях Чанторию.

Зрители, довольные предоставленной им возможностью полюбоваться, как избивают нагую, закованную в цепи женщину, криками выражали свою ненависть и требовали еще более жестоких ударов, пока главный исповедник наконец не поднял руку, призывая всех к молчанию.

– Чантория, – торжественно сказал он, – правда ли, что твой муж позволил колдунам втыкать в вашего ребенка отравленные иглы в тщетной попытке обмануть Господа? Правда ли, что твой муж говорил: пусть на небо забирают других детей, но не моего, ибо я обвел Любовь вокруг пальца с помощью колдовства?

– Да, да, это правда! – выкрикнула Чантория, обливаясь кровью.

– И правда ли, что тебя постигла за это ужасная кара?

– Да! Господь взял моего ребенка!

– Бейте! – снова скомандовал Кентукки, и снова под ликующие вопли толпы на Чанторию посыпались удары, которые на сей раз довели ее до беспамятства.

– Подайте отца-колдуна! – прогремел главный исповедник, и на середину сцены вытолкнули Траффорда.

— Твоя дочь умерла! — воскликнул Соломон Кентукки.

Траффорд попытался сосредоточиться. Он знал, что у него лишь один шанс сказать нужные слова. Времени на риторические уловки, которые он планировал применить в своем обращении к толпе, уже не оставалось: теперь необходимы были только краткость и ясность.

— Да, главный исповедник! Она умерла. Но не от кори и не от свинки, от которых ей сделали прививки. Эти прививки подействовали! Моя дочь умерла от холеры. От этой болезни тоже существует вакцина, но мне не удалось ее достать.

— Молчать! — заорал Соломон Кентукки.

— Прививки действуют! Они дали моей дочери защиту от тех болезней, ради борьбы с которыми их создали. Слушайте меня, люди!

— Бейте его! — приказал Кентукки, и избиение началось.

— Требуйте прививок для своих детей! — кричал Траффорд, уклоняясь от ударов. — Вы слышите меня, люди? Требуйте, чтобы вашим детям делали прививки!

— Нельзя идти против воли Бога-и-Любви! — воскликнул Кентукки.

— Бог, который убивает детей, желая наказать родителей, не стоит того, чтобы ему поклонялись!

В этот момент, слабея под градом ударов, Траффорд заметил, что звук его голоса изменился, и понял, что ему отключили микрофон. Он услышал, как главный исповедник завопил: "Колдун и еретик! Бейте его, бейте сильнее!" Но прежде чем сознание покинуло Траффорда, ему показалось, будто толпа на мгновение затихла — словно в ней нашлись люди, каким-то чудом сумевшие понять смысл его отчаянного призыва.

40

Придя в себя, он обнаружил, что его вернули в камеру. Понять это ему удалось не сразу, потому что веки у него склеились от крови, ребра, похоже, были сломаны в нескольких местах, а все мышцы так измочалены, что он не мог пошевелиться.

И все-таки, лежа на полу без движения, страдая от невыносимой боли, зная, что вскоре его ждет неминуемая мучительная смерть, Траффорд чувствовал своего рода удовлетворение.

В каком-то смысле он победил. Он заявил свой протест. Он высказался, произнес две-три правдивые фразы в мире, где правда находилась вне закона. Мало того: он сделал это посреди стадиона Уэмбли, на Фестивале Веры! Четверть миллиона людей слышала его напрямую, и еще многие миллионы должны были услышать в эфире. Храм позаботился о том, чтобы сделать его выступление важнейшим общественным событием, и он воспользовался этим как нельзя лучше. Такое еще никогда никому не удавалось. Никто никогда не говорил правды на Уэмбли, и вряд ли это когда-нибудь произойдет опять. В стране, где каждый гордился тем, что он "личность", хотя на самом деле был лишь одним из гигантского стада баранов, он, Траффорд, сумел доказать свою уникальность. И кто знает, возможно, кто-нибудь прислушался к его словам. Возможно, кто-то в этой громадной толпе понял, что в них есть смысл, и задумался над ними. Даже если Траффорд заронил одно-единственное

семечко сомнения в одну-единственную голову, можно считать, что его усилия не пропали даром. Он взял верх в борьбе с Храмом. Разве кто-нибудь другой может похвастаться тем же?

И это еще не все. Нет-нет, далеко не все! Он сохранил в неприкосновенности все свои драгоценные секреты. Его убьют, практически ничего о нем не зная. Им известно, что он сделал своему ребенку прививки, но этот секрет он и сам счастлив был разгласить. Зато им ничего не известно о его тайном мире, о его занятиях науками и историей, о его увлечении художественной литературой и удивительных фантазиях. Пожалуй, даже если бы они и узнали обо всем этом, то мало что поняли бы: слишком уж злобными и изуродованными были их собственные умишки.

Он ничего не рассказал им о гуманистах — ни слова! У этих невежд не хватило сообразительности даже на элементарную догадку о том, что человек, сделавший вакцинацию своей дочери, может заниматься и иными видами подрывной деятельности. Теперь подпольщикам уже ничто не грозит. Кассий мертв, но библиотека будет работать по-прежнему, а в свой черед откроются новые. Пока же как минимум уцелели другие его единомышленники. Макаллан и Тейлор. Коннор Ньюбери. И самое главное — Сандра Ди! Его молчание и мужество Кассия, лишившего себя жизни, спасли их всех.

А еще инквизиторы ничего не узнали о его любви. О его самой мучительной и драгоценной тайне. Они так и не узнали, что он любит Сандру Ди и что он принес ей чудесный дар — книги, благодаря которым она сможет свободно путешествовать по мирам, намного превосходящим мир, созданный Храмом. Сандра Ди будет вспоминать о нем с гордостью; наверное, сейчас она страшно боится, что его арест может привести их к ней. Но пройдет неделя, потом другая, третья — и она поймет, что угроза миновала. Тогда она вернется в библиотеку. Привлечет к их делу новых сторонников. И кто знает — может быть, в один прекрасный день мир наконец избавится от слепой веры.

Пришли врачи и осмотрели его раны.

— Наша задача — сделать так, чтобы вы были в состоянии взойти на костер, — только и сказали они, когда он поинтересовался результатами осмотра.

На следующий день ему принесли костыли и велели упражняться в ходьбе.

— Ваша казнь назначена на ближайшую неделю, — объяснил врач. — Если до тех пор вы не встанете на ноги, отвечать за это будем мы. Лично я считаю так: если хочешь казнить своих преступников по-человечески, не надо их калечить. Но меня никто не слушает.

Траффорду помогли подняться и выйти из камеры. Там его заставили ковылять по огромному круговому коридору, а потом к центру собора, где он вдруг обнаружил над собой, высоко вверху, гигантский сводчатый купол: в перекрытии над его головой зияло широкое отверстие. Траффорд сообразил, что его привели в прогулочный дворик, потому что здесь было множество узников, таких же избитых и переломанных, как он. Опираясь на костыли, они бродили по кругу — наверное, тоже готовились к казни.

— Ходить, — сказал тюремщик.

Траффорд присоединился к шаркающей толпе, поглощенный мыслями о Сандре Ди. Впрочем, иногда он вспоминал о Мармеладке Кейтлин, а заодно и о Ласковой Голубке, своей первой погибшей дочери, но изо всех сил старался не задерживаться на этих печальных думах.

— Я вас прощаю, — внезапно раздался чей-то голос. Он звучал странно, как будто говорившему что-то мешало, и сначала Траффорд не понял, что это обращаются к нему. Но потом тот же голос произнес его имя.

— Я вас прощаю, Траффорд.

Подняв взгляд, Траффорд увидел распухшее, лиловое от кровоподтеков лицо с глазами-щелочками. Он присмотрелся внимательнее, и по его спине пробежал холодок: он узнал этого человека. В последний раз он видел его в толстых очках на пороге своей драгоценной библиотеки.

— Так вас... поймали? — спросил Траффорд.

— Конечно, — сказал Филин своим странным новым голосом. — Видимо, благодаря вам. Но это не важно. Мы все в конце концов не выдерживаем. Я тоже заговорю, не сомневаюсь. Когда меня брали, я попытался откусить себе язык, но толком не справился, и они пришили его обратно. К счастью, я мало что могу им сообщить. Из тех, кого приводил Кассий, я знаю по имени лишь единицы — по большей части, смутьянов вроде вас.

— Я никого не предавал, — ответил Траффорд.

— Какая разница, — отозвался Филин. — Лично я терпеть не могу это выражение, но здесь оно вполне уместно.

— Не разговаривать! — рявкнул тюремщик, и Филин с Траффордом побрели дальше в противоположных направлениях.

Позже Траффорд заметил Макаллана, потом Тейлор и Коннора Ньюбери — непривычно и горько было видеть последнего лишенным ореола своей былой славы. Среди узников ему попалось и несколько посетителей библиотеки. С тяжелым сердцем Траффорд понял, что инквизиция все-таки нашла способ добраться до гуманистического подполья. Он принялся лихорадочно озираться, ища взглядом Сандру Ди, надеясь вопреки здравому смыслу, что ее здесь нет. Зачем она так торопилась? Зачем настояла на том, чтобы попасть в библиотеку так скоро? Если бы у нее хватило терпения повременить с этим, она могла бы уцелеть.

И тут он увидел ее. Она стояла около железной двери, через которую он вошел сюда, и смотрела на него. Он поковылял к ней, но она не тронулась с места. Почему-то на ней не было ни синяков, ни других следов пыток. Как всегда, она была одета со вкусом, но скромно и выглядела свежей и чистой. Рядом с ней стоял брат Искупитель. Траффорд остановился. Потом он увидел, как Сандра Ди сказала что-то инквизитору, словно отдавая распоряжение. Потом брат Искупитель двинулся к нему.

41

Траффорду было приказано следовать за Сандрой Ди в камеру. Опустив голову, он смотрел, как мягко раскачивается подол ее ситцевого платья.

Это было то самое платье, которое он в последний раз видел на ней, когда она сидела в лодке, слушая его сексуальные фантазии.

– Оставьте нас, – сказала Сандра Ди брату Искупителю, когда они вошли в камеру Траффорда.

– Но... – возразил было тот.

– Его избили до полусмерти, – резко оборвала инквизитора Сандра Ди. – Не думаю, что он сможет причинить мне вред. Оставьте нас.

– Слушаюсь, мэм, – отозвался монах, прежде казавшийся всесильным, и без дальнейших возражений покинул камеру. Дверь за ним затворилась, и Сандра Ди с Траффордом остались вдвоем.

– Ты работаешь на инквизицию? – спросил Траффорд. Он был до странности спокоен – спокоен, как человек, который уже умер.

– Не совсем, – ответила Сандра Ди. – Я работаю на правительство, как и ты. А конкретно – в полиции, или в тайной полиции, но в конечном счете все мы работаем на Храм, верно?

Хотя спокойствие так и не покинуло Траффорда, это не помешало ему слегка растеряться.

– Ты поступила в наш офис, чтобы... чтобы шпионить за нами?

– Да.

– Разве у полицейских есть осведомители в каждом офисе?

– Конечно, нет.

– Тогда почему в наш?

– Мы искали вакцинатора, – пояснила она. – Кстати, ты напрасно считаешь бесполезными все данные, которые хранятся в Госбанде. Мы пользуемся ими постоянно, и в первую очередь базами данных Израза. Именно благодаря им мы узнали, что в последние несколько лет наш почивший друг Кассий общался с теми коллегами, чьи дети успешнее других сопротивлялись эпидемиям. Процедура проста: отыщи родителей, дети которых пережили мор, собери все их известные контакты и найди среди них общий. Так мы вышли на Кассия. Обычно так и ловят вакцинаторов – через Израз.

В мозгу Траффорда теснилось множество вопросов, множество обвинений, которые он хотел бросить в лицо этой женщине, оказавшейся шпионкой.

– Но... если вы находите вакцинаторов по здоровым детям, – голос Траффорда задрожал от возмущения, – то вы должны признать, что вакцинация действует!

– Разумеется, Траффорд. Именно поэтому полицейские – не инквизиторы. Вера заставляет последних отрицать эффективность прививок. Мы не связаны столь жесткими религиозными ограничениями. Мы ловим вакцинаторов, поскольку знаем, что вакцинация действует, а потом инквизиторы сжигают их, поскольку уверены в обратном.

Внезапно Траффорд бросился на нее, сжав кулаки, оскалив зубы. Но не успел он преодолеть и половину разделявшего их расстояния, как израненное тело отказалось ему повиноваться.

– Пожалуйста, Траффорд, – сказала Сандра Ди. – Не надо глупостей.

– Хватая вакцинаторов, вы убиваете детей! – крикнул он.

– Я служу в полиции, Траффорд. Мой долг – защищать закон.

– Почему? Почему ты пошла в полицию?

— По тем же самым причинам, по каким ты стал гуманистом. По тем же причинам, по которым сначала я показалась привлекательной тебе, а... — тут она словно на секунду запнулась, — а ты мне.

— Это безумие.

— Нисколько. Мы с тобой схожи во всем, кроме одного: я сумела обуздать свою совесть. Работа тайным агентом позволяет мне иметь столько секретов, сколько я захочу. Только я знаю, кто я на самом деле. Мой блог, в котором ты распознал подделку, регулярно пополняется клерком из моего отделения. Я туда вообще не заглядываю. Пойми, Траффорд, я тоже считаю, что этот мир — сплошное дерьмо, но, согласившись работать на его хозяев, я фактически нашла способ не играть по его правилам. Мне даже не надо накачивать себе грудь! Мое тело принадлежит только мне, так же как и моя душа. Я живу своей, абсолютно никому не известной жизнью, и на Храм мне плевать с высокой колокольни. Вдобавок по долгу службы я встречаюсь с очень интересными людьми — такими, как ты, Траффорд. И другие гуманисты. До того, как ты привел меня к ним, мы лишь догадывались об их существовании. Мы и понятия не имели о том, что они так хорошо организованы, а пока я общалась с тобой, я прочла много замечательных книг. Кое-какие я оставлю себе. Вот почему я выбрала такую профессию. Те, кто ловит наркоманов, сами принимают наркотики, те, кто служит в полиции нравов, смотрят запрещенную порнографию, а я читаю "Гордость и предубеждение".

— Ты стерва. Гнусная эгоистка!

— Траффорд, в нашем мире только эгоизмом и можно спастись. А почему бы мне не быть эгоисткой? Когда смотришь на человечество, на это отвратительное сборище тупых подонков с садистскими наклонностями, понимаешь, что эгоизм — единственно правильный моральный выбор. Почему я должна жертвовать собой ради других людей? Все они дрянь. Если ты готов идти на жертвы, ты уже слишком хорош для ублюдков, которым хочешь помочь.

— По-твоему, я дрянь? А Кассий — он тоже был дрянью?

Прежде чем ответить, она посмотрела на него долгим взглядом.

— Нет, Траффорд. Ты не дрянь. Ты прекрасный человек, и ты мне нравился. Конечно, исключения есть, но их маловато для того, чтобы становиться мучеником. У людей было все что нужно, и они выбросили это за ненадобностью. Дай им это снова, и они снова все выбросят. Вся наша история — одно сплошное доказательство того, что человечество не заслуживает мозгов, которые даны ему от природы. Мы гнилое, безнадежное племя, и в конечном счете имеет смысл разве что поиск лучшего куска для себя самого.

Траффорд все еще лежал на полу, там, где упал. Она помогла ему подняться на ноги и добраться до койки. Его удивило то, какая она сильная.

— Подумай как следует, Траффорд, — продолжала Сандра Ди, — и ты поймешь, что я права.

— Какая тебе разница, что я думаю? — спросил он.

— Ты неглуп и хорошо умеешь хранить тайну, — ответила она. — Такие люди нам нужны.

Траффорд не сразу сообразил, что она имеет в виду.

— То есть? — вырвалось у него.

— То есть пора тебе повзрослеть. Ты хотел стать личностью — так стань ею. Твоя дочь умерла; твоя жена от тебя отреклась. Теперь ты никто, так что у тебя появился шанс стать тем, кем ты захочешь. Присоединяйся к нам, становись агентом. Мы изменим тебе внешность, найдем для тебя место в обществе, и ты сможешь хранить свои секреты, выведывая чужие. Мы даже сможем иногда встречаться, чтобы обмениваться книгами или... еще что-нибудь. Либо это, либо костер, Траффорд.

— Лучше костер.

— Не торопись, подумай.

— Думать тут ни к чему. Я лучше сгорю, чем стану тем, кем стала ты, Сандра Ди.

— И кто же я?

— Нечеловек.

— Тогда я счастлива быть нечеловеком, потому что люди — дерьмо.

— Это не так, и ты это знаешь. Ты прочла достаточно книг, чтобы это понять. Люди сочетают в себе все самое высокое и самое низкое из того, что может дать природа. И я лучше умру, веря в самое высокое, чем стану таким, как ты. Ты — это самое низкое, гораздо ниже любой злобной хамки вроде Принцессы Любомилы; по сравнению с тобой она ангел.

Сандра Ди встала, не сказав больше ни слова, и пошла к двери. На пороге она обернулась.

— Кстати, это мы убили Мармеладку Кейтлин, — сказала она.

Ужас окатил Траффорда ледяной волной.

— Вы... *убили?*

— Да. Разве тебе не показалось немножко странным, что она умерла как раз перед тем, как кампания "Чудеса бывают!" достигла своей кульминации — концерта, на котором ты хотел объявить, что твоя дочь спаслась не по воле провидения, а благодаря прививке? Не надо было выдавать мне свой план, Траффорд. Как только ты это сделал, я поняла, что она должна умереть. Я сообщила о том, что ты мне сказал, своему начальству, и они приказали нашим химикам заразить ваш район холерой. Мы убили Мармеладку Кейтлин, чтобы ты не превратил ее в орудие борьбы с Храмом. Так что видишь — ты сам виноват в ее смерти.

Хотя голова Траффорда кружилась, а перед глазами все плыло, в мозгу у него зрела последняя идея. Последний план.

— Я любил тебя, — сказал он.

— Я тебя об этом не просила, — ответила она.

— Но ты занималась со мной любовью.

— Это был секс.

— По-твоему, ты знаешь, что такое любовь?

— Полагаю, что да.

— А я думаю, что нет.

— Что ж, мы никогда не узнаем, кто прав, верно? Ты-то уж точно не узнаешь.

— Я хотел сказать тебе... Объяснить, что такое любовь... Я написал тебе письмо. На работе, утром того дня, когда меня арестовали. Мне кажется, я чуял, к чему все идет.

— Чуял? — с улыбкой спросила Сандра Ди. — А я думала, ты полагаешься только на разум.

— Файл с письмом называется "Ниврад".

– Ниврад?

– Да. Нивы радости.

Несмотря на всю холодность, которую Сандра Ди на себя напускала, в этот момент что-то в ее манере изменилось.

– Нивы радости? – переспросила она, и Траффорду показалось, что ее голос дрогнул – едва заметно, совсем чуть-чуть.

– Да, – ответил он. – Нивы радости – это моя любовь.

На лицо Сандры Ди вернулась надменная улыбка: теперь ее броня была восстановлена и крепка, как прежде.

– Траффорд, Траффорд, – сказала она. – Вечный романтик!

И ушла.

Оставшись в одиночестве, Траффорд задумался. Откроет ли она файл? В конце концов она ведь шпионка, а шпионы, как правило, любопытны. Кроме того несмотря на ее слова, Траффорд знал, что она все-таки немного его любила – по-своему, по-нечеловечески. И он решил, что откроет. Он верил, что это произойдет, – а если она сядет за компьютер Траффорда в Изразе и откроет файл под названием "Ниврад", электронные письма отправятся по своим адресам. Те самые письма, в которых рассказано о теории Дарвина. Письма, с которых начнется цепная реакция.

42

Утром того дня, на который была назначена публичная казнь Траффорда, в новостных программах появился сюжет о "еретике из Уэмбли": оказывается, человек, открыто похвалявшийся тем, что отравил своего ребенка, был еще и членом некой зловещей секты, подпольной террористической организации. Эти негодяи, говорилось в новостях, гораздо хуже взрывающих себя подростков-иноверцев: ведь они пытались возродить ужасную ложь обезьянолюдей, изучая и пропагандируя соответствующие материалы. Они преследовали гнусную цель – восстановить те самые заблуждения, за которые Любовь покарала человечество Потопом.

В результате вдоль дороги от тюрьмы до лобного места выстроились тысячи разгневанных граждан – огромная толпа, остервенелая от ненависти к еретику-извращенцу, который получал удовольствие, отравляя детей, и верил, что его прадедушка был обезьяной.

На месте казни были уже распяты несколько членов секты – они висели на крестах, еще живые. Толпа швыряла в них камнями и грязью; одни преступники молили о пощаде, другие хранили молчание. Траффорд заметил, что Коннор Ньюбери молчит, и был удивлен: он не подозревал в нем такой стойкости характера.

Здесь же была и Чантория – обнаженная и в колодках, она с готовностью терпела брань и унижение. Почти лишившись ума от горя и страха, она бормотала, что только ее страдания могут помочь их ребенку когда-нибудь найти путь на небо.

Траффорд поднялся на ступени, ведущие к погребальному костру. С болью в сердце он увидел, что костер сложен из книг, и понял, что это содержимое библиотеки, доставившей ему столько радостей.

Отец Бейли уже поджидал Траффорда на эшафоте. Именно он, как исповедник приговоренного к сожжению злодея, должен был потребовать, чтобы перед смертью Траффорд раскаялся и отрекся от своих убеждений.

– Траффорд Сьюэлл, – торжественно произнес он в микрофон, явно наслаждаясь всеобщим вниманием, – признаете ли вы, что были вакцинатором, читали книги и верили в так называемую науку обезьянолюдей?

– Признаю, – громко ответил Траффорд, – и горжусь этим!

В толпе раздались издевательские выкрики. Взглянув вниз, Траффорд обнаружил, что Принцесса Любомила и Незабудка каким-то образом сумели протиснуться в передние ряды зрителей. Их лица были искажены злобой.

– Готовы ли вы покаяться в своих грехах? – снова обратился к нему отец Бейли. – Готовы ли признать, что вакцинация не приносит пользы и что человек не является плодом эволюции, а был создан Богом в один день?

– Нет. Никогда.

– В таком случае вас сожгут живьем.

– Вера, которую приходится вымогать угрозами, ничего не стоит!

– Сжечь его!

Траффорд никогда не думал, что у него хватит душевных сил пойти на смерть за свои убеждения, но теперь эти силы откуда-то взялись. Когда его привязывали к столбу, он посмотрел вниз, на многоликую толпу. Сбоку на него направили микрофон – видимо, в расчете потешить зрителей его криками.

– Нивы радости! – вдруг выкрикнул он. – Нивы радости! *Ниврад! Ниврад!*

На мгновение толпа затихла: все с нетерпением ждали, какое кощунство сорвется напоследок с уст еретика.

– Не смотрите вперед, во тьму невежества! – воскликнул Траффорд. – Смотрите назад, в светлое прошлое! *Наоборот*, понятно? Ниврад, смотрите наоборот! Ниврад! *Ниврад наоборот*!

И в этот миг, когда палач в капюшоне шагнул к костру, чтобы поджечь его горящим факелом, кто-то в толпе помахал Траффорду рукой. Он вгляделся туда, ожидая увидеть коллегу или приятеля, но человек, привлекший его внимание, был ему незнаком. Встретившись с ним глазами, незнакомец показал на свою футболку. На ней стояли слова "Нив(ы) рад(ости)!"

Потом он со значением кивнул Траффорду.

Озираясь, Траффорд увидел девушку, сидящую на плечах своего парня. В руках у нее был баннер. На баннере – слово "Ниврад". Девушка ничего не кричала, а просто внимательно смотрела на Траффорда, так же как и ее парень.

Значит, Сандра Ди попалась на удочку и решила прочесть его любовное послание! Неважно, что подтолкнуло ее к этому – сентиментальность, холодный интерес психолога-практика или обычное любопытство, – но она включила компьютер Траффорда в Изразе и открыла файл с названием "Ниврад". Под конец он все-таки обманул ее, и она своей рукой обрушила в интернет лавину электронных писем, размно-

жающихся по вирусному принципу. Миллионы людей стали получателями первой гуманистической почтовой рассылки.

Груда книг, на которой стоял Траффорд, занялась, и костер стал понемногу разгораться. Но когда первые языки пламени уже лизали ему ноги, у него нашлись силы на последнюю улыбку, ибо в глубине души он знал, что когда-нибудь Храм будет побежден. Иначе и быть не могло — так говорили разум и теория эволюции. Ведь ни одно общество, основанное лишь на страхе и агрессивном невежестве, не может существовать вечно. Ни один народ, который в угоду самым глупым, самым неизобретательным, самым *неинтересным* своим представителям душит всякую любознательность и оригинальность, не способен на долгое процветание. Траффорд знал, что мир будет спасен благодаря естественному отбору, как уже бывало прежде, когда другие тираны пытались подавить свободную человеческую мысль, и что когда-нибудь исповедники Храма навсегда канут в историю.

Матей Вишнек

Считай, что ты – Бог

Сценки для театра

Перевод с румынского и послесловие Анастасии Старостиной

От автора

Что такое короткая пьеса?

Вот вопрос, который я задаю себе много лет, тридцать пять с лишним лет по сути, — с тех пор как пишу пьесы для театра, и некоторые *выходят короткими*. Короткая пьеса это как ребенок, который в какой-то момент решает, что он больше не хочет расти. Он может принять такое решение в три года, в четыре, в семь лет, даже в одиннадцать, но в любом случае — пока он еще не вышел из детства... Весь жизненный потенциал, по которому угадывается его судьба, при нем, просто он сам остается... малюткой.

Я всегда считал, что писатель — это тот, кто работает с живым материалом, а его живой материал — это текст. Текст же, будучи живым, имеет свои законы. Стоит запустить его в ход, стоит высвободить его внутреннюю энергию — и ты как писатель уже не волен делать что хочешь. Текст начинает диктовать тебе те или иные линии сюжета, навязывает тебе свою внутреннюю волю. Много раз случалось мне с недоумением обнаружить, что персонаж, которому я отводил второстепенную роль, начинает *забирать себе все больше места*, расти и оттеснять персонажей, которые, по моему замыслу, были главные. Впрочем, в каждой пьесе ведется борьба между персонажами главными, второстепенными и эпизодическими. В любом жизненном пространстве, а значит, и в универсуме текста, борьба за существование и самоутверждение ведется очень жестко...

© Matei Vişniec, 2008
© Анастасия Старостина. Перевод, послесловие, 2009
Редакция благодарит Матея Вишнека за любезно предоставленное право безвозмездной публикации сценок для театра на страницах журнала.

С другой стороны, бывает, что пьеса еще в зародыше — только-только наметки драматической ситуации, — с первых реплик сама устанавливает свой объем, свои масштабы. Дает почувствовать, что она будет короткой, потому что у нее ограниченные способности роста... С определенного момента, если попробовать развивать ее дальше, получится, что тянешь текст, как жевательную резинку... а этого делать не стоит. В таком случае залог драматургического успеха — это *не писать*, не перегружать насильно текст, который явно хочет остановиться на странице 4-й, на странице 7-й, на странице 13-й. Я знаю, я чувствую, слушая внутренние вибрации текста, что просто спровоцирую обвал всего здания, если добавлю еще хоть одно слово. Это как строить карточный домик, тут надо уметь вовремя остановиться: в тот момент, когда хочешь во что бы то ни стало и вопреки природе добавить еще одну карту, все твое построение рушится.

Короткая пьеса есть упражнение — как задеть за живое без лишних слов, стилистическая игра, где ты даешь себе задачу достичь максимум эффекта при минимуме средств. Еще короткая пьеса есть проба на ловкость рук, ставящих время и чувство в обратно пропорциональную зависимость: в краткий отрезок *времени* тебе надо вложить наибольший заряд *чувства*.

Если говорить обо мне, то желание писать короткие пьесы осеняет мою жизнь периодически, наподобие кометы... Ни с того ни с сего, по таинственным мотивам, я чувствую, что должен написать короткую пьесу. Без конца мотаясь по океану литературы, я иногда ловлю себя на мысли, что вот сейчас проплываю над напластованием раковин, иные из которых содержат жемчуг. И тогда я поступаю точно как искатели жемчуга: ныряю в воды, не слишком прозрачные, океана идей и слов, чтобы попытать счастья и вытащить на поверхность слезинку перламутра из тех, что годятся для ювелира. Но жемчужины попадаются редко, надо нырять сотни раз, пока добудешь хотя бы одну.

Считай, что ты – Бог

Действующие лица

Вибко
Станко

Станко, совсем пацан, лет семнадцати. Вибко чуть постарше. Сидят в укрытии, в городе, где все перевернуто гражданской войной.

Вибко. Ты че, простыл?

Станко. Не-а.

Вибко. А чего весь в красных пятнах? Замерз?

Станко. Не-а.

Вибко. У тебя нет шинели, ну, чего-нибудь потолще, надеть?

Станко. Есть.

Вибко. Слушай хорошенько, что я тебе скажу. Шинель — святое дело. Даже когда жара, лучше иметь шинель. Шинель — она всегда хороша. Ты откуда сам?

Станко. С Крикова.

Вибко. Это где такое — Криков?

Станко. Да... тут, в двух шагах.

Вибко. Ну ладно. Значит, так. Первое дело — чтоб ты экипировался как следует. Слушай хорошенько, что я тебе скажу. В укрытие засядешь — можно не один час просидеть, а бывает, и день, и два. Тут, ежели ты не экипирован как надо, тебе кранты. Врубился?

Станко. Угу.

Вибко. И не корчи из себя Рэмбо, тут тебе не кино. Чтоб делать дело, надо иметь экипировку. На, держи перчатки.

Станко. Да не холодно мне.

Вибко. Надень перчатки, я сказал. Поаккуратнее с пальцами. Пальцы — вещь нужная. Отморозишь руку — кранты.

Станко. Ну спасибо.

Вибко. Второе. Давай расслабляйся. Не дрейфь. Не с чего. Будешь дрейфить — кранты. Ну, дрейфишь?

Станко. Не-а.

Вибко. Руки вперед. Обе, обе. (*Смотрит на его руки.*) Дрожат.

Станко. Пройдет, это так.

Вибко. А руки-то потные. Перво-наперво — не дрейфить. И не мерзнуть. На, закури, успокаивает.

Станко. Да я не курю.

Вибко. Фью-ю... тебе сколько же лет?

Станко. Семнадцать.

Вибко. И ты что, в школе никогда не курил?

Станко. Пробовал, только... рвет меня.

Вибко. Ну-ну, ничего. Пивка?

Станко. Лучше уж пивка.

Вибко откупоривает две бутылки. Пьют.

Вибко. Ну, полегчало?

Станко. Ага.

Вибко. Ты сегодня ел?

Станко. Не, я утром есть не могу.

Вибко. Никуда не годится.

Станко. Утром я только пью кофе, все.

Вибко. Слушай, парень, утром, когда ты сюда приходишь, приходить надо поемши. Чтобы делать дело, надо перво-наперво утром навернуть. Слышишь? Есть у тебя кому готовить еду?

Станко. Есть.

Вибко. Ты давай, пусть тебя кормят хорошо, понял? У нас тут сборы, понял? А когда сборы, нельзя приходить на голодный желудок...

Станко. Да я вроде ничего...

Вибко. Это несерьезно. Твой долг — позавтракать на дорогу. Здоровый завтрак — первое дело. Завтрак теперь для тебя — главная еда за день. Врубился?

Станко. Врубился.

Вибко. Это приказ. Утром горячий завтрак. Закусон, яйца, хлеб... И теплое молоко в обязательном порядке...

Станко. Молоко я тоже не очень... Не переношу молоко, от молока меня рвет.

Вибко (*протягивает ему батон салями*). Вот, бери... положишь в ранец.

Станко. Спасибо. (*Кусает.*) Вкусно.

Вибко. У тебя всегда должно быть что погрызть... салями, печенье, хлеб... Мы вроде охотников, надо уметь ждать... Ну, пришел в себя?

Станко. Пришел.

Вибко. Руки вперед... Все равно дрожат. Чего они у тебя дрожат?

Станко. Откуда я знаю?

Вибко. Ты первый раз, что ли, в деле?

Станко. Да нет...

Вибко. А ну, готовсь!

Станко вынимает из чехла винтовку с оптическим прицелом и устанавливает ее в позицию для стрельбы.

Вибко. На приклад не напирай... Во-во... И спокойно, не мельтеши, нас никто не торопит, понял? Считай, что ты — Бог. Бог никогда не мельтешит. Сначала почувствуй, что ты спокойный и холодный как лед, потом стреляй. И только если сердце бьется нормально. Перво-наперво слушай, как бьется сердце. Нормально бьется или нет?

Станко. Нормально.

Вибко. Учился когда-нибудь на чем-нибудь играть?

Станко. Учился немного, на скрипке.

Вибко. Шикарно. Тогда считай, что винтовка — это скрипка. Для скрипача скрипка все равно как часть его тела. Когда пилишь на скрипке, музыка прет у тебя из тела. Надо чтоб и пуля так — перла из тела, из твоего тела. А если очкуешь перед своей винтовкой, тебе кранты.

Станко. Я не очкую.

Вибко. Ты уже из нее стрелял?

Станко. Стрелял.

Вибко. Я хочу сказать — ты стрелял уже реальными пулями?

Станко. Стрелял.

Вибко. А в человека стрелял? Ну, грохнул хоть одного?

Станко (*невольно прыскает*). Голубя грохнул.

Вибко. Ладно с голубями. Теперь будешь стрелять в этих подонков. Сегодня, прикинь, день, когда ты пришьешь своего первого подонка.

Станко. Угу...

Вибко. Давай смотри в прицел... скажи себе, что сегодня крещение... крещение огнем... Чем скорее мы тебя окрестим, тем лучше. Что ты видишь?

Станко. Что вижу? Улицу...

Вибко. Блочный дом с балконами видишь?

Станко. Вижу.

Вибко. Бензоколонку?

Станко. Вижу.

Вибко. Отлично... держись на этом отрезке. Кто там первый покажется, он твой.

Станко. Вижу двух бабулек. Идут с базара, что ли.

Вибко. Шикарно. Вот тебе и почин. Выбирай одну из двух.

Станко. Нет-нет, в бабульку стрелять не могу... Не хочу начинать с бабульки.

Вибко. Короче, для нас важно что — заставить всю эту гнусь сидеть по их крысьим норам... чтоб они знали, что они крысы и что выхода у них никакого нет и никогда не будет. Когда стреляешь, думай про это. Скажи себе, что на самом деле убиваешь крысу, понял?

Станко. Понял.

Вибко. Тебя вообще как звать?

Станко. Станко.

Вибко. А меня Вибко. Не бойся крыс. И не жалей. Крысы — они крысы и есть. Молодые, старые, женского пола, мужского, детеныши — один черт. Крысы хотят сожрать нашу страну, и мы заставим их сидеть по норам. Такое тебе задание. Понял, о чем я?

Станко. Понял.

Вибко. Я так понимаю, ты армию еще не прошел?

Станко. Нет еще.

Вибко. Шевели глазами-то, шевели... води прицелом, не сиди как паралитик... не жди, пока они сами тебе попадутся, ищи, ищи все вре-

мя... Прочесывай улицу, прочесывай подъезды, окна... Притормози на окнах, окна видишь?

Станко. Вижу.

Вибко. Окна — вещь важная. Подумай, что за этими стенами, за этими окнами полно крыс. Все, что шевелится за стеклом, — твое, пак!

Станко. Вижу еще старушку, белье развешивает на балконе.

Вибко. Что за черт, что ж ты только старых баб видишь? По любому, до заката ты обязан пришить одну крысу. И если сегодня бабулькин день, выберешь себе бабульку, так-то вот... случаются такие деньки.

Станко. Вижу еще девчонку, играет в куклы.

Вибко. Где?

Станко. На балконе.

Вибко. Я же говорил, крысы кишмя кишат. Слушай, не жалей ты крыс, а то они придут и сожрут тебя с потрохами.

Станко. Все равно, не могу я взять да убить ребенка.

Вибко. Ну, парень, делай, как знаешь. Тебе решать. Только по любому дело надо сделать. До заката мы должны иметь, по крайности, одну мертвую крысу в этом секторе... нельзя им давать вздохнуть.

Станко. Тогда я лучше старушку, чем девчонку с куклой.

Вибко. Слишком много думаешь, парень... Не страшно, конечно, твое право... Хотя лично я всегда себя спрашиваю: Господь Бог думает? Лично я не думаю, что Господь Бог думает... Господь Бог действует, и точка. (*Пауза.*) Она все играет?

Станко. Играет.

Вибко. На прошлой неделе у меня был другой сектор, там, на холме, где водонапорная башня, оттуда бульвар Тито начинается... Держал под прицелом один двор. И тоже, как ты, видел одних бабулек, они то в дверь, то из двери, по-быстрому... И вот попала мне в глазок девчонка, лет семи-восьми, прыгала через веревочку. Ей-богу, все утро прыгала через веревочку. Как пару часов прошло, это мне стало действовать на нервы. Нарочно скачет, думаю, скачет, чтоб надо мной поизмываться... Ну, послал предупреждающую пулю, метра за три от нее, чтоб просекла. Эта дура завыла и убралась в дом. А через десять минут — обратно, малышня скоро все забывает. Вышла и по новой через веревочку... Я на нее час смотрел. Злой стал и еще раз стрельнул, поближе, чуть веревочку у нее из рук не вышиб... Дура снова в крик и за дверь. И снова через десять минут вижу — высунула нос, головой повертела направо, налево — и шасть из норы. На цыпочках, будто боится кого разбудить... И опять все по новой. Весь день через веревочку, я чуть не спятил... Пуль у меня было только шесть в запасе, но я все ж таки еще одну ей послал, чтоб убиралась. А дура убралась, да ненадолго.

Станко. И что?..

Пауза.

Вибко. Крыса по любому есть крыса.

Станко (*глядя в прицел*). А, вот какой-то экспонат.

Вибко. Где?

Станко. У бензоколонки. Видишь?

Вибко. Нет.

Станко. Чего делать?

Вибко. Он там прячется, бежит — что он там?

Станко. Да нет, идет себе нормально.

Вибко. Тогда он твой. Бери его на мушку, пройдись с ним немного вместе и как почувствуешь, что ты его держишь, стреляй...

Станко. Чудно...

Вибко. Что чудно?

Станко. Чего он не торопится, не пойму.

Вибко. Ну, ты даешь. Тебе-то что?.. Это тебе по фигу... Не торопится, ему же хуже. Тебе больше времени для прицела.

Станко. По-моему, пьяный в стельку.

Вибко. Старикашка?

Станко. Не похоже, чтоб очень был старый... вроде призывного возраста...

Вибко. Класс, это твоя крыса, сможешь сказать, что ликвидировал классную крысу. Жми!

Станко. Я дам ему перейти улицу.

Вибко. Смотри, он возьмет да припустится бежать.

Станко. Нет, я его хорошо держу... Хм, у него с собой кошелка... Вот экспонат, совсем не торопится.

Вибко. Если он переходит улицу, значит, идет в молочную.

Станко. А где молочная?

Вибко. За бензоколонкой слева, отсюда не видно.

Станко. Тогда пусть сначала купит, за чем идет.

Вибко откупоривает бутылку пива.

Вибко. Выпьешь?

Станко. Давай.

Пьют.

Вибко. Что там твой поделывает? Вошел в молочную?

Станко. Уже выходит... сдачу пересчитывает... купил три бутылки молока.

Вибко. И даже сейчас не торопится?

Станко. Не-а.

Вибко. Черт с ним, стреляй. Он сам нарывается. Нарочно это делает, чтоб над тобой поизмываться. Давай, чего жмешься. Как с моста в реку.

Станко стреляет.

Вибко. Попал?

Станко. Не знаю... упал, это я вижу... ой, я разбил ему бутылку, все молоко пролилось...

Вибко. Стрельни еще разок. Давай, у тебя право на две пули.

Станко. Не могу... меня от молока рвет...

Думаешь, будут бить?

Действующие лица

Первый
Второй

Камера, где их только что заперли.

Первый. Ты где? Ты меня слышишь? Ты меня видишь?

Второй. Нет...

Первый. Вот отродье... Надо же, какое отродье...

Второй. Да уж...

Первый. Думаешь, будут бить?

Второй. Будут.

Первый. Думаешь, убьют?

Второй. Нет.

Первый. По мне, лучше бы уж убили, чем избили.

Второй. Они не имеют права нас убивать. Все-таки есть какие-то законы.

Первый. Начхать им на законы. Они их сами и пишут.

Второй. По-любому, они не могут нас убить. Что мы такого сделали, чтобы нас убивать?

Первый. Что мы сделали, чего мы не сделали...

Крики снаружи.

Первый. Слышишь? Уже бьют кого-то.

Второй. А ты не слушай.

Первый. Как не слушай? Он же вон как орет!

Второй. Заткни уши. Думай о чем-нибудь другом.

Первый. Я не могу думать о чем-нибудь другом. Как это — меня бить? Они не имеют права нас бить. И вообще я не позволю, я не позволю себя бить.

Второй. Успокойся, дадут пару тычков и отпустят. И все дела.

Первый. Не факт.

Второй. Факт.

Первый. С тобой так уже было?

Второй. Нет, но я знаю, как это обычно бывает.

Первый. Откуда ты знаешь? Тебя что, уже хватали вот так?

Второй. Нет, но мне другие рассказывали, как это бывает. Закатят затрещину-другую, может, кулаком врежут пару раз и выпускают. Они тебя не могут тут слишком долго держать. Да у них и места нет, все полно.

Первый. Меня никто не бил никогда. Даже отец никогда на меня руку не поднимал.

Второй. Успокойся. Тут важно их не раздражать, когда тебя бьют. Не выпендриваться. А главное — не поднимать голову. Как начнут тебя бить, держи голову вниз и смотри в землю...

Первый. Нет... я так никогда не смогу...

Второй. Сможешь, надо смочь, иначе рискуешь выйти отсюда калекой на всю жизнь. Поразмысли башкой, мотивов нас мучить у них нет, взяли, чтоб проучить, и всё.

Первый. Слушай, мне не нравится, как ты рассуждаешь.

Второй. Как я рассуждаю, лучше бы ты тоже так рассуждал. И поаккуратнее со словами, когда начнут бить. Если задают тебе вопрос, отвечай вежливо: да, нет, да, нет... смотря что... Без комментариев. Понял? Не ори, как псих, и не комментируй.

Первый. Ну да, я буду орать, как псих.

Второй. Особенно не ори, это их раздражает. Поори маленько, чтобы доставить им удовольствие, но не перестарайся. Главное — чтоб у них не сложилось впечатление, что ты оказываешь сопротивление. Покажи, что тебе больно, но дозируй, важно уметь дозировать.

Первый. Хоть бы они начали с тебя.

Второй. Не факт, что начнут с меня. Но, если начнут с меня, тем лучше для тебя, они устанут, меня дубася, и ты отделаешься легко.

Первый. Честно говоря, я бы хотел, чтобы они начали нас бить поскорее, чтобы мы поскорее отделались.

Второй. Ну нет, ты на этот счет не обольщайся... Прямо сейчас нас бить не будут, сначала помаринуют, они же прекрасно знают, что мы знаем, что нас ждет и что у нас мандраж... они могут нас отсю-

да вытащить на битье в четыре утра или даже завтра в обед. Это какое у них будет настроение.

Первый. Слушай, я хочу тебя кое о чем попросить...

Второй. О чем?

Первый. Стукни меня!

Второй. Что?!

Первый. Хочу, чтоб ты меня стукнул. Чтобы подготовить... я хочу понять, смогу я это выдержать или нет.

Второй. Не придуривайся.

Первый. Нет, я правда... Стукни... дай, как будто бы ты... как будто бы ты был на их месте...

Второй. Ты спятил?

Первый. Нет, просто хочу, чтобы ты меня стукнул... Давай, сделаешь доброе дело, стукни, а то я прям задыхаюсь... Стукни, пожалуйста, а то я блевану...

Второй. Ну ладно, а куда ты хочешь, чтобы я тебя стукнул?

Первый. Не знаю... куда хочешь, только давай побыстрее... давай, я хочу подготовиться... только бей посильнее. Сразу прям бей посильнее.

Второй. Ладно, закрой глаза.

Первый. Нет-нет, бей прям так... Куда хочешь, давай!

Второй. По голове или в живот?

Первый. Куда хочешь, только без жалости.

Второй. Черт, не так-то это просто.

Первый. Давай, это самое доброе дело, которое ты можешь для меня сделать...

Сильный удар.

Второй. Прости... Ну как?

Первый (*плюясь кровью*). Отлично...

Второй. Тебе больно?

Первый. Да...

Второй. Я не хотел... я никогда никого не бил, ей-богу.

Первый. Не бил, а умеешь.

Второй. Мне тоже страшно, и все дела...

Первый. Нормально... все равно спасибо тебе... а теперь давай еще раз...

Второй. Ну нет... Теперь твоя очередь бить.

Бьют друг друга, все больше и больше входят в раж.

Морская Царевна

Действующие лица

Девушка
Фотограф
Старая женщина

Сцена 1

Фотограф на берегу моря. Из моря выходит Девушка.

Девушка. Вы приехали на прилив? На большой прилив?

Фотограф. Да.

Девушка. Фотографировать?

Фотограф. Да.

Девушка. Я так и знала. Я вас видела, когда вы проходили по деревне. Я вижу, у вас отдельный фотоаппарат для каждого предмета, который вы хотите снимать.

Фотограф. Где это ты такое видишь?

Девушка. Видела, видела. У вас в машине. Багажник битком набит фотоаппаратами.

Фотограф. Неправда.

Девушка. До свидания. (*Садится на камень.*) Да, я живу в деревне. Вот только сегодня в деревне не протолкнуться. Понаехали. Всем нужен большой прилив. Даже будет угощенье. Смешно. Почему все так хотят увидеть большой прилив?

Фотограф. А почему бы и нет?

Девушка. Ночью к тому же будет фейерверк. Смешно. Может, вы хотите снимать и фейерверк тоже?

Фотограф. Нет.

Девушка. Но это красиво, фейерверк.

Фотограф. Нет, я приехал за большим приливом.

Девушка. Вам хорошо платят?

Фотограф. Мне платят, если удается продать.

Пауза.

Девушка. Может, вы и фейерверк продадите... (*Пауза.*) Даже здесь пахнет жареными колбасками. Отвратительно. (*Пауза.*) Как вы узнали, что здесь прилив будет выше, чем там, в порту?

Фотограф. Правда?

Девушка. Правда. Но как вы узнали?

Фотограф. Никак. Я просто искал тихое место на набережной, только и всего.

Девушка. Нет, вы за мной следили.

Фотограф. Ничего я за тобой не следил.

Девушка. Этот край набережной мой. (*Пауза.*) А если вы мне не верите, можете пойти в деревню и спросить у кого угодно. Никто не имеет права подходить к этому краю набережной в мое отсутствие. И еще я не хочу, чтобы большие приливы фотографировали. Вы слышите?

Фотограф. Слышу.

Девушка. И вы еще здесь?

Фотограф. Вроде бы.

Девушка. Тогда я вас сброшу в море.

Девушка вскакивает и кошкой бросается к Фотографу.

Фотограф. Стой, стой, стой! Ты с ума сошла?

Девушка. Это мое место!

Фотограф. Слушай, деточка, как тебя вообще-то зовут?

Девушка. "Слушай, деточка, как тебя вообще-то зовут?" Что это еще за вопросики? И если бы еще имел вид.

Фотограф. Фотографу не надо быть красавцем.

Девушка. Вы страшилище, и ваш аппарат — тоже страшилище. Страшилище и такой тяжеленный! Неужели вы думаете, что можно снимать большой прилив таким мерзостным аппаратом? (*Вырывает аппарат у него из рук.*) Убирайтесь, а не то я брошу эту штуковину в море.

Фотограф. Ладно. Я пошел. До свидания.

Девушка. До свидания.

Пауза. Фотограф устанавливает аппарат на треножник.

Девушка. Вы напрасно ждете большой прилив. Тут я распоряжаюсь, Морская Царевна.

Пауза. Фотограф смотрит в объектив.

Девушка. Слышите? (*Пауза.*) В полночь вода поднимется досюда, будет по щиколотку.

Фотограф. Правда? Вода так высоко поднимается?

Девушка. Да.

Фотограф. Ты мне все-таки скажешь, как тебя зовут?

Девушка. Я сказала, а вы забыли.

Фотограф. Ах да, тебя зовут Морская Царевна.

Девушка. Да.

Фотограф. А меня Жерар.

Девушка. Имя под стать аппарату, такое же мерзостное.

Фотограф. Сколько тебе лет, Морская Царевна?

Девушка. Столько. И если хотите знать, мы с вами уже жили.

Фотограф. Как это?

Девушка. Да вы все равно ничего не поймете. И неудивительно, ведь вы приехали снимать большой прилив. Скажите, если я позволю вам себя сфотографировать, вы после этого уйдете?

Фотограф. Я уйду, только когда вода станет по щиколотку.

Фотограф смотрит на часы и фотографирует море.

Девушка. Нет, нет, нет! Не так фотографируют море!

Фотограф. Прости.

Девушка. Вы должны меня предупреждать.

Фотограф. В следующий раз — непременно.

Девушка. Почему вы так со мной?

Фотограф. Чтобы получить серию, я должен фотографировать море каждые тридцать минут.

Девушка. Что у вас в этом рюкзаке?

Фотограф. Хлеб, помидоры, фрукты и вода. Ты хочешь есть?

Девушка. Морская Царевна никогда не испытывает голода. (*Открывает рюкзак Фотографа и роется в нем.*) Я так и знала.

Фотограф. Что ты так и знала?

Девушка. Вы забыли соль. (*Надкусывает помидор. Фотограф подсаживается к ней.*) Не трогайте меня!

Фотограф. Я и не думал тебя трогать...

Девушка. В полночь я искупаюсь в море, не сейчас.

Фотограф. Понял, я запомню...

Девушка. Хотите помидор?

Фотограф. Хочу.

Девушка. Но у вас нет соли. Так и быть, разрешаю вам окунуть его в море, вместо солонки.

Пауза. Из деревни доносится музыка.

Фотограф. Ты убежала из дому, так?

Девушка. С чего вы взяли?

Фотограф. Потому что у меня такое впечатление, что ты убежала из дому.

Девушка. Да, убежала. Я имела глупость покинуть место, откуда мне не надо было уходить. Я имела глупость уйти из моря.

Фотограф. Другой раз не уходи из моря.

Девушка. Ясное дело, больше не уйду. Вы... вы не беспокойтесь, я вернусь обратно в море, туда, где я живу... В полночь я вернусь обратно в море.

Пауза.

Фотограф. Послушай, Морская Царевна...

Девушка. Да-а?

Фотограф. Когда мы жили с тобой вместе?

Девушка. Некоторое время тому назад. В той жизни, в которой мы жили в море. Ты помнишь день, когда мы в первый раз любили друг друга?

Фотограф. Да...

Девушка. Ты даже представить себе не мог, что я невинна, признайся.

Фотограф. Я об этом не думал...

Девушка. Ты правда не знал, что я невинна?

Фотограф. Нет, я даже об этом не думал.

Девушка. Ладно, я тебе верю. Или, может, не верю. Но это никакого значения не имеет. Хочешь моллюска?

Фотограф. А что мне с ним делать?

Девушка. Есть. Ты не хочешь есть?

Девушка входит в воду и исчезает в море.

Сцена 2

Фотограф на берегу моря. Из моря выходит Старая Женщина, в руках у нее жестяная коробочка из-под ирландских бисквитов.

Старая женщина. Добрый вечер.

Фотограф. Ох, вы меня испугали. Что вы здесь делаете?

Старая женщина. Ты меня не узнаешь?

Фотограф. Я смотрел вон на те скалы, потому что давеча видел там девушку, которая собирала гастроподов... И я боялся, как бы ее не застиг прилив, потому что вода стала прибывать... Странное существо эта девушка, думаю, она сбежала из дому... Буквально несколько минут назад она хотела швырнуть мой фотоаппарат в море... Не знаю уж почему, но она запретила мне снимать море в ее присутствии. Говорит, вся эта набережная принадлежит ей. Вы откуда идете, из деревни? Вы ее случайно не встретили на том конце пляжа?

Старая женщина. Жерар...

Фотограф. Да?

Старая женщина. Посмотри на меня хорошенько...

Фотограф. Думаю, она между тем собрала порядочно гастроподов. Она подносит сюда время от времени по полной корзине и вываливает их мне под ноги... взгляните: крабы, моллюски, скарабеи, трипофиды, скафоподы... Я мог бы ее сфотографировать, но не стал, а теперь жалею. Не стал, потому что, в общем-то, специализируюсь на маринистике. Снимаю только море и приливы с отливами. У меня есть фотографии приливов со всех морских берегов мира... Атлантику изъездил вдоль и поперек... Сила приливной волны, знаете ли, зависит от формы заливов и эстуариев. Вы когда-нибудь слышали про залив Фанди? Это в Канаде. Он такой узкий и длинный... там происходят самые фантастические приливы и отливы... Из залива уходит столько воды, что в сумме это равно всем рекам, которые впадают в моря и океаны...

Старая женщина. Жерар, это я. Ты меня не узнаешь? Это я, Морская Царевна... Произошло что-то странное... Я вошла в море, чтобы искупаться, когда вода стала прибывать, и в один миг состарилась. Понимаешь? Я состарилась в один миг, и вся моя жизнь, и все, что я прожила с тобой, все осталось позади... Моя жизнь теперь позади меня. Понимаешь?

Фотограф. Да, он просто магический, этот залив Фанди. Там есть одна точка на берегу, под названием Бернткоут-Хед, где разница между приливом и отливом — шестнадцать метров. Представляете? Хотите, покажу вам кое-какие снимки?

Старая женщина. Жерар, я с тобой говорю. Вся наша жизнь перекинулась назад, понимаешь? Большой прилив развернул все русло моей жизни...

Фотограф. Прошу прощенья, но я вас не знаю. Стоит начаться большому приливу, в деревне все теряют голову. А в этом году прилив самый большой за все столетие. Народ шатается по берегу, хочет увидеть, докуда поднимется вода... Смотрите, как они идут вереницей по тропе. На самом деле эту тропу проложила пограничная охрана... Тропа очень обманчивая, потому что иногда она вдруг резко спускается до уровня воды, а после прямо-таки взлетает, так что дух захватывает... а иногда вообще прерывается, потому что на набережной многие участки обрушились... с тех пор как пограничники перестали здесь патрулировать, никто уже не занимается тропой... Тем не менее в большой прилив туристы слоняются, как под гипнозом, и не соображают, что идут по тропе, которая иногда уходит в море, и уходят в море вместе с ней, и иногда не выходят обратно... Да, я видел людей, которые так и не вышли обратно на тропу после того, как спустились в море. Вы живете в деревне?

Старая женщина. Я твоя жена, Жерар, ты меня не узнаешь? Мы прожили вместе пятьдесят лет.

Фотограф. Вы, вероятно, заблудились... а в вашем возрасте... Давайте я провожу вас до деревни.

Старая женщина. Он мне не верит... Я состарилась в один миг, и он мне не верит. Всякий раз, когда мы вдруг старимся рядом с человеком, которого мы любим, нам не верят, просто-напросто наш

близкий человек не отдает себе в этом отчета. Получается, что мы напрасно так резко состарились. Вот и Жерар не помнит ничего, кроме того дня, когда мы встретились. Ничегошеньки.

Фотограф. Вы хотите есть? У меня в рюкзаке сэндвичи. Но я забыл соль... Или, может быть, вы пришли сюда, чтобы получше разглядеть фейерверк?

Старая женщина. Жерар, мы с тобой прожили жизнь вместе, понимаешь? Но из-за большого прилива мое будущее вдруг развернулось и оказалось позади... И у меня нет ни одного аргумента, чтобы тебя убедить, кроме того, что я старая.... И что все, что осталось от тебя, твой прах, находится здесь, в этой жестяной бонбоньерке... Но я могла бы повторить тебе слова, которые сказала в то утро, когда мы встретились в первый раз. Здесь... "Я вижу, у вас отдельный фотоаппарат для каждого предмета, который вы хотите снимать".

Фотограф не отвечает.

Старая женщина. Это ничего, что ты мне не веришь. Это ничего. (*Пауза.*) Будьте любезны... Вы не поможете мне выбросить ваш прах в море? Ветер слишком сильный, мне самой не справиться... А мне надо это сделать, потому что в ту минуту, когда вы умерли, вы об этом меня попросили... рассеять ваш прах над морем в день, когда наступает большой прилив...

Душа на тачке

Действующие лица

Отец
Сын

Старого индуса везет на тачке по пустыне его Сын.

Сын. Отец...

Отец. Что?

Сын. Не могу больше, отец...

Отец. Молчи.

Сын. Отец...

Отец. Что?

Сын. Три часа уже колесим как сумасшедшие...

Отец. Успокойся, найдем что-нибудь в конце концов.

Сын. Отец, давай вернемся домой.

Отец. Нет.

Сын. Отец, прошу тебя... я больше не могу, с меня пот течет, я без сил... прошу тебя, отец, умри лучше завтра.

Отец. Нет.

Сын. Отец...

Отец. Я сказал "нет". Нет есть нет. Я должен умереть сегодня. Сказано. Таково решение: мне — умереть сегодня. День моей смерти сегодня. Завтра будет завтрашнее... завтра черед умереть кому-то еще. А мне — сегодня. Ты понял? Предрешено, что я умру сегодня.

Сын. Отец...

Отец. Что?

Сын. Я вижу пальму.

Отец. Где?

Сын. Вон там.

Отец. Это пальма?

Сын. Пальма, не очень большая, но пальма. Как ты думаешь, подойдет?

Отец. Испытаем.

Сын останавливается, Отец вылезает из тачки и подходит к пальме. Потом оборачивается к Сыну.

Отец. Отойди в сторону.

Сын. Хорошо.

Отец. Подальше.

Сын. Ухожу, ухожу.

Когда Сын отходит далеко, Отец встает на колени перед пальмой и начинает произносить непонятные слова, руками выделывая фигуры ритуального танца. Через минуту-другую замирает, долго прислушивается, встает. Делает знак Сыну приблизиться и снова располагается в тачке.

Сын. Ну как?

Отец. Это не место. Душа воина уже живет в этой пальме.

Сын. Отец!

Отец. Да?

Сын. Ей-богу, я не верю. То, что ты говоришь, этого не может быть.

Отец. Значит, ты считаешь меня лжецом.

Сын. Нет, но... сколько мы ни ищем... мы все дальше и дальше... и...

Отец. Толкай тачку!

Они продолжают поиски. Сын с трудом толкает тачку, Отец, похоже, дремлет. Однако время от времени старый индус вынимает бутылку виски и отпивает глоток.

Сын. Вижу кактус.

Отец. Они не годятся, кактусы.

Сын. Это огромный кактус.

Отец. Не нравятся мне кактусы.

Сын. Это очень красивый кактус.

Отец. Ладно, остановимся.

Та же игра. Сын отходит на определенную дистанцию, Отец повторяет ритуал перед кактусом. Потом возвращается к сыну и в крайнем изнеможении падает на тачку.

Отец. Занято.

Сын. Кем, черт бы его побрал?

Отец. Там душа... душа ребенка... последнее дитя бога дождя.

Сын. Отец...

Отец. Толкай.

Сын. Отец, так больше нельзя. Скоро ночь.

Отец. Найди мне каменную глыбу лицом к востоку.

Сын. Да тут полно камней...

Отец. Найди мне большой и повернутый к востоку.

Сын везет его еще некоторое время. Останавливается.

Сын. Вот этот, взгляни, подойдет?

Отец. Стой тут и не шевелись.

Отец повторяет церемонию перед глыбой камня. Через минуту-другую возвращается с усталым видом.

Отец. И этот полон.

Сын. Отец, не может в этом камне не быть немного места. Что ж тут такого, если тебе придется разделить с кем-нибудь место?

Отец. С луной ничего не делят.

Сын. Не говори мне, что в этой глыбе покоится душа луны.

Отец. Да, эта глыба приютила душу последней полной луны. Толкай.

Сын. Отец, я больше не могу. Не могу больше, и всё. Тебе ничего не остается, как умереть завтра. Я выдохся, я весь выдохся.

Отец. И тебе не стыдно? Как ты смеешь так разговаривать с отцом? Если я не найду сегодня приюта для своей души, я рискую никогда не умереть. Каждому человеку дан один-единственный день, чтобы умереть... один-единственный... и, если его упустить, все пропало...

Сын. Тогда дай мне тоже бутылку. Дай мне глотнуть.

Отец. Один глоток, не больше!

Сын. Хорошо.

Сын берет бутылку, отхлебывает и возвращает Отцу.

Сын. Я вижу черепаху, это тебя интересует?

Отец. Черепаха?

Сын. Да, черепаха.

Отец. Большая?

Сын. Очень... у нее огромный панцирь. Я никогда не видел такой большой черепахи. Хочешь попробовать?

Отец. Это черепаха с двумя рожками?

Сын. Да.

Отец (*со смехом*). Сын, забери себе в башку то, что я тебе скажу, в свою пустую башку... Если ты под вечер повстречаешь в пустыне черепаху с двумя рожками, это значит, она несет в себе душу дня, который подходит к концу. Толкай, поехали. Поищи мне озеро или реку...

Сын. Где же я найду тебе озеро или реку посреди пустыни? Могу тебя подвезти к цистерне с водой у бензоколонки. Хочешь на бензоколонку?

Отец. Я не могу доверить свою душу какой-то цистерне.

Сын. Тут ресторан "Мэд Грик" неподалеку...

Отец. Ты спятил? Хочешь, чтоб я определил душу на кухню "Мэд Грика"?

Сын. А что ты скажешь насчет этого столба? Километрового? Он большой, как глыба камня, в точности, как ты хотел. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь оставил свою душу в этом столбе. Могу поклясться, что он не занят.

Отец. Отвези меня в лес.

Сын. В какой лес? Тут нигде никакого леса.

Отец. В лес на холме, за "Мэд Гриком".

Сын. Там больше нет леса. Все деревья вырубили, сделали из них шпалы для железной дороги... Как дорога дошла до нас, лес вырубили.

Отец. Тогда вези меня к железной дороге.

Сын. Отец...

Отец. Вези-ка поскорее, не видишь — солнце идет на закат?

Сын толкает тачку, Отец пьет и бормочет непонятный напев.

Сын. Пожалуйста, вот тебе железная дорога. Но не будешь же ты помещать душу в рельсы, отец?

Отец. Убирайся отсюда. Живее, чтоб я тебя не видел. Оболтус.

Сын. Отец...

Отец. Все, оставь меня одного...

Сын отходит немного в сторону. Отец встает на колени и начинает ритуал. Через несколько секунд раздаются победные крики.

Сын (*приближается с робостью*). Отец... Отец...

Отец. То, что надо! Есть свободные шпалы... Уходи, возвращайся домой!

Сын. Отец, не станешь же ты...

Отец (*преображенный, с видом властным, не допускающим возражений, целует сына в лоб*). Теперь иди... прочь отсюда!

Сын пятится. Отец кладет бутылку в тачку, разувается, мокасины тоже кладет в тачку.

Отец. Постой... тачку тоже забери.

Сын возвращается, забирает тачку и уходит.
Отец начинает ритуальный танец на шпалах железной дороги.

От переводчика

Матей Вишнек, румынский поэт, драматург и прозаик, ныне принадлежит также и к франкофонному миру. Он попросил политического убежища во Франции в 1987 году, поскольку за предыдущие десять лет на родине поставили только одну его пьесу, тогда как в самиздате ходила дюжина.

Начав писать по-французски, Вишнек стремительно завоевал театральные подмостки трех десятков стран мира и после революции 1989-го вернулся пророком в свое отечество: сегодня театры Румынии наперебой ставят спектакли по его пьесам.

Первое впечатление от феномена "Вишнек" — это вариативность источников его вдохновения. Тут сошлись два фактора: ориентация на самого широкого зрителя и ежедневный контакт с потоком информации на Международном французском радио, где он работает. Составляя новостные бюллетени, Вишнек, по его собственному свидетельству, находит в этом занятии пользу и для себя как художника в виде неограниченного доступа к "банку сюжетов". А уж отобрать самое существенное и перевоплотить его в искусство — вопрос установки и меры таланта.

То же счастливое свойство личности — быть любознательным и смиренным учеником дало замечательные плоды, когда Вишнеку пришлось писать на чужом языке: привело его к *трансвербальному* театру. Он научился вводить в пьесы молчание или диалоги на одном гласном ("История медведей-панда, рассказанная саксофонистом, у которого есть подружка во Франкфурте") и даже на неизбежных для иностранца языковых шероховатостях строить свою стилистику.

Театр абсурда, театр реалистический и театр магический, театр-дуэт и театр-монолог — Матей Вишнек от пьесы к пьесе меняет инструментарий драматурга и свободно перемещает действие с континента на континент. *Игра* сама по себе со всей очевидностью доставляет ему удовольствие. Но со всей очевидностью видна и его сверхзадача, состоящая в попытке театрализовать на самом высоком уровне главные для человечества и для каждого человека в отдельности вещи: любовь, смерть, войну, утопию, неудавшуюся жизнь. Матей Вишнек выбирает се-

бе учителей не ниже, чем Беккет, Ионеско, Борхес, Кафка, Лотреамон, Эдгар По, Достоевский, Чехов. Особенно пристально вглядывается он в феномен русского театра. Причем умеет удивить новизной подхода. Так, Чехов, по Вишнеку, стоит у истоков театра абсурда, об этом — пьесы *Механизм "Чехов"* и "Нина, или Непрочность чучела чайки".

Стоит отметить один очень важный нюанс в чисто абсурдистских пьесах Матея Вишнека ("Кони под окном", "Три ночи с Мадоксом", "Дверь", "Человек с одним крылом" и другие): театр Вишнека есть *театр любви*, и сквозь самую бессмысленную ситуацию, сквозь клоунаду, сквозь сцену жестокости всегда просвечивает натура непобедимо мягкосердечная (может быть, как отголосок автохтонного, румынского наследия), спасительная улыбка, дар доброты и уважение к личности, какой бы маргинальной она ни была.

Напечатанные выше сценки выбраны из сборника коротких пьес под общим названием "Считай, что ты — Бог", композиционно разбитого на три части: *Границы*. *Агорафобии*. *Пустыня*. Жанр этого триптиха, безусловно составляющего единое целое, трудноопределим. Сам автор видит в нем некий набор модулей для режиссера, из которых он волен смонтировать на свой вкус ту или иную сценическую конструкцию. Если же иметь в виду, что автор работает на радио, то можно трактовать такую форму драматургии как *блок новостей* со всего мира, прошедших через строгий "рерайт" художника. Пусть формула автора "считай, что ты — Бог" несет в себе негативный заряд в случае, когда одни люди распоряжаются жизнью и смертью других людей, но применительно к самому автору у этой формулы есть и другие коннотации: в своем универсуме Вишнек твердой рукой демиурга упорядочивает хаос и мельтешенье информации и придает происходящему смысл. Перед нами в режиме слайд-шоу идут моментальные снимки: зэки в тюрьме периода развитого социализма; мигранты на границе "территории прав человека", куда им нет хода без паспорта с непросроченной визой; американские девушки, серьезные и невозмутимые в своем легком поведении, и мужчины, которым нужен от них не столько секс, сколько доброе слово; нищий слепец в разговорах с псом-поводырем; официантка, срывающая зло на манекенах в пустом кафе на берегу зимнего моря... И вся эта мозаика стычек и нестыковок между людьми, животными и неодушевленными предметами, поданная то с пафосом, то с юмором, выводится на космический уровень, упираясь в ошеломляющую версию Голгофы, в параболу: Христос не только не воскрес, но даже так и не умер на кресте, и до сих пор длится его вечная мука в церквях, которыми он обстроен по всему миру...

Удивительно, что и сегодня есть уголок земли, где Матей Вишнек ходит в самиздате. Это — Россия, где заведено жаловаться на отсутствие новой драматургии и не замечать, что она — вот, только руку протяни. Несколько пьес драматурга переведены энтузиастами-волонтерами с французского на русский, но остаются в рукописи.

"Что бы я сказал тому, кто меня читает? — пишет в своей автобиографии Матей Вишнек. — Не забывайте, что *театр* есть прежде всего *литература* и его можно читать точно так же, как новеллу или роман. Театральной пьесе необязательно проходить через режиссерский монтаж, чтобы дойти до вашего сердца. Каждый читатель — сам себе режиссер, когда он читает пьесу".

Тадеуш Новак

Стихи

Перевод с польского и вступление Анатолия Гелескула

Тихая родина

Стихи Тадеуша Новака критика относит к так называемой деревенской поэзии. Вообще-то поэзия не деревенская относится к деревенской, то есть народной, как листва к корневищу, и поэты хорошо это знают. Но речь идет о другом, о поэтах прошлого века с двойственной и нелегкой судьбой — о тех, кого вывел в люди город, но деревня для них осталась первой и навсегда утраченной любовью.

Тадеуш Новак (1930—1991) родился в галицийской глуши, в лесной долине бегущего с гор Дунайца. Старинное название этих мест — Тарновская Дуброва — говорит само за себя. Отсюда недалеко уже венгерская граница, но еще ближе — древний Краков, где Новак закончил Ягеллонский университет. Он — автор рассказов, романов и нескольких поэтических книг, главные из которых — "Пророки уже уходят" (1956) и "Псалмы" (полное издание — 1980). Религиозный подтекст названий обманчив, и псалмы для Новака — не те библейские, что пел царь Давид, а те знакомые с детства, что поют у деревенских окон бродячие слепцы. Начитанный деревенский мальчик, он в первых сборниках следовал классическим образцам строгого письма, считая главным ясность и искренность. Позже он отдал дань модернизму, но, видимо, чувствуя, что становится вычурным, вернулся к традиционным ритмике и рифме (с единственной уступкой моде по части отсутствия запятых). Форма стала строгой, стих певучим, но образность изменилась и порой кажется сумбурной — знак внутреннего смятения.

© Tadeusz Nowak, 1963, 1978
© Анатолий Гелескул. Перевод, вступление, 2009

"Тихая моя родина" — строка русского поэта, неприкаянного северянина Николая Рубцова. Его родные места — леса, озера и заколоченные окна полупустых деревень — притихли, когда большинство мужчин не вернулось с войны, а женщин и стариков выкосил послевоенный голод. Тихая родина Новака (с Рубцовым они почти ровесники) еще многострадальней: дважды, с запада на восток и обратно, ее утюжили мировые войны. Новак — дитя военного времени, и отголоски войны в его псалмах не затихают. Но память — это прошлое, и мучит оно, если нет будущего. Деревня умирает тихо и повсеместно; уходят в никуда ее беды и радости, песни и поверья, и стойкое трудовое достоинство. И умирает она, безрадостно сознавая, что ее корневые жизненные соки ни к чему городским дармоедам. Давно сказано: "Я последний поэт деревни"; вслед за Есениным немногие могли еще это повторить, но похоже, что скоро повторять будет некому. Может быть, уже некому.

Тадеуш Новак — поэт менее всего буколический. Он не закрывает глаза на жестокости деревенской жизни, на рожденную нуждой скаредность и ожесточенность. Его возмущают крестьянский фатализм и всетерпение. Но движет им не стороннее морализаторство, а боль безнадежной любви — и это главное.

Пейзаж с иволгой

Здесь и безмолвное красноречиво.
Спит голубая прохлада в озерах,
в росчерках ласточек роспись обрыва.
День заблудился в лесах заозерья,
свет шелестит, и под лиственный шорох
в чаще медведями бродят поверья.

Здесь засыпал я в обнимку с травою
и на заре во мне иволга пела,
вот и теперь, за тропой луговою,
слышу, как эхо напутствует реки
всем окоемом, который всецело
птицам доверен и нашей опеке.

Вечером сосны сбегают к дороге,
мелет ветряк сновиденья округи.
Пришлый слепец обивает пороги
с поводырем и псалмом монотонным.
Тонут холмы, облака и яруги —
мир, усыпленный зеркальным затоном.

Край наш, как после грозы, все безмолвней,
все еще веток касаешься робко,
словно притронулся к фосфору молний.
Эту грозу не сыграть на свирели.
Кончится день чечевичной похлебкой,
первой звездой и усталостью в теле.

Все-таки край наш кому-то приснится
весь целиком, с ветряком и корчмою,
с поводырем и конем у криницы.
Птица сквозь сон перекликнется с эхом,
и, приглушая зарю полутьмою,
ночь себе гнезда совьет по застрехам.

Смерклось, лишь майская ночь до рассвета
тронет свирель, замолкает и снова
вторит реке, что затеряна где-то,
и лишь молва о ней ходит глухая,
будто река эта цвета лесного
и ни о чем говорит не стихая.

Дома

Трескучей наледи стекло,
звезды падучей угасанье.
Домой дорогу замело,
и мне напрасно снятся сани.

Направо темные дворы,
налево свет в окне мигает,
на огонек из-за горы
лес бурым волком выбегает.

Мать, коротая дни вдвоем,
хлопочет, вечно занятая,
то раня пальцы за шитьем,
то косы на ночь заплетая.

Отец в углу свой самосад
смолит, покашливая тихо,
шагнет к порогу и назад,
бодрясь, притоптывает лихо.

И ночью долгой, ночью злой,
каленым ветром путь завьюжа,
отцу и матери золой
виски отбеливает стужа.

На войне

Отец ответит вам охотно.
Что делать на войне солдату?
Палить, надвинув каску плотно,
по супостату или брату.

И вся наука, недоучки.
А чтоб уроки были вески —
бурьян, как розвальни, скрипучий
и крест в сосновом перелеске.

А под бурьяном хлам железный,
и воробьи пьют, как из лужи,
из каски ржавой, бесполезной
и продырявленной к тому же.

Плетенка из лозы

Моисея спасла ивовая плетенка,
облитая смолой.

На ум не придет ребенку,
пока не дадут потрогать,
как ивовую плетенку
в челнок превращает деготь.

Рекою листва сверкает
и меркнет в багровой пене.
Из черепа кровь стекает
на вбитые в пыль колени.

Осталась твоя ермолка,
твоя жестяная кружка,
в воде и крови размокла
поломанная игрушка.

На ум не придет такое.
Оливковый облик тает,
а зелень течет рекою,
тускнеет и причитает.

Плетеное днище сгнило,
и деготь размыт ночами.
На ум мне не приходило...
а кто вразумлял — молчали.

Майский лес

Дыши всей грудью наболевшей,
забудь про солнечные плесы,
дыши, как дышит уцелевший
листок чахоточной березы.

Она в болоте по колено,
не отдает весенней ранью
тень, утаенную от тлена,
колоколам на отпеванье.

Бинты, разодранные терном,
с берез и ран роняют клочья,
и память гнойную снотворным
не успокоить этой ночью.

В лесном весеннем лазарете
дух хлороформа и аптеки.
Не зря так тянет на рассвете
под майский дождь, от йода терпкий,

плести носилки, на которых
останки роты лягут ношей
в обрывках марли белоперых
под барабан во мхах заглохший.

У моей матери

На деревне, у матери, догорают осины,
за околицей пахнет душица,
в доме пляс половиц, подпевает река из низины,
а на крыше заря петушится.

Мне бы снова зарыться в осиновый жар листопада
и дитем на карачках спешить за тобой молодою.
Поднимаю глаза — это сыч, не сводя с меня взгляда,
то смеется навзрыд, то во мне затихает бедою.

Мама, тучи над сыном идут, как понурые кони,
нашу скудную радость тесня погребальной каретой,
на пути похорон не смолкают гармони,
а на козлах горбун, в пух и прах разодетый.

Псалом обручальный

Люблю серпу муравушка шепнула
люблю шепнул он мураве-невесте
хмельным вином весеннего разгула
и майским небом захлебнемся вместе

И только жарче слюбимся в июле
и наши сны разделим и секреты
заглянем в медом залитые ульи
и оседлаем конские скелеты

Когда же липких от росы и меда
нас утомит зеленая округа
в девичий сон твой кану до восхода
и ты обнимешь ледяного друга

И растрезвонят пчелы разнотравью
трава бурьяну а бурьян воронам
что я не впрок тебе колечко справлю
и звон венчальный станет похоронным

Зачем же вянешь мурава весною
зачем невеста комкаешь наряды
навстречу нам шумит вино хмельное
и только волчьи ягоды не рады

Псалом купальный

Я в сон-траву устало лягу
зарыв лицо в зеленый запах
Июнь мой бедная дворняга
мой ковыляка на трех лапах

Скребется папоротник в зуде
о чародействе нет и речи
и только тень на ржавом блюде
напомнит голову предтечи

Трясина крестит хоры жабьи
икринки звонкого гороха
и тяжелеют ульи бабьи
от бычьих ласк единорога

Отцветший сад таится чутко
дремотней кони тише всхрапы
а в шалаше живет девчурка
и лижет мед с медвежьей лапы

Двоится время на проселке
где рассыпаются в бурьяне
и бурой ржавчиной осколки
кровоточат уже не раня

Я в сон-траву устало лягу
зарыв лицо в зеленый запах
Июнь мой бедная дворняга
мой ковыляка на трех лапах

***

Горькой зеленью леса над горькою нивой
день оленем летит, волком ночи гонимый,
но погоня напрасна и длится недолго,
волк в оленя, олень превращается в волка.

За холмами долина Дунайцем разъята,
и к реке, словно пчелки на луг медоносный,
стайкой света и ветра слетают девчата
так воздушно, что медью не звякают сосны.

Пахнет зелень, омытая ливнем и ветром,
солнце хлынуло в дол, как вода из запруды,
но еще не проснулись в лесу заповедном
голубиные стаи и снежные груды.

И по-прежнему рядом, как в памяти детской,
колыбель моя утлая с песней дремотной —
эта черствая пустошь, где пашет отец мой
поутру, пока солнце встает неохотно.

Милый дед, твоя люлька в дымке самосада
так стара, что, наверно, обкурена Богом,
а табак и подавно из райского сада,
и душист он, как осень по нашим разлогам.

Я люблю твои байки, и вечер наш долог,
забавляется внучка твоими усами,
а ладони твои как заботливый полог
между нами, беспечными, и небесами.

Моя бедная мать, чем утешить — не знаю,
только верю, что ты не напрасно молила,
чтобы вышний судья, твоя совесть земная,
не забыл, чья рука твою радость убила.

Нет такого безропотно белого снега,
чтобы в ноги тебе постелить понизовье,
где сыны твои место нашли для ночлега
с пулей в сердце и веткой сосны в изголовье.

Спят живые за окнами с мокнущим садом,
где размыта заря, а ненастье у входа
барабанит горохом по кровельным скатам,
пока зренье и речь не вернет нам погода.

Спите, стану я тенью на вашем привале
и дождем, когда засуха выскоблит реку,
все отдам, что сумею, как вы мне давали
все, что в силах давать человек человеку.

Сыну бедной земли, сироты нелюдимой,
что стыдится себя и признаться не смеет,
хлеб и кров вы мне дали и что-то помимо,
что никто, кроме вас, разглядеть не сумеет.

"Я не понимаю, из чего сотворен его мир..."

Владимир Набоков в переписке и дневниках современников

Составление, перевод, вступление и примечания Н. Мельникова

Свой стодесятилетний юбилей Владимир Набоков встречает забронзовевшим классиком. Давно прошли те времена, когда его творения будоражили умы читателей своей дерзкой новизной и "непристойностью", а критиков провоцировали на жаркие газетно-журнальные сшибки. Ныне писатель включен в академические святцы и стал кормом для эрудированных педантов, которые свято уверены: "в прозе Набокова главное — это параллели, переклички, ситуационные и мотивные рифмы", а потому с маниакальным упорством выискивают в ней литературные "подтексты" и "претексты", "интратекстуальные эквивалентности", коды и, конечно же, анаграммы, будто бы таящиеся буквально в каждой набоковской строчке...

Охота за параллелями — увлекательное занятие (хотя, как показывает пример Чарльза Кинбота, чревата безумием). Куда интереснее, на мой взгляд, погрузиться в прошлое и поэтапно, шаг за шагом, проследить процесс формирования писательской репутации Набокова, а если получится — восстановить тот образ, который запечатлелся в сознании современников, еще не загипнотизированных его звездным статусом, еще не ослепленных той лучезарной легендой, в которую он облек свое имя.

Именно этой цели и посвящена данная публикация, в которой приводятся выдержки из писем и дневников набоковских современников, прежде всего собратьев по перу, чьи мнения о "литературной личности" писателя и его произведениях представляют особый интерес, поскольку были высказаны без расчета на публичный резонанс, с предельной искренностью (насколько это возможно в рамках эпистолярного и дневникового жанров). Разумеется, мнения эти крайне противоречивы и субъективны. Зачастую они обусловлены писательской ревностью, элементарной завистью к успешному сопернику и порой говорят гораздо больше не о Набокове, а об авторах тех или иных высказываний, среди которых — и безвестные литераторы "незамеченного поколения" русской эмиграции, и именитые зубры, фигуры "первого ряда", представляющие разные культурные традиции и этнопсихологические стереотипы восприятия: Бунин, Шмелев, Георгий Адамович, Корней Чуковский, Ивлин Во, Кингсли Эмис, Исайя Берлин, Керуак, Фаулз.

Неудивительно, что диапазон высказанных ими оценок предельно широк — от благоговейного поклонения до стойкого отвращения, и нам нелегко будет составить цельный образ писателя из обманчивых отражений, порожденных зерка-

© Н. Мельников. Составление, перевод, вступление, примечания, 2009
Составитель выражает искреннюю благодарность за помощь в работе Валерии Бернацкой, Марии Васильевой, Олегу Коростелеву, Валентину Масловскому, Николаю Пальцеву, Наталье Тагер.

лами чужих душ. Буквально в каждом фрагменте цитатной мозаики перед нами предстанет весьма специфический Набоков (Сирин), имеющий мало сходства с Набоковым других авторов: "ломака, весь без души, весь — сноб вонький"; "хорошо воспитан"; "хам не по природе, а по выбору, гордыне"; "отличный малый"; "безнравственный старик, грязный старик"; "искренний и сильный талант"; "талантливый, эгоцентричный, игривый клоун, дурачащийся перед зеркалом"; "один из самых талантливых современных русских писателей"; "никогда не был глубоко связан с русской культурой... законченный космополит"; "настоящий русский интеллектуал дореволюционного типа, полный шуток и веселья"; "ипохондрик"; "мошенник и словоблуд"; "слегка не в своем уме"; "настоящий барин"; "жулик, самый настоящий жулик"...

Как видим, картина получается, мягко говоря, пестрой. Вероятно, многих набоковских почитателей разочарует этот "портрет без сходства", который на протяжении полувека создавался усилиями людей, не подозревавших о существовании соавторов и даже в собственную оценочную палитру намешавших красок всевозможных цветов и оттенков.

Вот уж действительно: "Друг друга отражают зеркала, / Взаимно отражая искаженья..."

Но самого Набокова, "великого мастера мистификаций и розыгрышей", не раз обращавшегося к теме непрозрачности и неуловимости человеческого "я", составленная нами коллекция его ликов и личин, скорее всего, позабавила бы. Ведь неслучайно устами героя-повествователя одного из лучших своих русскоязычных творений, повести "Соглядатай", он провидчески утверждал: "Ведь меня нет, — есть только тысячи зеркал, которые меня отражают. С каждым новым знакомством растет население призраков, похожих на меня. Они где-то живут, где-то множатся. Меня же нет..."

Его нет с нами более тридцати лет. И все же "цепким паразитом" он живет, меняя цвета и обличья, в каждом из нас, навсегда околдованных его словесным волшебством. И каждый раз, когда мы обращаемся к его книгам, "продленный призрак бытия синеет за чертой страницы, как завтрашние облака, — и не кончается строка", и вновь и вновь нас дразнит тайна "истинной жизни" и бессмертия великого писателя.

Николай Мельников

Из *дневника* Веры Буниной, *24 декабря 1929*

<...> Книга Яну от Сирина. Мне понравилась надпись: "Великому мастеру от прилежного ученика", он не боится быть учеником Яна, и видимо даже считает это достоинством, — вот что значит хорошо воспитан. <...>

С Двух берегов. С. 204.

...*25 декабря 1929*

<...> Вчера прочли 2 рассказа Сирина. "Возвращение Чорба" — заглавие хуже всего. Рассказ жуткий, много нового, острого, но с какой-то мертвечинкой, и как он не любит женщин. "Порт" — много хуже, и о русских пишет почти как иностранец. Хорош Марсель. А сегодня "Зво-

нок" — очень хорошо! Но жестоко и беспощадно. Он умеет заинтересовывать и держать внимание. Фокусник сидит в нем, недаром так хорошо он изобразил его в "Карт<офельном> эльфе". Второй рассказ "Письмо в Россию" — хорошо, но пишет он о пустяках. Мы попросили потом прочитать Яна "Несрочную весну". Нет, Сирину еще далеко до него, не тот тон, да и не та душа. <...>

С Двух берегов. С. 205.

Из дневника Галины Кузнецовой, 25 декабря 1929

<...> Сирин прислал книжку только что вышедших рассказов. Читаем ее вслух. Очень талантлив, но чересчур много мелочей и кроме того есть кое-что неприятное. А все-таки никого из молодых с ним и сравнивать нельзя! <...>

Грасский дневник. С. 124.

Из дневника Веры Буниной, 26 декабря 1929

<...> Читали два рассказа Сирина, "Сказка" и "Рождество". "Сказка" — написанный очень давно, поражает своей взрослостью. И как чудесно выдумал он черта — стареющая толстая женщина. Как он все завернул, смел очень. А ведь почти мальчишкой писал. Да уж очень много ему давалось с детства: языки к его услугам, музыка, спорт, художество, все, все, все. О чем бы ни хотелось писать, все к его услугам, все знает. Не знает одного — России, но при его культурности, европеизме, он и без нее станет большим писателем. "Рождество" — лиричнее и потому слабее, не в лирике у него дело, но бабочка написано <так!> превосходно, молодец! <...>

...27 декабря 1929

<...> Два рассказа Сирина. "Гроза" — слаб, а "Бахман" очень хорошо! Сирин тонко знает музыку. <...>

...28 декабря 1929

<...> Вечером обычное чтение. "Подлец". <...>

...29 декабря 1929

<...> Вечером опять Сирин. "Пассажир" и "Катастрофа". Как у него всегда работает воображение, и как он всегда и все рассматривает со всех сторон и старается найти новое и подать самое простое блюдо, приготовленное по-новому. Это вечное искание и интересно. Сквозь Proust'a он прошел, да я думаю не только сквозь Proust'a, а сквозь многих и многих, даже утерял от этого некоторую непосредственность, заменяя ее искусностью, а иногда фокусом. <...>

...30 декабря 1929

<...> Кончили Сирина и жаль: последние рассказы "Благодать" и "Ужас" – очень противоположны, но оба хороши. В "Благодати" даже новая нота – примирение с миром. Что это – случайность? Или он поедет когда-нибудь по этому пути? Во всяком случае – писатель он крайне интересный, сочетавший все последние достижения культуры запада с традицией русской литературы и даже с âme slave[1].

Он войдет в европейскую литературу и там не будет чужд. Ведь все до сих пор русские писатели, которыми восхищают<ся> европейские собратья, все же относятся к ним, к<а>к к японской живописи некогда. Восхищаются, берут кое-что от нее, но все же она остается для европейского взгляда чуждой. А Сирин, мне кажется, не имеет этой чуждости, Россия у него на втором плане, на первом общечеловечность. "<Картофельного> Эльфа" пропустили, т<ак> к<а>к уже читали. <...>

С Двух берегов. С. 206.

...19 января 1930

<...> Вечером читали "Защиту Лужина". Местами хорошо, а местами шарж, фарс и т. д. Фокусник он ужасный, но интересен, ничего не скажешь. Но мрачно и безысходно. Но Лужин это – будет тип. В каждом писателе, артисте, музыканте, художнике сидит Лужин. <...>

Там же. С. 186.

Из дневника Галины Кузнецовой, 15 октября 1930

<...> После завтрака пошли каждый по своим делам. Я ходила в библиотеку. На вопрос мой, что теперь больше всего читают и спрашивают, библиотекарша ответила:

– Конечно, бульварное. А потом книги, где нет революции. Так и просят: "Только, пожалуйста, без революции!" Хотят отдохнуть на мирной жизни. <...>

Я спросила о Сирине.

– Берут, но немного. Труден. И потом, правда, что вот хотя бы "Машенька". Ехала-ехала и не доехала! Читатель таких концов не любит! <...>

Грасский дневник. С. 181.

...2 ноября 1930

<...> Мы всю дорогу говорили о Сирине, о том роде искусства, с которым он первый осмелился выступить в русской литературе, и Иван Алексеевич говорил, что он открыл целый мир, за который надо быть благодарным ему. <...>

Там же. С. 184.

1. Славянская душа (*франц.*). (*Здесь и далее – прим. перев.*)

...27 ноября 1930

<...> После завтрака Дмитрий Сергеевич [Мережковский], по обыкновению, ушел отдыхать, Володя отправился заказывать билеты, а мы втроем остались с З. Н. [Гиппиус]. <...> На этот раз она была мила и старалась говорить откровеннее и понять нас. Говорила, что теперь нет ничего интересного для нее в молодых писателях, что все "Фельзены и Поплавские ее разочаровали". <...>

Потом говорила о Сирине. Он ей тоже не нравится. "В конце концов так путает, что не знаешь, правда или неправда, и сам он — он или не он... И так хочется чего-нибудь простого..."

Грасский дневник. С. 191.

Михаил Карпович – Владиславу Ходасевичу, 12 апреля 1932

<...> На днях видел здесь Сирина (который мне, между прочим, понравился — он оказался гораздо проще и милее, чем я почему-то ожидал), и вот он рассказывал, что недавно в Берлине советский писатель Тарасов-Родионов, убежденный коммунист, по собственной инициативе добился свидания с ним, Сириным, и в разговоре очень хвалил его писания, с которыми он (Тарасов) познакомился давно за границей, убеждал Сирина, что он совсем не "буржуазен", и старался уговорить его ехать в Россию! Не думаю, чтобы ему подобное задание могло быть дано Г.П.У. Для чего и кому Сирин в России нужен? <...>

Диаспора. Вып. 4. 2002. С. 406.

Владимир Деспотули – Александру Бурову, 24 сентября 1932

<...> Человек, способный так тонко чувствовать, как Буров, — для меня во сто крат дороже прилизанного Сирина... Что же толку, когда от него у меня на душе холодно... Сердцем я ему не верю. Он не знает страдания и копается в сортирных мелочах. Может быть, жизнь его со временем стукнет хорошо башкой о стенку горя и страданий — тогда, вероятно, и он сможет затронуть душу. <...>

Диаспора. Вып. 8. 2007. С. 309.

Георгий Адамович – Александру Бурову, 23 февраля 1934

<...> А Сирин все-таки писатель замечательный, хотя и автомат. Он мне нисколько не интересен и не "нужен", но не могу ему не удивляться. <...>

Там же. С. 334.

Владимир Деспотули – Александру Бурову, 11 марта 1934

<...> Прочитали ли Вы "Повесть о пустяках" Темирязева, — замечательная книга. Я прочитал ее тотчас после сиринской "Камеры", — и все

хождения по проволоке словесного искусства, все жонглерские ухищрения жеманного иностранца, очень четко говорящего по-русски Сирина показались подлинной ерундой по сравнению с пустяками Темирязева.

<...> В Берлине — русском заштатном городе — новостей никаких. Сирин презирает весь мир и, вероятно, потихоньку бегает к девочкам. За три марки и с хлыстом. <...>

Диаспора. С. 318.

Анатолий Штейгер – Зинаиде Шаховской, 5 июля 1935

<...> Я несколько раз виделся с Сириным и был на его вечере, на котором было человек 100—120 уцелевших в Берлине евреев, типа алдановских Кременецких — среда, от которой у меня делается гусиная кожа, но без которой в эмиграции не вышло бы ни одной строчки по-русски. Сирин читал стихи — мне они просто непонятны, — рассказ, очень средний, — и блестящий отрывок из biographie romancée — шаржа? памфлета против "общественности"? — о Чернышевском. Блестящий.

А что Вы скажете о "Приглашении на казнь"? Знаю, что эс-эры, от которых зависело ее появление в "Совр<еменных> записках", дали свое согласие с разрывом сердца... Сирин чрезвычайно к себе располагающ — puis c'est un monsieur[1], — что так редко у нас в литературных водах, — но его можно встречать 10 лет каждый день и ничего о нем не узнать решительно. На меня он произвел впечатление почти трагического "неблагополучия", и я ничему от него не удивлюсь... Но после наших встреч мой очень умеренный к нему раньше интерес — необычайно вырос. <...>

Шаховская З. *Отражения*. — Paris: YMCA, 1975. С. 88.

Иван Шмелев – Ивану Ильину, 18 июля 1935

<...> Сладкопевчую птичку Сирина... полячок Худосеич — из злости! — из желчной зависти и ненависти к "старым", которые его не терпят, из-за своей писат<ельской> незадачливости, — превознес, а всех расхулил — "жуют-пережевывают". <...>

Сирина еще не опробовал я, но наперед знаю его "ребус". *Не* примаю никак. И протчих знаю. *Не* дадут ни-че-го. А Сирин останется со своими акробатическими упражнениями и жонглерством "все в том же классе", как бы ни лезли из кожи Х<одасевичи> и Гады. Сирин, к сожалению, ничего не дал и не даст *нашей* литературе, ибо наша литература акробатики не знает, а у Сирина *только* "ловкость рук" и "мускулов", — нет не только Бога во храме, но и простой часовенки нет, не из чего поставить. <...>

Ильин И. А. *Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935—1946)* / Сост. Ю. Т. Лисицы. — М.: Русская книга, 2000. С. 81—83.

1. Это настоящий барин (*франц.*).

Георгий Адамович – Александру Бурову, 24 июля 1935

<...> Насчет Сирина – не могу с Вами согласиться. Соглашаюсь только, что он *отталкивающий* писатель, – но с удивительным (и для меня еще неясным) даром. Во всяком случае, уверяю Вас, – он глубже и правдивее, при всех своих вывертах, чем Божья коровка Борис Зайцев, которого Вы причисляете к "подлинным". <...>

Диаспора. Вып. 8, 2007. С. 348.

Иван Шмелев – Ивану Ильину, 5 августа 1935

<...> Отравился Сириным (58 кн. "С<овременных> З<аписок>") "Приглашение на казнь"! Что этт-о?!! Что этт-о?! Наелся тухлятины. А это... "мальчик (с бородой) ножки кривит". Ребусит, "устрашает буржуа", с<укин> с<ын>, ибо ни гроша за душой. Всё надумывает. Это – словесн<ое> рукоблудие. (Оно и *не* словесное *там дано*) и до – простите – изображения "до ветру". И – кучки. Какое-то – *испражнение*, простите. Семилеткой был я в Москве на Новинском – в паноптикуме и видел (случайно): сидит нечто гнусно-восковое и завинчивает штопор себе в...! – доныне отвращение живет. Вот и С<ирин> только не Ефрем и не вещая птица. Хоть и надумал себе хвамилию. Лучше был бы просто свой – Набоков. Весь – ломака, весь без души, весь – сноб вонький. Это позор для нас, по-зор и – похабнейший. И вот "критики"... – "самое свеже-е"! Уж на что свежей: далеко слышно. Эх, бедняжка Эммочка... не уйтить ей от... Сирина. <...>

Ильин И. А. *Собрание сочинений: Переписка двух Иванов.* С. 87.

Анатолий Штейгер – Юрию Иваску, 30 января 1937

<...> Сейчас в Париже сезон литературных вечеров. <...> Был вечер Сирина, исключительно многолюдный. Сирин читал отрывок из своего романа о Чернышевском, некоторые отрывки из этого романа я слышал уже в Берлине. Впечатление от этих отрывков и чтения (на редкость актерского) неловкое и тягостное, но мне кажется, что подбор их умышленно сделан для развлечения публики, которая и осталась очень довольной. Из разговоров с Сириным я знаю, что этот роман и серьезнее, и умнее. Но сиринское формалистическое жонглерство – у Сирина – представляется мне все же загадкой. <...>

Canadian-American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 1/2. P. 91.

Оскар Грузенберг – Михаилу Мильруду, 20 июля 1937

<...> После злобной статьи против меня <...> не может быть и речи о каких-либо сношениях с Пильским. Я одобрил и одобряю его фельетон о Сирине, которого люблю как сына В. Д. Набокова – близкого моего друга и автора трогательной статьи обо мне в энциклопедическом

словаре Брокгауза и Ефрона. Сирина я знал с первых месяцев его бытия, и меня трогала восторженная любовь к нему В. Д. Помню, в Берлине, за полгода до подлого убийства, Набоков в обществе нескольких друзей праздновал скромно новоселье. Он говорил мне с восторгом о таланте сына, приехавшего из Англии на побывку в Берлин. Он заставил сына прочесть мне стихи на смерть Блока, — стихи холодные, картонные. Нечто вроде казарменной переклички: Пушкин, Лермонтов и др. Большой художественный талант Сирина дал сбой. То, что он пишет на русском языке, он никогда не решился бы напечатать на английском. Последняя его выходка в отношении русской литературы и дорогих мне имен встретила удачную отповедь у Пильского. Я похвалил — вот и все. <...>

Русская печать в Риге: Из истории газеты "Сегодня" 1930-х годов. — Стэнфорд, 1997. Кн. V. С. 97—98.

Иван Бунин – *Елизавете* Малоземовой, *7 декабря 1937*

Иван Бунин. Шарж Тоно Салазара

<...> Я думаю, я повлиял на многих. Но как это доказать, как определить? Я думаю, не будь меня, не было бы и Сирина (хотя на первый взгляд он кажется таким оригинальным). <...>

С Двух берегов. С. 180.

Из дневника Якова Полонского, *14 марта 1938*

<...> Были вчера в Русском Театре на пьесе Сирина "Событие" — полный до отказа зал... Бунин, говорят, громко ругался во втором и третьем актах. <...>

Время и мы. 1980. № 55. С. 281.

Иван Бунин – *Марии* Карамзиной, *29 марта 1939*

<...> Сирин все-таки нестерпим — лихач возле ночного кабака, хотя и замечательный. <...>

Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: В 2 кн. Кн.1. — М.: Наука, 1973. С. 680.

Из "Литературного дневника" Евгения Гессена, 17 апреля 1940

<...> Перечел "Подвиг" Сирина. Хорошо: а все же Сирин не умен, а *культурен*: культура оформления чувств. Это — тоже результат ума; даже и есть — ум, да только не свой, а — предшественников. <...>

...28 мая 1940

<...> По-моему, С<ирин> идет по пути того <же> *преступления против искусства*, что и Гумилев (страх *человеческого*). P. S. Не в смысле низменном, а — откровенности: страх не выдержать экзамена, как человек. <...>

Поэты пражского "Скита". Проза. Дневники. Письма. Воспоминания / Сост. О. М. Малевича. — СПб.: Росток, 2007. С. 511, 512.

Алексей Гольденвейзер – Марку Алданову, 13 сентября 1940

<...> Сирина сейчас нет в Нью-Йорке. Я видел его в июне, незадолго до его отъезда на ферму, по приглашению профессора Карповича. Он скоро возвращается, и я тогда спрошу его, состоятся ли его лекции в Калифорнии. Вы можете писать ему по адресу Толстой — Фаундэшэнъ, 16 289 4-ая авеню, Нью-Йорк. <...> Сирин жаловался, что американские издатели дают авторам подробные инструкции: о чём писать, кого хвалить и кого ругать, какую развязку дать роману, и т. д. На темы о русских беженцах никакого спроса нет: устарели. Но разлагающиеся Советы и разлагающаяся французская демократия, как тема чрезвычайно актуальная, думаю, покажется издателям "хорошим риском". <...>

NOJ / НОЖ: Nabokov Online Journal. Vol. I. 2007. С. 11—12.

Эдмунд Уилсон – Кристиану Госсу, не ранее октября 1940

<...> Хочу также напомнить тебе о Владимире Набокове, про которого я рассказывал, когда был в Принстоне... Его английский превосходен (он учился в Кембридже). Я поражен великолепным качеством его рецензий. Он отличный малый. <...>

Edmund Wilson *Letters*. P. 373.

Зинаида Шкловская – Глебу Струве, 3 февраля 1942

<...> Сидела я у себя в комнате и случайно, "подняв кверху рыло", увидела массу книг С<овременных> З<аписок> со статьями Сирина. Можете себе представить, что со мной сделалось. Я набросилась читать и, несмотря на близорукость (если не сказать больше), прочла почти все, стало веселее, но на "Даре" остановилась. Правду сказать, ничего не понимаю. Постараюсь кончить, может быть, поумнею. Как он остроумен, оригинален, жив, умен, интересен, после него тошно читать что-нибудь

другое. Знаете ли Вы его адрес? Очень бы я хотела написать ему, легче бы стало, а то не с кем поделиться, все смотрят на него с английской точки зрения, а Вы знаете, что это значит. Вроде как Вий перевел "Приглашение на казнь", а объяснить им невозможно, не поймут. Ведь Сирина нужно понимать и читать меж строк, чувствовать, проникнуть и вдыхать ту атмосферу, которой он окружает свои произведения, а англичан не окунуть в эту атмосферу, им нужно что-то осязательное, точное, а не почти неуловимое. Вот если бы было описание лопаты и цена была бы 6/6, им было бы ясно. <...>

Русская литература. 2007. № 1. С. 223.

Альфред Бем – Иванову-Разумнику, 6 мая 1942

<...> А вот с Вашим отзывом о Сирине-Набокове я не согласен. Это настоящий писатель и, пожалуй, самое крупное сейчас явление после Бунина (которого Вы, кажется, недолюбливали). В Вашем замечании о его языке есть доля правды, но только доля. Сирин умен и знает, что для писателя нет большей беды, как очутиться вне стихии родного языка. Поэтому он создал свой особый язык – "конденсированный" – правильный, но нарочито выхолощенный, если хотите, "лабораторный", но в нем есть своя прелесть – с точки зрения правильности, я думаю, не к чему придраться, но это язык, если хотите, "мертвый", но такой высокой языковой культуры, что невольно им любуешься, ибо это все же мастерство. Сирин, вообще, необычайно "литературный" писатель, впитавший в себя наши величайшие достижения, но писатель без веры, без своего бога – поэтому увлекающий своей выдумкой, но оставляющий неудовлетворенной нашу жажду узнать что-то новое о самом для нас важном, существенном. Уже в Бунине последнего периода это есть, у Сирина "писательство" стало самоцелью и самоутверждением. Но я напрасно занялся в письме таким сложным и спорным вопросом. Вы, я уверен, позже сами Сирина оцените и увидите, что это не перепев, а явление самобытное и очень русское. <...>

Звезда. 2002. № 10. С. 122.

Роман Гринберг – Эдмунду Уилсону, 17 сентября 1943

<...> Владимир, г-жа Набокова и юный Митя недолго погостили у нас. У них всё, кажется, идет хорошо. Юта породила множество новых забавных историй, над которыми мы много смеялись. Владимир и сам по себе напоминает странную, но прекрасную бабочку. Однажды один молодой филолог-русист спросил меня, какое место занимает Набоков в русской литературе. Прежде всего, я отказался от сравнений, потому что ненавижу такого рода вещи. Потом я все же изложил ему свое мнение, тебе, впрочем, известное, что, безусловно, он один из самых талантливых современных русских писателей, хотя и самый неукорененный из них. Последнее – факт его биографии, и я уверен, что всякий раз он сам глубоко это переживает. Он уводит [читателя] в никуда, и всякий

раз, когда я читаю его романы (но не рассказы), я ощущаю ужасную пустоту. Честно говоря, я не понимаю, из чего сотворен его мир. <...>

In memoriam. С. 352.

Из дневника Якова Полонского, 23 июня 1945

<...> О Сирине, его поразившем. Иван Алексеевич: — "Блеск, доходящий до разврата. И внутренняя пустота. А потом — жулик, самый настоящий жулик". Говорил долго и не совсем спокойно. Вспомнил, что и у него кое-что взял. "В 'Господине из Сан-Франциско' у меня о глазах негра — 'облупленное яйцо'. Согласитесь, что неплохо. Но он берет и по десять раз на одной странице; душит, так, что сил нет. Я его крестный отец. Был приятелем с его отцом, он мне как-то прислал тетрадь стихов, подписанную 'Сирин', с просьбой дать свой отзыв. (Набоков-Сирин тогда еще в Оксфорде учился.) Я сказал, что слабовато, но есть хорошие. Вообще в стихах он лучше, чем в прозе. А подпись не понял — так и написал, что это птица Сирин или Св. Сирин". <...>

Время и мы. 1980. № 56. С. 298.

Иван Бунин – Борису Зайцеву, 10 октября 1946

<...> Милый друг, был у меня Бахрах с твоей книгой "Современных записок". <...> Прочитал — столько огорчений! Сколько истинно ужасных стихов! До чего *отвратительна* всячески Цветаева! Какой мошенник и словоблуд (часто просто косноязычный) Сирин ("Фиала")! Чего стоит эта одна пошлость — "Фиала"!

Новый журнал. 1978. № 137. С. 170—171.

Эдмунд Уилсон – Элен Мучник, 6 марта 1947

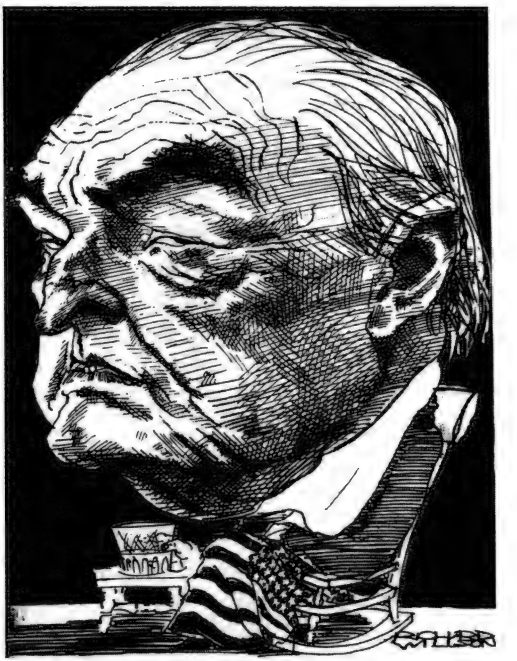
<...> Я разочарован новым романом Володи Набокова и именно по этой причине не буду его рецензировать. Любопытно, что ты о нем скажешь? <...>

Edmund Wilson *Letters*. P. 412.

Эдмунд Уилсон – Кэтрин Уайт, 12 ноября 1947

Дорогая Кэтрин: я прочитал рассказы Набокова и считаю, что оба они превосходны. Нельзя заменить ни слова. Из того, что ты говорила мне о "Знаках и символах", я ждал чего-то вроде самых омерзительных сочинений французских натуралистов; но в набоковском рассказе подробности — самого обыденного толка. Суть в том, что родители парня тоже разделяют идею "соответствий", и без этих деталей рассказ теряет смысл. Ума не приложу, как кто-то может не понять рассказ, подобно вашим редакторам, или возражать против отдельных подробностей; а тот факт, что по их поводу возникли сомнения, наводит на мысль о по-

истине тревожном состоянии редакторского ступора. Если редакция "Нью-Йоркера" будет утверждать, что рассказ написан как пародия, я рассержусь точно так же, как, по твоим словам, рассердился Набоков (удивляюсь, что он до сих пор никого не вызвал на дуэль); и каждый раз, получая корректуру моих статей, хотя я и обязан воспринимать смехотворные редакторские замечания всерьез, я, сам когда-то работавший редактором, не буду уверен, появились ли они в результате прочтения такого количества рукописей, что редактора уже не способны были внимательно прочесть написанное.



Эдмунд Уилсон. Шарж Ричарда Уилсона

Однако, кроме этого, встает вопрос о всей художественной прозе "Нью-Йоркера", про которую я слышал жалоб больше, чем о чем-то другом в журнале. Ужасно, что рассказ Набокова, такой тонкий и ясный, в глазах редакторов "Нью-Йоркера" превратился в заумный психиатрический опус. (Как могут они заявлять о том, что рассказ грешит литературщиной?) Он может показаться таким по сравнению с теми бессмысленными и пустоватыми анекдотами, которые выходят из-под механического пресса "Нью-Йоркера" и о которых читатель забывает две минуты спустя после прочтения. <...>

Пишу обо всем этом так подробно для того, чтобы ты могла показать письмо всем, кто отвергает набоковский рассказ, и использовала его в своей антиредакторской кампании.

Только что прочел очерк "Мое английское образование", и по-моему, он идеально подходит "Нью-Йоркеру". Не могу вообразить, какие у тебя могут возникнуть сомнения на его счет. Он нигде не дает для них повода, это всего лишь воспоминания, ничем не отличающиеся от воспоминаний о детстве Менкена, которые печатались в "Нью-Йоркере" из номера в номер. Насколько я могу понять твои намеки, проблема здесь в манере письма; я сам не уверен, что означает слово "raiser"[1] в четвертой строке на пятой странице, но во всем остальном я не вижу ничего, что может вызвать возражение. И, если уж я завелся, хочу в связи с этим продолжить и выразить протест против того, как в "Нью-Йоркере" понимают стиль. Редактора настолько боятся чего-то необычно-

1. Основное значение слова "raiser" – "подъемник", но, конечно же, оно может меняться в зависимости от контекста.

го, неожиданного, что скоро получат премию за банальность и отсутствие вкуса. <...>

EDMUND WILSON *Letters*. P. 409—411.

Из дневника Александра Гладкова, 18 февраля 1948

<...> Читаю Сирина "Подвиг". Хорошо! Как художник Сирин сильнее всех зарубежников и должен быть поставлен прямо вслед за Буниным. "Защита Лужина" — книга с проблесками гениальности. <...>

Проза Сирина действует на меня возбуждающе — хочется писать самому. Это третий роман С., который я читаю, а впереди еще пять (в журналах). <...>

In memoriam. С. 531.

Эдмунд Уилсон – Элен Мучник, 11 мая 1948

<...> Знаешь ли ты, что Владимир Набоков будет преподавать русский язык в Корнелле? Они [Владимир и Вера Набоковы] безмерно рады, так как это означает хорошую зарплату, к тому же это единственный университет, где ведется серьезная работа по изучению бабочек. <...>

EDMUND WILSON *Letters*. P. 451.

Эдмунд Уилсон – Кэтрин Уайт, 12 ноября 1948

<...> Рад, что у Володи все хорошо. Он написал мне, что новое место работы устраивает его гораздо больше, чем Уэллсли. Между прочим, когда я показал ему первое из моих стихотворений-палиндромов, он тут же написал по-русски четверостишие, в котором каждая строка читается одинаково в обоих направлениях. Вся эта тенденция писать стихи задом наперед, наверное, один из симптомов конца цивилизации. <...>

Ibidem. P. 411.

Роман Гринберг – Эдмунду Уилсону, 19 ноября 1948

<...> Я слышал от Володи, что он очень счастлив в Итаке и этот переезд был для них мудрым решением. Ты, наверное, помнишь о своих страхах за его здоровье прошлой весной. Признаться, я не воспринимал все это всерьез, как он ни хотел нас в этом уверить, потому что знаю — он ипохондрик. Скорее всего, я поеду навестить его в конце этого месяца или чуть позже и потом расскажу тебе подробнее, какими я их нашел. <...>

In memoriam. С. 352.

Роман Гринберг – Нине Берберовой, конец февраля 1950

<...> [Набоков] заканчивает писанием автобиографию на английском: тепличная жизнь в роду Набоковых, куда ни русские дожди, ни

ветры не проникали. Читали отрывки. Мастерство восхитительного рода. Выйдет осенью у Харперс'а. <...>

In memoriam. С. 370.

Алексей Струве – Роману Гринбергу, 15 марта 1950

<...> О Сирине сегодня только два слова. <...> Русские его вещи мне нравятся, не слова, гораздо больше – пленяли как мало что. Над Sebastian'ом я полег костьми, но, м. б., и потому, что не владею достаточно английским, и потому, что все читать надо "во благовении", и, возможно, тогда, когда я читал Knight'a (не вру), я был в другом созвучии. <...>

Там же. С. 370.

Роман Гринберг – Алексею Струве, 18 марта 1950

<...> о Сирине нельзя одним словом или двумя словами. Это сложное обстоятельство, единственное в своем роде. Пишет он сейчас только по-аглицки (он не скажет: по-английски). Редко когда выходит небольшая пьеса по-русски. Все <...> посвящены России. Это его боль, очень глубокая, которую не изжить. Английская проза – чудо. Вильсон, которого я считаю наперед (в кредит) одним из лучших литературных умников в нашей Америке, говорил мне, что Набоков и еще только Конрад и Сантаяна умели из иностранцев творчески писать по-английски. И это много. Набоков удивительно неровный, капризный писатель. Помните его монографию о Гоголе? В ней он просто хочет наскочить и обидеть бедного читателя. Это потому, что это защита Набокова – писателя, непризнанного и непонятого, как ему кажется. Писательская обида – вечная тема. Иногда и поза. Но талантлив он страшно, стихийно, и Бог нас просил беречь его. <...>

Там же. С. 370—371.

Эдмунд Уилсон – Мортону Зейбелю, 28 апреля 1950

<...> Мы пошли на вечер "Нью-Йоркера" отметить его двадцатипятилетнюю годовщину. Торжество было грандиозным – тысяча человек приглашенных – и куда менее привлекательным, чем пятнадцать лет назад, когда на нем было гораздо меньшее число сотрудников и авторов. В действительности, вечер был самой настоящей катастрофой, так что кто-то предложил "Нью-Йоркеру" описать его в стиле "Хиросимы" Херси. <...> Владимир Набоков, который по случаю прибыл из Корнелля, узнав, что здесь присутствует Стенли Эдгар Хайман, подскочил к нему и спросил, что он имел в виду, назвав его отца "царским либералом". Хайман, вероятно, испугался, что Набоков прибегнет к рукоприкладству, и пролепетал: "О, я считаю вас великим писателем! Я восхищаюсь вашими произведениями!" Набоков вернулся с острой невралгией и долгое время провел в больнице. <...>

Edmund Wilson *Letters.* P. 482.

Из дневника Ивана Бунина, 14 июня 1951

<...> В. В. Набоков-Сирин написал по-английски и издал книгу, на обложке которой, над его фамилией, почему-то напечатана царская корона. В книге есть беглые заметки о писателях-эмигрантах, которых он встречал в Париже в тридцатых годах, есть страничка и обо мне — дикая и глупая ложь, будто я как-то затащил <его> в какой-то дорогой русский ресторан (с цыганами), чтобы посидеть, попить и поговорить с ним, Набоковым, "по душам", как любят это все русские, а он терпеть не может. Очень на меня похоже! И *никогда* я не был с ним ни в одном ресторане. <...>

С Двух берегов. С. 182.

Георгий Адамович — Роману Гринбергу, 10 июля 1953

<...> Почему отсутствует Варшавский? И Яновский, которого Вы не любите? А Сирин? Мне часто говорят, что я его не люблю. Действительно, любить его не в силах. Но каждая его строчка для журнала — золото.

Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 125.

Георгий Адамович — Александру Полякову, 8 мая 1954

<...> Статья Вейдле действительно отличная: согласен (в "Опытах"). <...> Зато вот в Сирине на этот раз есть что-то несносное. Я не читал, только посмотрел — но все его штучки, выверты и парадоксы меня раздражают. При всем блеске в конце концов получается почти что "моветон". <...>

Там же. С. 18.

Эдмунд Уилсон — Глебу Струве, 27 декабря 1954

<...> Дорогой Струве. Большое спасибо за рукопись; только что прочел ее с огромным удовольствием. <...> Вы очень добры к Алданову и Набокову, но мне удивительно слышать от русского, что последний даже в социальном плане — вне русской системы координат. Безусловно, его неукорененность характеризует положение русского изгнанника. <...>

EDMUND WILSON *Letters.* P. 576.

Юрий Терапиано — Владимиру Маркову, 7 апреля 1955

<...> Стихов Сирина я не люблю, у него формальный талант, внешний блеск, постоянно — слишком уж здорово, постоянно — он утомительно красуется этой способностью. Поэму, конечно, читал, вспоминаю, — и не люблю! Вспоминаются (куда большие масштабом) стихи А. Белого — и все-таки не поэт, а прозаик. <...>

Минувшее. — Paris: Atheneum. Вып. 24, 1998. С. 273.

Георгий Адамович – Юрию Иваску, 29 апреля 1955

<...> Кое-что об отдельных вещах:

Варшавский интересен в первой части, но не о Набокове, и притом по названию его статьи можно ждать параллели, сопоставления, а он просто ограничился разбором "Приглашения на казнь", вещи пустой и банальной, при всех ее стилистических штучках. Все эти будущие тоталитарные ужасы с роботами и номерками успели превратиться в "общее место", лживое и глупое, и не стоило Варшавскому об этом и говорить. <...>

Диаспора. Вып. 5, 2003. С. 452.

Эдмунд Уилсон – Элен Мучник, 18 августа 1955

<...> Дорогая Элен... Понедельник и среду я провел у Набоковых в Итаке. Он – профессор с пожизненным содержанием, но все же немного опасается того, что случится, когда выйдет его новая книга, о которой я тебе рассказывал (по-видимому, они ничего не сказали тебе о ней из-за ее аморальности). Никому не говори про нее, а то дойдет до академических кругов. Несмотря на это, никогда не видел Набоковых такими бодрыми; я очень хорошо провел время с ними. Я притащил им огромное количество шампанского, которое не смог бы выпить в одиночку. Он работает над переводом "Евгения Онегина" и громадным комментарием: нет нужды добавлять, что в нем особо подчеркивается глупость других переводчиков и комментаторов. Полагаю, что перевод хорош. Он более или менее принял метод, использованный мной при переводе нескольких отрывков: точно следуя за текстом оригинала и передавая строки разной длины в соответствии с метрической схемой пятистопного ямба. <...>

Набоков недавно сделал открытие, что Стендаль – дутая репутация, и намеревается поведать эту новость студентам. Еще он впервые прочел "Дон Кихота" и объявил, что книга эта никудышная. Я не мог согласиться с ним, так как не читал ее. Он пришел к выводу, что "Смерть Ивана Ильича" – лучшая вещь из всех, когда-либо написанных Толстым. Он очарован как раз тем, что мне в ней не нравится (она не раскрывает всей правды жизни). Из-за той манеры, с которой он говорил о книге, смакуя ее жестокую иронию, она выглядела рассказом самого Набокова. Когда я заметил, что в ней слишком много говорится о нравственном падении, он был удивлен и возмущен. Он забыл о толстовском взгляде на жизнь и думает, будто эта вещь – из числа тех, что пишет он сам. <...>

Edmund Wilson *Letters.* P. 577—578.

Юрий Терапиано – Владимиру Маркову, 7 ноября 1955

<...> Адамович для Вас и для Моршена – явление новое, Вы лучше можете воспринять его разговоры об эмигрантских писателях, чем мы, 30 лет слышащие их и давно уже привыкшие к блестящей, извилистой, неопределенной, без твердых очертаний, импрессионалистической критике Адамовича. Все очень хорошо, все – спорно, все нужно читать между строк. Мне кажется, похвала Сирина-поэта – случайность, Ада-

мович никогда не был в особенном восторге от его поэзии, уж хотя бы потому, что Сирин стремится к внешним эффектам, впрочем, помню, в какой-то своей статье о стихах Сирина в "Новом русском слове" Адамович многое у него хвалил. Значит, в последние годы (после войны) в отношении сиринских стихов "линия" Адамовича изменилась, обернулась другой стороной своего хамелеоновского цвета. <...>

Минувшее. Вып. 24, 1998. С. 281.

Роман Гринберг – Эдмунду Уилсону, 20 декабря 1955

<...> Ты спрашиваешь меня, что я думаю о "Лолите"? Я думаю, что Набоков никогда ничего более значительного не написал. Это – лучшая его книга, не радующая, не благодатная, но самая пылкая и свежая. Она очень страшная в гоголевском смысле этого слова. Принадлежит она к отделу "Ада", по каталогу Ватиканской библиотеки, хотя непристойность отдельных эпизодов фабулы, да и всей темы, как-то искупляется громадным артистическим умением. Читаешь и с отвращением и умилением, с досадой и восторгом. Мысли в ней нет никакой – Набоков уносится эмоциями, раздирается. Удивительная сцена убийства двойника – это знаменитое "зеркало" Гоголя. Мне нужно было написать для русского одного издания рецензию о "Лолите", и я до сих пор не знаю, как за это взяться, но эпиграф мне явился сразу, как только я прочел книгу: "Как отвратительна действительность... и что она против мечты" – это опять-таки Гоголь из "Невского проспекта", откуда вышла отчасти и "Лолита". Ибо никакой действительности в ней нет, а есть тоскливая мечта поэта о том, что когда-то померещилось. В "Лолите" Набоков рассказал о своей душевной жизни с огромной щедростью, и об этом можно долго говорить. <...>

Диаспора. Вып.1, 2001. С. 514—515.

Ивлин Во – Нэнси Митфорд, 11 января 1956

<...> В "Санди таймс" Грэм Грин рекламировал какую-то порнографическую книгу. Я имею в виду такого сорта книгу, за которую ты готова сажать в тюрьмы. <...>

The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh / Ed. by Charlotte Mosley. — Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1996. P. 384.

Ивлин Во. Шарж Ричарда Уилсона

Роман Гринберг – Эдмунду Уилсону, 20 января 1956

<...> Возвращаюсь к набоковской "Лолите". Позволь быть совершенно откровенным и признаться в том, что я всегда относился к его писаниям двойственно и никогда не мог сформировать в себе окончательного к ним отношения. Но мне кажется совершенно неверным рассматривать его творчество в общих категориях, поскольку он принадлежит к той группе писателей, кто считает себя "исключениями из норм морали". На самом деле, у него нет связи с родной землей и с материнским языком, он происходит из мира, созданного писателями-романтиками 1830-х годов; он, безусловно, ближе к Эдгару А. По, Гоголю и французам вроде Бодлера, чем кто бы то ни было другой из современных писателей. Тематическая безвкусица его романа для тебя не новость. Но у Свифта была Стелла, у По – Аннабел Ли, у Льюиса Кэрролла – множество его Алис. Тем не менее я считаю "Лолиту" самой замечательной книгой Набокова потому, что она написана с наибольшей искренностью в сравнении с другими его вещами. <...>

Диаспора / Перевод с англ. Р. Янгирова. Вып. 1. 2001. С. 515.

Из дневника Эдмунда Уилсона, 1956

<...> Сейчас, когда читаю и перечитываю Гёте, я вспоминаю, как Володя Набоков говорил: "Ужасный Гете", – он нарочито неправильно выговаривал имя, как и в случае с Фрейдом. Я понимаю теперь, почему как писатель Гёте непонятен ему: в его понимании литературное творчество – нечто вроде яиц Фаберже или подобной искусно сделанной безделушки. <...>

Edmund Wilson. *The Fifties. From Notebooks and Diaries of the Period* / Ed. by Leon Edel. — N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1986. P. 393.

Дмитрий Кленовский – Владимиру Маркову, 11 марта 1956

<...> Раздобыл почти всю прозу Сирина-Набокова и читаю с наслаждением. Знакомы ли Вы с нею? А поэт он неважный (больше рассказчик, чем поэт). <...>

Диаспора. Вып. 2. 2001. С. 636.

Эдмунд Уилсон – Глебу Струве, 2 июня 1957

<...> Я только что навестил Набоковых и был удивлен тем, что Владимир считает "Лолиту" самым главным из своих творений, как на русском, так и на английском. Тем не менее я считаю, что впервые он пошел на контакт с более широкой аудиторией, как это ни странно, написав "Лолиту" и "Пнина". Впечатлившись последней, руководство калифорнийского женского колледжа предлагает ему хорошую должность. <...>

Edmund Wilson *Letters*. P. 577.

Юрий Терапиано – Владимиру Маркову, 20 апреля 1958

<...> Мне кажется, лучшее, что случилось в эмигрантской литературе, – это как раз наше "неумение" и "нежелание" писать на чужих языках и для иностранцев. Один Сирин – не в счет. Он ведь чувствовал себя англичанином в Кембридже и в то время, когда его сверстники (среди которых были люди породовитее Набоковых и побогаче их) умирали на фронте Добровольческой армии, а затем – дробили камни и работали на заводах в Европе. <...>

Минувшее. Вып. 24. 1998. С. 313.

Эдмунд Уилсон – Роману Гринбергу, 1 ноября 1958

<...> Владимир ведет себя весьма неприлично по отношению к Пастернаку. Я за последнее время трижды говорил с ним об этом по телефону, но он только и знает что твердит, какой ужасный этот "Живаго". Он хочет считаться единственным современным русским прозаиком. Меня забавляет, что "Живаго" стоит прямо за "Лолитой" в списке бестселлеров; интересно, сможет ли Пастернак, как говорят на скачках, все-таки обскакать ее. <...>

Шифф С. *Вера (Миссис Владимир Набоков)* / Пер. с англ. О. Кириченко. — М.: Издательство Независимая Газета, 2002. С. 326.

Георгий Адамович – Ирине Одоевцевой, 8 ноября 1958

<...> На днях я прочел "Лолиту". Столь же талантливо, сколь и противно, и вовсе не из-за девочки, а вообще, во всем. Но у него в одном пальце больше savoir faire[1], чем у Пастернака. <...>

Диаспора. Вып. 5. 2003. С. 452.

Марк Вишняк – Владимиру Маркову, 17 января 1959

<...> Сирин на десятки лет затаил раздражение против (а не "на", как пишет Берберова в "Мостах") редакции "Современных записок" за то, что она не напечатала (не имевшего никакого отношения к его художественно-литературному изображению) порока Чернышевского (теперь, после "Лолиты", объяснение этому можно было бы искать не в политической только его антипатии к Чернышевскому!). В книге я назвал Адамовича и Слонима, присяжных литературных критиков, осудивших, вместе с редакцией "Современных записок", Сирина. Наряду с этим упомянул и Вас, пришедшего по особым причинам своей биографии в восторг от того, что Набоков дал "общественной" (в иронических кавычках Ваших, – хотя при чем тут ирония?!) России заслуженную "хорошую пощечину". <...>

Диаспора. Вып. 1. 2001. С. 572.

1. Мастерства (*франц.*).

Ивлин Во – Нэнси Митфорд, 19 мая 1959

<...> Турецкий посол сказал о "Лолите" (непристойной книге, пользующейся популярностью в Америке): "Я не люблю читать про такие вещи. Предпочитаю смотреть на них". <...>

The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh. P. 414.

Нэнси Митфорд – Ивлину Во, 22 мая 1959

<...> Тебе не кажется, что "Лолита" – великолепный роман? Я от него в восторге. <...>

Ibidem. P. 415.

Георгий Адамович – Игорю Чиннову, 13 февраля 1960

<...> "Лолита". Я еле ее дочитал, так мне было скучно. Блестяще и совсем ни к чему. И какой вздор с налетом учености написала о Набокове Берберова в "Новом журнале"! Но если говорить о таланте "изображения и повествования", то в Набокове его больше и даже бесконечно больше, чем в "Живаго", который уже начинает водворяться на свое законное, средне декадентское, – хоть и не без трогательности, – место. Мне лично "Живаго" интереснее, но как писатель Набоков головой выше. <...>

Новый журнал. 1995. № 198/199. С. 210.

Корней Чуковский. Шарж Кукрыниксов

Из дневника Корнея Чуковского, 13 января 1961

<...> Теперь читаю книгу Vladimir'a Nabokov'a "Pnin", великую книгу, во славу русского праведника, брошенного в американскую университетскую жизнь. Книга поэтичная, умная – о рассеянности, невзрослости и забавности и душевном величии русского полупрофессора Тимофея Пнина. Книга насыщена сарказмом и любовью. <...>

В этом романе автор делится с читателями своими воспоминаниями об одном русском человеке, которого он встречал в Петрограде, в Париже, в Америке. Этот человек не очень-то высокого мнения о правдивости своего биографа. Когда тот завел в его присутствии разговор о какой-то Людмиле, Пнин громко крикнул его собеседникам:

– Не верьте ни одному его слову. Все это враки... Он ужасный выдумщик! <...>

В этом, к сожалению, я убедился на собственном опыте. Со слов своего отца Владимира Дмитриевича Набокова романист рассказывает в своих мемуарах, будто в то время, когда я предстал в Букингемском дворце перед очами Георга V, я будто бы обратился к нему с вопросом об Оскаре Уайльде. Вздор! Король прочитал нам по бумажке свой текст и В. Д. Набоков — свой. Разговаривать с королем не полагалось. Все это анекдот. Он клевещет на отца. <...>

Чуковский К. И. *Дневник. 1901—1969. В 2 т.* — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 2. С. 355.

Вера Бунина — Николаю Смирнову, 14 января 1961

<...> О Сирине я тоже с Вами согласна: блеск, сверкание и отсутствие полное души. Я люблю больше всего его "Машеньку", которая нравилась и Ивану Алексеевичу, люблю его рассказ "Звонок", единственный человеческий. <...>

Новый мир. 1969. №. 3. С. 228.

Геннадий Хомяков — Роману Гринбергу, 6 июня 1961

<...> Набоков, конечно, человек особенный, но его стихотворение, второе (первое очень хорошее), все-таки наглость. Дошла ли до Вас эпиграмма на него? Если нет, то вот она:

Набоков, как всегда вы метки:
Вас ждет качанье русской ветки,
Но вы не из числа пророков,
Не будет мрамора, Набоков.

Очень хорошо! У меня руки чесáлись поместить в седьмом номере (Мосты), но куда! Разобидится, вероятно. А остро и живо — это надо ценить, по-настоящему острить теперь разучились. <...>

Диаспора. Вып. 1. 2001. С. 529.

Ольга Можайская — Роману Гринбергу, 26 июля 1961

<...> Эта "Лолита" Сирина, разве настоящий русский писатель мог такую книгу написать! И совсем не потому, что она якобы "аморальная". Вовсе она не аморальная. Наоборот, автор "моралист"... что и понижает ее ценность. Большой русский писатель пишет без ненависти к людям, это не типично для русской литературы. Кроме того, русский писатель — религиозен (как поэт, иногда даже против воли. Даже Бунин по-своему религиозен). Прочтите в "Лолите" воспоминания героя о русском шофере, который отбил у него жену. Какая ненависть против всех нас! <...>

Империя N. Набоков и наследники. Сборник статей / Редакторы-составители Ю. Левинг, Е. Сошкин. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 13.

Мэри Маккарти – Ханне Арендт, 1 июня 1962

Мэри Маккарти. Шарж Ричарда Уилсона

<...> Рада сообщить, что я неожиданно написала несколько вещей. Правда, только рецензии, одну – на новую книгу Владимира Набокова "Бледный огонь" – она выйдет на этой неделе в "Нью рипаблик", – другую, поменьше, на Сэлинджера ["Френни и Зуи"] для "Обзёрвер". Вторую статью я написала за два дня, она получилась очень злой и не доставила мне особого удовольствия, кроме того, что я ее закончила; зато я действительно влюбилась в набоковскую книгу и много работала над ней, испытывая чистейшее наслаждение. Мне очень интересно будет знать, что ты скажешь о книге, когда прочтешь ее; по моему мнению, это одна из жемчужин нашего века, нечто совершенно новое, хотя здесь есть проблески "Лолиты", "Пнина" и других его произведений. Среди прочего, это очень смешная и в то же время очень грустная книга про университетскую жизнь. По-моему, она рассказывает об Америке и ее "новой" цивилизации больше, чем всё, что я прочла прежде. Это первая известная мне книга, которая способна превратить эту нелепую новую цивилизацию в произведение искусства, как если бы он выгравировал ее, словно "Отче наш", на булавочной головке. Это необычная игра или головоломка, которая требует несколько игроков для того, чтобы разгадать ее, и которая причудливо соответствует нашему веку групповщины. Я обежала весь Париж: библиотека, друзья, знающие русский, друзья, знающие немецкий, друзья, разбирающиеся в шахматах, и волшебным образом заинтересовала их, как будто из вторых рук им тоже передался огонь книги. Подобная заразительность – одно из ее свойств. И все это совершенно отличается, скажем, от "Поминок по Финнегану", потому что там, когда найдешь все отсылки, ты просто возвращаешься к тексту, но в случае с книгой Набокова все, что ты собрал, прекрасно само по себе – редкие птицы и бабочки, движение звезд, любопытные шахматные этюды, отрывки из Поупа и Шекспира, Платона, Аристотеля, Гёте... Естественно, я не смогла разъяснить в ней всё, и мне не терпится узнать, что другие обнаружат в книге из того, что я не заметила. Те рецензии, которые я успела прочесть, – абсолютно тупые, упустившие практически всё, – чего и следовало ожидать, как будто Набоков, посмеиваясь, уже написал статьи рецензентов. Ну, довольно об этом. <...>

Between Friends: The Correspondence of Hannah Arendt and Mary McCarthy. 1949—1975 / Ed. by C. Brightman. — N.Y., San Diego, London: Harcourt Brace & company, 1995. P. 132—133.

Ханна Арендт – Мэри Маккарти, 7 июня 1962

Дражайшая Мэри,

когда пришло твое письмо, я как раз собиралась написать тебе. <...> Статья о Набокове — очень, очень хорошая, действительно превосходная, очень остроумная и головоломная, однако я еще не читала книгу. Вскоре я собираюсь сделать это, хотя вряд ли у меня будет время для чтения перед Паленвиллем. Есть нечто в Набокове, чего я не переношу. Словно он все время хочет показать тебе, какой он умный. И словно он считает себя умнее всех... Есть что-то вульгарное в его утонченности, а у меня аллергия на такого рода вульгарность, потому что она так хорошо мне знакома, потому что я знаю много людей, пораженных ею. Но, возможно, в данном случае это неверно. Посмотрим. У него есть только одна книга, которой я искренне восхищаюсь, — это пространное эссе о Гоголе. <...>

Between Friends: The Correspondence of Hannah Arendt and Mary McCarthy. 1949—1975 / Ed. by C. Brightman. — N.Y., San Diego, London: Harcourt Brace & company, 1995. P. 135—136.

Джек Керуак – Лоренсу Ферлингетти, 15 июня 1962

<...> Только что прочел набоковскую "Лолиту", которая принадлежит к классике мировой литературы и в своей божественной самодостаточности стоит в одном ряду с творениями Джойса, Пруста, Манна и Жене.

Мое мнение о Набокове, прежде сформированное критиками, было не слишком высоким... вот какова наша удивительно компетентная американская критика. <...>

Jack Kerouac *Selected Letters. 1957—1969* / Ed. By Ann Charters. — London: Penguin books, 2000. P. 391.

Дуайт Макдональд – Мэри Маккарти, 27 июня 1962

<...> По странному совпадению, когда я заканчивал отзыв (в высшей степени отрицательный) на "Бледный огонь" для "Партизэн ревью", пришел "Нью рипаблик" с твоим многословным панегириком. Удивлению моему не было предела. Я счел необходимым добавить финальный раздел, в котором полемизирую с тобой, поскольку в своих похвалах ты зашла чересчур далеко и придаешь книге слишком большое значение. Больше всего я удручен тем, что твоя статья на 14/15 представляет собой экзегезу и толкование такого же сорта, как и у бедняги Кинбота, а также тем, что только в крошечном последнем абзаце ты дала несколько оценочных суждений и таким образом снизошла до критики. И еще я удручен лобовым столкновением между твоим вкусом и моим. Надеюсь, как и ты. <...>

Недавно видел Набокова во время шикарной вечеринки после премьеры "Лолиты" на крыше "Тайм-Лайф билдинг" (шампанское было на

каждом столе). Он был очень радушен и добр, поскольку пока знает только то, что я восторгался "Лолитой". Между прочим, фильм хорош, хотя и не передает дух книги. <...>

A Moral Temper. The Letters of Dwight Macdonald / Ed. by Michael Wreszin. — Chicago: Ivan R. Dee, 2001. P. 326.

Нэнси Митфорд – Ивлину Во, 28 ноября 1962

<...> Тебе нравится "Бледный огонь"? О, я просто умирала со смеху. Думаю, в большой степени вещь написана в манере Гарольда Эктона. <...>

Ивлин Во – Нэнси Митфорд, декабрь 1962

<...> Мне ужасно понравился "Бледный огонь", и я полагаю, что поэма — не пародия и не пастиш, а само по себе очень хорошее произведение искусства. *Намного* лучше "Лолиты", хотя и не без позерства. Слишком ловко сделано. Но доставляет удовольствие. <...>

The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh. P. 468.

Дуайт Макдональд – Николасу Макдональду, 23 апреля 1964

<...> Я пришел на прием, устроенный "Боллинген пресс" в честь Набокова; он бросился ко мне и крепко жал мою руку, приговаривая: "Ах, какая радость видеть вас, Макдональд, мой пррреданный поклонник, как прекрасно вы отозвались о 'Бледном огне'. А наше детище, наше совместное открытие — прадед Пушкина! И прочее, и прочее". Отмечу, что "Бледный огонь" я раскритиковал в "Партизэн ревью", а также послал в "Энкаунтер" письмо с протестом против публикации его двенадцатистраничного эссе о пушкинском прадеде, в котором утверждал, что это — груда незначительных фактов,

Дуайт Макдональд. Шарж Дэвида Левина

не имеющих отношения к Пушкину-писателю, по сути — неосознанная пародия на американские диссертации. Замечу также, что он настоящий русский интеллектуал дореволюционного типа, полный шуток и веселья. <...>

A Moral Temper. The Letters of Dwight Macdonald. P. 357.

Эдмунд Уилсон – Барбаре Эпстайн, 11 июня 1964

<...> Вышел набоковский Пушкин. Я возьму его с собой в Талкутвиль и тщательнейшим образом его прочитаю — в надежде дать тебе статью к концу лета. Только что проглядывая его, я мог заметить, что в Володином переводе почти столько же недостатков (временами одних и тех же), как и Арндтовском. В нем полно безвкусной писанины, диковинных слов и неуклюжих фраз. А некоторые его замечания о русском языке ошибочны. <...>

EDMUND WILSON *Letters.* P. 652.

Рэндалл Джаррелл – Майклу ди Капуа, август 1964

<...> Как это ни странно, перевод ["Евгения Онегина"] представляет собой жалкое зрелище: вялый, монотонный, буквалистский — с некоторыми фразами, которые звучат не по-английски. В нем полностью возобладал глуповато-извращенный педантизм. <...>

Randall Jarrell's Letters / Ed. By M. Jarrell. — London: Faber and Faber, 1986. P. 492.

Рэндалл Джаррелл. Шарж Дэвида Левина

"*Соня*" [*Роман Гринберг*] – *Корнею Чуковскому, 7 января 1965*

<...> Наш лучший переводчик с русского на англо-американский — ваш земляк, мастер слова, В. В. Набоков, и последняя его работа, перевод "Евгения Онегина", содержит интересную проблему, обсуждать которую сейчас заняло бы слишком много времени <...>

Новый журнал. 1976. № 123. С. 111.

Корней Чуковский – "Соне" [Роману Гринбергу], февраль 1965

<...> Кстати, я получил недавно четырехтомник "Евгений Онегин" Набокова. Есть очень интересные замечания, кое-какие остроумные догадки, но перевод плохой, – хотя бы уже потому, что он прозаический. И кроме того автор – слишком уж презрителен, высокомерен, язвителен. Не знаю, что за радость быть таким колючим. Мне нравится и "Lolita" и "Pnin", но если бы он отнесся к Пнину добродушнее, мягче, уважительнее, – повесть была бы гораздо художественнее. Я знал этого автора, когда ему было 14 лет, знал его семью, его отца, его дядю, – и уже тогда меня огорчала его надменность. А талант большой – и каково трудолюбие! <...>

Новый журнал. 1976. № 123. С. 115.

"Соня" [Роман Гринберг] – Корнею Чуковскому, 27 марта 1965

<...> Относительно Набокова (я все еще отвечаю на Ваше письмо): Вашу характеристику этого "монстра" разделяют многие. Кроме меня – потому что я очень хорошо его знаю. Он, уверяю Вас, совсем иной, когда отдыхает от своей "позы". Художники всех видов неизменно играют какую-то роль, которая "сочиняет" их личность. Естественность для них – редкое и необычное состояние. Хочу Вам напомнить, что Набокову приходилось жестко бороться за признание своего таланта. Были у него тяжкие времена, и, как наивно это ни звучит, надменность была его главным оружием. Но он честен в этом страшном мире. <...>

Там же. С. 117.

Корней Чуковский – "Соне" [Роману Гринбергу], 11 апреля 1965

Дорогая Соня. Я написал Вам письмо за день до получения Вашего письма. Ваше письмо так интересно, что хочется сейчас же откликнуться на него. Никто не отрицает, что Владимир Набоков – искренний и сильный талант и что снобизм – его защитная маска. Но все же к людям он относится с излишней насмешливостью. Для меня Пнин – трогательно жалок, патетичен, а для него только смешон. И очень обидны показались Анне Ахматовой его (правда, превосходные) пародии на ее лирику. Комментарии к "Онегину" блистательны. Перевода я не сверял, но то презрение, которое он питает к другим переводчикам "Онегина", я вполне разделяю. <...>

Там же. С. 122.

"Соня" [Роман Гринберг] – Корнею Чуковскому, 12 июля 1965

<...> Из Англии я отправилась в Италию и в Швейцарию, встретила Набокова на Ривьере, где он отдыхает и пишет новый роман. Вы наверно получили в свое время ту книжку "New York Review of Books", в кото-

рой Эдмунд Вильсон так строго критиковал набоковского Пушкина. Он сделал при этом и сам несколько ошибок, полагая, например, что либретто для оперы "Евгений Онегин" написал сам Чайковский. <...>

Новый журнал. 1976. № 123. С. 130.

Корней Чуковский – "Соне" [Роману Гринбергу], конец июля – начало августа 1965

Милая, загадочная Соня, хотя Ваш друг, живущий на Ривьере, написал обо мне злой анекдот (в своих воспоминаниях), он все же мой любимый писатель. Из всех его книг я больше всего люблю "Pale Fire". И "Lolita" и "Pnin", и "Defence", и онегинский четырехтомник – для меня бесспорные шедевры. (Кстати, заметили и Вы, что в "Пнине" есть две чудесные пародии на А.<нну> А.<ндреевну Ахматову>?) Из четырехтомника я узнал много нового, многое прочитал с упоением. А "The "Eugene Onegin" Stanza":

> What is translation? On the platter
> A poet's pale and glaring head,
> A parrot's screech, a monkey's chatter,
> And profanation of the dead... etc. –

для меня несомненно классика...

Конечно, я не со всеми его утверждениями согласен, так как, например, очень люблю книгу его переводов "Pushkin, Lermontov, Tyutchev", о которой он очевидно забыл, когда писал эту "Stanz"'у. Я сочинил о его "Онегине" довольно большую статью, мне известны статьи об "Онегине" – проф. Эрнеста Симмонса и др., но все они бьют мимо цели. Я изучил все переводы "Онегина": Эльтона, Бэбетт Дейч (старый и новый ее перевод), бедного проф. Kayden'a и т. д. и надеюсь, что статья моя в конце концов появится в печати.

У меня в моем альманахе "Чукоккала" есть автограф молодого В. Н. – терцины. Если хотите, пришлю Вам фото (Edm. Wilson еще до меня не дошел).

Там же. С. 130—131.

Корней Чуковский – "Соне" [Роману Гринбергу], 31 августа 1965

<...> Эдм. Уилсон написал очень талантливо, очень тонко об "Онегине" Вл. Вл-ча, как жаль, что при этом он, Уилсон, так плохо знает русский язык и так слаб по части пушкиноведения. Вл. Вл. его сотрет в порошок. <...>

Там же. С. 134.

"Соня" [Роман Гринберг] – Корнею Чуковскому, 14 сентября 1965

<...> Вы должны были получить продолжение переписки Эдмунда Вильсона и Набокова. С Вильсоном я не согласна совершенно. Исправлять Набокова в части русского языка не его дело совершенно, и он аб-

солютно неверно определил место Набокова в американской литературе. Владимир никогда не был глубоко связан с русской культурой, оставив родину в шестнадцатилетнем возрасте, ему удалось на Западе ассимилироваться без труда. Он законченный космополит, и это его специфическая черта. Просто изумительно, как человек – я имею в виду Вильсона, – изучающий русский язык, как мне известно, не меньше четверти века, так слабо знает его и русскую литературу. Ответ и поправки, сделанные Набоковым, тоже не столь уж глубоки. <...>

Новый журнал. 1976. № 123. С. 133.

"Соня" [Роман Гринберг] – Корнею Чуковскому, *3 декабря 1965*

<...> Почему оставили Вы свою статью о Набокове?

Хочу сообщить, что "Лолита" выйдет вскоре в Нью-Йорке по-русски, и я конечно же пошлю Вам ее по воздуху. Вы писали, что Вам эта книга нравится, русский ее вариант даже и не перевод, но сделан самим Набоковым, и небольшие отрывки, которые оттуда знаю, великолепны. <...>

Там же. С. 137.

Исайя Берлин – Эдмунду Уилсону, *25 января 1966*

<...> Все, конечно же, подумают, что он [Набоков] – непогрешимый русский ученый, который знает гораздо больше, чем любой не русскоговорящий человек; так будут думать независимо от того, прав ты или нет; чем больше ты будешь возражать, тем больше он будет отвечать. Я уверен, суть дела в том, что подобного рода перевод – не что иное, как литературный курьез, <...> что он содержит все промахи самоупоенного виртуоза, с его огромным нарциссическим талантом и неспособностью к переводу других произведений искусства, предполагающего дар самоотречения, которого он абсолютно лишен. Комментарий – коллекция знаний, характерная для типичного русского дилетанта девятнадцатого века, но вся вещь в целом – это результат работы Набокова, а не Пушкина. Ты прав – он слегка не в своем уме. <...>

Jeffrey Meyers *Edmund Wilson: a Biography.* — N.Y., 1995. P. 444—445.

Корней Чуковский – "Соне" [Роману Гринбергу], *5 марта 1966*

<...> пришел "Encounter" с феерической статьей о "Евгении Онегине". Целый день я наслаждался этим полемическим шедевром, но потом пришел номер "N. Y. Review of Books" с невероятным ответом Эдмунда Wilson'a – и я подумал, как потрясающа судьба Пушкина, как он живуч и как властно он поставил требование перед лучшими писателями США, чтобы они знали русский язык!

Новый журнал. 1976. № 123. С. 142.

"Соня" [Роман Гринберг] – Корнею Чуковскому, 21 мая 1966

<...> Это на самом деле удивительно, как много народу занимается сейчас русскими темами. Вы сделали то же наблюдение по поводу спора Набоков–Вильсон, вдруг оборвавшегося. Кстати: я надеялась встретить Набокова во Флоренции, но он там не показался. Он подлинный герой у сегодняшних журналистов; многие считают его "гигантом" и предсказывают на следующий год Нобелевскую премию. Что ж, если ее получил Шолохов, Набоков достоин ее гораздо больше. <...>

Новый журнал. 1976. № 123. С. 146.

Корней Чуковский – "Соне" [Роману Гринбергу], 21 июля 1966

<...> Статью о четырехтомном "Евгении Онегине" закончил уже месяца два, сейчас она переводится на английский язык, и я надеюсь получить в нашем Союзе писателей официальное разрешение напечатать статью в "N. Y. Review of Books". <...>

Там же. С. 147.

"Соня" [Роман Гринберг] – Корнею Чуковскому, 18 ноября 1966

<...> Хотелось бы знать, почему Ваша статья о Владимире Набокове все еще не появилась в "N. Y. Book Review"! Очень хочу прочесть ее, тем более, что Вы были весьма критичны в своих суждениях, разговаривая с Женей. Помню, что я получала от Вас неоднородные оценки его произведений, но его комментарии Вы назвали исключительно удачными.

Там же. С. 151.

Корней Чуковский – "Соне" [Роману Гринбергу], декабрь 1966

<...> Мое *основное* мнение об Н<або>кове остается незыблемым. Но у меня есть разные но... но... но... Не послал я свою статью в "Review of Books", так как не кончил ее. Вы и представить себе не можете, Соня, сколько у меня незаконченных вещей. <...>

Там же. С. 153.

"Соня" [Роман Гринберг] – Корнею Чуковскому, 24 декабря 1966

<...> На днях Владимир Владимирович прислал мне новое, исправленное издание своих автобиографических воспоминаний. Как обычно, перед тем как прочесть, вернее – перечесть их, я просмотрела в индексе знакомые мне имена. Против Вашего имени – Чуковский – автор

указывает на стр. 254, смотреть Корнейчуков, и там я прочла интересную историю о Вашей поездке в Англию в 1916 году в качестве члена специальной группы. Он сообщает следующее: "Там был официальный банкет под председательством сэра Эдварда Грея и забавное интервью с королем Георгом V, у которого Чуковский, enfant terrible группы, добивался узнать, нравятся ли ему произведения Оскара Уайльда – "ди ооаркс оф Оалд". Король, не отличавшийся любовью к чтению и сбитый с толку акцентом спрашивавшего, ответил в свою очередь вопросом, нравится ли гостю лондонский туман; (позже Чуковский торжественно цитировал это как пример английского ханжеского замалчивания писателя из-за аморальности его личной жизни)". Как это занимательно! Я не знала, что Ваш интерес к литературе так велик, что вы были способны взрывать правила дворцового этикета. Искренние мои поздравления по этому поводу. <...>

Новый журнал. 1976. № 123. С. 154.

Корней Чуковский – "Соне" [Роману Гринбергу], декабрь 1966

Соня, милая Соня!

<...> Выдержку из воспоминания Вашего друга я получил, и никак не могу представить себе, зачем и над чем он глумится. Действительно. У меня не было гувернеров, какие были у него, и английский язык я знаю самоучкой. Он был барин, я был маляр, сын прачки, и если я в юности читал Суинберна, Карлейла, Маколея, Сэм<юэля> Джонсона, Хенри Джеймса, мне это счастье далось в тысячу раз труднее, чем ему. Над чем же здесь смеяться? Выдумку о том, будто я в Букингэмском дворце обратился к королю Георгу с вопросом об Уайльде, – я считаю довольно остроумной, но ведь это явная ложь, клевета. Конечно, это не мешает мне относиться ко многим его произведениям с любовью, радоваться его литературным успехам – 65 лет литературной работы приучили меня не вносить личных отношений в оценку произведений искусства, но я уверен, что никто из знающих меня не поверит злому вымыслу знаменитого автора.

Там же. С. 155.

"Соня" [Роман Гринберг] – Корнею Чуковскому, 11 февраля 1967

Дорогой Корней Иванович,

я нахожу набоковскую ложь отвратительной и собираюсь написать ему об этом, процитировав в своем письме Ваши слова. В самом деле, выдумать, как французы говорят, сплошную неправду о живом человеке – какая безвкусица! И это не первый раз случается с ним. <...>

Там же. С. 156.

Корней Чуковский – "Соне" [Роману Гринбергу], 22 апреля 1967

<...> Относительно Влад. Влад-ча: люди, прочитавшие его мемуары (я не читал их), пишут мне с удивлением, с возмущением по поводу его строк обо мне: видят здесь чуть не пасквиль. Но я вскоре поостыл и думаю, что *в то время* – 1915–16 гг. – во мне было, очевидно, что-то, что дало пищу его анекдоту. Самый анекдот – выдумка, но возможно, что он верно отразил то неуважительное чувство, которое я внушал окружающим. Я был очень нескладен: в дырявых перчатках, не умеющий держаться в высшем обществе – и притом невежда, как все газетные работники, – невежда поневоле, самоучка, вынужденный кормить огромную семью своим неумелым писанием. Отец же Вл<адимира> Вл<адимировича> был человек очень высокой культуры. У него была особая игра: перечислять все имена героев Диккенса – чуть ли не триста имен. Он соревновался со мною. Я изнемогал после первой же сотни. Мы в шутку состязались в знании всех романов А. Беннета. Он и здесь оказывался первым: назвал около двух десятков заглавий, я же читал всего восемь. Я всегда относился к нему с уважением и любовно храню его немногие письма и дружеские записи в "Чукоккала". Сейчас прочитал статью о "Pale Fire" в anniversary issue of the "Tri-Quarterly" и "Comments on Eugene Onegin" в "Slavic Review" XXIV, 4 дек. 1965, – и решил свою статью положить на ту полку, где хранятся мои posthumous writings.

Новый журнал. 1976. № 123. С. 158.

"Соня" [Роман Гринберг] – *Корнею Чуковскому, 7 мая 1967*

<...> Относительно Набокова: после того, как я написала ему насчет его выдумки относительно Вашей поездки в Лондон вместе с его отцом, он в ответ просил меня передать Вам, что его сын вырос на Вашем "Крокодиле" и "Мойдодыре". Мне кажется, что он чувствует себя очень неловко, будучи уличенным. <...>

Там же. С. 158.

Из дневника Марка Шефтеля, 20 января 1968

<...> В пятницу после полудня – организованная Иваском встреча с двумя гостями за чашечкой кофе: Игорь Чиннов, преподаватель русской литературы (в Париже с 1947 по 1953, теперь преподает в Канзасе), и С., польский поэт, приехавший из Лондона. Чиннов – о бунинских "Воспоминаниях": чрезвычайно несправедливые, *сводил счеты*; я привел другой пример несправедливой критики: Набоков о Толстом. Несколько лет тому назад, в Корнелле, Вера и Владимир Набоковы обратили мое внимание на то, что в "Войне и мире" нет упоминаний о литературе; "возможно ли, чтобы Пьер не читал Пушкина?" Но "Война и мир" завершается 1812 годом, тогда как Пушкин привлек к себе внимание публики не раньше 1818 года! Другой пример касается "Анны Карениной", набоковское замечание о Вронском, играющем в теннис сразу

после возвращения со скачек (или с охоты): *прямо в шпорах в теннис играть*! Должен ли был Толстой писать о том, как Вронский приводил себя в порядок в ванной и, может быть, при этом снимал шпоры? "Как бы то ни было, — сказал я, — для Набокова русская литература состоит только из пяти или шести великих писателей (один из них, естественно, сам Набоков)". Да и в мировой литературе (мог бы я добавить) для Набокова наберется 20, самое большое 25 приемлемых имен: надеюсь, мое предположение не чрезмерно оптимистично.

Можно задаться вопросом. Читая дневник и письма Толстого, так же как и письма Флобера, поражаешься тому, какие муки доставляло им писательство. Сопряжен ли с муками творческий процесс Набокова? Только ли бабочка — единственный конечный результат болезненного роста (Набоков — энтомолог, и все его посвящения обычно снабжены изображением бабочки)? И еще я заметил, что в клоунах (а в набоковском стиле много клоунады) обычно таится глубокая печаль. В его случае это не очевидно, но все-таки может быть, глубоко, на самом дне!

То ли потому что я коротко знал Набокова, то ли из-за моего интереса к его творчеству, он привлекает меня и как человек, и как писатель, хотя его произведения, несмотря на всю их виртуозность и даже красоту, оставляют меня холодным. <...>

Pniniad. P. 120—122.

Из дневника Александра Гладкова, 29 декабря 1968

<...> Читал целый день роман Сирина (Набокова) "Дар". Я читал его раньше, но по тексту "Современных записок", т. е. без главы о Чернышевском, да и не так внимательно, как сейчас. Роман великолепен. Помоему, это лучший роман этого автора. Он прекрасен и по замыслу, и по прихотливой и небанальной сюжетной структуре, и по словесному мастерству. Но главная его удача — герой его убедителен как талант, как человек с поэтическим даром. Подобного примера я не знаю во всей мировой литературе: обычно (кроме "Мартина Идена", м. б.) "писатели" — герои романов — условно-ходульные фигуры. <...>

In memoriam. С. 601.

Эдмунд Уилсон – Роману Гринбергу, 9 мая 1969

<...> Видали Володю Набокова на обложке "Ньюсуика"? Он напоминает статиста нанятого, чтобы позировать в роли Володи — Владимира Набокова. <...>

Шифф С. *Вера (Миссис Владимир Набоков)*. С. 408.

Из дневника Джона Фаулза, 3–11 октября 1969

<...> Набоков, "Ада". Он безнравственный старик, грязный старик; роман, по большей части, мастурбация; доставляющие физическое наслаждение мечтания старого человека о юных девушках; все окутано

осенней дымкой в духе Ватто; очень красиво, он вызывает из области воспоминаний сцены, мгновения, настроения, давно минувшие часы почти так же искусно, как Пруст. Его слабая сторона — та, где он ближе к Джойсу, хотя, мне кажется, она нужна ему больше, чем большинству писателей. Я хочу сказать, что сентиментальные, слабые места как-то очень гладко, легко переходят у него в замечательные прустовские сцены. Думаю, неорганизованность огромной эрудиции, проистекающая от усиленного чтения и странных увлечений, никогда не даст ему подняться на вершину Парнаса; но и без того есть нечто неприятное в отбрасываемой им тени — нарциссизм, онанистическое обожание его, Набокова. Почти как у Жене, но без искренности того. <...>

JOHN FOWLES *The Journals. Volume Two: 1966—1990* / Ed. by Charles Drazin. — London: Jonathan Cape, 2006. P. 64 (перевод В. Бернацкой).

Из дневника Марка Шефтеля, 9 декабря 1969

В еженедельнике "Wiadomości" Мишат К. Павликовски дал Набокову титул "величайшего из ныне живущих писателей". Как много писателей в разных странах, чье величие либо скрыто, либо не может быть оценено по достоинству из-за отсутствия перспективы. Нет сомнений в том, что Набоков добился большого коммерческого успеха со времени выхода "Лолиты". Между прочим, до этой публикации был ли М. Павликовски о нем того же мнения, что и сейчас? Было бы интересно узнать. Также несомненно, что Набоков — удивительный литературный виртуоз, который выполняет изумительные словесные пируэты и блестяще обводит читателей вокруг пальца. Боюсь, однако, что это не более чем восхитительное цирковое представление. Является ли цирк высшей формой театрального искусства? Менее разнообразная, но зато более волнующая драма, по крайней мере на один уровень выше цирка. Набоков способен проделывать удивительные вещи со словами и образами, но часто задаешься вопросом, есть ли во всем этом внутренняя необходимость? Чувствуешь, что за всем этим блеском маловато серьезности, и можно легко догадаться, что вряд ли для Набокова писательство было такой же мукой, как для Флобера или Толстого. Высочайшего таланта виртуоз, но романист, романам которого недостает силы и композиционной собранности. Безусловно, художник, но меньше, чем виртуоз. Вот почему, читая Набокова, не можешь забыться. В его историях нельзя, как у Толстого, увидеть реальность, большую, нежели наша повседневность. Ими можно восхищаться и наслаждаться, но увлечься ими трудно. По крайней мере так я ощущаю и его русские, и гораздо более затейливые английские романы. Ни любви, ни сострадания, ни отождествления с тем, что изображается! Тогда почему "величайший"? Талантливый, эгоцентричный, игривый клоун, дурачащийся перед зеркалом. Лелеющий свои слова, словно это драгоценные ювелирные украшения (часто это и впрямь так!), и восхищающий ценителей слов ради слов — не силой их выражения, а изящным расточительством. Простите, но я предпочитаю Казандзакиса. Поставил бы Павликовски Казандзакиса выше Набокова, если бы Казандзакис был еще жив?.. Что касается Набокова, я прочитал и перечитал "Лолиту". Я прочитал его русские романы, и некоторые мне нра-

вятся (в частности, я очень люблю "Защиту Лужина"). Но я не нахожу в них истинного величия, волнующей силы, литературной магии... крови из сердца соловья, которая сделала розу столь прекрасной в восхитительной сказке Уайльда "Соловей и роза". Это не про творчество Набокова, головное искусство, которое не способно тронуть чье-либо сердце... Хотя есть исключения. Одно из них — финальный эпизод "Лолиты": он трогает до глубины души. Но это именно исключение. Все остальное — лишь игра слов. Так я чувствую... Вероятно, я ошибаюсь, а может быть, ошибаются М. Павликовски, Нина Берберова, Мэри Маккарти и другие, кто возносит Набокова на вершину славы... Набоков не считает Стендаля писателем! Ставит ли М. Павликовски Набокова выше Стендаля? Выше Бальзака? Выше Пруста? Для Набокова двое последних также не великие писатели. Такое непомерное высокомерие не служит доказательством гениальности, в отличие от скромности.

Pniniad. P. 124—125.

...10 декабря 1969

Рассказал Олегу Масленникову про мнение М. Павликовски о Набокове. Он ответил: "*На безрыбье и рак рыба*". Аспирантка, которая была с нами, рассказала, что видела по телевизору интервью с Набоковым. Среди вопросов один был про его отношение к писателям. Выше всех он поставил Джеймса Джойса, затем Андрея Белого. Что касается Достоевского, то он постоянно третирует его как второсортного писаку ("наш отечественный Пинкертон в мистическом одеянии"). Я слышал, что после моего доклада о "Лолите" на заседании "Бук энд боул" Роберт Лэнгбаум говорил о родстве Набокова с Достоевским. Действительно, как я заметил, у них можно найти много общих тем и мотивов. На это Лэнгбаум откликнулся, сказав, что хорошо было бы написать статью "Достоевский и Набоков". Набоков был бы взбешен этим, но овчинка стоит выделки. И сегодня я перечислил Масленникову их общие черты: 1) мотив двойничества; 2) жизнь как игра ("Защита Лужина", "Король, дама, валет"); 3) любовь к неполовозрелым девочкам ("Исповедь Ставрогина" у Достоевского). Довольно об этом.

Достоевский не отделывал свою прозу столь же тщательно, как Набоков, но у него не было времени, он должен был зарабатывать писательством на жизнь. У Достоевского была идея, глубокая нравственная и религиозная идея, которую он хотел донести до читателя, видение жизни, основанное на сострадании. Набоков же любую идею в литературе считает мертвечиной, хотя и в его романах чувство жалости порой поднимает голову то там, то здесь. И неудивительно, ведь оба, и Набоков, и Достоевский, происходят из одного источника, из Гоголя. Достоевский — непосредственно, Набоков — через Белого. Оба принадлежали к гоголевскому направлению русской литературы, в котором особое внимание уделялось другой стороне бытия, потусторонней реальности, отражению жизни в "кривом зеркале" воображения. Как выразилась по поводу Набокова Нина Берберова, "жизнь, перевернутая вверх ногами". Для Набокова это всего лишь игра, в которую он играет очень искусно. Для Достоевского в этом таился намек на высшую реальность, пе-

реосмысление всех ценностей, сложившихся благодаря христианской концепции страдания. Думается мне, что Достоевский пошел дальше и (если смотреть ретроспективно) завершил то, что Набоков только наметил. Таков мой план статьи о Набокове и Достоевском!

Одно удивительно – отсутствие в набоковских произведениях Петербурга как мотива. Пушкин, Гоголь, Достоевский, Блок, Белый – у всех имперский город выступал как мотив, как персонаж. Не то у Набокова! Его детские и юношеские воспоминания связаны с различными загородными поместьями, но не с Санкт-Петербургом...

Pniniad. P. 125—126.

...7 октября 1970

Пролистал толстенную "Аду". На каждой странице – русские или французские фразы, да еще стихотворные цитаты. Она почти полностью состоит из каламбуров, как будто писать просто и ясно достойно порицания. Вещи вроде Ги де Монпарнас вместо Ги де Мопассан показывают недостаток вкуса. Нет, не нравится мне книга. Скучно разгадывать бесконечные загадки, хотя в некоторых из них и проявлено незаурядное мастерство. Набокову семьдесят, и его продуктивность изумительна. Не знаю, напишет ли он еще книгу, но я надеюсь, что он сможет. В качестве прощального залпа предпочтительнее был бы простой, изящный роман, наподобие "Защиты Лужина", но не "Ады" – этого талмуда, полного запутанных мест и загадок. Что-нибудь, исполненное мягкого юмора, как в "Пнине", и без клоунады.

Ibidem. P. 127—128.

...18 января 1971

<...> Набоков выглядит еще моложе! Огромный коммерческий успех "Лолиты" позволил ему распродать все, что он написал до нее, и на русском, и на английском; один за другим в переводе на английский выходят даже те русские романы, которые были написаны больше сорока лет тому назад... В "Книжном обозрении 'Нью-Йорк таймс'" – новое интервью Набокова. Читать его неприятно. Очевидно, Набоков утерял способность говорить как простой смертный, пусть и прославляемый всеми. Интервью превратилось в развязный спектакль, выступление капризного мальчика, которое недостойно набоковского таланта. И притом возраст! В 72, после такого большого успеха, наконец пришло время стать взрослее и бросить эти глупые игры в "enfant terrible". <...>

Ibidem. P. 71.

Эдмунд Уилсон – Элен Мучник, 18 марта 1971

<...> Набоков неожиданно написал мне письмо, в котором сообщает о том, что ценит мою дружбу и что все прощает. Ему сказали о моей болезни, а он всегда испытывает радость, когда узнает, что его друзья в

плохой форме. Он оплакивал Романа Гринберга по меньшей мере за десять лет до его смерти. <...>

Edmund Wilson *Letters*. P. 733.

Из дневника Марка Шефтеля, *2 апреля 1972*

Набоков — русский писатель (точнее сказать, был им до 1940 года), который в какой-то момент начал писать по-английски. В настоящее время почти все его русские вещи переведены на английский, хотя большинство из них переведено другими людьми. Правда, значительную часть перевел его сын Дмитрий, под присмотром самого Набокова, но это не то же самое, что аутентичный авторский перевод. Набоков говорил мне, что такой перевод для него тяжелое испытание, так как теперь он ориентирован на другого читателя, с иной системой координат, и у него возникает естественное желание — переписать книгу, фактически создать новое произведение на ту же тему.

Pniniad. P. 129.

Из дневника прот. Александра Шмемана, *20 апреля 1973*

<...> Вчера — на сон грядущий — перечитывал страницы из книги J. Schlumberger об A. Gid'e и его жене. <...>

Тоже вчера — две главы из "Дара" Набокова, который перечитывал много раз. Смесь восхищения и возмущения: какое тонкое разлито во всей этой книге *хамство*. Хамство в буквальном, библейском смысле этого слова: самодовольное, самовлюбленное издевательство над голым отцом. И бесконечная печаль набоковского творчества в том, что он хам не по природе, а по выбору, гордыне. А гордыня с подлинным величием несовместима. Он не "хамит" с природой, и тут его творчество подчас прекрасно, велико ("И хочется благодарить, а благодарить некого..."). "Хамит" он исключительно с людьми, которых он видит по-"хамски": подобное познается подобным. Гоголь видел "пошлость". Но он не "хамил". Потому у него трагедия. Никакого трагизма, ни малейшего, в творчестве Набокова нет. Откуда же ему взяться в этом хамском и пошлом мире? Набоков тоже в конце концов — "спекуляция на понижение". Беспримерное торжество, удача этого "хамства" — чего стоят отчим и мать Зины в "Даре" или Ширин. И полный крах, когда он, как говорят, "выводит положительные типы", то есть тех, кого он любит и с кем не "хамит". Отец, мать (и в "Даре", и в "Других берегах"), Зина, жена, сын. Уж такие они не как все, с такой тонкостью, с такой несводимостью ни к чему обычному, общему. Тут "хамству" противостоит мелкий "снобизм". Но горе в том, что это не природа Набокова, что и хамство, и снобизм он выбрал. И там, где их нет ("Василий Иванович" и др.), там видно, с какой возможной, данной и заданной ему, полноты он "пал". И, упав, смеется и страшно доволен сам собой. Демоническое в искусстве: ложь, которая так подана, что выглядит, как правда, убеждает, как правда. <...>

Шмеман А. *Дневники 1973—1983*. — М.: Русский путь, 2007. С. 27—28.

...7 мая 1973

<...> Вот случайно купил за девяносто пять центов и лениво перечитываю "Пнин" Набокова. Как он верно подметил фальшь американского университета, карикатуры на Оксфорд, Гейдельберг и Сорбонну, но карикатуры дешевые. Диссертации, докторат, наука – тут все это вроде зажигалки, которую, не зная что с ней делать, дикарь вешает себе на нос или на ухо и страшно горд. Эксперты без культуры, мешанина курсов, которые студент выбирает, как овощи на базаре. Библиографии, душный, затхлый воздух "департаментов", напичканных гениями. <...>

Шмеман А. *Дневники 1973—1983.* — М.: Русский путь, 2007. С. 30.

Из дневника Владимира Варшавского, 21 мая 1973

<...> И все-таки всегда тайная мечта написать что-то приближающееся к чуду некоторых страниц "Жизни Арсеньева": арестанта в окне острога, цветистого обрыва над станицей в Крыму. У Набокова тоже есть такие волшебные описания: например в "Весне в Фиальте". Как странно: они оба, владея этим чудным даром воссоздания природы, ничего подобного не достигают, когда доходит дело до человеческой жизни, до человеческих чувств. <...>

Библиотека-фонд "Русское зарубежье". Фонд В. Варшавского.

Из дневника Марка Шефтеля, 21 марта 1975

Вечереет, становится сумрачно. Не темнота (она будет позже), а светло-серые сумерки, когда, как говорят русские, "все кошки серы". Сумрачно снаружи, сумрачно внутри... Было ли у Набокова, вечно юного Набокова, чувство всепроникающей серости?

В последнем выпуске "Нэйшенал обзёрвер" прочел о нем замечательную статью Энн Тайлер "Набоков возвращается, ослепляя нас зеркалами". Она про его новую книгу "Истребление тиранов и другие истории", в которую вошло 12 рассказов, написанных между 1924 и 1938 и теперь переведенных его сыном Дмитрием. Есть ли среди них "Волшебник"? Кажется, есть, ведь Энн Тайлер заметила по поводу одного из рассказов (не упомянув названия), что в нем "Гумберт Гумберт появляется за 30 лет до 'Лолиты'". Надо будет поискать книгу: хочу прочитать рассказ. Набоков так и не дал мне его (хотя обещал!), а когда вышла "Лолита", заверил меня, что полностью задействовал его в романе. Так ли? Великий мастер мистификаций и розыгрышей, с его неизменными зеркальными играми. Привожу его высказывание о "Лолите": *"Всегда есть зеркальное отражение!"* Энн Тайлер пишет, что даже в самых простых своих вещах он запутаннее, чем 12 писателей вместе взятых. Это напомнило мне набоковское замечание на моем семинаре в Корнелле – в ответ чешскому студенту, который, идеализируя русских, называл их "славянами": "Русские – лжецы! Вот почему они такие хорошие артисты". Набоков сам замечательный актер! Мне бы не хотелось думать, что он, будучи русским, характеризует этим замечанием самого себя. Во вся-

ком случае, как писатель он всегда разыгрывает пьесу, и делает это прекрасно. Еще лучше был спектакль Гоголя (Набокова сравнивают с Гоголем), исполнявшего роль ценой куда более несчастной жизни, чем у Набокова, который, в конечном счете, очень счастливый человек. Исключительно удачливый. И в целом (насколько я могу знать) ведет уравновешенную жизнь. Как это отличается от Гоголя!

Pniniad. P. 130—131.

...22 июня 1975

Я более или менее прочитал книгу Карла Проффера о "Лолите", а затем "Твердые суждения" самого Набокова (главным образом, интервью, где он очень откровенен в своих *письменных* ответах). Более или менее, потому что чтение подобных книг занятие нелегкое и с точки зрения формы (сколько незнакомых слов!), и с точки зрения содержания (переусложненного в плане образов и идей). Конечно, я мог бы разгрызть их, но я не чувствую себя свободным (время!) и совсем не заинтересован в том, чтобы сделать их объектом систематического изучения. Это не значит, что я отрицаю изумительную языковую изобретательность Набокова и оригинальность его мыслей. Совсем наоборот! Но я предпочитаю простоту языка и идей. <...>

Ibidem. P. 131.

Из дневника прот. Александра Шмемана, *12 декабря 1977*

<...> Читал вчера Набокова. "Весна в Фиальте". И раздумывал о месте и значении этого удивительного писателя в русской литературе. Вспоминал давний ужин с ним в Нью-Йорке. "Моя жизнь — сплошное прощание с предметами и людьми, часто не обращающими никакого внимания на мой горький, безумный, мгновенный привет..." За такие-то вот строчки сразу все ему прощаешь: снобизм, иронию, какую-то "деланность" всего его мира. <...>

Шмеман А. *Дневники 1973—1983.* — М.: Русский путь, 2007. С. 402.

...16 января 1978

<...> Искусство *самоутвержденья*, искусство — власть над словом, искусство без смирения. <...> И потому искусство *таланта* (который все может), а не *гения* (который "не может не..."). В Набокове, может быть, и был гений, но он предпочел талант, предпочел власть (над словами), предпочел "творчество" — служению. Кривая таланта — *от удачи к неудаче* ("Ада", поздний Набоков, которому так очевидно нечего больше сказать, ибо все возможные — в его таланте — удачи исчерпаны). Гений, даже самый маленький, ибо гений совсем не обязательно "огромен", — *от неудачи к удаче* (по-настоящему чаще всего — посмертной, ибо требующей отдаления или даже, по "закону" и "пути зерна", смерти и воскресения...). <...>

Там же. С. 411.

...4 мая 1978

<...> Думал в эти дни о творчестве Набокова — в связи с предложением выступить на симпозиуме, ему посвященном, в июле в Norwich'е <...>. В каком-то смысле все его творчество карикатура на русскую литературу (Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов). Будучи частью ее, он ее не принял. Наибольшее притягивание — к Гоголю, тоже "карикатурному", наибольшее отталкивание — от Достоевского, самого из всех "метафизического". И все же он ими всеми, в том числе, конечно, Достоевским, определен, из мира русской литературы выйти не может. Только там, где у Гоголя — трагедия, у Набокова — сарказм и презрение. <...>

Шмеман А. *Дневники 1973—1983.* — М.: Русский путь, 2007. С. 431.

Из дневника Марка Шефтеля, 10 ноября 1978

<...> Помню, Набоков сказал мне, что Вера считала те пять лет, которые он посвятил переводу ["Евгения Онегина"], колоссальной тратой драгоценного времени, и, думается мне, скорее всего, она была права, если иметь в виду сам перевод, получившийся неудачным. Но ведь есть еще и комментарий, а это чистейший Набоков, то есть нечто интересное само по себе; вероятно, единственная ценная часть этого четырехтомного издания. <...>

Pniniad. P. 135.

Из дневника прот. Александра Шмемана, 10 мая 1979

<...> Набокова читаю, словно у меня какие-то личные счеты с ним. Может быть, в том смысле, что я всегда читал его с наслаждением как бы физиологического свойства. Бесконечно "вкусно". Но чтение это почти как соучастие в каком-то нехорошем деле, и отсюда потребность "катарсиса", выяснения, что же тут "нехорошо". По отношению к другим писателям у меня никогда этого чувства не было (русским). Набоков всегда *упирается* в пустоту. "Отчаяние": это отчаяние творца, убедившегося, что все его творчество было заранее, неизбежно, очевидно для всех — кроме него — провалом (но сколько усилий, сколько деталей, чтобы убить этого Феликса, совершить "совершенное преступление"!). Почему уходит в Россию Мартын? Только для того чтобы что-то доказать себе, навязать себе подвиг, абсолютно бессмысленный и ненужный. <...>

Шмеман А. *Дневники 1973—1983.* — М.: Русский путь, 2007. С. 461.

...16 мая 1979

<...> Переписка Набокова с Эдмундом Вильсоном (изданная С. Карлинским). В сущности — неинтересная, поверхностная. Одержимость "литературой", но как-то "безотносительно". Mutatis mutandi[1] к Набоко-

1. С соответствующими изменениями (*лат.*).

ву приложимо брюсовское: "...всё в жизни есть средство для ярко-певучих стихов...", для "сочетания слов".

Шмеман А. *Дневники 1973—1983.* — М.: Русский путь, 2007. С. 462.

...20 ноября 1980

<...> Купил вчера Набокова "Lectures on Literature" (Austen, Flaubert, Kafka, Joyce, Proust). Пока что пробежал две-три страницы посередине книги. Все тот же *блеск* и какая-то странная навязчивая защита литературы от самого понятия "содержания". Это как бы *кулинарный* подход к литературе. От хорошего завтрака в первоклассном отеле ничего не требуется кроме того, чтобы был он *вкусным.* Отсюда великое французское искусство соусов и всяческих "заправок". Но ресторанное искусство, действительно, и не требует "оправдания", отнесения себя к чему-то "высшему" (разве что с аскетической точки зрения, с которой требует оно не оправдания, а осуждения). А литература, слова и ими воплощаемое видение мира? Мне ясно теперь, что моя вечная любовь к Набокову, вернее — к чтению Набокова, — того же порядка, что любовь к хорошему ужину. Но если так, то не применима ли и здесь "аскетика"? То, что так сильно мучило Толстого, — не мучит Набокова. Или, может быть, сама его ненависть к истолкованиям и оценкам литературы по отношению не к "кухне" и "ресторану", а вот к тому, ненавистному ему "свыше" — и объясняется таким "подавленным" мучением? Не знаю, нужно будет вернуться ко всему этому по прочтении книги. <...>

Там же. С. 548.

...15 сентября 1981

<...> Недели две тому назад в воскресной "Нью-Йорк таймс" лекция Набокова о Достоевском, рекордная, с моей точки зрения, по своему злому легкомыслию. Боюсь, что от Набокова мало что останется, что все в нем исчерпывается его "блеском". <...>

Там же. С. 583.

...7 ноября 1981

<...> В английских лекциях Набокова о русской литературе — неожиданная для меня глава о Чехове, о глубине, о человечности его. Неожиданная потому, что я начал эту книгу "кровожадно" — и вдруг...

Там же. С. 597.

Кингсли Эмис – Филипу Ларкину, 22 марта 1982

<...> Осилил уйму книг за последнее время. Точнее — не осилил. "Отчаяние" Набокова. Этот парень абсолютно не в себе, не так ли? Что ты думаешь о Набокове? Ну — трам-тара-рам! С ним то же, что и с доброй

половиной американских писак — у остальной половины плохо другое, — и к тому же он задурил башку многим местным дурням, включая и моего малыша Мартина. <...>

The Letters of Kingsley Amis / Ed. by Zachary Leader. — London: Harper Collins Publishers, 2000. P. 938—939.

Кингсли Эмис. Шарж Ричарда Уилсона

Примечания

Список условных сокращений

Грасский дневник — Кузнецова Г. Грасский дневник. — Вашингтон, 1967.

Диаспора — Диаспора: Новые материалы. — Париж: Atheneum; СПб.: Феникс.

Классик без ретуши — Классик без ретуши: литературный мир о творчестве Владимира Набокова / Под общей редакцией Н. Г. Мельникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Набоков о Набокове — Набоков о Набокове и прочем: интервью, рецензии, эссе / Редактор-составитель Н. Г. Мельников. — М.: Издательство Независимая Газета, 2002.

С Двух берегов — С Двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. — М.: ИМЛИ РАН, 2002.

In memoriam — In memoriam: исторический сборник памяти А. И. Добкина. — СПб.; Париж: Феникс—Atheneum, 2000.

Pniniad — Diment G. Pniniad. Vladimir Nabokov and Marc Szeftel. — University of Washington Press, 1997.

SL — Nabokov V. Selected Letters. 1940—1977 / Ed. by D. Nabokov and Matthew J. Bruccoli. — N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark Layman, 1989.

Edmund Wilson. Letters — Wilson E. Letters on Literature and Politics, 1912—1972. — N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 1977.

Книга Яну от Сирина. — Сборник рассказов и стихотворений "Возвращение Чорба", присланный в декабре 1929 г. И. А. Бунину с дарственной надписью, так умилившей супругу писателя, Веру Николаевну Муромцеву-Бунину (1881—

1961). В ответ на "Возвращение Чорба", в феврале 1930 г., Бунин послал Набокову экземпляр только что изданной книги "Жизнь Арсеньева. Истоки дней", снабдив его дарственной надписью: "Дорогой Владимир Владимирович, от всей души и с большой любовью к Вашему прекрасному таланту желаю Вам долгого, счастливого и славного пути. Ив. Бунин" (Цит. по: *С Двух берегов*. С. 195).

Кузнецова Галина Николаевна (1900—1976) — поэт, прозаик, литературная ученица и возлюбленная И. А. Бунина; с 1927 г. жила вместе с Буниными. В декабре 1933 г. вместе с В. Н. Буниной сопровождала писателя во время его визита в Швецию. Наиболее значительным вкладом Кузнецовой в русскую литературу считается мемуарная книга "Грасский дневник", в которой рассказывается о ее совместной жизни с Буниным.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, прозаик, критик; еще до революции была первой из профессиональных писателей, обратившей внимание на творчество Набокова (точнее, на сборник его незрелых юношеских стихов, изданных за свой счет). Согласно набоковским воспоминаниям, встретившись на заседании Литературного фонда с В. Д. Набоковым, отцом начинающего поэта, она произнесла "пророческую" фразу, которую потом "лет тридцать не могла забыть": "Пожалуйста, передайте вашему сыну, что он никогда писателем не будет". Будучи в эмиграции, в своих критических писаниях вполне сознательно "замалчивала" произведения набиравшего силу и популярность В. Сирина.

Фельзены и Поплавские... — Прозаик Юрий Фельзен (наст. имя Николай Бернгардович Фрейденштейн, 1894—1943) и поэт Борис Юлианович Поплавский (1903—1935) — представители младшего поколения эмигрантских писателей, участники литературно-философского общества "Зеленая лампа", организованного Мережковскими.

Карпович Михаил Михайлович (1888—1959) — историк, публицист, мемуарист, редактор нью-йоркского "Нового журнала". Знакомство с Набоковым состоялось в апреле 1932 г. в Праге, куда писатель приехал навестить мать. В дальнейшем оба поддерживали приятельские отношения: Карпович помог Набокову при переезде из Франции в Америку, а летом 1940 г. Набоков, тогда только прибывший в США и не имевший своего угла, провел несколько недель на вермонтской даче Карповича. Весной 1957 г. Карпович не поддержал набоковскую кандидатуру на получение профессорской ставки в Гарварде (именно во время этого заседания Роман Якобсон сравнил знаменитого писателя со слоном, которого не стоит приглашать на должность профессора зоологии) — после чего Набоков резко изменил к нему отношение: согласно дневниковым записям Марка Шефтеля, он отозвался о нем как о "старой лисе" и пригрозил, что непременно изобразит его в одном из своих романов вместе с "большевиком" Якобсоном: "Я еще их выведу в одном из моих романов" (*Pniniad,* p. 39).

Тарасов-Родионов Александр Игнатьевич (1885—1938) — "пролетарский" писатель, чей нашумевший роман "Шоколад" (1922) оправдывал смертный приговор, вынесенный партией ни в чем не повинному коммунисту лишь для того, чтобы показать "массам" необходимую беспощадность революции. Сам Тарасов был позже репрессирован. Встреча Набокова с советским писателем состоялась по инициативе последнего в декабре 1931-го. Об их беседе, послужившей пищей для анекдотов и нашедшей отзвук в рассказе Набокова "Встреча" (декабрь 1931) и в романе "Приглашение на казнь" (1934), см.: *Бойд Б.* Владимир Набоков: русские годы. — М.: Издательство Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. С. 438.

Деспотули Владимир Михайлович (1895—1977) — журналист; в эмиграции сначала был сотрудником газеты "Руль", затем — берлинским корреспондентом

парижской газеты "Возрождение", а с 1934 г. стал главным редактором пронацистской газеты "Новое слово".

Буров Александр Павлович (наст. фам. Бурд-Восходов; 1870—1957) — предприниматель, писатель-дилетант и меценат, субсидировавший журнал "Числа", в котором публиковались его произведения; стал прототипом писателя-графомана Ильи Борисовича, главного героя набоковского рассказа "Уста к устам", в сюжетную основу которого легла скандальная история с финансированием "Чисел". Несмотря на свое еврейское происхождение, Буров, один из немногих в литературном мире русской эмиграции, поддерживал дружеские отношения с Деспотули после того, как тот возглавил пронацистскую газету "Новое слово".

Адамович Георгий Викторович (1892—1972) — "шире всех читаемый и самый влиятельный критик эмиграции" (В. Вейдле), на протяжении многих лет внимательно следил за развитием творчества Владимира Набокова, которому посвятил в общей сложности около сорока статей и критических заметок. По своим мировоззренческим и эстетическим принципам "чистейшей воды выдумщик" Набоков был антагонистом Адамовича, подозрительно относившегося ко всяческим формальным "вывертам", ратовавшего за простоту и безыскусность "человеческого документа", что и обусловило критическую направленность большинства адамовичевских отзывов. Тем не менее в послевоенный период Адамович во многом пересмотрел свое отношение к творчеству Набокова, что нашло отражение и в тех суждениях, которыми он делился со своими корреспондентами, и в его критических статьях (именно Адамович написал предисловие к парижскому переизданию "Защиты Лужина", вышедшему под эгидой ЦРУ для распространения в СССР).

"Повесть о пустяках" — роман Ю. П. Анненкова (Берлин: Петрополис, 1934), вышедший под псевдонимом "Б. Темирязев".

Штейгер Анатолий Сергеевич (1907—1944) — поэт, наиболее полно воплотивший в своем творчестве эстетические принципы "парижской ноты". Судя по всему, в его письме описывается литературный вечер, устроенный 6 апреля 1935 г. в доме набоковского знакомого Иосифа Гессена.

Шаховская Зинаида Алексеевна (1906—2001) — писательница, журналистка. Писала на русском и французском языках. В эмиграции с февраля 1920 г. В 1930-е гг. поддерживала дружеские отношения с В. В. Набоковым. Историю своего знакомства и разрыва с ним описала в первой русскоязычной книге о писателе "В поисках Набокова" (1978).

...типа алдановских Кременецких... — Речь идет о персонажах трилогии Марка Алданова "Ключ", "Бегство", "Пещера".

Шмелев Иван Сергеевич (1873—1950) — писатель, публицист; с ноября 1922 г. — в эмиграции. Его многолетняя переписка с философом Иваном Александровичем Ильиным (1883—1954), полная взаимных похвал (из-за чего корреспонденты порой уподобляются персонажам известной крыловской басни), в то же время являет собой настоящую "школу злословия" — так много в ней сплетен, язвительных замечаний и критических шпилек в адрес большинства собратьев по перу: Бунина, Мережковских, Ходасевича ("Худосеича"), Адамовича (его называют не иначе как "Гадамовичем" или "Гадом") и, разумеется, Сирина, который как никто другой представлялся Шмелеву воплощением упадка русской литературы.

Иваск Юрий Павлович (1907—1986) — поэт, критик, литературовед. Участник таллинского "Цеха поэтов" (1933—1935). Несмотря на географическую отдаленность от литературных центров эмиграции, Иваск, до войны живший в Эс-

тонии, активно сотрудничал с ведущими изданиями русского Парижа: "Числа", "Современные записки", "Новый град". В 1944 г. ушел вслед за отступающими немецкими войсками в Германию. В 1949-м перебрался в США; преподавал в различных университетах, одновременно продолжая заниматься литературной деятельностью. С 1954 по 1958 г. — редактор журнала "Опыты".

Был вечер Сирина... — 24 января 1937 г. в Париже состоялся литературный вечер, на котором Набоков прочел два отрывка из незаконченного романа "Дар".

Грузенберг Оскар Осипович (1866—1940) — адвокат и общественный деятель, участник многих громких судебных процессов (М. Бейлиса, Горького, Короленко, Троцкого, думцев-выборжцев и т. д.), принесших ему славу одного из самых ярких судебных ораторов России начала XX в. В 1920-м эмигрировал из Советской России, до 1923 г. жил в Берлине, где и встречался с семейством Набоковых.

Мильруд Михаил Семенович (1883—1942) — журналист; до революции сотрудничал в газетах "Киевская мысль" и "Русское слово"; в марте 1920 г. вместе с семьей бежал из захваченной красными Одессы в Румынию; с октября 1924-го — соредактор рижской газеты "Сегодня"; после присоединения Латвии к СССР арестован органами НКВД и осужден на 8 лет лагерей.

Пильский Петр Моисеевич (1879—1941) — критик, публицист, беллетрист; в годы эмиграции — литературный обозреватель рижской газеты "Сегодня", на страницах которой неоднократно рецензировал произведения Набокова. В письме О. Грузенберга упоминается его негативный отзыв на журнальную публикацию первой главы романа "Дар". В этой рецензии Пильский неприязненно писал о Сирине как о "карикатуристе", который "ищет выход для своего колкого остроумия" и, чтобы "утолить эту потребность, <...> поворачивает людей смешными и отталкивающими сторонами", а заодно "устами своего героя <...> ласково и, с виду, мягко, клеймит русских писателей" (Новая книга "Современных записок" // Сегодня. 1937. 29 апреля. С. 3; см. также: *Классик без ретуши*. С. 151—153).

...стихи на смерть Блока... — Речь идет о двух набоковских стихотворениях, впервые опубликованных в берлинской газете "Руль" (1921. 14 августа): "За туманами плыли туманы..." и "Пушкин — радуга по всей земле...", в котором при желании можно усмотреть "нечто вроде казарменной переклички" русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, "уплывших в рай" и собравшихся, "чтоб встретить в должный час душу Александра Блока".

Малоземова Елизавета Андреевна (1881—1974) — литературовед, автор одной из первых диссертаций о творчестве Бунина.

Полонский Яков Борисович (1892—1951) — журналист, в годы эмиграции — сотрудник парижской газеты "Последние новости".

Карамзина Мария Владимировна (урожд. Максимова, 1900—1942) — поэт, прозаик, с 1937 по 1940 гг. — корреспондент И. А. Бунина. См. их переписку: Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин: В 2 кн. Кн. 1. — М.: Наука, 1973. С. 661—687.

Гессен Евгений Сергеевич (1910—1944) — поэт, член поэтического объединения "Скит" (Прага); погиб в немецком концлагере.

Гольденвейзер Алексей Александрович (1890—1979) — юрист, публицист, общественный деятель; с 1921 г. — в эмиграции; до Второй мировой войны жил в Германии, был представителем Нансеновского комитета при Лиге Наций; в 1937 г. переехал в США. С В. Набоковым познакомился в июне 1936 г. во время процесса по ликвидации родового имущества немецкого композитора Карла Генриха Грауна (1701—1759), далекого набоковского предка по отцовской линии;

в конце 1950-х гг. вел тяжбу с немецким правительством о возмещении материальных убытков, понесенных В. Е. Набоковой во время нацистского правления (осенью 1962 г. по решению берлинского суда ей присудили пожизненную ренту: 100 марок — 25 долларов в месяц).

Алданов Марк Александрович (наст. фамилия Ландау, 1886—1957) — один из самых популярных беллетристов русского зарубежья; хороший знакомый В. Набокова: благодаря его рекомендации тот в мае 1940 г. переехал в США — читать курс лекций по литературе в Стэнфордском университете. Подробнее о взаимоотношениях двух писателей см.: "Как редко теперь пишу по-русски...". Из переписки В. В. Набокова и М. А. Алданова / Публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 121—145.

Уилсон Эдмунд (1895—1872) — ведущий американский критик 1930—1940-х гг., с которым начиная с 1940 г. Набоков поддерживал дружеские отношения. Уилсон всячески способствовал акклиматизации Набокова на американской почве: будучи редактором журнала "Нью рипаблик", заказывал ему критические статьи и рецензии, знакомил с издателями и редакторами престижных американских журналов, пристраивал (пусть и не всегда успешно) набоковские рукописи, написал в целом благожелательную рецензию на "Николая Гоголя", первую книгу Набокова, написанную в Америке. Тем не менее, по мере литературных успехов своего протеже, Уилсон испытывал по отношению к нему двойственное чувство, в котором приязнь соседствовала с писательской ревностью, о чем красноречиво говорят многочисленные упоминания о Набокове в уилсоновских письмах.

Госс Кристиан (1878—1951) — американский критик и литературовед, с 1925 г. — декан Принстонского университета.

Шкловская Зинаида Давыдовна (?—1945) — жена публициста Исаака Владимировича Шкловского (псевд. Дионео). В наброске некролога З. Д. Шкловской, предназначавшегося для "Нового журнала", Г. Струве описал свою последнюю встречу с ней в Париже весной 1944 г.: "Помнится, встретила она меня фразой, которая стала чем-то вроде условного пароля у нас — она постоянно ее употребляла при личном свидании, в разговорах по телефону и в письмах: 'Скучно в Европе без Сирина!' Дело в том, что в последние годы своей жизни З<инаида> Д<авыдовна> стала большой поклонницей литературного творчества В. В. Набокова-Сирина. Кажется, я первый познакомил ее с его произведениями; во всяком случае, я должен был доставать и приносить ей все новые вещи Сирина, когда они появлялись в 'Современных записках'. Особенно увлекалась она 'Приглашением на казнь' — ей казалось, что она понимает эту вещь, как никто. С семьей Набокова ее связывали давние личные отношения: она глубоко уважала и ценила покойного Влад<имира> Дм<итриевича>. И очень была дружна с его братом дипломатом Конст<антином> Дм<итриевичем> (от которого, кстати, у нее сохранилась целая пачка живых и остроумных писем). Помню, как она была счастлива, когда в 1938 г. я привел к ней В. В. Набокова. Как радовалась она за него, когда в 1940 г. узнала от меня, что ему удалось вовремя выбраться из Франции в Соединенные Штаты. Но тут же сказала: 'Скучно в Европе без Сирина!', и эта фраза вместе с фразой о том, как неинтересно жить в интересное время, стала как бы ее припевом к войне" (Цит. по: Русская литература. 2007. № 1. С. 223).

Струве Глеб Петрович (1898—1985) — литературовед, переводчик, критик, в 1920—1930-е гг. поддерживавший приятельские отношения с Набоковым и много сделавший для пропаганды его творчества (Струве написал о набоковских произведениях несколько статей и рецензий на русском, английском и француз-

ском языках, а также перевел на английский рассказы "Возвращение Чорба" и "Пассажир"). К середине пятидесятых годов, времени написания его главного литературоведческого труда "Русская литература в изгнании" (1956), Струве заметно охладел к творчеству Набокова, о чем можно судить и по "набоковской" главе "Русской литературы в изгнании" (где настойчиво проводится тезис о "нерусскости" писателя), и по многочисленным признаниям, сделанным в письмах. Например, в письме от 29 июля 1952 г. В. Маркову Струве вполне определенно заявил о том, что его отношение к творчеству Набокова с годами изменилось к худшему: "...есть в его таланте какая-то исконная порочность. Я в свое время много писал о его ранних вещах (я был в русской критике одним из первых его пропагандистов), но писал больше в положительном смысле, а сейчас меня позывает написать по-иному, но я должен сначала для себя это осмыслить" (Цит. по: *Классик без ретуши*. С. 612).

Бем Альфред Людвигович (1886—1945) — критик, историк литературы, публицист; в эмиграции преподавал в пражском Карловом университете, был организатором и руководителем литературного объединения "Скит поэтов" (позднее — "Скит"). В отличие от большинства эмигрантских литераторов старшего поколения, очень высоко ценил творчество Набокова (Сирина) и в статье "Человек и писатель" широковещательно заявил: "Эмиграция оправдана тем, / Что в ней появился Сирин" (Меч. 1936. 3 мая (№ 18). С. 3). Во время Второй мировой войны вступил в переписку с оказавшимся в Германии критиком и публицистом Ивановым-Разумником (наст. имя Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946), который в ответном письме (от 15 мая 1942 г.) высказался по поводу Сирина более сдержанно: "Буду возможно, очень его ценить, а полюблю уж кого-нибудь другого; ему же скажу: 'Опамятуйся, Микита! Душа надобна!'" (Цит. по: *Классик без ретуши*. С. 611).

Гринберг Роман Николаевич (1893—1969) — эмигрант "первой волны", бизнесмен, меценат, издатель, приятель Набокова (они познакомились в 1939 г. в Париже, когда Гринберг брал у Набокова уроки английского языка); как и Набоков, с началом Второй мировой войны Гринберг переехал в США, где тесно общался с писателем и вплоть до грандиозного коммерческого успеха "Лолиты" оказывал ему материальную поддержку; будучи редактором журнала "Опыты" (в 1953—1954 гг.), а затем, в 1960—1967 гг., единолично издавая альманах "Воздушные пути", активно привлекал к сотрудничеству писателей "первой волны" эмиграции, в том числе и Набокова: в этих изданиях были опубликованы последние набоковские произведения, написанные по-русски (стихотворения, главы из "Других берегов", "Заметки переводчика"). (Подробнее об этом см. опубликованную Р. Янгировым переписку между Гринбергом и Набоковым: *In memoriam*. С. 345—398; *Диаспора*. Вып. 1. С. 477—557).

...прислал тетрадь стихов, подписанную "Сирин", с просьбой дать свой отзыв... — Тетрадь стихов прислал Бунину сам В. В. Набоков, начинавший свою литературную карьеру как поэт В. Сирин (псевдоним пришлось взять из-за того, что его поэтические опусы обильно печатались в кадетской газете "Руль", выходившей под редакцией В. Д. Набокова). Для юного поэта Бунин был литературным кумиром; его письмо мэтру от 21 марта 1921 г. выдержано в тонах благоговейного почтения: "Многоуважаемый Иван Алексеевич, посылаю вам несколько — наудачу выбранных — стихотворений и пользуюсь случаем сказать вам, как ободрило меня то, что писали вы о моем робком творчестве, — тем более, что хорошие слова эти исходят именно от вас, — единственного писателя, который в наш кощунственный и косноязычный век спокойно служит прекрасно-

му, чуя прекрасное во всем, — в проявлениях духа человеческого и в узоре лиловой тени на мокром песке, — причем несравненны чистота, глубина, яркость каждой строки его, каждого стиха. Простите, что так неладно выражаюсь: это так же трудно, как признанье в любви — давнишней любви" (Цит. по: *С Двух берегов*, 2002. С. 191).

Бахрах Александр Васильевич (1902—1985) — критик, мемуарист; во время войны несколько лет прожил в грасском доме Буниных, о чем оставил воспоминания "Бунин в халате" (1979).

"Фиала" — то есть рассказ "Весна в Фиальте", впервые опубликованный в "Современных записках" (1936. № 61).

Мучник Элен (Елена Львовна, 1903—?) — американский литературовед русского происхождения, близкая приятельница Э. Уилсона.

Я разочарован новым романом... — То есть "Bend Sinister" ("Под знаком незаконнорожденных"), первым романом, написанным Набоковым в Америке. Со свойственной ему прямотой о своем неприятии романа Уилсон написал Набокову сразу по прочтении рукописи: "Тебе не удаются вещи, касающиеся вопросов политики и социальных процессов, ибо ты никогда не интересовался этими предметами и не давал себе труда вникнуть в них. В твоем понимании диктатор вроде Падука — это просто вульгарная и одиозная фигура, которая до смерти запугивает серьезных, высокоинтеллектуальных людей наподобие Круга. У тебя нет ни малейшего представления, почему и как Падуку удалось захватить власть, или что представляет собой совершенная им революция. Именно это делает изображение событий столь неудовлетворительным. И не говори мне, что подлинный художник не имеет ничего общего с политикой. Художник может не принимать политику всерьез, но, если уж он обращается к таким вопросам, ему следует знать, о чем идет речь. <...> Не думаю, что твоя вымышленная страна сослужила тебе добрую службу. Твоя сила — это большой степени сила точной наблюдательности... а получилось нечто ирреальное, что особенно заметно при неизбежном сравнении написанного с жуткой современной действительностью. На фоне подлинной нацистской Германии и подлинной сталинской России злоключения твоего несчастного профессора отдают бурлеском... В конце концов получилась лишь сатира на события столь ужасающие, что они не поддаются сатирическому обличению — ибо для того, чтобы сделать нечто предметом подобного обличения, следует представить сущее еще более ужасным, чем оно есть на самом деле" (Цит. по: *Классик без ретуши*. С. 248).

Уайт Кэтрин (1892—1972) — с 1925 по 1960 г. возглавляла отдел прозы "Нью-Йоркера", одного из самых популярных и богатых американских журналов, на страницах которого было напечатано несколько произведений Набокова. Несмотря на то, что в одном из поздних интервью Набоков с "чувством благодарности и удовольствия" вспоминал о "сердечной дружбе с Кэтрин Уайт", отношения между ними порой складывались весьма драматично: Набоков с трудом вписывался в стилистические и жанровые стандарты, которые навязывались авторам в соответствии со строгой политикой главного редактора Гарольда Росса, не терпевшего "описаний 'телесных функций', от плевка до сексуального акта, благодаря чему 'Нью-Йоркер' быстро приобрел ярлык 'пуританского издания'" (*Воронина О.* Набоков в журнале "Нью-Йоркер" // Звезда. 2005. № 4. С. 128), и стремившегося в первую очередь к привлечению и удержанию как можно большего числа читателей. Еще до сенсационного успеха "Лолиты" Набоков был желанным автором для "Нью-Йоркера", хотя его писательская практика и представления о творчестве явно противоречили главной задаче, которую

Росс ставил перед редакторами и авторами журнала, — "удовлетворить стремление среднего класса к комфорту во всем, включая художественный текст" (Там же. С. 134). Неудивительно, что Кэтрин Уайт неоднократно забраковывала предлагаемые Набоковым произведения (в 1944 г. она отвергла подряд три его вещи — стихотворение "Сон", а также рассказы "Забытый поэт" и "Превратности времен"; чуть позже та же участь постигла перевод набоковского шедевра "Весна в Фиальте"), а принимая текст, портила автору немало крови многочисленными и довольно въедливыми замечаниями, которые могли касаться и стиля, и тематики, и даже отдельных деталей. Так, в частности, произошло с очерком "Мое английское образование" (позже составившим главу набоковской автобиографии) и рассказом "Знаки и символы". Сетования редакторши на стилистическую перегруженность текстов, чьи "предложения оказываются настолько запутанными, что читатель не может следить за ними без перечитывания", ее просьбы упростить поэтический словарь в соответствии с журнальными представлениями об элегантности и читабельности не могли не вызвать активного противодействия самолюбивого автора. В ответном письме от 10 ноября 1947 г. Набоков горячо защищал свое право на индивидуальный стиль: "Я буду очень признателен, если вы поможете мне выкорчевать плохую грамматику, но мне бы не хотелось, чтобы мои длинноватые фразы обрезали слишком коротко или чтобы опускали те разводные мосты, которые я с таким трудом поднял. Иными словами, я хотел бы, чтобы вы ощутили разницу между громоздкой конструкцией (что плохо) и некой особой — как бы сказать — извилистостью, которая мне присуща и которая лишь на первый взгляд может казаться неуклюжей или неясной. Почему бы читателю время от времени не перечитать фразу? Это ему не повредит" (*SL*, p. 77).

...от воспоминаний о детстве Менкена. — Речь идет об автобиографической книге американского критика и публициста Генри Луиса Менкена (1880—1956) "Счастливые дни, 1880—1892" ("Happy Days, 1880—1892", 1940).

Гладков Александр Константинович (1912—1976) — советский поэт и драматург, прославился пьесой "Давным-давно" (1942); страстный библиофил, в 1948 г. Гладков собрал крупную коллекцию эмигрантских изданий (среди них были и номера главного журнала русского зарубежья "Современные записки", в котором печатались основные довоенные произведения Набокова), за что в 1949 г. был арестован и получил 6 лет лагерей.

...он тут же написал по-русски четверостишие... — Вероятно, это было стихотворение Набокова "Казак", которое было составлено из палиндромов, написанных им в двадцатых годах:

> Я ел мясо лося млея.
> Рвал Эол алоэ, лавр.
> Те ему: "Шш — Ишь, умеет
> Рвать!", он им: "Я — Минотавр".

Берберова Нина Николаевна (1901—1993) — писательница, критик, с 1922 по 1932 гг. — гражданская жена В. Ходасевича, вместе с которым покинула Россию в июне 1922 г. В своих критических статьях и мемуарной книге "Курсив мой" (1972) выказала себя пылкой поклонницей набоковского творчества. В специальном номере журнала "Трикуотерли", посвященном семидесятилетию Набокова, были опубликованы сразу две ее статьи: "Механика 'Бледного огня'" (The Mechanics of Pale Fire // Triquarterly. 1970. № 17. P. 147—149) и "Набоков в трид-

цатых" (Nabokov in the Thirties // Triquarterly 1970. № 17. P. 220—233), причем последняя вызвала неудовольствие юбиляра. "Мисс Берберовой, — сердито указывал он в "Юбилейных заметках", — гораздо лучше удается изображение персонажей моих романов, чем описание В. Сирина, одного из моих персонажей в 'реальной' жизни" (Цит. по: *Набоков о Набокове*. С. 593).

Струве Алексей Петрович (1899—1976) — сын известного философа и общественного деятеля П. Б. Струве; библиограф, владелец букинистического магазина в Париже.

Конрад Джозеф (Коженёвский Юзеф Теодор Конрад, 1857—1924) — английский писатель польского происхождения, с которым многие американские критики сопоставляли Набокова, на что тот резонно возражал: "Меня слегка раздражают сравнения с Конрадом. Не то чтобы я был недоволен в литературном плане, я не это имею в виду. Суть в том, что Конрад никогда не был польским писателем. Он сразу стал английским писателем" (*Breit H.* Talk With Mr. Nabokov // New York Times Book Review. 1951. July 1, p. 17). В многочисленных интервью "швейцарского периода" Набоков неприязненно отзывался о Джозефе Конраде: "...не выношу стиль Конрада, напоминающий сувенирную лавку с кораблями в бутылках, бусами из ракушек и всякими романтическими атрибутами" (из интервью журналу "Плейбой"; цит. по: *Набоков о Набокове*. С. 154); "...мое отличие от Джозефа Конрадикально. Во-первых, он не писал на своем родном языке, прежде чем стать английским писателем, и, во-вторых, сегодня я уже не переношу его полированные клише и примитивные конфликты" (из телеинтервью Р. Хьюзу; цит. по: *Набоков о Набокове*. С. 171); "...я не люблю его книги, они мне ничего не говорят. Когда я был ребенком, я читал их, потому что это книги для детей. Они полны клише и неуемной романтики..." (Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом // Звезда. 1996. № 11. С. 62).

Сантаяна Джордж (1863—1952) — американский поэт, философ и культуролог испанского происхождения.

Зейбель Мортон (1901—1960) — американский критик, литературовед; в 1947—1964 гг. — профессор Чикагского университета.

Херси Джон (1914—1993) — американский писатель и журналист. Его документальный репортаж о первой атомной бомбардировке, впервые опубликованный в журнале "Нью-Йоркер" в 1945 г. и вскоре вышедший отдельным изданием ("Хиросима", 1946), вызвал шумный резонанс в Америке.

Хайман Стенли Эдгар (1919—1970) — американский критик и литературовед, автор нескольких статей о набоковском творчестве. Одна из них, рецензия на английский перевод "Дара" (Nabokov's Gift // New Leader. 1963. Vol. XLVI. October 14, p. 21), вызвала ряд нареканий со стороны Набокова. В письме Хайману от 15 декабря 1963 г. Вера Набокова от имени писателя вежливо, но твердо заявила критику: "...мой муж не страдал эдиповым комплексом, мать Федора это не его мать, Зина нисколько не похожа на меня, так как моему мужу хватает вкуса, чтобы не вставлять в свои романы жену. <...> И конечно же, абсурдно приравнивать Кончеева к Ходасевичу, человеку гораздо более старшему, чья репутация утвердилась еще до революции" (*SL*, p. 351). Гораздо более высокую оценку получила хаймановская статья о романах "Приглашение на казнь" и "Под знаком незаконнорожденных", которая была опубликована в юбилейном сборнике, посвященном семидесятилетию писателя (Triquarterly. 1970. № 17): в своих "Юбилейных заметках" Набоков назвал ее "первоклассной" (Цит. по: *Набоков о Набокове*. С. 590).

И никогда я не был с ним ни в одном ресторане. — Встреча с Буниным, описанная в набоковских воспоминаниях, на самом деле имела место, что подтверждается, в частности, письмом Набокова, посланным жене 30 января 1936 г.: "<...> С Gare du Nord[1] я поехал на avenue de Versailles посредством метро, так что прибыл с моими постепенно каменевшими и мрачневшими чемоданами в полном изнеможении. <...> Здесь мне дали очаровательную комнату в прекрасной квартире. <...> Только я начал раскладываться — было около половины восьмого, — явился в нос говорящий Бунин и, несмотря на ужасное мое сопротивление, 'потащил обедать' к Корнилову — ресторан такой. Сначала у нас совершенно не клеился разговор, — кажется, главным образом, из-за меня — я был устал и зол, — меня раздражало все, — и его манера заказывать рябчика, и каждая интонация, и похабные шуточки, и нарочитое подобострастие лакеев, — так что он потом Алданову жаловался, что я все время думал о другом. Я так сердился (что с ним поехал обедать), как не сердился давно, но к концу и потом когда вышли на улицу, вдруг там и сям стали вспыхивать искры взаимности, и, когда пришли в Кафе Мюра, где нас ждал толстый Алданов, было совсем весело. Там же я мельком повидался с Ходасевичем, очень пожелтевшим; Бунин его ненавидит. <...> Алданов сказал, что когда Бунин и я говорим между собой и смотрим друг на друга, чувствуется, что все время работают два кинематографических аппарата. Очень мне хорошо рассказывал Иван Алексеевич, как он был женат в Одессе, как сын у него шестилетний умер. Утверждает, что облик — переносный — 'Мити Шаховского' (отца Иоанна) дал ему толчок для написания Митиной любви. Утверждает, что — ну, впрочем, это лучше расскажу устно. После кафе мы втроем ужинали у Алданова, так что я лег поздно, и спал неважно — из-за вина" (Цит. по: *С Двух берегов*. С. 176—177).

Варшавский Владимир Сергеевич (1906—1978) — писатель, мемуарист; будучи сотрудником парижского журнала "Числа", был втянут в литературную войну против берлинца Сирина, которую вели адепты "парижской ноты", писатели-монпарнасцы, вдохновляемые Георгием Адамовичем и Георгием Ивановым. Его перу принадлежит отрицательная рецензия на роман "Подвиг", в которой набоковское произведение объявлялось "очень талантливой, но малосерьезной книгой" (Числа. 1933. № 7/8. С. 266; перепеч. в: *Классик без ретуши*. С. 95—96). К чести Варшавского, уже к середине тридцатых годов он пересмотрел свое отношение к творчеству Набокова. В итоговой книге "Незамеченное поколение" (Нью-Йорк, 1956), развивая основные положения своей довоенной статьи "О прозе 'младших' эмигрантских писателей" (1936), он предложил глубокое социально-философское прочтение "Приглашения на казнь". Связывая проблематику романа с духом "незамеченного поколения" эмигрантских писателей, Варшавский оценил набоковскую прозу как "единственную, блистательную и удивительную удачу 'молодой' эмиграции" (Указ. соч. С. 214).

Яновский Василий Семенович (1906—1989) — прозаик, мемуарист, представитель "младшего поколения" писателей русской эмиграции; в 1942 г. переехал в США.

Поляков Александр Абрамович (1879—1971) — журналист; в эмиграции с ноября 1920 г.; был секретарем редакции парижской газеты "Последние новости"; в 1942 г. перебрался в США, сотрудничал в газете "Новое русское слово".

Статья Вейдле действительно отличная... — Имеется в виду статья В. Вейдле "На смерть Бунина" (Опыты. 1954. № 3. С. 80—93). В том же номере "Опытов" были опубликованы главы набоковских воспоминаний "Другие берега".

1. Северного вокзала (*франц.*).

...спасибо за рукопись... — Скорее всего, речь идет о рукописи книги "Русская литература в изгнании", которая была выпущена в 1956 г. нью-йоркским "Издательством имени Чехова".

Терапиано Юрий Константинович (1892—1980) — поэт, критик, мемуарист; активный участник литературной жизни русского Парижа (был одним из организаторов и первым председателем "Союза молодых поэтов и писателей"; в 1928 г. организовал поэтическую группу "Перекресток", входившую в литературную орбиту В. Ходасевича). К началу тридцатых годов, как и многие другие "перекресточники", попал под влияние Г. Адамовича и "парижской ноты", что, вероятно, сказалось и на его отношении к творчеству В. Сирина. В 10-м номере "Чисел" он опубликовал довольно неприязненный отзыв на роман "Камера обскура": "Резко обостренное 'трехмерное' зрение Сирина раздражающе скользит мимо существа человека. <...> Это лишь волшебство, увлекательное, блестящее, но не магия. Захочешь — и пусто становится от внутренней опустошенности — нет, не героев, самого автора" (Цит. по: *Классик без ретуши*. С. 112). В отличие от многих других писателей-монпарнасцев, со временем пересмотревших свое отношение к творчеству Набокова, Терапиано до конца сохранил к нему неприязнь: об этом говорят и его отдельные высказывания в письмах, и написанный им некролог (В. В. Набоков-Сирин // Русская мысль. 1977. 28 июля. С. 9), в котором содержится немало критических замечаний в адрес Набокова.

Марков Владимир Федорович (р. 1920) — эмигрант "второй волны"; критик, литературовед, переводчик; до выхода в отставку в 1990 году — профессор Отдела славянских и восточноевропейских языков и литератур Калифорнийского университета, Лос-Анджелес (UCLA).

Поэму, конечно, читал... — Речь идет о "Парижской поэме", впервые опубликованной в "Новом журнале" (1944. № 7).

Варшавский интересен в первой части... — В письме к Юрию Иваску, в то время главному редактору журнала "Опыты", Г. Адамович разбирает материалы четвертого номера, в том числе и статью Варшавского "О Поплавском и Набокове" (Опыты. 1955. № 4. С. 65—72), позже вошедшую в книгу "Незамеченное поколение".

Моршен Николай Николаевич (наст. фам. Марченко, 1917—2001) — поэт, представитель "второй волны" русской эмиграции.

...в какой-то своей статье о стихах Сирина... — Имеется в виду статья Г. Адамовича "По поводу стихов Влад. Набокова" (Новое русское слово. 1953. 29 марта; 26 апреля); с небольшими дополнениями она вошла в книгу "Одиночество и свобода" (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955), где составила основу главы "Владимир Набоков".

Митфорд Нэнси (1904—1973) — английская писательница; с 1929 г. — приятельница Ивлина Во.

В "Санди таймс" Грэм Грин рекламировал какую-то порнографическую книгу... — Речь идет о той самой судьбоносной заметке Грэма Грина, в которой "Лолита" (выпущенная в 1955 г. парижским издательством "Олимпия-пресс", имевшим весьма сомнительную репутацию) была названа лучшей книгой 1955 года (*Green G.* Books of the Year 1 // Sunday Times. 1955. December 25, p. 4). Хвалебная заметка прославленного романиста вызвала гневную отповедь консервативного журналиста Джона Гордона: "Без сомнения, это грязнейшая книжонка из всех, что мне доводилось читать. Это отъявленная и неприкрытая порнография" (*Gordon J.* Current Events // Sunday Express. 1956. January 29, p. 16), а затем и це-

лую лавину статей и заметок в англоязычной прессе, благодаря которой Набоков и его "бедная девочка" получили мировую известность.

Кленовский Дмитрий Иосифович (наст. фам. Крачковский, 1893—1976) — поэт, эмигрант "второй волны" (в 1942 г. во время немецкой оккупации Украины он вместе с женой, немкой по происхождению, переехал в Австрию, а затем в 1943 г. — в Германию).

Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя Ираида Густавовна Гейнике, 1895—1990) — поэт, прозаик, жена поэта Георгия Иванова, злейшего литературного недруга Набокова; ее роман "Изольда" удостоился язвительного отклика В. Набокова (Руль. 1928. 30 октября), на который Иванов отреагировал разгромной антисиринской статьей (Числа. 1930. № 1).

Вишняк Марк Вениаминович (1883—1976) — общественный деятель, один из лидеров партии социалистов-революционеров, журналист, мемуарист, соредактор журнала "Современные записки", в свое время сделавший все возможное, чтобы на его страницах не была опубликована четвертая глава "Дара". Чуть позже Набокова, осенью 1940 г., Вишняк перебрался из Франции в США, где преподавал в различных университетах, а затем стал консультантом по русским вопросам в еженедельнике "Тайм".

В книге... — То есть в мемуарах Марка Вишняка "'Современные записки': Воспоминания редактора" (Bloomington: Indiana University Publications, 1957), где, в частности, цитируются высказывания о "Даре" Г. Адамовича и М. Слонима: "По мнению Г. Адамовича, Набоков-Сирин обрушился в 'Даре' на Чернышевского с 'каким-то капризным легкомыслием' ('Одиночество и свобода'. С. 221). М. Слоним отозвался о 'Даре' как о 'злобно полемическом романе', в котором В. Сирин 'выставил Чернышевского каким-то полуидиотом' ('Новое р<усское> слово' от 3 июля 1955 г.)" (*Вишняк М.* Указ. соч. С. 254).

...упомянул и Вас... — В "Заметках на полях" В. Маркова содержалось резкое суждение, вызвавшее бурю отрицательных откликов: "Глава о Чернышевском в 'Даре' Набокова — роскошь! Пусть это несправедливо, но все заждались хорошей оплеухи 'общественной России'" (Опыты. 1956. № 6. С. 65).

Чиннов Игорь Владимирович (1909—1996) — поэт русского зарубежья, сформировавшийся под сильным влиянием "парижской ноты"; в США преподавал русскую литературу в Канзасском (1962—1968) и Питсбургском (до 1970) университетах, а затем в университете Вандербилта в Нэшвилле, Теннесси (до 1976).

И какой вздор с налетом учености написала о Набокове Берберова... — Речь идет о берберовской статье "Набоков и его 'Лолита'" (Новый журнал. 1959. № 57. С. 92—115).

Чуковский Корней (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков, 1882—1969) — русский советский писатель, переводчик, литературовед, до революции — влиятельный критик, близкий знакомый В. Д. Набокова (среди прочих изданий дореволюционной России Чуковский печатался в кадетской газете "Речь", издателем которой был отец будущего писателя). Когда в 1916 г. юный поэт В. Набоков "имел несчастие издать" на деньги, полученные в наследство от дяди, В. Рукавишникова, сборник стихов (незрелых и подражательных), В. Д. Набоков прислал книжку Чуковскому с просьбой об отзыве. Тот прислал поэтическому неофиту лестное письмо, но при этом как будто по ошибке вложил в конверт черновик другого письма, в котором юношеские вирши Набокова подвергались суровой критике. Таким образом, анекдот из набоковской автобиографии, так уязвивший самолюбие Чуковского, можно расценивать как маленькую месть писателя своему первому зоилу.

Смирнов Николай Павлович (1898—1978) — советский писатель, критик. Почитатель Бунина, автор одной из немногих в советской прессе 1920-х гг. статей о бунинском творчестве (написанной, правда, в соответствии с "линией партии"); в годы хрущевской "оттепели" Смирнов предполагал написать о Бунине монографию, для которой собрал много документов. Собирая материал для книги, он вступил в переписку с вдовой писателя, В. Н. Буниной.

Хомяков Геннадий Андреевич (псевд. Геннадий Андреев, 1904—1984) — эмигрант "второй волны", литератор, журналист, редактор журнала "Мосты".

...его стихотворение, второе (первое очень хорошее), все-таки наглость... — В альманахе "Воздушные пути" (1961. № 2) были опубликованы два набоковских стихотворения: "Минуты есть: 'Не может быть', — бормочешь..." и "Какое сделал я дурное дело..." Последнее вызвало бурю негодования среди многих эмигрантских литераторов, поскольку в нем усмотрели злую пародию на "Нобелевскую премию" Б. Пастернака.

Можайская Ольга Николаевна (в замужестве Емельянова, 1896—1973) — поэтесса; в эмиграции с 1920 г.

Маккарти Мэри (1912—1989) — американская писательница, критик, публицист, одна из основательниц журнала "Партизэн ревью" — рупора либеральных американских интеллектуалов. Будучи третьей женой Эдмунда Уилсона, в 1940 г. познакомилась с Набоковым, с которым некоторое время поддерживала приятельские отношения (в сороковых годах Набоковы и Уилсоны дружили семьями). Рецензия, написанная Маккарти на "Бледный огонь", несколько озадачила писателя. В одном из писем он назвал ее лучшей среди печатных откликов на свое произведение (*SL*, p. 339), однако в дневнике отметил, что 90 % символов и аллюзий порождены фантазией самой Маккарти.

Арендт Ханна (1906—1975) — известный немецко-американский философ и историк, ученица М. Хайдеггера и К. Ясперса. Родилась в еврейской семье в Ганновере; перед приходом к власти нацистов бежала во Францию, откуда в 1941 г. — в США, где преподавала во многих университетах.

Керуак Джек (1922—1969) — американский писатель, представитель так называемого "разбитого поколения" в послевоенной американской литературе.

Ферлингетти Лоренс (р. 1919) — американский поэт.

Макдональд Дуайт (1906—1982) — американский публицист, культуролог и литературный критик. Помимо разносной рецензии на "Бледный огонь" (рус. перев. см.: *Классик без ретуши*. С. 361—364), его перу принадлежит негативный отзыв о набоковской работе "Пушкин и Ганнибал", опубликованной в июльском номере журнала "Энкаунтер" за 1962 г. Резкий ответ Набокова, в котором он указывал на голословность макдональдовской критики, был напечатан в том же сентябрьском номере "Энкаунтера", что и заметка Макдональда (Encounter. 1962. September).

Эктон Гарольд (1904—1994) — англо-итальянский писатель и мемуарист, товарищ Ивлина Во по Оксфорду, ставший прототипом Энтони Бланша, эстета и гомосексуалиста из романа "Возвращение в Брайдсхед".

...прием, устроенный "Боллинген пресс" в честь Набокова... — Состоялся 21 апреля 1964 г. и был приурочен к изданию набоковского комментированного перевода "Евгения Онегина".

Эпстайн Барбара (1928—2006) — редактор еженедельника "Нью-Йорк ревью оф букс", на страницах которого появилась разгромная рецензия Эдмунда Уилсона на набоковский перевод и комментарий "Евгения Онегина" (The Strange Case of Pushkin and Nabokov // New York Review of Books. 1965. July 15, pp. 3—6;

рус. перев. см.: *Классик без ретуши*. С. 387—392). Эта рецензия вызвала одну из самых ожесточенных литературных дискуссий в англоязычной прессе 1960-х гг. После того как Набоков и Уилсон обменялись колкими заметками на страницах все того же "Нью-Йорк ревью оф букс" (1965. August 26), полемика, в которой приняли живое участие многие американские литературоведы и критики, перекинулась и на другие издания ("Энкаунтер", "Нью стейтсмен").

Арндтовском... — Имеется в виду перевод "Евгения Онегина", выполненный Уолтером Арндтом (*Alexander Pushkin*. Eugene Onegin. A new translation in the Onegin stanza with an introduction and notes by Walter Arndt. A Dutton paperback, New York, 1963). Арндтовский "Онегин", вышедший за год до публикации комментированного набоковского "подстрочника", получил боллингеновскую премию, присуждаемую за лучший поэтический перевод, и... был немилосердно раскритикован Набоковым в статье "Бренча на клавикордах" (см.: *Набоков о Набокове*. С. 519—531).

Джаррелл Рэндалл (1914—1965) — американский поэт, критик; четырехтомный набоковский перевод "Евгения Онегина" получил в подарок от своего приятеля, Майкла ди Капуа, в ту пору — редактора детской литературы в издательстве "Макмиллан".

"Соня" — Скрываясь за этим именем и выдавая себя за высокооплачиваемую модель, любительницу литературы и искусства, приятель В. Набокова Р. Н. Гринберг вступил с Корнеем Чуковским в переписку, которая продлилась с октября 1964 по май 1967 г. Наряду с разными литературными и социально-политическими темами, которые поднимались в этом исключительно интересном эпистолярном романе, в письмах корреспондентов часто упоминается творчество и личность В. В. Набокова. Подробнее об этом см.: *Ржевский Л.* Загадочная корреспондентка Корнея Чуковского // Новый журнал. 1976. № 123. С. 98—164.

...очень обидны показались Анне Ахматовой его (правда, превосходные) пародии на ее лирику... — Речь идет о жеманных стихотворениях пошловатой героини романа "Пнин" Лизы Боголеповой, в которых пародируется поэтическая манера ранней Ахматовой:

Я надела темное платье,
И монашенки я скромней;
Из слоновой кости распятье
Над холодной постелью моей.
Но огни небывалых оргий
Прожигают мое забытье,
И шепчу я имя Георгий —
Золотое имя твое!
(гл. II, 6)

Самоцветов кроме очей
Нет у меня никаких,
Но есть роза еще нежней
Розовых губ моих.
И юноша тихий сказал:
"Ваше сердце всего нежней..."
И я опустила глаза...
(гл. VII, 3)

По свидетельству Л. Чуковской, Ахматову остроумная набоковская пародия разъярила настолько, что всю книгу Набокова она назвала "пасквилянтской" (*Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. 1952—1962. — СПб.: Нева; Харьков: Фолио. С. 347).

...получили в свое время ту книжку "New York Review of Books"... — "Соня" подписала Корнея Чуковского на нью-йоркский еженедельник и послала ему номер с отрицательным отзывом Эдмунда Уилсона на набоковского "Онегина".

...мне известны статьи об "Онегине" — проф. Эрнеста Симмонса... — Американский литературовед Э. Симмонс в целом сочувственно отозвался о набоковском "Онегине" на страницах книжного обозрения "Нью-Йорк таймс": "Набоков работал над переводом 'Евгения Онегина' с 1950 года, и его затянувшаяся битва породила ожидания, что это будет magnum opus. Теперь, когда книга появилась, ее спорные места и полный отказ от рифм могут кого-то разочаровать. Но во всех формальных отношениях это великолепное достижение — непревзойденный перевод и комментарий пушкинской поэмы. Действительно, по точности перевода на английский с ним нечего сравнивать, точно так же и комментарий превосходит все, что есть на русском" (*Simmons E. J.* A Nabokov Guide. Through the World of Alexander Pushkin // New York Times Book Review. 1964. June 28, p. 4).

...автограф молодого В. Н. — терцины. — Речь идет о стихотворении "Революция" (1917).

Владимир никогда не был глубоко связан с русской культурой, оставив родину в шестнадцатилетнем возрасте... — Оставляя на совести "Сони" заявление о том, что Набоков "никогда не был глубоко связан с русской культурой" — этому противоречат и многочисленные признания писателя (в письмах тому же Р. Гринбергу), и его творчество — вплоть до перенасыщенной русскими аллюзиями "Ады", — хочу заметить, что Набоков покинул Россию в апреле 1919 г., то есть ему было не шестнадцать, а девятнадцать лет.

Берлин Исайя (1909—1997) — английский философ (родился в богатой еврейской семье в Риге), один из основателей современной либеральной политической философии. Несмотря на то, что Берлин покинул Россию в детстве (в 1921 г. его семья переехала в Англию), он хорошо говорил по-русски и всегда интересовался русской историей и культурой.

..."Encounter" с феерической статьей о "Евгении Онегине". — Имеется в виду полемическая статья В. Набокова, которой он расправлялся с критиками своего комментированного "Онегина", в первую очередь — с Эдмундом Уилсоном (Nabokov's Reply // Encounter. 1966. Vol. 26. № 2 (February), pp. 80—89); с небольшими изменениями она вошла в сборник "Твердые суждения" (1973) под заглавием "Ответ моим критикам" (перев. см.: *Набоков о Набокове*. С. 531—567).

...номер "N. Y. Review of Books" с невероятным ответом Эдмунда Wilson'a... — Речь идет о заметке "Dangerous Animal" (1966. February 17). Ранее, в январском выпуске "Нью-Йорк ревью оф букс" (1966. № 12) была опубликована ироничная набоковская заметка "Перевод"; в ней приводились русский и английский переводы куплета из популярной песенки про волка "Ménagerie" ("Звери", 1868) французского поэта П. К. Теодора, которыми Набоков метил в своего оппонента: "Cet animal est très méchant: / Quand on l'attaque, il se défend" (Животное сие — презлое существо: / Обороняется, коль трогают его)". В "Опасном животном" Эдмунд Уилсон парировал колкий выпад Набокова другим французским двустишием: "Cet animal a parfois tort. / Il faut le gronder quand il mord"

(букв. перев.: "Это животное порой бывает неправым, / Нужно его ругать, когда оно кусает"); рифмованный перевод, предложенный Натальей Тагер:

> Животное сие бывает неправым порой,
> Бранить его нужно — едва учиняет разбой.

Не послал я свою статью в "Review of Books", так как не кончил ее. — Все это явно противоречит заявлению, сделанному в письме от 21 июля 1966 г. Скорее всего, Чуковский просто не хотел писать о том, что не получил официального разрешения на публикацию статьи о набоковском "Онегине".

...новое, исправленное издание своих автобиографических воспоминаний. — "Speak, Memory. An Autobiography Revisited" (N. Y.: Putnam Son's, 1966).

...собираюсь написать ему об этом... — Роман Гринберг сдержал слово и передал жалобы Чуковского Набокову. Тот, однако, настаивал (в письме от 18 февраля 1967 г.) на правдивости истории о нелепой беседе с английским королем: "...Чуковскому же напиши, если хочешь, что мой сын вырос на его 'Крокодиле' и 'Мойдодыре' и что ничего нет обидного в том, что русский человек плохо произносит на всех не выученных в детстве языках (он бы послушал, как я ковыряю по-немецки или по-итальянски). Память у меня хорошая, и наблюдательность у моего отца была исключительная, и я помню другие его добродушные анекдоты все о той же поездке, которые я предпочел в книжку не включать" (*Диаспора*. Вып. I. С. 551—552).

...его мемуары (я не читал их)... — Ср. с дневниковой записью К. Чуковского, сделанной 13 января 1961 г.

Я всегда относился к нему с уважением... — Это подтверждается прочувственными записями, сделанными в дневнике Чуковского 29 марта 1922 г. по прочтении злорадных сообщений в советской прессе об убийстве В. Д. Набокова: "Фельетон О. Л. Д'Ора гнусен — развязностью и наигранным цинизмом. После этого фельетона еще больше страдаешь, что убили такого спокойного, никому не мешающего, чистого, благожелательного барина, который умудрился остаться рус<ским> интеллигентом и при миллионном состоянии" (*Чуковский К. И.* Дневник. 1901—1929. М., 1991. С. 206).

Шефтель Марк Юрьевич (1902—1985) — американский литературовед (родился в еврейской семье, в России, в г. Староконстантинове); после революции вместе с семьей оказался на территории Польши, затем жил во Франции и Бельгии; в 1942-м переехал в США, где стал преподавать литературу в Корнеллском университете. Многолетний коллега Набокова по университету, Шефтель довольно тесно общался с ним (сохранилась переписка между ним, Набоковым и Романом Якобсоном, в которой обсуждался совместный проект по изданию комментированного англоязычного перевода "Слова о полку Игореве"). Некоторыми набоковедами Шефтель (в отличие от Набокова говоривший по-английски с сильным акцентом) считается прототипом Пнина. В частности, этой теме посвящена книга Г. Димент "Пниниада. Владимир Набоков и Марк Шефтель" (1997), где и опубликованы выдержки из дневника Шефтеля, не раз обращавшегося к личности и творчеству своего прославленного сослуживца (который, как с горечью отметил автор дневника, покинув Корнелл, ни разу не написал ему).

Фаулз Джон (1926—2005) — знаменитый английский писатель, которого некоторые критики называли "английским Набоковым". См., например, рецензию Джозефа Эпстайна на роман "Волхв" (An English Nabokov // New Republic. 1966. Vol. 154. February 19, pp.26—29).

Wiadomości — польский эмигрантский журнал, издававшийся в Лондоне с 1946 по 1981 г.

Казандзакис Никос (1883—1957) — классик греческой литературы XX в., получивший международную известность во многом благодаря своей скандальной книге "Последнее искушение Христа" (1951), внесенной католической церковью в Индекс запрещенных книг.

...интервью с Набоковым. — Речь идет о телеинтервью, которое в сентябре 1965 г. журналист Роберт Хьюз взял у Набокова для Образовательной программы нью-йоркского Телевидения-13.

"Бук энд боул" ("Book and Bowl", в переводе с английского — "Книга и чаша") — дискуссионный клуб, основанный в 1907 г. профессором Корнеллского университета Эвереттом Уордом Олмстедом; замышлялся как своеобразный форум, на котором университетские преподаватели могли бы встречаться друг с другом и со студентами (главным образом, старшекурсниками) и обсуждать различные темы, касающиеся искусства и литературы. В 1940—1950-е гг. заседания клуба проводились раз или два раза в месяц в доме одного из его членов (Набоков, ссылаясь на занятость, от членства в клубе отказался). Осенью 1958-го, когда отголоски скандальной славы "Лолиты" долетели и до провинциальной Итаки, было проведено два заседания клуба, посвященных набоковскому роману. Первое прошло 23 октября в доме Шефтеля: на нем вслух читались главы из книги; на втором заседании, прошедшем 13 ноября в доме М. Абрахама, Марк Шефтель выступил с докладом о "Лолите".

...новое интервью Набокова. — Скорее всего, имеется в виду маленькое набоковское интервью Олдену Уитмену, которое было приурочено к выходу специального выпуска журнала "Трикуотерли", посвященного семидесятилетию писателя (*Whitman A.* Nabokov, Near 71, Gets Gift for 70th // The New York Times. 1970, March 18, p. 40).

Шмеман Александр Дмитриевич (1921—1983) — богослов, общественный деятель. Родился в г. Ревеле (Таллине); юность провел в Париже, где в 1945 г. окончил Богословский институт. В 1946 г. принял священство. В 1951 г. вместе с семьей переселился в Нью-Йорк. С 1962 по 1983 г. — декан Свято-Владимирской семинарии; с 1962 г. — руководитель Русского студенческого христианского движения (РСХД).

Есть ли среди них "Волшебник"? — новелла "Волшебник", одно из последних русскоязычных сочинений Набокова в прозе, своего рода пра-"Лолита", написанная осенью 1939 г. в Париже. После того как редакция "Современных записок" отказалась печатать новеллу, Набоков затерял рукопись и обнаружил ее в 1959 г., уже после публикации "Лолиты" в США. Предложение Уолтеру Минтону, американскому издателю "Лолиты", опубликовать ее по-английски встретило отказ. Впервые новелла была опубликована лишь после смерти автора, в английском переводе Д. Набокова (The Enchanter. N. Y.: Putnam's, 1986). Запомнившаяся Шефтелю фраза о Гумберте относилась к герою "Сказки", вошедшей в сборник "Истребление тиранов и другие истории" (1975).

...прочитал книгу Карла Проффера о "Лолите"... — То есть "Ключи к 'Лолите'" (*Proffer C.* Keys to Lolita. Bloomington: Indiana University Press), одно из первых литературоведческих исследований набоковского романа.

"Моя жизнь — сплошное прощание с предметами и людьми..." — Цитируется концовка набоковского рассказа "Памяти Л. И. Шигаева".

"...всё в жизни есть средство для ярко-певучих стихов..." — Цитируется стихотворение В. Я. Брюсова "Поэту" (1908).

Эмис Кингсли (1922—1995) — английский прозаик, поэт, критик; как и его корреспондент, поэт Филип Ларкин (1922—1985), входил в литературное объединение "Движение", участники которого выступали с резкой критикой модернизма, считая его очередной стадией романтизма, губительной для европейской культуры и искусства. Как литературный критик Эмис проявил себя непримиримым набокофобом. Из-под его пера вышло три негативных рецензии на набоковские произведения: отрицательный отзыв на роман "Пнин" — "вялый, безвкусный салат из Джойса, Чаплина, Мэри Маккарти" (см.: *Классик без ретуши*. С. 340—341); "ворчалка" на английское издание "Лолиты", в которой он усмотрел "атрофию нравственного чувства" автора (*Amis K.* She Was a Child and I Was a Child // Spectator. 1959. № 6854 (November 6), pp. 635—636), а также пренебрежительный отклик на английский перевод "Приглашения на казнь": один из лучших романов В. Набокова он расценил как "второсортное переложение Кафки" (More or less familiar // Observer. 1960. June 5, p. 18).

...*малыш Мартин.* — То есть сын Кингсли Эмиса, популярный писатель Мартин Эмис (р. 1949), страстный поклонник Набокова, который, как считают многие критики, оказал большое влияние на его творчество. ("ИЛ", 2005, № 10.)

Владимир Набоков. Шарж Дэвида Левина

Томас Венцлова

Пушкин как неизбежный "другой"

Aleksander Puszkin *Eugeniusz Oniegin (romans wierszem) w nowym przekładzie Andrzeja Lewandowskiego.* — Toruń: Aksjomat, 280 p.
Александр Пушкин *Евгений Онегин* (роман в стихах) в новом переводе Анджея Левандовского. — Торунь: Аксиомат, 280 с. [Год не указан]

Wiktor Woroszylski *Kto zabił Puszkina.* — Warszawa: Twój Styl, 2004, 592 p.
Виктор Ворошильский *Кто убил Пушкина.* — Варшава: Твой стиль, 2004, 592 с.

Andrzej Turczyński *Ten szalony pan Puszkin: Słowo o udręce.* — Warszawa: Prószyński i S-ka, 2008, 504 p.
Анджей Турчинский *Этот безумец Пушкин: Слово о страдании.* — Варшава: Прушинский и АО, 2008, 504 с.

Взаимоотношения России с Польшей осложнены мифами куда более, чем отношения с другими славянскими странами. Мифы — во всяком случае с польской стороны — основаны на вполне реальных обидах. Российская империя участвовала в разделах польского государства (причем ей досталась его главная часть) и жестоко подавила три польских восстания. К этому добавились обиды советского, особенно сталинского времени. Поэтому мышление целых поколений в Польше определял образ России — хищной и всегда опасной для поляков силы. Российские идеологи, в свою очередь, создали образ Польши — части враждебного Запада, который задался целью лишить Россию самостоятельности и своего лица. К сотворению этого мифа приложили руку Гоголь и Достоевский — именно поэтому миф оказался очень живучим. Впрочем, между культурами обеих стран часто наблюдалось сильное притяжение. Польша была привлекательной для России не только во времена хрущевской "оттепели", но и, скажем, в XVII веке; в свою очередь поляки испытали воздействие классической (кстати, и модернистской) русской литературы не менее, а то и более, чем остальная Европа.

Символом этих отношений — неизбежным "другим" для польской культуры — стал Пушкин. Интерес к нему в Польше всегда был велик, особенно потому, что биография и творчество Пушкина параллельны биографии и творчеству Адама Мицкевича. Они были сверстниками и знакомыми — сначала романтическими, потом постромантическими — поэтами; переводили друг друга и друг на друга влияли. "Пан Тадеуш" как "энциклопедия национальной

© Томас Венцлова, 2009

жизни" вполне параллелен несколько ранее написанному "Евгению Онегину". Мицкевич, правда, Пушкина пережил на восемнадцать лет (он умер, готовясь к участию в Крымской войне, где ему и молодому артиллеристу Льву Толстому, возможно, пришлось бы стрелять друг в друга). Но его поэтический путь завершился примерно в то же время что и пушкинский. По образцу известной русской формулы поляки могли бы сказать: "Мицкевич — наше все", — порою они это и говорили. Ученые и пропагандисты времен коммунизма изображали отношения двух поэтов идиллически; реально они были напряженными и кончились враждой — Мицкевич не простил Пушкину стихов, направленных против польского восстания 1831 года.

Все основные произведения Пушкина давно хорошо и, как правило, неоднократно переведены на польский язык. Существуют многие польские биографические исследования, посвященные поэту. О том, что интерес к Пушкину в современной Польше отнюдь не угас, свидетельствуют три книги, вышедшие в последнее время. В Торуни издан новый перевод "Евгения Онегина", сделанный Анджеем Левандовским (который недавно перевел также "Руслана и Людмилу" и "Бахчисарайский фонтан"); в Варшаве со сравнительно небольшим промежутком напечатаны две обширные биографии Пушкина — "Кто убил Пушкина" Виктора Ворошильского (второе издание, 2004) и "Этот безумец Пушкин: Слово о страдании" Анджея Турчинского (2008).

Не будем долго говорить о переводе — это потребовало бы филологических изысканий. Заметим только, что он точен и компетентен, хотя и неполон (без "Путешествия Онегина" и десятой главы, а также без каких-либо комментариев). Текст романа, переданный с сохранением онегинской строфы, читается не без удовольствия: похоже, уцелел и разговорный тон, и юмор, и стилистическое разнообразие. Переводчик явно следует Юлиану Тувиму, отмечая это своеобразным "реверансом" — первые шесть строк "Онегина" взяты из тувимовского перевода, далее тексты расходятся. Такое следование чревато и некоторыми проблемами: четырехстопный ямб и мужские рифмы, которые по примеру Тувима сохраняет Анджей Левандовский, в польском языке звучат искусственно (другой известный переводчик, Адам Важык, старался этого избежать, но нарушил онегинскую строфу). Вряд ли новый перевод заменит классические, но пытаться заново передавать основные тексты мировой литературы — всегда полезное занятие: оно обновляет и оживляет культурные модели.

Что же до биографий, то они очень различны, хотя сходствуют по размерам (каждая — более пятисот страниц крупного формата). Сходен и метод: оба автора стремятся к документальности, приводя обширные выдержки из первоисточников, объединенные сравнительно немногочисленными собственными размышлениями и замечаниями. Но во многом тексты противоположны — авторы принадлежат к разным поколениям, их почерк далеко не одинаков, вероятно, отличаются и взгляды.

Виктор Ворошильский (1927—1996), замечательный поэт и прозаик, был одним из наиболее известных и заслуженных польских диссидентов. Он начал как молодой коммунист, автор и переводчик агиток, однако изменился после учебы в Москве и особенно после подавления венгерского восстания (тогда, в 1956 году, он находился в Будапеште как корреспондент польской печати). Испытав цензурные запреты и прочие неприятности, Ворошильский был интернирован после введения военного положения в Польше (1981), но дожил до освобождения страны. Вклад его в польскую литературу очень весом. Ворошильский был великим знатоком русской культуры XIX и XX веков. Он переводил и Маяковского, и Солжени-

цына, и Бродского (с которым был дружен), а его варшавская квартира стала хранилищем российской запретной и полузапретной литературы, крайне полезным для гостей из СССР, в том числе для автора этих строк. Помню, как он готовил антологию русской поэзии XX века в польских переводах. Цензура потребовала у него данные: где и когда в Советском Союзе напечатаны включенные в антологию тексты (это далеко не всегда имело место); и тогда Виктор просто придумал соответствующую библиографию, не без оснований полагая, что цензору будет лень проверять. Его "Жизнь Маяковского" привлекла внимание за пределами Польши и вызвала скандал: она состояла только из документов и поэтических текстов, но часто таких, которые в СССР считались не подходящими для публикации. Сходной была "Жизнь Сергея Есенина" (написанная вместе с Эльвирой Ваталой). Кроме этого, Ворошильский опубликовал весьма интересную книгу "Сны под снегом" — роман о Салтыкове-Щедрине, где повествование ведется от его лица.

Книга Ворошильского о Пушкине относится к этой серии его литературных биографий. Она писалась несколько лет и вышла первым изданием в 1983 году, при режиме Ярузельского. Следует сказать, что она написана в академическом тоне, сдержанно, без малейшего стремления к сенсационности, и отмечена основательным знанием не только поэта, но всей его эпохи. Хотя Ворошильский здесь не ограничивается документальным материалом, как в "Жизни Маяковского", он дает его очень много, приводит обширные отрывки из Пушкина и его современников (в том числе доносы Каразина и Булгарина), цитирует или использует высказывания Гершензона, Модзалевского, Цявловского, Щеголева, Эйхенбаума, Томашевского, Лотмана, Эйдельмана, польских и французских исследователей. Достойное место занимают выдержки из посвященных Пушкину страниц Ахматовой и Цветаевой. При этом книга написана живо и доступно, в стиле разговора с читателем. Параллели между николаевским и коммунистическим режимом, декабристами и диссидентами, авторами пушкинской эры и нынешними конечно все время остаются в поле зрения Ворошильского. Однако он их не обсуждает и даже избегает каких-либо "тонких" намеков, в годы написания книги популярных и в Польше, и в России. Дело не в цензуре и даже не в том, что к Ворошильскому она была особенно внимательна. Просто все настолько очевидно, что намеки отдавали бы безвкусием.

Десять глав биографии охватывают весь путь Пушкина — от его генеалогии, жизни в родительском доме, лицее до дуэли (книга заканчивается стихотворением "Смерть Поэта" Лермонтова и "резолюцией" Николая I по поводу этих стихов). Огромная глава "Учители" — собственно, не столько о Пушкине, сколько обо всем его времени, о Вольтере и Шенье, Карамзине и Шишкове, Державине и Жуковском, особенно о Чаадаеве. Ее можно бы назвать "введением в историю русской интеллигенции" — общедоступным, но вполне серьезным. Так же хорошо рассказана история декабризма (глава "Движение"). Надо сказать, Ворошильский, сосредоточенный на окружении Пушкина, иногда чуть-чуть теряет из виду его самого: в отдельные главы приходится выносить его личную жизнь и даже его творчество — во всяком случае ту его часть, что не впрямую связана с биографией (глава "Малый путеводитель по Пушкину"). О многих произведениях говорится до обидного кратко, а, скажем, о "Капитанской дочке" — и вовсе ничего. Ворошильский не стремится к оригинальным их интерпретациям, неоднократно цитируя, например, Белинского или Достоевского. Впрочем, для рядовых польских читателей эти традиционные русские оценки отнюдь не общеизвестны.

В центре книги Ворошильского — драма пушкинской жизни, та клетка истории, в которую он был

заключен и которую все же разломал, хотя и ценою гибели. Отчуждение, ставшее судьбой поэта с ранних лет, его отношения с семьей, друзьями, царем (точнее, с двумя или даже тремя царями — Павлом, Александром и Николаем), наконец, события, приведшие к дуэли, польский автор описывает внимательно и тактично, без риторики и восклицательных знаков. В спорных проблемах пушкинистики он обычно придерживается "золотой середины", не стремясь к сомнительным гипотезам. Сложный и "больной" вопрос об отношении Пушкина к Мицкевичу (и Мицкевича к Пушкину) разрешен, на мой взгляд, безупречно. Этому посвящена отдельная глава. Ворошильский справедливо говорит, что стихи "Клеветникам России" и "Бородинская годовщина" были бы забыты, не будь они написаны Пушкиным. Они оказались данью историческим обстоятельствам, но данью минимальной: манифестируя свой патриотизм, Пушкин не перестал быть собой, не отрекся от друзей, от их стремлений, не переменил литературные симпатии и антипатии, даже — и это важнее всего — не перестал писать произведения, сомнительные с точки зрения властей. Из крайне трудной ситуации он вышел с потерями, которые Мицкевичу казались совершенно недопустимыми (и Мицкевича, поляка и эмигранта, можно понять); однако это были, по сути дела, наименьшие потери из возможных. Именно здесь Ворошильский всего яснее затрагивает дилемму, стоявшую перед множеством его современников — и решает ее очень человечно, тем более, что самого его в дани режиму никак нельзя упрекнуть.

Вторая биография Пушкина мне кажется более спорной. Но сначала несколько слов об авторе. Анджей Турчинский (1938) — писатель своеобразный, живущий на отшибе (не в Варшаве или Кракове, а в провинциальном городе Слупске у Балтийского моря). В Польше известны его стихи, эссе и переводы, популярен роман "Усталость" (2000) — о последних годах Иммануила Канта, имя которого, кстати, ни разу не упомянуто в тексте. Исследования Турчинского о польском классике XX века Ярославе Ивашкевиче вызвали разноречивые мнения. Но едва ли не более всего интересуют Турчинского русско-польские связи, православие, Византия и вопросы богословия. Книга о Пушкине писалась в 1999—2004 годах. Она использует те же источники, что и биография, написанная Ворошильским, также охватывает всю жизнь поэта, стремится к академической точности и полноте. Творчество Пушкина здесь тоже оттеснено на второй план — главное место занимает биографическая драма.

Пожалуй, даже более, чем книга Ворошильского, "Этот безумец Пушкин" представляет собой монтаж документов. Текст, который их объединяет, порою очень скуп. Все же во многих местах автор пускается в философские размышления, одетые в ткань художественной прозы или попросту беллетристики. И вот здесь можно отметить многочисленные слабости. Не будем долго останавливаться на досадных ошибках: например, в сцене встречи Пушкина с Николаем перепутаны "Пророк" и "Демон" — это можно было бы считать простой опиской, если бы она не повторялась дважды. Нередко Анджею Турчинскому изменяет вкус. Конечно, можно упомянуть, но вряд ли стоит повторять и подчеркивать, что название Болдино происходит от "Еболдино". В одном месте говорится о "Жене Онегине" (а ведь невозможно вообразить "Володю Ленского", и даже трудно вообразить "Олю Ларину" — привилегию интимного диминутива Пушкин предоставляет Татьяне). Но это, в сущности, мелочи. В понимании Пушкина и его взаимоотношений со временем Анджей Турчинский явно уступает своему предшественнику, Виктору Ворошильскому.

Книга Турчинского — по крайней мере местами — вписывается в традицию польских биографий, которую начал Тадеуш Бой-Желен-

ский: это традиция разоблачения, "снятия бронзы". Разумеется, такой подход хорош, пока не хватаешь через край. Автор сам говорит, что стремится показать "щели, разломы, слишком яркий или бледный цвет и обычную грязь" в мозаике пушкинской жизни. Это вполне похвальное намерение ведет к тому, что англичане называют overstatement, – не столько неправде, сколько преувеличению и односторонности. Например, говоря о кавказских мотивах у Пушкина, Турчинский представляет его только как певца российского империализма. Конечно, есть и это (недаром Пушкина за его похвалы Ермолову ругал Вяземский). Да иначе и быть не может: Пушкин – российское "все", и не только хорошее. Но вряд ли стоит, как делает Турчинский, выводить из Пушкина геополитические планы Жириновского и утверждать, что Пушкин "призывал к крестовому походу против ислама": это пахнет наивным опрокидыванием современных политических споров на прошлое. Тем более не стоит в туманном философском стиле утверждать, что "Пушкин сталкивался с некоей внутренней трудностью, которая мешала ему усвоить суть понятия свободы, ее более глубокий, не только онтический, но и трансцендентный смысл". И совершенно не стоит – в книге, которая в целом проникнута любовью к поэту, – позволять себе фразу: "Можно сказать, что мы, очарованные его поэзией, любим *чудовище*, дышащее миазмами, из которых вылупились демоны также и крайне националистических доктрин фашизма, гитлеризма и большевизма".

В отличие от Ворошильского, Турчинский на протяжении всей книги сопоставляет биографии Пушкина и Мицкевича. Здесь ему также недостает справедливости и выверенности суждений. Кстати, он ошибается, приписывая "интуиции Ворошильского" утверждение, что инвектива Мицкевича в его стихах "Друзьям москалям" направлена против Пушкина: это утверждение задолго до Ворошильского стало общим местом.

Художественные тексты Пушкина, как я уже говорил, не стоят в центре внимания Турчинского, но он высказывает о них оригинальные суждения – обычно исходя из своих богословских интересов. Подробно, на десяти страницах, проанализирована "Гавриилиада", которую Турчинский стремится "теологически реабилитировать" (на мой взгляд, вряд ли убедительно). Более любопытны, хотя и спорны, разборы "Метели" и "Моцарта и Сальери".

В целом книга Турчинского уступает книге Ворошильского, хотя непредвзятый читатель найдет немало ценного и в ней. Во всяком случае, почти одновременное появление двух больших биографий поэта в Польше – важный и интересный знак. Пушкин продолжает быть одной из центральных, возможно центральной фигурой в польско-российской "исторической дискуссии", которая вряд ли когда-либо будет завершена.

Владислав Отрошенко
Метафизика Юга[1]

Ошибки компаса

Юг есть в любой стране мира, даже если она вытянута, как Россия, на тысячи километров с запада на восток. И в любой стране мира есть южане. Я принадлежу к их числу. Одно из свойств южного человека состоит в том, что он тоскует по югу. Эта тоска является абсолютной. Она сравнима с той неумолимой силой, которая заставляет стрелку компаса всегда и везде поворачиваться в одну сторону. Стрелка компаса указывает на север. Тоска южанина — на юг. Всегда и везде.

Я убедился в этом несколько лет назад, когда мне случилось около года жить в Северной Италии, в городе Бассано-дель-Граппа, что находится в области Венето у подножия Альп на речке Брента.

Первое время я испытывал неописуемое чувство: казалось, что мой внутренний компас сошел с ума. Он показывал совсем не то, что в Москве. Там я всегда знал, что *мой юг*, с которым я расстался двадцать пять лет назад, находится именно на юге — за 1000 километров от Москвы. Я привык это знать во время работы, привык воображать пространство действия моих героев южнее себя — в той области мира, которая в разные исторические времена носила разные названия: Меотида, Скифия, Сарматия, Амазония, Хазария, Дикое Поле, Земля Войска Донского, ныне — Ростовская область... В Бассано-дель-Граппа, где я писал повесть "Дело об инженерском городе", действие которой происходит в XIX столетии в южных степях России, мое воображение вдруг столкнулось с неожиданными трудностями. Я не мог представить (не умел это чувствовать во время работы), что *южные* степи России находятся *северней* меня — за Альпами, за Австрией, за Румынией, за Черным морем. Я смотрел в окно; оно выходило на север — туда, где теперь находился мой юг. Я видел заснеженные альпийские вершины и пытался вызвать в себе то же чувство, какое возникает у меня в Москве, когда я смотрю в окно своего кабинета — оно выходит на юг. Я пытался вызвать в себе чувство тоски по югу, по донской степи. Эта тоска — обязательный элемент моей работы. Она необходима мне даже тогда, когда я пишу очень веселые вещи. Но самообман не удавался. Я не мог тосковать по югу, вглядываясь в северные пространства. Это расстройство внутреннего компаса продолжалось довольно долго — до тех пор, пока однажды я не заметил, что со мной происходит нечто странное.

Моя съемная квартира в Бассано находилась неподалеку от viale Venezia. Каждое утро я прогуливался по этому праздничному бульвару, который представляет собой нечто вроде архитектурной выставки — по обе стороны красуются фасады щегольских вилл разных эпох. Бульвар ведет к центру города, пересекаясь в одном

© Владислав Отрошенко, 2009

1. Эссе написано в рамках культурной инициативы итальянской премии Гринцане Кавур "Писатели в Апулии". Впервые опубликовано в переводе на итальянский язык в книге "Scrittori in Puglia" (Alfredo Conde, Mepo Giardinelli, Björn Larsson, Vladislav Otrošenko, Andreas Stáikos). Torino: Manni, 2007.

месте с железной дорогой. Рельсы пролегают под каменным мостом. Обычно я проходил по нему быстрым шагом: любоваться с этого моста было нечем, да и ветер, который вместе с рельсами вырывался из узкого ущелья на равнину, был здесь слишком пронзительным. Но с какого-то времени я стал останавливаться на мосту и невольно всматриваться в то широкое равнинное пространство, куда улетал ветер и уходили рельсы. Там был юг. Я поймал себя на том, что всматриваюсь в это пространство с привычной тоской южанина, очутившегося на севере.

Театр олив

Южанин тоскует по югу в любой стране. Он тоскует по югу даже тогда, когда находится гораздо южнее своей страны. Он тоскует по югу как таковому. Эту закономерность я понял на севере Италии в области Венето. Другие закономерности открылись мне на юге — в области Апулия, куда я попал спустя три года после того, как стрелка моего внутреннего компаса обрела нормальное положение на viale Venezia в Бассано-дель-Граппа.

Пространство по мере продвижения к южным пределам страны расширяется. Подтверждение этой закономерности я наблюдал много раз, совершая поездки из Москвы в мой родной город Новочеркасск, что стоит на высоком холме посреди донской степи. Я не склонен считать это расширение иллюзией. Переводчик моих книг в Италии Марио Карамитти ощущал то же самое, когда летом 2004 года мы ехали с ним на машине из Москвы в Новочеркасск. Он хотел увидеть город, где происходит действие моего романа "Приложение к фотоальбому", который он тогда начал переводить. Чем ближе мы продвигались к степному югу России, тем величественней становилось пространство.

Апулия, конечно, вовсе не степной регион. Но вот что удивительно — с пространством здесь происходят такие же метаморфозы. Скажу больше, даже на Паданской равнине, которую я пересекал много раз на машине во всех направлениях, мне не удавалось ощутить того, что я ощутил по пути из Бари в Таранто на автостраде A-14. Круг, описанный линией горизонта, расширялся, небесный купол увеличивался, а поверхность земли становилась такой же необозримой, как на русском юге. Правда, в отличие от голой и гладкой донской степи, земля Апулии покрыта белесыми камнями и усажена оливами. Нигде в Италии я не встречал такого количества оливковых деревьев и такое разнообразие их форм. Скрученные, искривленные, раздвоенные, расчетверенные, похожие на фантастические скульптуры, на многоруких индийских богов, застывших в магическом танце, оливы здесь видны повсюду. Оливковые рощи Апулии представляют завораживающее зрелище. На старые деревья можно смотреть часами, разгадывая замысел Создателя, вложившего в эти растения непостижимую тягу к пантомиме. Каждое дерево позой ствола, жестами веток и всем своим древесным телом что-то или кого-то изображает — страдание, муку, отчаяние, страсть, злодея, оратора, колдуна, сатира. Разумеется, этот театр рад любому зрителю и с любым зрителем готов работать индивидуально. Не сомневаюсь, что в начале марта 2005 года, когда я впервые очутился на крайнем юге Апеннинского полуострова, апулийские оливы дружно актерствовали лично для меня. Воображая, быть может, что всякий русский безумно любит зиму, оливы явились мне на глаза в немыслимом гриме — их ветви и стволы были облеплены снегом. И снег был, кажется, не фальшивый. Или, во всяком случае, он выглядел как настоящий. Я оценил искусство. Но аплодировать не стал. Я хорошо понимаю, что русский юг даже для области Венето — далекий и суровый север, не говоря уж об Апулии. Но все-таки я южанин. Жаркое солнце веселит меня больше, чем снег...

Связующие нити

В десять лет, когда я учился в четвертом классе средней школы Новочеркасска, я не знал о существовании Таранто, но одно слово, которое происходит от названия этого южноитальянского города, обретающегося на "каблуке" итальянского "сапога", мне было хорошо известно — *тарантул*. Я также был знаком и с самим существом, которое обозначается этим звучным словом.

Ловля этих ядовитых пауков была одним из самых захватывающих и самых опасных развлечений моего детства. Среди моих друзей было немало желающих поучаствовать в бескорыстной охоте, целью которой был чистый риск — риск как таковой.

Помимо азарта в сердце и бесшабашности в голове, для охоты на тарантулов нужно было иметь немногое — катушку ниток, кусок пластилина и стеклянную банку. Вооружившись этими предметами, мы отправлялись в степь — километра за три от города.

Я был довольно умелым охотником. Отыскав нору тарантула, я быстро изготавливал нехитрое приспособление. К одному концу нитки я прикреплял пластилиновый шарик небольшого диаметра (меньше диаметра норы), другой конец наматывал на палец.

И ловля начиналась.

Я осторожно опускал пластилиновый шарик в вертикальную нору и дергал за нитку — так, чтобы шарик беспрестанно шевелился. Это был первый этап охоты. Я должен был внушить тарантулу, что в его жилище вторглось постороннее существо — враг или возможная добыча. Я должен был спровоцировать нападение на "гостя".

Второй этап начинался тогда, когда тяжесть на другом конце нитки увеличивалась — это означало, что тарантул ухватился за приманку. Теперь нужно было застыть и держать пластилиновый шарик неподвижно, чтобы дать тарантулу вцепиться в него покрепче. Рука ныла от напряжения, сверху палило степное солнце, внизу, под землей, боролся со своим "врагом" тарантул... В эти минуты мне, конечно, и в голову не приходило, что ученые подразделяют тарантулов на два основных вида; что в мире существуют *апулийский тарантул*, который во множестве обитает в окрестностях города Таранто, давшего имя грозному пауку, и *южнорусский тарантул*, который несколько уступает итальянскому собрату в размерах и силе яда. В эти минуты для меня существовал только один тарантул. Мой тарантул. Самый большой, самый ядовитый и самый бешеный. Он висел на другом конце нитки в норе, и мы были связаны с ним общим животным чувством страха и общей готовностью к противоборству. Наступал третий этап охоты.

Это был момент наивысшей опасности и наивысшего искусства. Нужно было выдернуть тарантула из норы особым движением руки — быстрым и плавным одновременно. А затем таким же ловким движением стряхнуть его в банку и закрыть крышкой. Любая ошибка (слишком резкое или слишком медленное движение) могла обернуться победой тарантула. Прыгучий паук мог оказаться не в банке, а на руке, ноге или шее охотника. Я не буду утверждать, что я всегда действовал безошибочно. Тарантул хитрое существо. Иногда он цеплялся за липкую массу (как бы для пробы) только одной или двумя из своих восьми лап и ждал, когда я его выдерну наружу, чтобы тут же освободиться и отомстить мне укусом. Боль была жгучей и пронзительной. Но *тарантизмом* от укусов южнорусских тарантулов я не заболевал, и мне не приходилась плясать *тарантеллу*, чтоб исцелиться от этой загадочной, почти мистической болезни.

Знаменитый танец, коварный паук и таинственная болезнь связаны воедино именем города Таранто.

Танец в качестве лекарства от тарантизма прописывали средневековые медики. Болезнь обнаружилась в Таранто и его окрестностях в XV веке.

Она носила эпидемиологический характер. Ее проявления были чрезвычайно странными: судороги, резкие и непроизвольные телодвижения, состояние психической подавленности, которое часто сопровождалось свирепой сексуальностью и необыкновенной чувствительностью к музыке, а также к некоторым краскам (красный цвет, например, приводил больных в неистовство). Виновником болезни считался тарантул. Современная медицина находит это мнение ошибочным. Однако врачи средневековья полагали, что именно яд тарантула вызывает непостижимый тарантизм. Согласно поверью, паук в качестве своих жертв чаще выбирал апулийских женщин, кусая их во время полевых работ в руки, ноги или прямо в лонный холм — именно в этом случае возникала бешеная и неутолимая жажда плотской любви. Апулийские мужчины подвергались нападению тарантула реже. А на мужчин-иностранцев яд паука каким-то чудом и вовсе не действовал. Способ избавления от болезни был один — нужно было танцевать под особую музыку (в размере в 2/4 или 4/4). Танцевать день, два, три, неделю подряд — до тех пор, пока яд тарантула не выйдет из тела вместе с потом.

После укуса южнорусского тарантула я тоже танцевал в степи. Танцевал и кружился от нестерпимой боли. Но моя "степная тарантелла" продолжалась лишь несколько минут. Боль постепенно проходила. На месте укуса вздувался красноватый бугор. Иногда появлялся легкий озноб; повышалась температура на пару часов. Других последствий не было. Может быть, меня спасало то обстоятельство, что я не знал самих этих слов — "тарантизм" и "тарантелла". Однако нечто похожее на отчаянный танец или на массовый приступ психической болезни, сопровождавшейся визгами, криками и прыжками по партам, случилось, когда однажды я выпустил тарантула в классе на уроке русского языка, чтобы сорвать контрольный диктант, к которому был не готов... Все это я вспомнил на piazza della Vittoria в Таранто, наблюдая театрализованное представление с исполнением средневековой тарантеллы. Колдовской спектакль происходил поздним вечером в фиолетовых лучах прожекторов. Я стоял в толпе, окружавшей импровизированную сцену под открытым небом на мостовой, где совершалось загадочное действо. Зрители дружно двигались из стороны в сторону, перебирая ногами. Импульсы магического танца передавались каждому, кто его наблюдал, в том числе и мне, никогда не танцевавшему тарантеллу, но связанному с ней тонкой нитью. Под ритмичные удары тамбурина эта нить, на которую я ловил тарантулов в южнорусской степи, вдруг отчетливо проявилась в моем сознании. Она мгновенно соединила донскую степь, образы из моего детства, тарантулов, Таранто, тарантизм, тарантеллу.

Встреча с Архитом

В Таранто я часто вспоминал русский юг, находя подтверждения своей теории о таинственном сходстве южных регионов разных стран.

Несколько лет назад в рассказе "Гость" (его главный герой — городской мальчик, очутившийся в донской станице) я пытался описать особую яркость дневного света над степью.

Обилие и даже избыток естественного света это первое, что замечаешь в Таранто.

В донской степи этот избыток света порождает сама структура степного пространства. Плоская, ограниченная только линией горизонта степь открывает взору полный земной круг — тот иллюзорный диск, под которым древняя космография помещала разнообразные опоры: трех слонов, трех черепах, трех китов. Вместе с этим диском открывается целиком и небесный купол. Он выглядит как правильная полусфера с ровными краями. Интенсивность света и размах зримого пространства достигают максимума, если смотреть на степь с высокого

холма, подобного тому, на котором стоит город Новочеркасск.

Таранто переполнен светом благодаря морю или, лучше сказать, морям. Их различают здесь несколько. Есть так называемое Большое море (Mare Grande). Оно является частью залива Таранто Ионического моря — крупной и естественной гаванью, защищенной от волн островами и косами. Есть Малое море (Mare Piccolo), которое, в свою очередь, делится на два равных по размеру моря, связанных между собой проливом. Все вместе эти "моря" представляют собой на самом деле чрезвычайно затейливой формы залив. Он врезается далеко в сушу, огибая длинный мыс, на котором расположен Таранто. Город окружен со всех сторон морскими водами и озарен их сиянием. На проспекте Двух морей (Corso Due Mari), который тянется вдоль судоходного канала, соединяющего Большое и Малое моря, это сияние приобретает гипнотический характер. Здесь теряешь ощущение сторон света и забываешь — какое из морей Большое, а какое — Малое. Возникает чувство, что этот проспект вместе с домами, скамейками, чугунной оградой и фонарями просто парит в воздухе над бескрайней водной поверхностью.

Таранто когда-то был столицей. Мой родной город до большевистского переворота 1917 года тоже был столицей — главным городом донских казаков и области Войска Донского. Однако столичность Таранто относится к временам гораздо более древним. В Великой Греции в густом созвездии греческих городов-колоний, которые начали возникать в южной Италии в VIII веке до Р. Х., Таранто был одной из самых ярких звезд. Тогда он назывался Та́рас — по имени античного героя, сына бога Посейдона. Спустя четыре века Таранто возглавил союз греческих италийских городов, став столицей Великой Греции — *Magna Graecia*, как назывался союз на латинском. Это случилось при жизни одного философа, которому город был обязан своим возвышением. Философа звали Архит. Он был родом из Тараса и принадлежал к пифагорейской школе. Среди прочего он утверждал, что с помощью математики можно познать все мироздание и свойство любой вещи в нем. Он занимался и прикладной наукой — первый ввел математические принципы в музыку и решил множество научных задач в механике и геометрии. При этом Архит обладал широкой натурой и был человеком великодушным. Он не склонен был враждовать с представителями других философских школ. Он с ними дружил. Самым известным его другом был Платон. Однажды Архит даже спас его от смерти, когда на жизнь основателя Академии собственноручно покушался правитель Сиракуз Дионисий. Но Архит был еще и выдающимся полководцем, государственным мужем. Он семикратно исполнял в своем родном городе должность стратега.

Философ, воин, ученый, правитель, благородный друг и мудрец — такое сочетание приводит в восхищение. Может быть, поэтому мне воображалось, что я найду в Таранто какой-нибудь грандиозный памятник Архиту. Но памятника я не находил. Я видел двух огромных бронзовых матросов в советско-имперском вкусе (впрочем, вполне уместных в портовом городе). Они стояли на углу проспекта Двух морей и набережной Виктора Эммануила III напротив нормандского замка, где теперь размещается штаб военно-морских сил, и, кажется, передавали руками знаки азбуки Морзе кораблям на рейде. Видел русалок (или, может быть, это были сирены?), которых какой-то затейник во множестве изваял из камня и разложил на камнях же, выступающих из моря. Видел на Piazza Maria Immacolata странную скульптуру двух дельфинов. Они напоминали змей, которые сплелись в брачном танце, хотя, вероятно, должны были напоминать о гербе Таранто, где изображен Тарас, оседлавший дельфина. Видел на Piazza della Vittoria многофигурный монумент солдатам Первой мировой войны... Архита не было нигде.

Я уже не надеялся повстречаться с ним в Таранто, когда ранним утром, прогуливаясь по via Roma вдоль берега Малого моря, нечаянно забрел в старинный городской сад – парковый ансамбль виллы Перипато, который носит название "Giardini Peripato". Там я заметил скромный каменный бюст. Я подошел поближе. Надпись под ним сообщала, что это и есть Архит. Поначалу я был разочарован, или, лучше сказать, я испытывал чувство обиды за философа. Мне представлялось, что он заслуживает монумента более внушительного и что стоять он должен в более людном месте, например, на Piazza Municipio рядом с двумя дорическими колоннами (все, что уцелело от древнегреческого храма). Но я тут же вспомнил другой бюст – поэту Гаю Валерию Катуллу. Бюст был из бронзы. И разыскать его на родине Катулла в Сермионе, что на озере Гарда, не составляло никакого труда. Мало того, что бюст установили вблизи центральной площади города, поэта еще изобразили в образе какого-то лубочного римского полководца, ослепительно красивого, величавого и могучего. Я помню, как развеселил меня тогда этот фантастический монумент. В то время я как раз писал эссе о Катулле и попутно изучал научные реконструкции его внешнего облика. Чахоточный, нервный, желчный, язвительный и уязвимый, Катулл был далеко не роскошным красавцем... Архит в городском саду Таранто выглядел так, как и должен был выглядеть греческий мыслитель: лысоватый, с густой бородой, слегка похожий неправильными чертами лица на Сократа... Словом, от иного памятника Архит, вероятно, и сам бы отказался. Да и тихий парк, по трезвом размышлении, наилучшее место для философа.

Города-символы

Главное отличие русского юга от всех других регионов страны состоит в том, что здесь с наибольшей интенсивностью происходило смешение народов, культур и традиций. Донские степи были космополитичным пространством с глубокой древности. Здесь постоянно менялись народы – киммерийцы, скифы, сарматы, греки, половцы, хазары, венгры, норманны, чингизиды, генуэзцы, венецианцы, русские. Собственно говоря, и сами казаки, создавшие на Дону в XVI–XVII веках свою республику, которая носила название Земля Войска Донского (иностранцы называли ее "речной республикой" или "страной казаков"), никогда не являлись каким-то определенном этносом. По мнению поэта Велимира Хлебникова, казаки – это военная каста, "напоминающая японских самураев". Казаками становились, пройдя определенные испытания и обряд посвящения, венгры, поляки, калмыки, немцы, французы, выходцы из Греции и Италии, которых судьба заносила в донскую степь. Среди казаков, разумеется, было немало беглых крепостных из Центральной России, всевозможных изгнанников и опальных подданных русских царей. Однако историки находят в укладе жизни казаков следы влияния самых разных племен и народов древности – от скандинавских викингов до полумифических амазонок, которые, по преданию, обитали в низовьях Дона и на берегах Азовского моря. О смешении культур и народов на русском юге наиболее отчетливо свидетельствует древнегреческий город-колония Танаис – самый северный город античной ойкумены. Его археологические раскопки в устье Дона ведутся уже полтора столетия. В начале христианской эры Танаис внезапно погиб по не известной историкам причине. Но в Средние века в этом же районе (на территории современного Азова) возродился город со сходным названием – Тана. Это была процветающая колония Венецианской республики. Консулом и послом в Тане во времена Золотой Орды был, например, один из самых знатных аристократов Венеции Якопо Корнаро, которого избрал на

этот пост венецианский Большой совет. Здесь же находились послы и должностные лица Генуэзской республики, которые общались с послами монгольских ханов и с самими ханами. Это был интернациональный город, находившийся, так сказать, во власти разных властей. В Тане — вот так, лицом к лицу и пространством к пространству — сходились Италия и Монголия. Примечательно, что и сам город имел сразу два названия: ордынское и итальянское — Азак и Тана.

Итальянский юг, так же как и русский, принадлежит к тем особым зонам мира, где сплетались культуры, смешивались народы и совмещались традиции. Свидетельств этому в Апулии сохранилось множество. Одни только *трулло* поражают воображение настолько, что, глядя на них, перестаешь понимать, где ты находишься — на Ближнем Востоке? в Северной Африке? Или, может быть, ты переместился во времени на несколько тысячелетий назад? Разбросанные среди холмов на севере провинции Таранто, эти круглые каменные хижины с выбеленными стенами и высокими коническими крышами, выложенными из плоских серых камней, кажутся поначалу случайными пришельцами из иных пространств и эпох. Но, когда ты видишь целый город, который сплошь застроен трулло, возникает ощущение, что ты сам пришелец — пришелец из XXI века, очутившийся в библейские времена где-нибудь в окрестностях Вавилона.

Трудно поверить, что "столица трулло", как называют город Альберобелло, существует в нашем времени. Но это так. Город стоит на холмах между Бари и Таранто. Трулловидных строений в нем тысячи. Старинные трулло невозможно отличить от новых. Все они сооружены по одной и той же древней технологии — без цемента, без всяких соединительных материалов. Строителям нужны только камни и точность расчета при возведении крыши, которая состоит из каменных пластин. Пластины выкладываются концентрическими кругами, пока не образуется конус. Сооружение скрепляется в единую конструкцию собственным весом — так держится крыша, под которой живут хозяева трулло. Именно — живут. Трулло, которые в Италии больше нигде не встречаются, являются здесь обычными жилищами. Их строят вовсе не для того, чтоб удивить туристов. Такова архитектурная традиция. Она была занесена сюда четыре тысячи лет назад, когда выходцы из Малой Азии основали первые поселения на территории современной Апулии. Жилища, подобные апулийским трулло, встречаются и сегодня на юге Месопотамии (в современном Ираке), где простирались владения древней Вавилонии, которая возникла, согласно мифологическим сказаниям, после потопа, описанного в Библии. Но не только о Библии и временах Вавилонского царства напоминают строения Альберобелло.

Я увидел город при особом освещении — в пасмурный день, когда небо было затянуто белесыми облаками. На их фоне темные купола трулло выделялись с особой отчетливостью. И так же отчетливо были видны изображения, нарисованные известкой на каменных крышах. Глядя на эти изображения, я не переставал удивляться. По ним можно изучать религиозную символику всех эпох и народов. Звезда Давида и арийская свастика, иудейский подсвечник и символы первобытных верований, символы христианства и символы язычества — все это можно найти на крышах Альберобелло — города, который и сам может считаться символом. Символом веротерпимости и сосуществования разнородных традиций.

Но таким же символом могут считаться и гроты Массафры в пятнадцати километрах к северо-западу от Таранто. Эти скальные гроты, образовавшиеся в двух длинных каньонах, были обжиты человеком еще в эпоху неолита. Во времена классической античности гроты были оставлены. Но начиная с VII века здесь

возникает особая цивилизация, созданная изгнанниками и беглецами. Православные христиане (монахи, иконописцы) бегут сюда со всех уголков Византийской империи, спасаясь от репрессий яростного иконоборца императора Льва III Исавра, инициировавшего в 726 году движение против почитания икон. Беглецы обживают заброшенные гроты, создают в них жилища и церкви, пишут иконы и фрески...

Вот еще одна таинственная закономерность.

Юг — не важно какой, итальянский или русский, — часто был наилучшим прибежищем для изгнанников. Одних спасали от преследований тесные гроты на юге Италии, других — просторные степи на юге России. Я думал об этом, разглядывая фрески на стенах скальных домов и православных храмов. Архитектура этих храмов уникальна. Она скрыта во внутреннем пространстве гротов Массафры.

Перед возвращением в Москву я провел один день в столице Апулии Бари — городе, куда с начала XIX века совершают паломничество многие русские. Здесь в католическом храме Святого Николая находятся мощи этого чудотворца — архиепископа Мир Ликийских, святого, который всегда был наиболее почитаем и любим православными христианами России. В храме немало православных икон. Я зажег свечку перед гробницей св. Николая Чудотворца и вспомнил, как моя бабушка в 60-е годы, во времена коммунизма и атеизма, тайком водила меня в Воскресенский собор Новочеркасска — один из самых больших православных храмов в России. Первым делом мы с ней ставили свечи Николаю Чудотворцу. Бабушка долго молилась перед его иконой, осеняя себя крестным знаменьем, а я тем временем завороженно разглядывал изображение старца с голубыми глазами и длинной белой бородой... Это был первый святой, о котором я узнал в раннем детстве. Не думал, что когда-нибудь пред его гробницей будет гореть и моя свеча...

Таранто—Москва, 2005

"Обратная перспектива" памяти

Воспоминания об Аркадии Штейнберге. "Он между нами жил..." / Составление В. Г. Перельмутера. — М.: Русский импульс, 2008

Выход книги воспоминаний об Аркадии Акимовиче Штейнберге (1907—1984) — событие в равной мере и закономерное (столетие, однако), и странное. Странность заключается в том, что между действительной *причиной* появления издания — собственно жизнью и смертью его героя — и выходом этой книги пролегает в нашем случае дистанция поистине огромного размера: 24 года, а юбилей по обстоятельствам, которые станут вскоре понятны, оказался лишь *поводом*. Конечно, в 1984-м вряд ли нашлось бы издательство, способное почтить память поэта, у которого при жизни не вышло ни одной книги, и художника, не имевшего ни единой персональной выставки. Даже то, что этот поэт-художник являлся автором классических, подчеркну, ставших классическими едва ли не до публикации, переводов ("Потерянный рай" Джона Мильтона и лирика китайского поэта эпохи Тан, VIII век, Ван Вэя), дела бы не спасло. Но ведь при первой же возможности в 1997 году издательство "Совпадение" выпустило том под названием "К верховьям", который в равной степени можно назвать и собранием стихов, и мемуарно-биографическим источником. Вот и остановиться бы на этом: кто хотел, уже высказался, стихи пришли к читателю. Всё.

Однако, как выяснилось уже году этак в 1998-м, далеко не все воспоминатели записали для "К верховьям" все, что хотели. Вадим Перельмутер в предисловии "От составителя" пишет: "*Мемуарная* (курсив автора. — *В. К.*) часть тома вызвала немало нареканий, нет, не так резко, скорее сетований. Из людей, составлявших ближнее окружение Штейнберга или более отдаленный и широкий круг его общения, одни жаловались, что не знали о готовящейся книге, а им было что вспомнить и написать, другие, принявшие участие в издании, говорили, что хотели бы существенно дополнить написанное, что еще многое всплыло в памяти, да поздно, книга уже вышла..." Оказалось, что и круг потенциальных мемуаристов к 2008 году не сократился (как логично было бы предположить по причинам, увы, естественным). Оказалось также, что в новом тысячелетии и оригинальные стихи хочется осмыслить поновому, для народившегося читательского поколения...

Так, в 2008 году в "Русском импульсе" вышли одна за другой книги: Аркадий Штейнберг "Вторая дорога" (Стихотворения. Поэмы. Графика) и собственно "Воспоминания".

Здесь нужно сказать о составителе всех трех томов — поэте и историке литературы Вадиме Перельмутере. Он был младшим другом Штейнберга. Не единственным, разумеется. Одним из многих. Но единственный нашел нужным посвятить ушедшему значительный *отрезок собственной жизни*. Потому что не мог иначе...

Историко-культурная ситуация, в которой мы сейчас находимся, обладает своей — увы, пугающей — спецификой. Кажущееся невероятно широким информационное поле, как выясняется, имеет чрезвычайно упругую оболочку; пробить сей гуттаперчевый кокон почти невозможно. Если внутри гигантской на первый взгляд полости кого-то нет, то этот кто-то в девяноста процентах ситуаций туда уже и

не попадает. Так обстоит дело, например, с творчеством замечательной художницы Е. П. Левиной-Розенгольц, которая до сих пор, спустя полвека после смерти, несмотря на коллекционерский спрос, репрезентативные выставки, каталоги, все еще числится среди "полупризнанных". Почти так же — с писателем С. Д. Кржижановским, который пусть и "присутствует" в паре писательских словарей или энциклопедий, тем не менее все же заслуженной известностью не пользуется. Или с А. М. Соболем, писателем "первого ряда", при жизни не только много книг издавшим, но и готовившим собрание сочинений, которое выходило после его смерти, а современниками почитаемым не менее Пильняка и Бабеля, — ныне существующим где-то на дальней периферии внимания даже специалистов, не говоря уж о читателях. Или...

М. Л. Гаспаров как-то сказал по совершенно другому поводу: "Открывать можно только тех поэтов, о которых люди уже знают". Увы, до того момента, пока издатель рука об руку с книготорговой сетью не захотят выйти к читателю с книгой и будут ждать, когда читатель к ним придет, дело будет обстоять ровно так и никак иначе. Пока некто не подъедет к границам информационного поля с крупнокалиберным орудием и не выстрелит — рекламой ли, поездками ли по школам и вузам со своей книжной продукцией, организацией ли передвижного клуба, — мы так и будем бесконечно открывать Америки. Много-много Америк, маленьких и больших...

Штейнберг принадлежит к числу весьма крупных. Но как фигура знаковая — и чрезвычайно значимая — в отечественной культуре середины XX века он до сих пор не осмыслен, не востребован, не оценен. Есть художники Эдуард Штейнберг и Дмитрий Плавинский, а их учителя (да-да, именно Штейнберга!) как бы нет. Есть понятие "Тарусская школа", а ее основателя (опять-таки Штейнберга) тоже нет. Есть некоторое представление об отечественной поэзии середины столетия, о течениях и группах, стилях и языках, и опять-таки — без Штейнберга. Есть в конце концов замечательные переводчики (Евгений Витковский, Роман Дубровкин, Владимир Летучий, Владимир Тихомиров, Илья Смирнов, Надежда Мальцева, Ян Пробштейн, Любовь Якушева, Юрий Александров и др.) — и выглядит этот ряд так, будто они как-то сами собой появились однажды и стали блистательно переводить. Кстати говоря, большая часть из названных авторов в книге выступают как мемуаристы, и интересно подумать не только о том, насколько все они, в своем творчестве, разные, но и — как *по-разному* пишут о Штейнберге.

Заполнит ли эту лакуну книга воспоминаний — вкупе с книгой стихов, вышедшей несколькими месяцами раньше? Кто знает... Но, во всяком случае, надежда такая есть. Тем более что книга сама по себе дает для этого все основания.

В "Воспоминаниях" представлены мемуары сорока авторов. Некоторое количество текстов взяты из "К верховьям", в первую очередь это касается тех знакомых Штейнберга, которые сегодня уже не могут написать о нем по причине краткости человеческой жизни. К таким относится, например, очерк "Вторая дорога" Семена Липкина. В иных случаях, когда мемуарист счел, что его память исчерпана, воспоминания также взяты из "К верховьям" (Евгений Рейн, "О техническом текстиле, дубовом подрамнике и лучшем времени жизни"). Целый ряд очерков либо специально написаны для "Воспоминаний", и тогда под ними стоит дата 2008 год (А. В. Бугаевский "Библия Акимыча"), либо — через десять прошедших после "К верховьям" лет — переосмыслены, и тогда дата двойная (Вадим Перельмутер "Контуры потерянного рая").

Разумеется, ярчайшие эпизоды жизни Акимыча (так звали его в

дружеском кругу, достаточно, впрочем, широком) проходят по книге неким контрапунктом, составляя нечто подобное, что ли, апокрифу. Упоминание о том, что первый поэтический перевод (А. Рембо "Париж заселяется вновь") был сделан совместно с Эдуардом Багрицким. Членство и явное лидерство в "квадриге" молодых поэтов (Штейнберг — Арсений Тарковский — Семен Липкин — Мария Петровых). История первого ареста, когда мать, надо полагать, в ужасе посмотрев на наблюдающего за чекистами сына, воскликнула: "Кадя, я вижу, тебе интересно?", а тот ответил: "Да, очень". Разрыв, а потом — на новом витке-уровне — "встреча" с Тарковским, в 1978 году написавшим: "Я не верю, что твоя Муза навсегда останется незнакомой для читателей, умеющих ценить, как должно, произведения подлинной поэзии. Я не вижу причин, по которым можно было бы лишить читателей радости, которую им доставило бы чтение твоей оригинальной книги. Ты пишешь стихи не потому, что набил руку на переводах. Ты — переводчик, потому что всегда был поэтом. <...> Я прошу тебя сделать все от тебя зависящее, чтобы твоя книга наконец увидела свет".

Еще: словесный портрет Штейнберга перед вторым арестом, свидетельствующий в равной мере и о склонности к фатовству и авантюризму, и о чрезвычайной внутренней свободе этого любителя жизни во всех ее проявлениях: еще бы, по улицам Бухареста, только что освобожденного от фашистов, двигалась фигура, облаченная в элегантнейший костюм из белой лайки, причем белым был даже чехольчик, сшитый для... стека. Эпизод спасения Штейнбергом в лагере художника Бориса Свешникова. Невероятная открытость Акимыча: "Аркадий легко шел на дружбу. Каждого с первого взгляда он считал потенциальным другом. Он был доверчив, несмотря на множество пинков, которыми награждала его судьба" (Александр Ревич "Об Аркадии Штейнберге"). Столь же невероятный интерес к жизни, ко всему новому, стремление все постичь и пропустить через себя. В буквальном смысле *все* — от технологии живописи или алгоритма проведения хирургической операции до... сбора грибов. "И тут надо сказать об изумительном качестве Штейнберга — любознательности. Причем совершенно ненасытной. Я имею в виду не широту интересов, но прямо-таки мальчишеское, жадное любопытство. Собирая грибы, он как-то заметил, что я не беру съедобный, но здорово похожий на мухомор гриб — большой зонтик. В Подмосковье их обычно не собирают. Аркадий Акимович стал уверять меня, что это прекрасный гриб, и даже, вытащив из ножки сердцевидную трубочку, съел ее сырую. Я-то знал, откуда у него интерес к этим грибам, видел у него чешскую книжку о грибах и тоже читал про эти зонтики. Но чтобы проверять! Мало ли что чехи напишут..." (Николай Поболь "В середине шестидесятых...").

Еще: тяжелое эхо сначала отрыва от семьи (сыновья вырастали, пока отец сидел, воевал, снова сидел), а потом разрыва, так до конца и не преодоленного. Таруса. Квартира на Щукинской. Слесарный и столярный инструмент. Пристрастия тончайшего кулинара-гурмана. Дым из трубки. Важность не только для профессиональной — для личной судьбы переводов "Потерянного рая" и Ван Вэя...

Но есть еще одно обстоятельство — "тайна личности", о которой в свое время Зинаида Гиппиус писала, что высказать ее либо невозможно, либо нельзя. "Дома мы с Мишкой (Михаил Каретный, племянник Штейнберга. — *В. К.*) очень часто обсуждали Акимыча. Неужели вся его жизнь, спрашивали мы себя, могла перейти в слова и строки его стихов — пусть гениальных, — но неужели вся, без остатка? Нам казалось, что это невозможно.

Где-то что-то осталось, где-то чего-то не хватило — и, таким образом, где-то есть уставший, израненный жизнью человек. Не 'Акимыч'... не 'Ар-ка-дий!', как протяжно звала его златокудрая красавица Наташенька Рейн, а просто Аркадий Акимович Штейнберг. Короче, нам очень хотелось расколоть Акимыча. <...> И вот однажды, уже через тринадцать лет нашего знакомства и дружбы, мне такая возможность представилась. <...> Мы были одни. Впервые. Вот оно! — возликовала я. Холодок побежал у меня по спине, я подобралась, как перед выходом на сцену, и прикинула, как сейчас медленно, на цыпочках, на очень тихих цыпочках начну приближаться к нему. Главное вначале было найти какую-нибудь совсем ничего не значащую фразу, чтобы усыпить его бдительность и, оттолкнувшись от нее, начинать осторожное движение. Но только не надо смотреть на него неотступно и пристально, говорила я себе. Пока — не надо. И посмотрела. Акимыч, сгорбившись, курил трубку и смотрел сквозь меня. Его не было здесь. Но, Боже, в каких печальных и далеких краях пребывала его душа? Сквозь клубы дыма сверкал со стен горний град Акимыча, темнели его суровые деревянные старики. И я оцепенела" (Нина Шахова "Расколоть Акимыча").

И так для читателя открывается второй план — или второй пласт — этой личности: метафизический, где по *темным аллеям* бродит человек с *опаленным ликом* и мечтает, и бог знает, как может посторонний постичь эти мечтания. Только одно и узнаешь, что нет никакой "личины", "маски", "оболочки", есть лишь любовь к жизни, тем более бесконечная, что течет она из глубины постижения несказáнной экзистенциальной тайны.

Отсюда и "межконфессиональность", или "внеконфессиональность", Штейнберга — опять-таки очередной фрагмент апокрифа: "Будучи человеком нецерковным, Акимыч в то же время всегда ощущал нечто, что было и есть за видимым миром. Чувство 'дороги до Бога', 'до Божьего рая', может быть, открывшееся ему еще в лагере, наверное, и вывело его в мир, где он на некоторое время забылся. Но работа и годы явят ему путь возвращения. Его любимым автором в конце жизни становится открывший ему себя Лев Шестов. Книга Льва Шестова 'На весах Иова' станет для него не просто чтением, а финальным витком — 'дорогой'" (Галина Маневич "Я всегда любил смотреть на быстротекучую воду..."). Или: "Бог как Бытие и был Богом Акимыча, ибо бытие как таковое, обращенность к космосу, переполняло его" (Виталий Пурто "Потерянный рай: in memoriam А. А. Ш.").

Но из того же источника, из ощущения нераскрываемой тайны личности, проистекает и некоторое мнение, что-де Штейнберг *не состоялся* ни как поэт, ни как художник. Потому что не только *страшно* он жил (сталинские лагеря плюс война — вещи, как говорится, *объективные*), но и вообще *слишком жил*, а надо бы чуть-чуть больше отдавать себя творчеству. Но для него-то самого никакого "слишком" не существовало: внимание к жизни побуждало к созиданию, и создано столько, сколько нужно, чтобы выразить себя. А что касается стремления к благополучию или, допустим, к тому, чтобы сэкономить силы для художества, то *по этому счету* в нашей литературе "состоялись" немногие: ну, Тургенев, ну, допустим, А. Н. Островский, и то, кажется, с поправками, или, например, Мережковский, или А. Н. Толстой. Во всяком случае, не Пушкин, не Лермонтов, не Гоголь.

Штейнберг и умереть ухитрился как-то так, что после чтения многочисленных — из очерка в очерк — описаний его последних мгновений (деревня, лодка...) вспоминаются "Записки Мальте Лауридса Бригге" Р.-М. Рильке, в которых сказано, что главное везение для человека — не прожить "свою

жизнь", а *умереть своей смертью*. Той, которая является *логическим* следствием *метафизики* прожитой жизни. Той, которая и открывает для счастливца его собственную "вторую дорогу"...

Вера Калмыкова

Не в фокусе

Артур Миллер *Фокус*. Роман / Пер. с англ. В. Михайлина. — М.: Текст, 2007

Изданный в 1945 году "Фокус" — единственный роман известного драматурга Артура Миллера и одно из первых произведений литературы США, посвященных американскому антисемитизму. В тогдашних газетных откликах на книгу писали, что это, скорее, не роман, а лекция, и в виде лекции он принес бы больше пользы. Сюжет романа сводится к тому, что его герою, обычному американцу, недолюбливающему евреев и, кстати сказать, вовсе не еврею по происхождению, однажды приходится обзавестись очками из-за проблем со зрением, и тут уж он сам становится жертвой антисемитских предрассудков своего окружения. Ничего не скажешь, история поучительная!

Название наводит нас на всевозможные оптические ассоциации, а отечественный читатель, в связи с другим значением русского слова "фокус", возможно, будет ожидать какого-то циркового трюка и не ошибется. Ибо это — книга-перевертыш, книга-притча, да и от такого насыщенного повествования у современного читателя может попросту закружиться голова. Незадачливый герой словно вытаскивает одного кролика за другим из бездонного цилиндра обрушившихся на него горестей: вот его уволили с работы, он теряет уважение соседей, ссорится с женой, вот привлекает внимание весьма воинственной антисемитской организации и так далее.

По ходу повествования образ Ньюмена несколько раз меняется, и непонятно, сколько ему лет или каков он из себя, какую роль играет — пылкого ли любовника, стареющего обывателя, серой мыши... Впрочем, это не так важно. Важно, что действие происходит в конце Второй мировой войны, однако герои книги боятся не войны, а ее окончания, ибо затем снова может наступить депрессия. Сама же война с немцами никак не отражается на умах рядовых американцев, только сбежавшие из Европы евреи сокрушенно признают, что в Новом Свете — увы! — происходит то же, что и в Старом. "Жиды развязали ВОЙНУ" — красуется на стенах метро, и мистер Ньюмен с удовлетворением вчитывается в эту надпись по пути на работу. Словно по контрасту с маленьким человеком — героем романа — вырастает образ Нью-Йорка, большого города, в который Ньюмен каждый день боязливо погружается и где ищет себе подобных: таких же запуганных и обозленных на невидимую судьбу. Причину всех бед он и ему подобные ищут в таинственном враге — в том, кого легко обидеть и даже принято обижать; так они словно обретают уверенность в себе и власть над собственной судьбой. Ирония состоит в том, что настенные "знаки" солидарности в борьбе против главного врага — "жида" — оставляют "анонимные пачкуны"! Да-да, Америка предпочитает оставаться слепой.

Впрочем, со временем главный герой слепнет и в прямом смысле слова. Начальник отправляет его к окулисту, ибо служащий отдела кадров должен глядеть в оба, подбирая для фирмы новых сотрудников, иначе говоря — не допускать к работе евреев. Мистер Ньюмен надевает очки, после чего и впрямь "прозревает", но самым неожиданным образом. К тому же для чужого внимательного глаза он и сам слов-

но бы меняется, многое в нем становится заметным. Вот, к примеру, фамилия Ньюмен вроде бы вполне обычная, но ведь это типичная фамилия эмигрантов-евреев. Или ставни в его доме светло-зеленые, но ведь у всех соседей — темно-зеленые. Да и еще он скупится на чаевые, не любит моллюсков, а ведь евреи тоже не употребляют в пищу моллюсков... Дело кончается тем, что соседи затевают против него войну, и каждое утро кто-то упорно опрокидывает мусорный бак на его лужайку — недобрый знак!

Очки для Миллера — предмет почти волшебный, вроде шапки-невидимки. Наденешь шапку-невидимку — станешь невидимым, наденешь на Ньюмена очки — и его увидят все. В психологии подобное волшебство именуют социальной перцепцией: люди воспринимают себе подобных в рамках установленных социальных стереотипов (или как говорит сам мистер Ньюмен: "Ты мне не нравишься потому, что у тебя лицо человека, которому положено вести себя не лучшим образом"). Вот, например, недавний эксперимент, в ходе которого контрольной группе американцев предлагалось по нескольким пунктам оценить две фотографии — женщины в хиджабе и той же женщины без него. В результате женщина в хиджабе оказалась, по мнению американцев, и богаче, и красивее, но значительное количество участников опроса предпочло бы, чтобы эта женщина жила не в их родном городе, а лучше — и вообще вне пределов США. Подобный пример, но обратного действия, мы встречаем и в романе "Фокус". Мистер Ньюмен случайно попадает на фильм о фашизме, где "персонажи были сплошь евреи, но их играли по большей части симпатичные актеры. Да, волосы у всех были темные, но ни крючковатого носа, ни кривой ухмылки не было ни у одного, и залу это не понравилось". Стереотип восприятия не только управляет нашим отношением к окружающим, но и может подвигнуть на многое: ради него мы готовы менять мир, даже если чаемые перемены не реализуемы и даже если мы осознаем истинные и весьма неблаговидные мотивы своих действий.

"Вы смотрите на меня, но вы меня не видите. А видите что-то другое. Что вы видите? Вот чего я никак не могу понять, — говорит мистер Финкелстайн, еврей, владеющий лавкой в квартале мистера Ньюмена и неожиданно для себя отказывающийся играть роль традиционного мальчика для битья: — Я ни в чем не виноват. <...> Мне нечего прятать и нечего стыдиться. Пускай прячутся те, кому есть чего стыдиться, и ждут того, что будет, пускай играют отведенную им роль, пускай, как настоящие преступники, ждут расправы. Мне нечего стыдиться, и я не стану прятаться, как будто в доме у меня краденые вещи..." Все беды из-за этого Финкелстайна — если Лоренс Ньюмен не пойдет громить его лавку, то жители квартала выживут из дому его самого; почему бы этому еврею просто не собрать вещи и не уехать?

Вот в чем главная стратегия Миллера — описывать частный взгляд, частную ситуацию, частного человека. В романе нет места общим вопросам: здесь идет речь не о борьбе с антисемитизмом или нацизмом, а о личном выборе рядового гражданина — вызывать ли полицию, если на помощь зовет женщина, которая говорит по-английски с акцентом, поступать ли на работу в компанию, где служат ирландцы и чернокожие, если других предложений нет и не будет, идти или не идти на митинг Христианского фронта в клуб по соседству и хлопать ли на этом митинге священнику-антисемиту, оставаться ли в квартале, где тебя считают евреем, или переехать подальше ради безопасности своей семьи... Простой вопрос: что именно я, мистер Ньюмен, чувствую по отношению к моему соседу, мистеру Финкелстайну?

И напоследок, главный "фокус" романа: надев очки, герой в первый раз сам себя "видит", оказыва-

ется способен осознать, кто он такой, и наконец вырваться из безликой толпы, что оставляет антисемитские надписи на стенах метро и знает, "как надо". Его внутреннее зрение начинает фокусироваться на человеческих лицах, и теперь, глядя на Финкелстайна, он видит Финкелстайна, а не какую-то другую, стереотипизированную личность, он видит реального, а не придуманного человека и испытывает нечто новое: то были "первые пять минут, которые он прожил без страха, — за всю жизнь". А все началось с того, что обычный человек в один прекрасный день сходил на прием к окулисту, и тот прописал ему самые обычные очки.

Да, возможно, "Фокусу" как роману многого недостает, герои этого первого опыта Миллера порой чересчур схематичны и зачастую служат лишь иллюстрациями к его мысли, философской и житейской. И, возможно, мысль эта сильнее тех художественных приемов, которые начинающий писатель избрал для ее выражения. И все же он сумел показать, как сквозь будничное и обыкновенное проглядывает нечто большое и значимое. Савонарола сказал, что хорошие очки открывают зрение уму, но лучшие очки для жизни — "очки смерти", с их помощью можно увидеть людей вокруг и избежать многих грехов. Похоже, именно такие очки и приобрел мистер Ньюмен.

Александра Осина

У книжной витрины

с Михаилом Визелем

Эрленд Лу *Мулей* / Пер. с норв. Ольги Дробот. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — 192 с. — 10000 экз.

Очередной маленький роман самого, пожалуй, известного из ныне живущих норвежских писателей, с одной стороны, характерен для него, с другой — в нем проявилось нечто новое, чего не было в "Наивно. Супер" и "Допплере". Герой этой книги — тоже обычный человек, попавший в необычные обстоятельства. И неожиданно почувствовавший себя в них как рыба в воде. Но теперь этот герой — не тридцатилетний представитель среднего класса, которого с некоторым приближением можно счесть alter ego самого автора, а белокурая восемнадцатилетняя школьница, богатая наследница. Она остается сиротой в огромном доме, потому что вся ее семья погибла в авиакатастрофе. И, натурально, начинает чудить. Сначала вполне традиционно — пытается повеситься, чтобы воссоединиться с семьей. Но постепенно амплитуда ее чудачеств расширяется, пока она не находит успокоения совершенно неожиданным образом. Книга написана "в режиме реального времени", в виде дневника, который отроковица ведет по предложению психолога (хотя ни в грош его не ставит). И Эрленду Лу виртуозно удается передать, как сама натура здоровой девушки, выросшей в крепкой дружной семье, противится суицидальным намерениям.

Пабло Пикассо *Пьесы* / Пер. с франц. Валерия Кислова. — М.: Флюид, 2009. — 160 с. — 2000 экз.

Пабло Пикассо — далеко не единственный гений визуальных искусств, пробовавший свои силы в искусстве словесном. Можно вспомнить напряженные сонеты Микеланджело, изысканнейшие рассказы и баллады Обри Бердслея или нарочито эпатажную прозу Сальвадора Дали. Последнее особенно близко. Не только потому, что оба испанских художника принадлежали к одному кругу парижской богемы, но и потому, что две включенные в книгу пьесы Пикассо на первый взгляд также оставляют впечатление словесного сюрреализма. Среди персонажей первой из них — "Желание, пойманное за хвост" (1941) — Толстоступ, Лук, Ватрушка, Круглоконч, Два песика, Тишина, Жирная Тревога, Постная Тревога и Занавески. Во второй, называющейся "Четыре маленькие девочки" (1948), наоборот, нет никого, кроме безымянных девочек с номерами от одного до четырех. Но чтение этих опусов заставляет вспомнить не столько Дали с его бесконечными самолюбованиями, сколько другого парижанина-современника — Бориса Виана с его травестийной, но полной экзистенциальной тоски "Пеной дней". Слова о том, что гений — во всем гений, банальны, но в данном случае вполне уместны.

Никола Ладжойя *Санта-Клаус, или Книга о том, как "Кока-Кола" сформировала наш мир воображаемого* / Пер. с итал. В. Петрова. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. — 192 с. — 2000 экз.

Тридцатишестилетний итальянский писатель (его дебютный роман назывался, между прочим, "Три способа избавиться от Толстого, не щадя живота своего") предлагает читателям книгу с подвохом. На первый

взгляд – это респектабельное культурологическое исследование о происхождении одного из самых обаятельных и универсальных персонажей общеевропейского фольклора – Санта-Клауса. А на самом деле – резкий антиглобалистский памфлет о том, что этого добродушного белобородого старика в красном кафтане и в сапогах с отворотами никогда не существовало; его из разрозненных кусочков мифов и легенд собрали в начале XX века циничные и, ничего не скажешь, талантливые рекламщики "Кока-Колы". Причем собрали с одной-единственной целью: заставить нас потреблять, потреблять, потреблять. Впрочем, тон Ладжойи далек от памфлетного. Это скорее не обличение, а хладнокровная и развернутая констатация факта. Да, мы живем в обществе потребления. Но это не повод удариться в слезы, как ребенок, который узнал, что никакого Санта-Клауса не существует.

Дэвид Боданис *Электрическая вселенная* / Пер. с англ. Сергея Ильина. – М.: КоЛибри, 2009. – 416 с. – 5000 экз.

Электричество – не велосипед или сверхпроводимость; его невозможно изобрести или даже открыть – слишком уж широко проникает эта фундаментальная сила в наш мир, слишком уж разнообразны ее проявления. Но известному американскому популяризатору науки удалось решить в этой книге довольно сложную задачу: рассказать, как электричество постепенно, исподволь проникает в мир людей и начинает служить их практическим нуждам – начиная с проволочного телеграфа и заканчивая суперкомпьютерами и нейротрансмиттерами. При этом он не избегает ни подвернувшейся шутки, ни парадоксального сопоставления, ни романтической истории – об Александре Белле, пытавшемся завоевать любовь глухой девушки (и в результате изобретшего телефон), или о ведущем свою работу наперегонки со смертельной болезнью Генрихе Герце. Подобный как бы "легковесный" стиль научно-популярных книг нам пока не очень привычен; но на Западе он давно стал общепринятым.

Эрнст Юнгер *Сады и дороги* / Пер. с нем Евгения Воропаева. – М.: Ad Marginem, 2008. – 368 с. – 1600 экз.

Эрнст Юнгер (1895–1998, и это не опечатка!) – одна из самых противоречивых фигур XX века в Германии. Фантаст, эссеист, блестящий стилист, теоретик "консервативной революции", поначалу писавший восторженные концептуальные статьи в газету национал-социалистов "Фёлькишер беобахтер", но после прихода Гитлера к власти испытывавший все возраставшую брезгливость к нацистскому режиму. Он был близко знаком со многими участниками "заговора Штауффенберга" – и избежал участи заговорщиков-аристократов, пытавшихся убить Гитлера, только по личному распоряжению последнего. В последние гитлеровские годы его сочинения были запрещены к печати... и этот запрет оказался подтвержден американскими оккупационными властями. "Сады и дороги" – первая часть его дневников, охватывающая период с апреля 1939-го по июль 1940 года. Начинает его Юнгер литератором, работающим над рукописью в своем деревенском доме, а заканчивает – офицером вермахта, пересекающим линию Мажино и с грустью смотрящим на деморализованных солдат противника. Сразу после выхода в 1942 году книга была переведена на французский, благодаря чему Юнгер снискал немало симпатий среди борцов Сопротивления. Но напрасно искать здесь батальные сцены или хотя бы прямое осуждение происходящего. Автора интересуют скорее битвы духа: "Мы неутомимо направляем потоки света, снопы лучей, пытаемся привести их в гармонию, возвысить до уровня образов. Ведь это и значит жить!"

Канни Мёллер *Я – Янис* / Пер. со швед. Лидии Стародубцевой. – М.: Livebook/Гаятри, 2009. – 160 с. – 3000 экз.

Вопреки нашим языковым ожиданиям, Янис – не мужское имя, а женское. И его обладательница – двенадцатилетняя девчонка-сорвиголова, "прямой потомок" Пеппи Длинныйчулок. Только, в отличие от прославленной героини Линдгрен, жить ей приходится во вполне реальном мире не самого благополучного стокгольмского пригорода, решая вполне прозаические проблемы. Как ужиться в одной комнате со старшим братом? Как вытащить его, этого самого брата, из дурной компании? Но у Янис появляется необычная подруга – старушка по имени Глория Аль, – и все ее проблемы начинают решаться воистину чудесным образом. Потому что Канни Мёллер пишет все-таки сказку, хоть и современную.

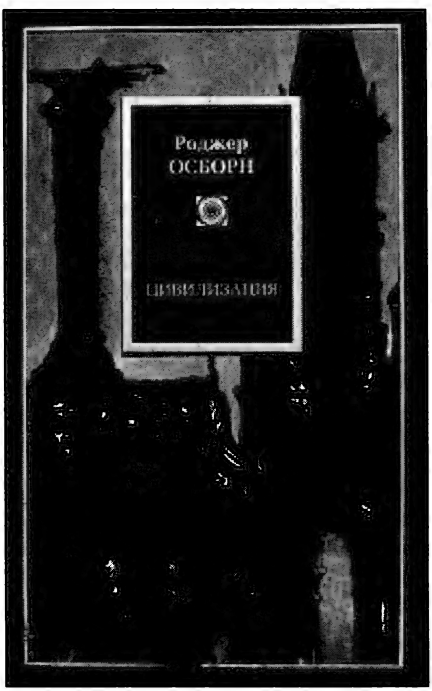
Информация к размышлению

Non-fiction

с Алексеем Михеевым

В середине 90-х, когда в наших домах стали привычными персональные компьютеры, многие "подсели" на стратегическую игру Сида Мейера "Цивилизация". Игрок выбирал себе нацию (русских, французов, зулусов, вавилонян...), ее представители попадали в некую точку на географической карте и начинали осваивать окружающую территорию. Они могли прокладывать дороги, основывать города, учреждая в них ту или иную социальную структуру, и развивать научные исследования, разрабатывая, соответственно, более эффективные технологические способы освоения мира (например, в прибрежных городах можно было строить флот и использовать его для завоевания новых территорий – вначале вдоль прибрежной линии, а затем и пересекая моря в поисках иных берегов). Параллельно на Земле развивались и другие нации: открывая новые территории, игрок то и дело "набредал" на чужие города, и тогда нужно было либо вступать в военный конфликт, либо вести переговоры и откупаться от нации-конкурента, делясь либо ресурсами, либо научным знанием. Соответственно, собственные города игрока также периодически подвергались нападениям противников, и поэтому одной из главных составляющих правильной стратегии было развитие все более совершенных видов оружия. Игра могла продолжаться несколько веков: от "первобытной" эпохи вплоть до наступления современной, атомно-космической эры. Игрок терпел поражение, если терял все свои города, и побеждал в игре, если завоевывал все города своих противников, становясь единственным хозяином Земли. Впрочем, глобальная военная победа была не единственным положительным исходом: предусматривался и вполне миролюбивый, более "цивилизованный" вариант выигрыша, при котором игрок, вместо того чтобы сбрасывать атомные бомбы на чужие города, строил межпланетный космический корабль и отправлялся бороздить просторы Вселенной.

Игравшие в ту "Цивилизацию" наверняка вспомнят ее, читая вышедшую в 2006 году книгу **Роджера Осборна** *Цивилизация. Новая история Западного мира* (Перевод с английского **М. Колопотина**. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008).



За предоставленные для обзора книги автор благодарит магазин "Фаланстер".

Подзаголовок ее не вполне точен: здесь нет какой-либо особой "новой истории" — в смысле новых исторических открытий; все изложенные в книге факты нам так или иначе известны. Новизна тут иного рода: автор подвергает ревизии (а точнее, критическому анализу) ту современную концептуальную рамку, в которую эти факты нами помещаются. Вот некие вехи, еще со школьных лет усваиваемые нами как аксиомы: существует некий основной, "правильный", путь развития цивилизации (да и под самой "цивилизацией" понимается прежде всего Запад); ее "колыбелью" является античность; могучая Римская империя была разрушена ордами варваров; мрачное Средневековье сменилось эпохой Возрождения, а затем наступил век Просвещения, после чего человечество окончательно встало на позитивный путь прогресса, неуклонно развиваясь к лучшему в соответствии с идеалами гуманизма, чему способствуют успехи в точных науках, позволяющие совершать все новые и новые открытия и все глубже и лучше познавать законы объективной реальности.

Все не совсем так, утверждает Роджер Осборн. Развитие цивилизации выглядит таким образом лишь потому, что именно так мы сами его ретроспективно "нарисовали". И в этом способе представления истории субъективизма значительно больше, чем "объективности": тем более что выстроена эта конструкция "изнутри", самими представителями цивилизации Запада. И если даже в формальных системах типа математики, как показал Курт Гёдель, невозможно внутри самой системы доказать истинность и непротиворечивость всех ее положений, то что уж говорить о более чем "неформальной" истории: здесь объективности можно достичь лишь глядя "извне". Впрочем, и при этом об объективности говорить не приходится. В терминах "Цивилизации" Сида Мейера — за какую бы "команду" (немцев, китайцев или египтян) мы ни играли, "объективную" картину развития всего земного шара все равно увидеть невозможно.

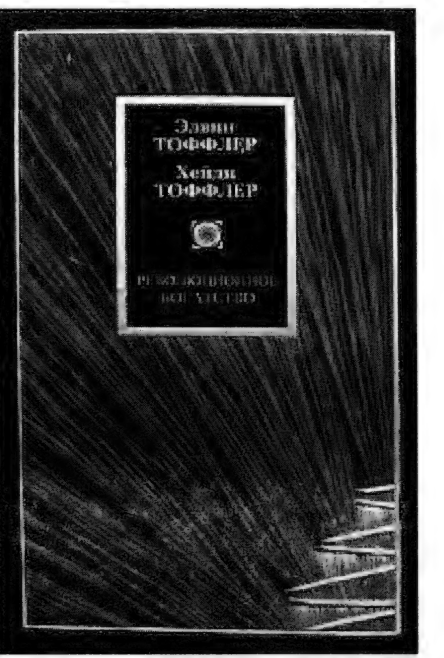
На это, безусловно, можно возразить, что успехи современной науки как раз и позволяют достичь "объективности" — ведь, используя исторические источники, мы можем взглянуть на историю именно "извне" (из настоящего в прошлое и из нашей цивилизации — в другие). Однако Осборн опровергает и такой подход. Анализ исторических источников предполагает, что такие источники прежде всего *есть*; однако это далеко не так. Историков, пишет Осборн, *бесконечно влечет период с XVI по XVIII век – период, непосредственно следующий за распространением в Европе и остальном мире наборного книгопечатания. Эти столетия хранят массу неисследованного: официальные документы, личные письма, муниципальные учетные книги, а также безвестные политические памфлеты и периодические листки.* И напротив, *в XV веке и дальше в глубь истории документы, наоборот, слишком редки и в основном ограничиваются делами официальными; содержание жизни масс приходится вычислять с помощью искусной интерполяции скудного материала, и здесь шанс набрести на нечто новое близок к нулю.* Иначе говоря, историки предпочитают искать под фонарем, потому что там светло; там же, где темно (т. е. источников мало), там, соответственно, располагаются "темные века" или "мрачное Средневековье". По этой же причине для градации исторических эпох широко (можно даже сказать, непомерно широко) используется искусствоведение: ведь анализировать эволюцию художественных стилей по сохранившимся в больших количествах живописным полотнам куда легче, чем заниматься тем самым вычислением *содержания жизни масс*. Вот и не повезло кельтам или этрускам: живописи не оставили, да и с историческими источниками как-то туго — соответственно, и место в развитии цивилизации им отведено периферийное.

А уж *30 тысяч лет доисторического существования Европы особенно уязвимы перед нашей потребностью категоризировать, упорядочивать, осмысливать и объяснять*. И жертвой этой склонности категоризировать оказался *изобре-*

тенный в XIX веке пещерный человек, представления о котором (шкура на бедрах, топор в руке) являются не более чем результатом современных визуальных фантазий. Здесь "источниками" служат лишь археологические находки, однако, как пишет Осборн, *сейчас существует понимание, что нельзя датировать артефакт просто на основании его внешнего вида или определить "развитость" группы на основании орудий, которые она использовала, и в свете этого понимания идея всеобщих законов технологического прогресса представляется все более и более сомнительной.*

Однако еще более сокрушительный крах идея прогресса потерпела уже практически на наших глазах, в современной истории. Еще каких-то сто лет назад лучшие умы Запада считали, что наступает эпоха мира и благополучия, в которой уже не будет места войнам: просвещенный гуманизм позволит всем врагам договориться, а здравый смысл не допустит практического применения новых, бесчеловечных видов оружия. Но уже следующие полвека развеяли эти иллюзии в дым, причем самые страшные события двух разрушительных мировых войн произошли именно в Европе — то есть в сердце той самой, идущей в авангарде прогресса цивилизации. В корне *пережитой нами антропогенной катастрофы* лежала *фундаментальная вера западной цивилизации в возможность разумного переустройства мира к всеобщему благу.* Тем не менее, пишет Осборн, *многие из нас по-прежнему считают, что у Запада есть священный долг, который состоит в распространении его прямолинейных, универсалистских, "прогрессивных" методов правления, хозяйствования, образования, поддержания порядка, правосудия и нравственности – в том, чтобы сделать их принадлежностью каждого сообщества и каждого государства на планете.*

К числу этих *многих* можно отнести и **Элвина Тоффлера** — американского философа-футуролога, известного нашим читателям прежде всего по книгам, названия которых стали практически нарицательными: "Шок будущего" и "Третья волна". В 2006 году он (совместно с **Хейди Тоффлер**) выпустил книгу *Революционное богатство*, которую теперь мы можем прочесть в переводе **М. Султановой** и **Н. Цыркун** (М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ПРОФИЗДАТ, 2008). Тоффлер снова и снова пропагандирует идею "постиндустриального" общества, в которое постепенно трансформируется общество традиционного, "индустриального" капитализма. "Постиндустриальная" экономика станет "интеллектуальной", управляемой разумом; соответственно, неизмеримо возрастет и роль знаний — *по мере того, как все больше и больше стран мира подключаются к глобальному мозговому банку, который постоянно растет, постоянно меняется и становится все более доступным.*



"Революционное богатство" — это одно из ключевых понятий для описания так называемой экономики знаний. Впрочем, четкого определения этого понятия в книге найти не удается: авторы глубокомысленно рассуждают и о том, что *революция* может быть не только политической, и о том, что *богатство* может измеряться не только деньгами, и о том, что *"система богатства"*

...является лишь одним из компонентов более крупной макросистемы; вместе эти компоненты *образуют цивилизацию или образ жизни, примерно совпадающие с системой богатства.* Прочитав несколько страниц такого текста, понимаешь, что Тоффлеры – это мастера интеллектуальной эквилибристики, ставящие рядом фразы, правильные по сути, но никак не желающие складываться в единую и логичную картинку.

В мире становится все больше информации. *Индустриализм загрязнил землю.* Экономический прогресс ускоряется; *акселерация включила ультраскорость. Матримониальные службы XXI века предлагают "скоростные свидания".* И т. д., и т. п. Что же из этого следует? Следует жить: шить сарафаны и легкие платья из ситца.

Справедливости ради стоит сказать, что у Тоффлеров встречаются действительно меткие конкретные наблюдения и выводы, фиксирующие конкретные изменения быстро меняющегося мира. Главное изобретение этой книги: термин *протребление*, составленный из "производства" и потребления". Определение его тоже довольно расплывчато, но можно понять, что авторы имеют в виду те виды деятельности, за которые человек не получает денежного вознаграждения, но которые тем не менее являются экономически значимыми: от личного ухода за престарелыми родителями до бескорыстного выкладывания материалов в Интернете. Тоффлеры считают, что доля такой "немонетарной" экономики будет неуклонно повышаться (а мы-то ругали тимуровцев за "совок" и хвалили мальчиков, навязчиво моющих окна машин на перекрестках, за "предприимчивость").

К несчастью для футурологов, результаты их работы могут быть достаточно быстро верифицированы. В "Революционном богатстве" Тоффлеры прогнозируют, что в скором времени миру угрожает кризис. Причем наиболее вероятно, что начнется он в Китае и будет связан с эпидемией неизвестной до сего времени болезни. Похоже, что писались эти страницы во время тревог по поводу распространения так называемой атипичной пневмонии. Ну и? Кто сейчас помнит о той пневмонии? И откуда в мир пришел кризис? Нет, долгосрочные прогнозы (лет эдак на сто) все-таки надежнее.

Еще один алармистский прогноз можно найти в книге американского суперконсерватора **Патрика Бьюкенена** *На краю гибели* (Перевод с английского **М. Башкатова**. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008). Гибель грозит самому существованию традиционной Америки, основанной белыми европейцами-протестантами (по преимуществу англоязычными). Сейчас Америка стремительно движется к тому, чтобы стать испаноязычной. Миллионы нелегальных иммигрантов пробираются на Север из Мексики, заселяют южные штаты (которые в свое время Америка у Мексики отвоевала), занимают рабочие места, пользуются социальными пособиями и медицинской помощью (что ложится дополнительным бременем на налогоплательщиков всей страны), но при этом не хотят асси-

милироваться. По причине чего Бьюкенен отчаянно пытается пробить идею строительства по всей границе Мексики гигантской заградительной стены, которая бы положила всему этому конец. Одиозное российское "Движение против нелегальной иммиграции" на этом фоне выглядит просто-таки образцом толерантности. Впрочем, Бьюкенен знает, что у него есть единомышленники во всем мире, в том числе и в России: так, он не забывает сочувственно упомянуть об успехе на прошлых парламентских выборах партии "Родина"...

Вышли все эти три книги в одной серии, которую издатели назвали "Philosophy". Почему под одной "шапкой" оказались история, футурология и публицистика, можно только гадать. Может быть, важно то, что все они переводные (и поэтому название серии пишется латиницей)? Да нет, недавно в той же серии опубликован вполне отечественный "философ" Михаил Веллер... Эх, неисповедима ты, издательская политика!

По материалам зарубежной прессы

New European Poets Edited by Wayne Miller, Kevin Prufer. – Saint Paul: Graywolf Press, 2008, 352 p.

Заметным явлением в литературной жизни США 2008 года стал выход антологии "Новые европейские поэты". В книгу вошли произведения 270 поэтов из всех стран Европы; в сборнике представлены как "большие" литературы – французская, испанская, русская, – так и стихи на языках малых наций, например, македонском или боснийском, и языках национальных меньшинств – таких, как саамский или баскский. Составители Уэйн Миллер и Кевин Пруфер отобрали тексты для книги в сотрудничестве с несколькими десятками издательств разных стран; все поэты, чьи стихотворения вошли в антологию, впервые опубликовались после 1970 года.

Американские обозреватели отмечают не только чисто количественные достижения составителей, но и репрезентативность подборки: перед англоязычным читателем разворачивается полная и достоверная картина литературной жизни всего континента. В рецензии на страницах "Паблишерз уикли" подчеркивается, что У. Миллер и К. Пруфер позаботились о том, чтобы включить в книгу произведения разных жанров (включая стихотворения в прозе) и стилей, "от сюрреализма до гиперреализма". Еще одно достоинство сборника, по мнению критиков, – политическая ангажированность авторов. Выбранные для публикации стихи "описывают десятилетия политических потрясений по всей Европе", показывая читателю, сколь неравнодушны к окружающим их событиям "новые европейские поэты".

Paolo Giordano *La solitudine dei numeri primi*. – Milano: Mondadori, 2008, 304 p.

"Одиночество простых чисел" – дебютный роман итальянского писателя Паоло Джордано – вышел в 2008 году, сразу став литературной сенсацией года, и до сих пор возглавляет список бестселлеров по версии газеты "Стампа" и издательских домов "Мондадори" и "Фельтринелли", а его автор удостоен премии "Стрега", самой престижной литературной премии в Италии.

"Одиночество простых чисел" – история жизни девочки Аличе и мальчика Маттиа, чьи судьбы неожиданным образом переплетаются. Аличе заблудилась в горах во время катания на лыжах и получила травму, в результате которой осталась на всю жизнь хромой. Одаренный Маттиа всю жизнь стеснялся своей отстающей сестры-близняшки Микеллы. Когда одноклассники впервые приглашают его на вечеринку, Маттиа оставляет Микеллу в парке, пообещав вернуться за ней. Но она бесследно исчезает. Эти события навсегда меняют жизнь каждого из них, а душевная травма дает о себе знать и годы спустя. Аличе и Маттиа знакомятся в лицее, и между ними устанавливается странная связь: они все время вместе, но существуют как бы параллельно, не сближаясь друг с другом. В многочисленных интервью Паоло Джордано, физик по образованию, подчеркивает, что название романа выбрано неслучайно, и отсылает читателя к математике. Автор сравнивает своих героев с так называемыми простыми числами, которые всегда рядом, но отделены друг от друга еще одним числом.

Обозреватель Лоренцо Мондо на страницах "Стампа" отмечает точный, почти научный подход Джордано к проблеме одиночества: "Иногда создается впечатление, что книга написана для того, чтобы подтвердить математическую аксиому".

Несмотря на то, что книга является первой пробой пера Джордано, критики, в частности, Кристина Тальетти в своей рецензии для "Корьере делла сера", высоко оценивают оригинальный зрелый стиль писателя и точность описания, которые позволили ему вскрыть все нюансы отношений между героями.

MARGARET ATWOOD *Payback: Debt and the Shadow Side of Wealth.* — Toronto: House of Anansi Press, 2008, 280 p.

В ноябре ушедшего года канадская писательница и драматург Маргарет Этвуд была удостоена права прочитать по радио ежегодные лекции памяти генерал-губернатора Винсента Мэсси, являющиеся значительным событием в общественной и культурной жизни Канады. Темой для своих выступлений М. Этвуд избрала понятие долга — причем не только нравственного, но и финансового. Лекции были сразу же изданы (вместе с несколькими написанными ранее эссе и статьями) в книге под названием "Расплата: долг и теневая сторона богатства". В разгар мирового кризиса, разразившегося не в последнюю очередь из-за падения кредитной системы, лекции неожиданным образом оказались в высшей степени актуальны, утверждает английский журнал "Экономист".

По оценкам критиков, М. Этвуд со своей задачей справилась. В ее лекциях освещены и чисто экономическая природа отношений должника и кредитора, и моральные аспекты проблемы долга, и обязательства перед собой, своими ближними и перед высшими силами, и история понятия "долг" — в том числе и как литературного мотива. На страницах книги фигурируют и книги Диккенса, и трагедии Эсхила, и труды Дарвина. Кроме того, как отмечает "Экономист", стиль лекций и статей М. Этвуд точный, легкий и непринужденный, отчего читать "Расплату" интересно любому.

PATRICK FRENCH *The World Is What It Is: The Authorized Biography of V. S. Naipaul.* — New Delhi: Picador India, 2008, 555 p.

В 2008 году был опубликован первый том объемной биографии В. С. Найпола "Мир таков, каков он есть", написанный журналистом и критиком Патриком Френчем, уже не раз обращавшимся к индийской тематике; ему принадлежит, в частности, жизнеописание Махатмы Ганди под названием "Свобода или смерть". На страницах индийского книжного обозрения "Библио" критик Нандини Лал несколько лет назад интервьюировала биографа Найпола. На вопрос, как можно соблюдать объективность, рассказывая о таком ранимом и несдержанном человеке, как Видиа Найпол, Патрик Френч ответил, что второй том "непременно издаст посмертно — чтобы Найпол уже никак не смог закатить скандал по этому поводу".

Тем не менее, судя по оценкам критиков, биограф с этой задачей справился, и ему нет нужды прибегать к подобным экстраординарным мерам. Об объеме проделанной работы свидетельствует, например, тот факт, что П. Френч изучил хранящиеся в архивах дневники первой жены писателя, которые В. С. Найпол никогда не читал. Семейной жизни Найпола в книге уделено особое внимание, хотя и сам Видиа Найпол никогда не делал тайны из своих взаимоотношений с женщинами.

В итоге, как пишет Н. Лал, получилась образцовая биография — "ни житие святого, ни обличительный памфлет. Это не сухой академический трактат и не бесцеремонная скандальная заметка. Найдется немного биографий, от которых так же трудно оторваться".

MARIO VARGAS LLOSA *El viaje a la ficción. El mundo de Juan Carlos Onetti.* — Madrid: Alfaguara, 2008, 248 p.

Проблема взаимоотношений писателя и диктатуры в высшей степени актуальна для литератур Латинской Америки. В вышедшей в 2008 году биографии уругвайского писателя, классика XX века Хуана Карлоса Онетти "Путь к вымыслу" этой проблеме также отводится внимание, ведь Онетти эмигрировал из страны с началом тяжелейшего кризиса 70-х, приведшего к власти хунту.

Однако эта тема не единственная, поскольку автор книги — знаменитый перуанский прозаик и эссеист Марио Варгас Льоса, близко знавший Онетти, который стал для него старшим товарищем. Поэтому перед читателем не столько фактографическое описание, сколько свободное эссе, материалом для которого стали воспоминания Льосы об уругвайском мастере. Как отмечают критики, для Льосы Онетти — в первую очередь художник слова, и он показывает, что значение Онетти для уругвайской словесности состоит не только и не столько в его гражданской позиции, сколько в чисто литературных достоинствах его книг — оригинальном мировоззрении писателя, уникальном стиле и характерных героях. Эти герои не удовлетворены действительностью и жаждут найти дорогу в иной мир, проложить тот самый "путь к вымыслу".

Романы Хуана Карлоса Онетти отличались печальным настроением, но в жизни писатель был не чужд оптимизма, имел свои причуды и неизменно оставался остроумен. Так, говорится в книге, однажды он заметил, что для серьезного и дисциплинированного Льосы литература — жена, а для него самого — любовница.

Подготовили Е. ЗАХАРОВА, И. МОКИН

GRISÉLIDIS RÉAL *Suis-je encore vivante? Journal de prison* — P.: Verticales, 2008, 204 p.

В десятку лучших произведений французского литературно-критического издания "Кензен литтерер" в очередной раз попадает дневник женщины, на двери которой значилось "Госпожа Гризелидис Реаль: художница, писательница, проститутка". Швейцарка Гризелидис Реаль (1929—2005) и в самом деле приобрела широкую известность в трех перечисленных качествах: выучившись на художницу в Цюрихе, она писала и продавала картины, однако зарабатывать на жизнь предпочла "самым древним в мире ремеслом", ставшим главной темой ее литературного творчества. В 1974 году об одном из своих клиентов — афроамериканце, которому она родила двоих детей, — Реаль сочинила роман ("Черный — это цвет") и прославилась. Пожалуй, единственное не удавшееся Гризелидис дело — распространение наркотиков: в 1963 году за продажу марихуаны она попала в одиночную камеру женской тюрьмы в Мюнхене, где и начала вести "Дневник" под названием: "Я все еще жива?" Записи она делала по-французски на клочках бумаги и прятала их. Из этих записей можно узнать многое: например, каким мучениям подвергали в Германии заключенных ("охранники постоянно орут на нас, выдумывают различные наказания — и все это доставляет им какое-то животное удовольствие... каждое утро они выгоняют нас на прогулку, словно свору собак"); как в тюрьме лечат зубы без анестезии; как тяжело бороться с искушением покончить с собой. Чтобы не наложить на себя руки, Гризелидис жадно читает книги из тюремной библиотеки, учится рисовать шариковой ручкой (одна из картин тюремного периода — автопортрет, сделанный синей пастой двух оттенков, — воспроизведена на обложке немецкого издания "Дневника"); каждый вечер устраивает себе "кино", разглядывая в окно камеры прохожих на улице. По мнению обозре-

вателя "Кензен литтерер", этот текст можно воспринимать и как хронику, и как свидетельство, но самое ценное в нем – пример интеллектуального и духовного сопротивления обстоятельствам, который сама Гризелидис использовала всю дальнейшую жизнь в борьбе за право женщин и мужчин, практикующих проституцию. Неудивительно, что созданная ею ассоциация по защите прав проституток, названная в честь любовницы Перикла Аспасии, действует по сей день (сайт организации http://www.aspasie.ch).

MARC ANGENOT *Dialogues de sourds. Traité de rhétorique antilogique.* – P: Fayard, 2008, 450 p.

Профессор Монреальского университета Марк Анжено начал исследовать различные социальные дискурсы – от политических дебатов до разговоров на кухне – в 1988 году, а в 2008-м подвел своеобразный итог научным изысканиям: написал книгу "Диалог глухих. Трактат о нелогичной риторике".

В интервью "Радио Монреаль" (которое можно послушать здесь: http://www.publications-universitaires.qc.ca/?p=44) Марк Анжено рассказал, что в книге постарался ответить, почему даже в честном споре, цель которого – выяснить, чьи аргументы сильнее, людям редко удается переубедить друг друга; что такое аргументы ad hominem и как они используются в современной политике и рекламе; какие бывают типы человеческого сознания (например, в последнее время особенно распространен "параноидальный" тип: когда человек, сталкиваясь с явлениями сегодняшней жизни, которым не может найти объяснение, начинает верить в существование того или иного заговора) и как тип сознания влияет на стратегию ведения диалога.

Французское издание "Монд де ливр" назвало Марка Анжено радикальным интеллектуалом, который "классическим схемам изучения риторики противопоставил исторический метод, то есть сосредоточил свое внимание на том, какие 'способы говорения' функционировали в определенном обществе в определенную эпоху". Так, во Франции 1889 года (во время парижской Всемирной выставки), согласно исследователю, основными темами различных дискурсов (будь то письма, журналы, газеты или художественные произведения) являлись фетиши (Родина и Наука), табу (секс) и навязчивые идеи (евреи): "разве что анархические журналы выбивались из этого стройного, заглушающего остальные голоса, хора". В завершении подробного критического обзора книги "Диалог глухих" французское издание выражает надежду, что отныне метрополия будет уделять больше внимания трудам монреальского ученого.

PHILIPPE CHARDIN *Le méchant vieux temps.* – P.: Jacqueline Chambon, 2008, 120 p.

Герой вышедшего в августе прошлого года романа французского писателя Филиппа Шардена (р. 1948), специалиста по Прусту, исследует время, но время не "утраченное" и даже не "старое доброе", а "злое". Новый роман Шардена так и называется "Старые злые времена". Объектом исследования становятся его лицейские друзья, которым в 60-х было по двадцать лет, а теперь они собрались под каштанами на очередную встречу выпускников. Предмет исследования – влияние времени на мужчин и женщин. Результат вполне предсказуем: оказывается, что на таких встречах молодость вспоминают лишь первые полчаса, а затем принимаются за дело гораздо более интересное – отыскивают на лицах друзей признаки старения, причем старения своего собственного. Зачем? Чтобы утратить последние иллюзии. Ибо самые большие надежды так и не получилось реализовать, а самые радикальные убеждения не прошли испытания временем. Оказывается, что в людях не меняются только чувства. Много лет назад главный герой был влюблен в Адели-

ну, а она предпочла ему другого одноклассника, и тогда отвергнутый решил поехать в Нормандию и броситься там с одной из скал в Этрета... Но теперешняя, постаревшая Аделина совершенно ему не нравится, однако он по-прежнему ревнует ее к некогда счастливому сопернику, который таковым уже давно не является. Так, по мнению издателя, этот иронично написанный роман удачно иллюстрирует утверждение Пруста, согласно которому ревновать можно, даже не любя. А заведующий отделом культуры в "Нувель обсерватёр" Жером Гарсен считает, что "в этой блестяще написанной книге каждый узнает самого себя".

Подготовила А. Лешневская

Ana María Matute *El paraíso inhabitado.* – Barcelona: Destino, 2008, 396 p.

"Возможно, детство длится дольше, чем жизнь" – эту фразу любит повторять в своих интервью испанская писательница Ана Мария Матуте, два раза становившаяся лауреатом Национальной премии по литературе (в 1959-м и 1984-м). В декабре прошлого года Матуте выпустила новую книгу "Необитаемый рай". По признанию автора, в этом романе – во многом автобиографичном – отразились ее детские и юношеские воспоминания о Гражданской войне и франкистской диктатуре – эпохе, когда "каждую минуту мы были готовы проститься со всем, что нас окружало".

История двенадцатилетней Адрианы, во время войны оставшейся одинокой, совершенно беспомощной перед лицом "взрослой" жизни, рассказана в неповторимой манере Матуте. Натуралистически описывая мир, полный насилия и бессмысленной жестокости, она преобразовывает его с помощью мечты. Такой способ защиты от реальности особенно понятен детям и тем, кто не утратил способности смотреть на происходящее глазами ребенка. Так, воображение и память, наиболее важные для творчества Матуте категории, становятся спасением и для маленькой Адрианы: с пяти лет она начинает записывать то, что происходит вокруг нее, своей фантазией преображая действительность.

Писательница, восемь лет хранившая молчание, называет "Необитаемый рай" своей последней книгой. Сейчас автора хорошо известных русскому читателю романов "Мертвые сыновья" и "Король Зеннов" беспокоит, как воспримут ее новое произведение читатели и критики. "Если его осудят, я уйду из этого мира в плохом настроении", – шутит она.

Подготовила Е. Полетаева

Бен Элтон
Ben Elton
[р. 1959]. Английский прозаик, сценарист, комедиограф.

Автор романов *Звонок из прошлого* [*Blast from the Past*, 1998; рус. перев. 2002], *Непостижимый* [*Inconceivable*, 1999; в рус. перев. *Все возможно, детка*, 2004], *Мертвые знаменитости* [*Dead Famous*, 2001; в рус. перев. *Смерть за стеклом*, 2008], *Первая жертва* [*The First Casualty*, 2005; рус. перев. 2009].
Текст публикуется по изданию *Blind Faith* [Bantam Press, 2007].

Матей Вишнек
Matei Vişniec
[р. 1956]. Румынский драматург, поэт, прозаик. В 1993 году получил второе гражданство – французское. Пишет по-французски и по-румынски. Лауреат многих премий, в том числе премий Союза писателей Румынии [1991, 1998, 2002, 2007], призер Авиньонского театрального фестиваля [1996, 2008].

Автор двух десятков пьес, среди которых: *История медведей-панда, рассказанная саксофонистом, у которого есть подружка во Франкфурте* [*L'histoire des ours panda racontée par un saxophoniste qui a une petite amie à Francfort*, 1994], *Последний Годо* [*Ultimul Godot*, 1996], *О женском теле как поле битвы в боснийской войне* [*Du sexe de la femme comme champ de bataille dans la guerre en Bosnie*, 1997], *История коммунизма в пересказе для душевнобольных* [*L'histoire du communisme racontée aux malades mentaux*, 2000], *Механизм "Чехов"* [*La machine Tchekhov*, 2005], *Ричард III запрещается, или Сцены из жизни Мейерхольда* [*Richard III n'aura pas lieu, ou scènes de la vie de Mayerhold*, 2005], *Слово "прогресс" в устах матери звучит фальшиво до ужаса* [*Le mot progrès dans la bouche de ma mère sonnait terriblement faux*, 2007]. Его пьесы инсценированы в тридцати странах.
Предлагаемые сценки взяты из сборника коротких пьес, написанных по-румынски, *Считай, что ты – Бог* [*Imagineaza-ti ca esti Dumnezeu*. Paralela 45, 2008].

Тадеуш Новак
Tadeusz Nowak
[1930–1991]. Польский поэт и прозаик. Лауреат премий Владислава Броневского [1964], Станислава Пентака [1965, 1969], города Краков [1968], Министерства культуры [1971], еженедельника *Культура* [1978] и др.

Автор многих книг стихов, в том числе *Пророки уже уходят* [*Prorocy już odchodzą*, 1956], *Псалмы* [*Psalmy*, 1971], *Новые псалмы* [*Nowe psalmy*, 1978], повестей, романов *А как будешь королем, а как будешь палачом* [*A jak królem, a jak katem będziesz*, 1968], *Пророк* [*Prorok*, 1977] и др. В *ИЛ* напечатаны его стихи [1977, № 4], роман *Черти* [1975, № 3–4], рассказы из книги *Побасенки* [1980, № 11] и др. Стихи взяты из книг *Избранные стихи* [*Wiersze wybrane*. Kraków: Wydawnictwo literackie, 1963] и *Новые псалмы* [*Nowe Psalmy*. Warszawa: Czytelnik, 1978].

Томас Венцлова
[р. 1937]. Литовский поэт, переводчик, литературовед. Выслан из СССР в 1977-м. С 1985-го профессор Йельского университета, преподаватель русской поэзии XIX и XX веков, польской литературы и литовского языка. Лауреат *Национальной премии*

Переводил на литовский язык стихи А. Ахматовой, О. Мандельштама, Л. Пастернака, В. Хлебникова, Ц. К. Норвида, Ч. Милоша и др. Автор книг *Неустойчивое равновесие: восемь русских поэтических текстов* [New Haven: YCIAS, 1986], *Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе* [Vilnius: Baltos lankos, 1997], *Гранёный воздух. Стихотворения* [М.: ОГИ, Дом Юргиса Балтрушайтиса, 2002], *Статьи о Бродском* [М.: Baltrus, Новое издательство, 2005], *Негатив белизны. Стихи разных лет* [М.: Новое издательство, 2008] и др.

в области культуры и искусства [2000], Ятвяжской премии. *Поэтическая осень в Друскининкае* [2005], премии *Балтийская звезда* [2008].

Владислав Отрошенко [р. 1959]. Прозаик, член Русского ПЕН-центра и Союза российских писателей. Лауреат премий *Антиада* [1996], журнала *Октябрь* [1999], *Ясная Поляна* [2003], литературной премии Италии *Гринцане Кавур* [2004], Горьковской литературной премии [2006] и др.

Автор книг *Пасхальные хокку* [1991], *Веди меня, слепец* [1994; 2007], *Персона вне достоверности* [2000; 2005], *Двор прадеда Гриши* [2004], *Тайная история творений* [2005], *Приложение к фотоальбому* [2007], *Дело об инженерском городе* [2008]. Произведения писателя переведены и опубликованы в Австрии, Венгрии, Германии, Италии, Китае, Литве, Сербии, Словакии, США, Эстонии.
В *ИЛ* публикуется впервые.

Вера Владимировна Калмыкова Поэт, филолог, кандидат филологических наук. Главный редактор издательства *Русский импульс*.

Автор поэтической книги *Первый сборник* [2002], книг по истории искусства и истории литературы, в том числе *Венецианская живопись XV–XVI вв.* [Белый город, 2008], *XIX век. Национальные школы* [в соавторстве с В. Темкиным; Белый город, 2008], принимает участие в издании словарей, энциклопедий и других справочных изданий по вопросам теории и истории литературы. Постоянно печатается в журналах *Нева*, *Октябрь*, *Юный художник*, в одесском альманахе *Дерибасовская–Ришельевская* и др.

Александра Константиновна Осина Филолог, специалист по английской литературе XVI века, переводчик с английского.

Ее стихи, переводы и рецензии публиковались в альманахе *Новая Юность*, журнале *Вопросы литературы*, литературно-художественном журнале *Стороны света*. В *ИЛ* публикуется впервые.

Михаил Яковлевич Визель [р. 1970]. Книжный обозреватель, музыкальный критик, колумнист, издатель, переводчик с итальянского.

Создатель интернет-проекта *Невидимые города on-line* по роману Итало Кальвино [calvino.lib.ru]. В его переводе вышли два романа Дж. Куликкьи и сборник газетных заметок У. Эко.
В *ИЛ* напечатан его перевод рассказа Тонделли *Тоже либертины* [2008, № 11]. Постоянный ведущий рубрики *У книжной витрины*.

Алексей Васильевич Михеев [р. 1953]. Кандидат филологических наук. Лауреат премии *Человек книги* в номинации *Редактор* [2004].

В его переводе с польского напечатаны пьеса С. Мрожека *Портной* [*Суфлер*, 1995, № 4] и повесть Г. Херлинга-Грудзинского *Белая ночь любви* [*ИЛ*, 2000, № 8]. В *ИЛ* также неоднократно публиковались его статьи. Постоянный ведущий рубрики *Информация к размышлению*.

Екатерина Захарова
Студентка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Автор заметок в рубрике *По материалам зарубежной прессы.*

Игорь Викторович Мокин
[р. 1986]. Переводчик с английского и скандинавских языков, преподаватель. Аспирант филологического факультета МГУ.

В *ИЛ* опубликован его перевод рассказа Р. О. Фримена *Послание со дна моря* [2008, № 1] и фрагментов книги Д. Рескина *Современные художники* [2009, № 1].

Александра Юрьевна Лешневская
Переводчик с французского и английского языков. Аспирант ИВГИ РГГУ.

В *ИЛ* опубликованы ее статьи *Три "Гранде"* [2008, № 4], *"Казнить нельзя помиловать"* [2008, № 12] и перевод фрагмента пьесы *Обратная сторона Луны* Робера Лепажа [2008, № 11].

Евгения Александровна Полетаева
Литературовед-испанист, преподаватель кафедры романской филологии РГГУ, аспирант кафедры сравнительной истории литератур РГГУ.

Специалист по европейской средневековой литературе, автор статьи *Функция авантюры в испанском рыцарском романе* [Вестник РГГУ, 2009, № 2]. Автор заметок в рубрике *По материалам зарубежной прессы.*

Переводчики

Владимир Олегович Бабков
[р. 1961]. Переводчик с английского, лауреат премий *ИЛ* [1991], *Инолит* [1995] и *Единорог и Лев* [2007].

В его переводе выходили произведения Т. Вулфа, О. Хаксли, Дж. Барнса, П. Акройда, Г. Свифта, В. Найпола, Р. Шекли и др. В *ИЛ* опубликованы его переводы повести О. Хаксли *Гений и богиня* [1991, № 5], романов О. Хаксли *Через много лет* [1993, № 4], Дж. Барнса *История мира в 10 1/2 главах* [1994, № 1], В. С. Найпола *Полужизнь* [2003, № 5], глав из романа Т. Вулфа *О времени и о реке* [2004, № 7] и др.

Анастасия Анатольевна Старостина
Переводчик с румынского. Лауреат премии *ИЛ* [1985] и премии Союза писателей Румынии [1990].

В ее переводах опубликованы два сборника Аны Бландианы *Стихотворения, рассказы, эссе* [1987] и *После смерти, наутро...* [2007], книги М. Элиаде *Под тенью лилии* [1996] и *Мемуары* [2008] и др.; под ее редакцией вышел трехтомник М. Элиаде *История веры и религиозных идей* [2001—2003; 2008]. В *ИЛ* напечатаны ее переводы рассказов Э. Урикару [1982, № 3], Б. Хорасанджана [1988, № 3], рассказов и эссе А. Бландианы [1985, №3; 1990, № 6; 2006, № 6], романа М. Элиаде *Девица Кристина* [1992, № 3], стихов К. Абэлуцэ [2004, № 6]; ею подготовлен литературный гид *Мирча Элиаде: Одиссей в лабиринте* [1999, № 4].

Анатолий Михайлович Гелескул
[р. 1934]. Переводчик с испанского, португальского, французского, польского языков. Лауреат премий *ИЛ* [1993], *Иноли́ттл* [1995], *ИЛлюминатор* [2001], *Мастер* [2007].

В его переводе публиковались стихи испанских поэтов Х. Р. Хименеса, А. Мачадо, Ф. Гарсиа Лорки и др.; польских — А. Мицкевича, Б. Лесьмяна, Л. Стаффа, К. К. Бачинского и др.; французских — П. Верлена, Г. Аполлинера и др. Его переводы неоднократно публиковались в *ИЛ*.

Николай Георгиевич Мельников
[р. 1970]. Литературовед, критик, кандидат филологических наук. Лауреат премии имени А. М. Зверева [2008].

Автор ряда статей и эссе по английской и американской литературе, многочисленных рецензий и интервью, редактор-составитель книг *Классик без ретуши. Литературный миф о творчестве Набокова* [2000], *Набоков о Набокове* [2002] и др. Его рецензии и статьи неоднократно публиковались в *ИЛ*.

По просьбе профессора университета Лаваля (Квебек, Канада) Александра Садецкого, чья вступительная статья к "Легендам Новой Франции" была опубликована в "ИЛ", 2008, № 11 с изменениями и сокращениями, сделанными без ведома автора, размещаем на нашем сайте (http://magaxines.russ.ru/inostran/2008/11/du25.html) оригинальный текст этой статьи.

RINET
Internet Service Provider

ИНТЕРНЕТ
ПО ВЫСОКОСКОРОСТНЫМ ВЫДЕЛЕННЫМ ЛИНИЯМ
в Центральном округе Москвы

объединенная волоконно-оптическая районная сеть RiNet в ЦАО:
• оптимальные условия подключения,
• бесплатный доступ к внутрисетевым ресурсам

В ЦЕНТРЕ СОБЫТИЙ — В ЦЕНТРЕ ГОРОДА — В ЦЕНТРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

круглосуточно:
(095) 232-1730 238-3922 916-7009.
адрес:
МОСКВА, 1-Й ХВОСТОВ пер., д. 11А.
подробности:
WWW.RINET.RU

В оформлении обложки использован фрагмент картины немецкого художника Георга Шольца [1890–1945] *Индустриальные крестьяне* [1920].

Художественное оформление и макет Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев.

Старший корректор Анна Михлина.

Компьютерный набор Евгения Ушакова, Надежда Родина.
Компьютерная верстка Вячеслав Домогацких.

Главный бухгалтер Татьяна Чистякова.
Коммерческий директор Мария Макарова.

Адрес редакции: 119017, Москва, Пятницкая ул., 41 (м. "Третьяковская", "Новокузнецкая");
телефон 953-51-47; факс 953-50-61.
e-mail inolit@rinet.ru

Подписаться на журнал можно во всех отделениях связи.
Индекс 72261 — на год, 70394 — полугодие.
Льготная подписка оформляется в редакции (понедельник, вторник, среда, четверг с 12.00 до 17.30).

Купить журнал можно:
в редакции;
в киоске "Новой газеты" (Страстной бульвар, д. 4);
в книжной лавке ВГБИЛ им. М. И. Рудомино (Николоямская ул., д. 1);
в книжном магазине клуба "Проект-О.Г.И." (Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2, вход со двора; м. Чистые пруды, Китай-город);
в книжном магазине "У Максима" (МГУ им. М.В. Ломоносова, 1-й Гуманитарный корпус; м. Университет);
в книжном магазине "Русское зарубежье" (Нижняя Радищевская, д. 2; м. Таганская-кольцевая);
в книжном магазине "Фаланстер" (Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27, стр.2-3).

Электронный дайджест журнала:
http://magazines.russ.ru/inostran
Наш блог:
http://obzor-inolit.livejournal.com

Журнал выходит один раз в месяц.

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции.

Регистрационное свидетельство № 066632 выдано 23.08.1999 г. ГК РФ по печати

Подписано в печать 15.03.2009
Формат 70x108 1/16.
Печать офсетная.
Бумага газетная.
Усл. печ. л. 26,78.
Усл. кр.-отт. 31,0.
Уч.-изд. л. 26,64.
Заказ № 204.
Тираж 6450 экз.
Отпечатано с готовых диапозитивов
ОАО "Типография "Новости",
105005, Москва,
ул. Фр. Энгельса, 46.

PERSONA
Журнал «Персона»/«Persona»

Журнал о творчестве для творческих людей

Подписка-2009
38678
Объединенный каталог «Подписка-2009» – «Пресса России»
80905
Каталог агентства «Роспечать» – «Газеты. Журналы»

Продажа в книжных магазинах, театрах и культурных центрах Москвы и РФ

Льготная подписка и продажа в редакции (возможно с доставкой)

Редакция 119019 ул. Новый Арбат, д. 21
(495) 691-20-05, 691-50-27
E-mail persona-magazine@mail.ru
www.persona-magazine.ru

---

[5] 2009

РОМАН АДАМА ТОРПА "ПРАВИЛА ПЕРСПЕКТИВЫ" / СТИХИ О ВОЙНЕ ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ / ФРАГМЕНТЫ РОМАНА ДЖОНАТАНА ЛИТТЕЛЛА "БЛАГОВОЛИТЕЛЬНИЦЫ" / РАССКАЗ АРТУРА МИЛЛЕРА "ПРЕДСТАВЛЕНИЕ" / ГЛАВА ИЗ КНИГИ УИЛЬЯМА Т. ВОЛЛМАННА "ЕВРОПА-УЗЛОВАЯ" / ГЛАВА ИЗ КНИГИ "ДВА ДНЯ С ЧЕРЧИЛЛЕМ" ЖАКА ДЮШЕНА В РУБРИКЕ "ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА"

(*роль*) **Ex** Each character was ~ed with so much grace and art. Все роли были исполнены с большим изяществом и мастерством.

NEW! **sustainability** [səˌsteɪnəˈbɪlətɪ] *n* устойчивость; устойчивое развитие; ecological / environmental ~ экологическая устойчивость, устойчивость окружающей среды *(предполагает поддержание экологической целостности и запасов природных ресурсов)*; financial ~ финансовая устойчивость; the Royal Award for S. *брит* королевская премия за устойчивое развитие *(вручается предпринимателям)*

NEW! **sustainable** [səˈsteɪnəbl] *adj* **1.** устойчивый; жизнеспособный; ~ development устойчивое развитие; ~ economic growth устойчивый экономический рост **2.** экологически рациональный; способный существовать, не нанося ущерба окружающей среде; «устойчивый»; ~ agriculture экологически рациональное сельское хозяйство, «устойчивое» сельское хозяйство; ~ forestry экологически рациональное лесопользование, «устойчивое» лесопользование; ~ use of natural resources рациональное использование природных ресурсов

sustained [səˈsteɪnd] *adj* **1.** длительный, продолжительный; непрерывный **Syn** long, protracted **2.** монотонный *(о звуке)*

sustaining [səˈsteɪnɪŋ] *adj* **1.** поддерживающий, поддерживающий; ~ power стойкость, выносливость **2.** доказывающий, подтверждающий

NEW! **sustaining program** *n амер радио* некоммерческая радиопрограмма

sustenance [ˈsʌstəns] *n* **1.** средства к существованию **2.** питание; пища **Syn** food, fare **3.** поддержание, поддержка, помощь **Syn** maintenance

sustention [səˈstenʃən] *n* поддержание *(в том же состоянии)*

sustentive [səˈstentɪv] *adj* поддерживающий; подкрепляющий

susurrant [suːˈsʌrənt] = susurrous

susurrate [ˈsuːsəreɪt] *v книжн* **1.** шептать **2.** издавать лёгкий шорох, шелест

susurration [ˌsuːsəˈreɪʃən] *n* **1.** шёпот **Syn** whisper **2.** лёгкий шорох, шелест

susurrous [suːˈsʌrəs] *adj* **1.** шепчущий **2.** шуршащий; шелестящий

susurrus [suːˈsʌrəs] = susurration

Susy [ˈsuːzɪ] *n уменьш от* Susan, Susannah Сюзи *(женское имя)*

Sutherland [ˈsʌðələnd] = Sutherlandshire

Sutherlandshire [ˈsʌðələndʃə] *n геогр* Сатерленд(шир *(графство Шотландии)*

Sutlej [ˈsʌtlɪʤ] *n геогр* Сатледж *(река на территории Пакистана, Индии, Китая)*

sutler [ˈsʌtlə] *n* маркитант **Syn** canteen keeper

NEW! ...дятся. **3.** нить для сшивания раны 4. сшивание, соединение

NEW! *v мед* накладывать швов, сшивать

SUV *сокр от* Sport Utility Vehicle внедорожник *(автомобиль повышенной проходимости, предназначенный для активного отдыха, чаще всего с приводом на все четыре колеса)*

Suva [ˈsuːvə] *n геогр* Сува *(столица государства Фиджи, юго-западная часть Тихого океана)*

suzerain [ˈsuːzəreɪn] *n* **1.** феодальный властитель, сюзерен **2.** сюзеренное государство; ~ lord правитель сюзеренного государства

suzerainty [ˈsuːzəreɪntɪ] *n* **1.** власть сюзерена **2.** сюзеренитет

SVC *буквенный код для* El Salvador colon сальвадорский колон *(денежная единица)*

svc. *сокр от* service **1.** обслуживание, сервис **2.** служба

NEW! **...lte** [svelt] *adj* стройный, гибкий *(о женщине)* **Syn** thin

Sverdlovsk [ˌsveəd'lɒfsk] *n геогр, ист* Свердловск *(название г. Екатеринбург в период с 1924 по 1991 г.), см тж* Ekaterinburg

Sverdrup Islands [ˌsveədrʊp-] *n pl геогр* острова Свердруп *(группа островов в составе Канадского Арктического архипелага)*

SVO *сокр от* subject verb object *лингв* тип языка с характерным порядком слов: подлежащее - сказуемое - прямое дополнение *(как в русском, английском), см тж* SOV

SW[1] *сокр от* short waves короткие волны

SW[2] *сокр от* southwest юго-запад

Sw. *сокр от* Sweden Швеция

swab [swɒb] **I** *n* **1.** 1) швабра, щётка **Syn** mop 2) *воен* банник *(насадка типа щётки на шомпол);* шомпол 3) помазок **2.** *мед* 1) тампон 2) мазок **3.** *мор жарг* офицерский погон **4.** 1) *презр* салага 2) *разг* матрос, моряк **Syn** sailor, gob

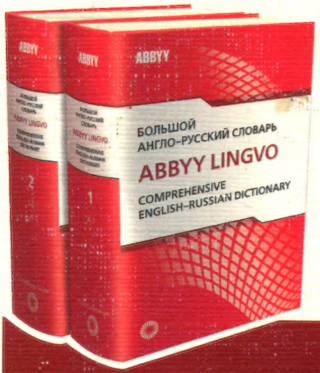
II *v* **1.** *(тж ~ down)* мыть шваброй; подтирать шваброй **Ex** Every morning, the sailors had to ~ down the deck of the ship. Каждое утро матросы должны были швабрами драить палубу на корабле. **2.** *мед* смазывать, наносить тампоном **Ex** She ~ bed the wound with iodine. Она смазала рану йодом.

swabber [ˈswɒbə] *n* **1.** юнга, драящий палубу **2.** грубый, невоспитанный, подлый человек **3.** разг увалень **Syn** clodhopper, bumpkin **4.** швабра, веник, метла

Swabia [ˈsweɪbɪə] *n геогр, ист* Швабия *(историческая область в Германии)*

swaddle [ˈswɒdl] **I** *n* = swaddling clothes

II *v* **1.** пеленать, свивать *(младенца)* **2.** *(тж ~ up)* бинтовать, забинтовывать **3.** сдержи-



Словари ABBYY Lingvo
Современный язык
Академический подход

ABBYY SOFTWARE HOUSE
www.ABBYY.ru
+7 (495) 783 3700

job@abbyy.com
Приглашаем на работу лингвистов и лексикографов

ISSN 0130-6545 09003
9 770130 654770
ISSN 0130-6545 "ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА", 2009, №3, 1-304
ИНДЕКС 70394